THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

K836
~~keyper~~

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00024004630

МОЛОДАЯ
АДВОКАТУРА

МОЛОДАЯ АДВОКАТУРА

ЯДОПОМ
АДВОКАТУРА

Fj. K836

МОЛОДАЯ АДВОКАТУРА

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ

Сборникъ рѣчей по политическимъ процессамъ

А. М. Александрова, В. В. Беренштама, Ф. А. Волькенштейна, А. К. Вольфсона, А. И. Гиллерсона, М. Л. Гольдштейна, А. С. Зарудnаго, М. И Коссовскаго, Б. П. Куликова, В. А. Маклакова, М. Л. Мандельштама, М. С. Маргулieса, Н. К. Муравьева, В. Н. Новикова, О. Я. Пергамента, П. Н. Переверзева, Н. В. Тесленка.

Книгоиздательство
„НАУКА и ЖИЗНЬ“.

THE LIBRARY
THE UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

Т-во «Екатерингофское Печатное Дѣло», СПБ., Екатерингофскій пр., 10—19.

Оглавленіе.

Стр.

Предисловіе . . . . . VII.

Итоги войны . . . . .

Процессъ адмирала Н. И. Небогатова . . . . . 3—34
Рѣчи: М. С. Маргулиеса . . . . . 4—22
Ф. А. Волькенштейна . . . . . 23—34
А. К. Вольфсона, ... 34а—34з

Вооруженныя возстанія . . . . . 35—79

Дѣло Фидлера. Рѣчь Н. В. Тесленка . . . . . 36—48
Дѣло о декабрьскомъ возстаніи
Рѣчь М. И. Коссовскаго . . . . . 49—58
Дѣло о Люботинскомъ возстаніи . . . . . 58—78
Рѣчь А. М. Александрова . . . . . 59—65
Б. П. Куликова . . . . . 66—78

Аграрные безпорядки . . . . . 79—105

Долбенкинское дѣло 81
Рѣчи В. А. Маклакова . . . . . 82—87
Н. К. Муравьева . . . . . 88—105

Погромы . . . . . 107—143

Черносотенный погромъ въ Нижнемъ-Новгородѣ . . . 109
Рѣчь Н. В. Тесленка . . . . . 110—120
Октябрьскій погромъ въ Ѳеодосіи 121
Рѣчь Б. П. Куликова . . . . . 121—132
Еврейскій погромъ въ Великихъ Лукахъ . . . . . 133—135
Рѣчь А. И. Гиллерсона . . . . . 135—143

Экспропріаціи . . . . . 145—179

Дѣло гимназиста П. Бейера 147
Рѣчь А. М. Александрова . . . . . 147—162
Дѣло анархистовъ-коммунистовъ 163
Рѣчь А. И. Гиллерсона . . . . . 163—173
Дѣло Жданова . . . . . 174.
Рѣчь М. И. Коссовскаго . . . . . 174—179

Печать передъ судомъ . . . . . **181—194**

Дѣло Л. В. Ходскаго 183
Рѣчь М. Л. Гольдштейна . . . . . 184—187
Дѣло В. Н. Розанова и А. К. Дживелегова . . . 188
Рѣчь М. Л. Мандельштама . . . . . 188—189
Дѣло Гросмана 190
Рѣчь О. Я. Перчамента . . . . . 191—194

Политическія убійства . . . . . **195—217**

Убійство студента Томашевскаго 197
Рѣчь М. С. Маргулiеса . . . . . 197—204
Политическое убійство передъ судомъ присяжныхъ засѣдателей 205
Рѣчь Ф. А. Волькенштейна . . . . . 206—217

Пропаганда . . . . . **219—240**

Дѣло Борманъ и Аничкова
Рѣчь М. Л. Мандельштама . . . . . 221—233
Дѣло 44 . . . . . 234—235
Рѣчь В. Н. Новикова . . . . . 236—240

Вооруженное сопротивленіе **241**

Якутскій процессъ 241
Рѣчи В. В. Беренштама . . . . . 243—256
А. С. Заруднаго . . . . . 257—283
Тихорѣцкое дѣло 284
Рѣчь Ф. А. Волькенштейна . . . . . 284—295
Рѣчь Жданова по дѣлу К. . . . . 296—297
Дѣло объ убійствѣ конвойнаго офицера 298
Рѣчь П. Н. Переверзева . . . . . 299—312

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Выпуская настоящій сборникъ рѣчей по политическимъ процессамъ, книгоиздательство полагаетъ, что онъ представляетъ не только спеціальный интересъ для всякаго судебнаго дѣятеля, но и имѣетъ большое общественное и историческое значеніе. Передъ читателемъ проходятъ выхваченныя изъ жизни картины великой русской драмы: Итоги Цусимскаго Боя, Московское возстаніе, захваты желѣзнодорожныхъ станцій, погромы, экспропріаціи и т. д. Эти картины представлены здѣсь не въ одностороннемъ освѣщеніи. Если тутъ нѣтъ рѣчей обвинителей, освѣщающихъ дѣло съ точки зрѣнія правительства, то картины, нарисованныя защитой, не только не теряютъ, но и выигрываютъ въ своей правдивости, какъ объективное изложеніе того кроваваго кошмара, который тяготѣетъ надъ нашей родиной.

Выражаю свою глубокую благодарность товарищамъ, отозвавшимся на мое предложеніе принять участіе въ сборникѣ, присяжнымъ повѣреннымъ: А. М. Александрову, В. В. Беренштаму, А. К. Вольфсону, Ф. А. Волькенштейну, А. И. Гиллерсону, М. Л. Гольдштейну, А. С. Зарудному, М. И. Коссовскому, Б. П. Куликову, А. В. Маклакову, М. С. Маргулiесу, М. Л. Мандельштаму, Н. К. Муравьеву, В. Н. Новикову, О. Я. Пергаменту, П. Н. Переверзеву, Н. В. Тесленкѣ.

Я обращался лично и съ письменными предложеніями къ товарищамъ: Л. Н. Андронникову, Ф. Е. Врублевскому, О. О. Грузенбергу, П. Н. Малянтовичу, Н. Д. Соколову, но къ сожалѣнію рѣчей ихъ для настоящаго сборника не получилъ, почему долженъ признать, что не по моей впрочемъ винѣ, молодая политическая адвокатура, представлена въ сборникѣ не достаточно полно. Надѣюсь, что этотъ пробѣлъ будетъ заполненъ въ слѣдующемъ изданіи книги, если таковое потребуется.

Л. И. Баронъ.

ИТОГИ ВОЙНЫ.

Процессъ адмирала Н. И. Небогатова.

Въ Ноябрѣ 1906 года въ особомъ присутствіи военно-морского суда Кронштадтскаго порта, въ Крюковскихъ казармахъ слушалось дѣло о сдачѣ непріятелю безъ боя четырехъ броненосцевъ 15-го мая 1905 года.

Обвинялъ генералъ-маіоръ Вогакъ. Защищали: бывшаго адмирала Небогатова, присяжные повѣренные Базуновъ, Маргулiесъ и Квашнинъ-Самаринъ.

Свидѣтелей—196, изъ нихъ не явилось въ судъ—50 человѣкъ.

Какъ изложено въ обвинительномъ актѣ, 15-го Мая 1905 года, около 10 часовъ утра, эскадренные броненосцы «Императоръ Николай I», «Орелъ» и броненосцы береговой обороны «Генералъ-Адмиралъ Апраксинъ» и «Адмиралъ Сенявинъ», будучи настигнуты въ Японскомъ морѣ, близъ Корейскаго пролива, Японскою эскадрою, безъ боя спустили передъ непріятелемъ флагъ и были отведены въ плѣнъ.

«Орелъ» былъ въ теченіе многихъ часовъ подъ жесточайшимъ огнемъ и представлялъ изъ себя послѣ цусимскаго боя обгорѣлую груду стали, чугуна и желѣза. Въ теченіе дня на «Орлѣ» было убито 2 офицера и 22 нижнихъ чина, ранено 11 офицеровъ и 64 нижнихъ чина. Броненосецъ «Николай I» также пострадалъ. Онъ имѣлъ нѣсколько пробоинъ, потерялъ часть шлюпокъ и лишился одного 12-ти дюймоваго орудія. Снарядовъ на немъ оставалось мало. Броненосецъ «Генералъ-Адмиралъ Апраксинъ», въ бою серьезныхъ поврежденій не получилъ. Въ броненосецъ «Адмиралъ Сенявинъ,» ни одинъ непріятельскій снарядъ не попалъ.

Привлеченный къ дѣлу въ качествѣ обвиняемаго бывшій Начальникъ отряда Контръ-Адмиралъ, а нынѣ дворянинъ Небогатовъ, отрицая свою виновность, показалъ, что сигналъ о сдачѣ касался исключительно броненосца «Императоръ Николай I». Къ сдачѣ его, Небогатова, побудили соображенія о безполезности сопротивленія и невозможности спасти команду. Бой предшествовавшаго дня убѣдилъ его, что непріятель, имѣвшій преимущество въ ходѣ и въ вооруженіи, почти безнаказанно разстрѣливалъ наши суда.

Командовавшій броненосцемъ «Орелъ» Капитанъ 2-го ранга Шведе виновнымъ себя не призналъ и объяснилъ, что въ бою 14 Мая броненосецъ его получилъ столь серьезныя поврежденія, что былъ близокъ къ гибели. Въ $10^1/_2$ часовъ 15 Мая на флагманскомъ нашемъ кораблѣ спустили флагъ и подняли сигналъ о сдачѣ. Онъ, Шведе, былъ такъ потрясенъ, что офицеровъ на совѣтъ не собралъ, и, слѣдуя движенію другихъ судовъ, приказалъ отрепетовать сигналъ и поднять японскій флагъ. Онъ думалъ что сигналъ Адмирала для него обязателенъ. Разговоры о позорности сдачи, о затопленіи броненосца велись уже впослѣдствіи, въ плѣну, въ самый же моментъ сдачи возраженій не было.

Старшій офицеръ броненосца «Адмиралъ Сенявинъ» Капитанъ 2-го ранга Артшвагеръ виновнымъ себя не призналъ и объяснилъ, что о сдачѣ онъ узналъ, находясь въ каютъ-компаніи, отъ Лейтенанта Якушева, который, также какъ и Мичманъ Князевъ и инженеръ-механики Яворовскій и Бобровъ, высказался за потопленіе броненосца. Онъ послалъ въ подшкиперскую достать японскій флагъ и, по распоряженію Командира, велѣлъ этотъ флагъ поднять. Команда при сдачѣ вела себя угрюмо-спокойно. Въ бою 14-го Мая броненосецъ, по словамъ обвиняемаго, значительныхъ поврежденій не получилъ, но орудія его пострадали.

Рѣчь присяжнаго повѣреннаго М. С. Маргуліеса.

Господа судьи. Я взялъ на себя неблагодарную задачу проанализировать законы, на которыхъ обвиненіе строитъ свои доказательства преступности сдачи Небогатовымъ 4 кораблей. Задача эта неблагодарна не только потому, что законы эти не прошли еще черезъ аналитическое горнило тѣхъ законоистолковательныхъ лабораторій, изъ которыхъ законъ выходитъ яснымъ и всѣмъ понятнымъ; но главное потому, что то простое, въ сущности, положеніе, которымъ резюмируется психологическое содержаніе содѣяннаго Небогатовымъ, покрыто такимъ густымъ слоемъ многовѣковыхъ предразсудковъ, отзвуковъ давно отошедшихъ въ область исторіи положеній и отношеній, что путь къ истинѣ въ Небогатовскомъ дѣлѣ можно приравнять къ плаванію судна, киль котораго, вслѣдствіе многолѣтняго пребыванія въ водѣ, обильно покрылся водорослями и ракушками; плаваніе на такомъ суднѣ крайне замедленно, маневры съ нимъ крайне затруднительны. И первое, что нужно сдѣлать для облегченія плаванія, это ввести судно въ докъ и очистить его киль.

Я и попытаюсь это сдѣлать.

Бесѣдуя съ невоенными о полномъ глубокаго драматизма положеніи, въ которомъ очутился 15 Мая адмиралъ Небогатовъ, я не разъ встрѣчался съ недоумѣніемъ собесѣдниковъ по поводу существованія закона, разрѣшающаго въ извѣстныхъ случаяхъ сдачу.

Какъ, развѣ военнымъ можетъ быть разрѣшено сдаться? И одинъ цитировалъ мнѣ классическое: „со щитомъ или на щитѣ“, другой: „гвардія умираетъ, но не сдается“.

Несомнѣнная красота этихъ максимъ однако не въ выраженной въ нихъ готовности умереть, разстаться съ жизнью, а въ гармоніи между этой готовностью и результатомъ, котораго путемъ самопожертвованія можно было достигнуть въ эпохи,

характеризуемыя этими максимами. Когда исходъ сраженія зависѣлъ почти и исключительно отъ того—дрогнутъ ли ряды непріятеля и побѣгутъ или нѣтъ—могущественнымъ средствомъ обратить ихъ въ бѣгство было засвидѣтельствованіе предъ непріятелемъ готовности воина не уйти съ поля битвы и сражаться, пока его не оставитъ жизнь.

И въ такомъ положеніи военное дѣло было со временъ поединка между Давидомъ и Голіафомъ и чуть ли не по средину минувшаго 19-го вѣка.

Но теперь бой рукопашный „пуля дура, а штыкъ молодецъ" отошелъ въ область преданій; абордажъ въ морскомъ дѣлѣ—преданіе. При условіяхъ современной техники бой происходитъ на огромныхъ дистанціяхъ, при которыхъ непріятель не виденъ, видны лишь его суда; смерть скашиваетъ сотни людей—этого не видитъ и не знаетъ противникъ. Подвиги мужества и самоотверженности совершаются въ глубинѣ колоссальныхъ семиэтажныхъ подвижныхъ домовъ въ несносной жарѣ и чаду кочегарки, гдѣ люди дѣлаютъ невѣроятно тяжелую работу, съ минуты на минуту ожидая ужасной смерти и не съ оружіемъ, а съ угольною лопатою въ рукахъ; никакой подвигъ личной храбрости не можетъ устрашить непріятеля, онъ его не увидитъ; его можетъ устрашить лишь мѣткій ударъ изъ дальнобойной и скорострѣльной пушки и разрушительныя силы ядра.

И сколько бы въ этихъ условіяхъ не гибло народа, сколько бы судовъ не переворачивалось, погребая подъ собою цѣлыя деревни оторванныхъ отъ работы мирныхъ хлѣбопашцевъ—это никого не устрашитъ, напротивъ.

Но несмотря на это огромное измѣненіе въ условіяхъ боя вообще, и морского въ частности,—какъ кортикъ, оружіе абордажа, переживъ создавшую его технику морского боя, и до сихъ поръ входитъ въ боевое снаряженіе моряка, такъ и боевыя аксіомы прежняго времени, переживъ свое содержаніе, до сихъ поръ рекомендуются, какъ непререкаемая истина.

И мнѣ думается, что вы сдѣлаете полезное дѣло для воспитанія въ будущемъ хорошихъ моряковъ—чего отъ васъ, судьи, считаетъ нужнымъ требовать господинъ прокуроръ, если вашимъ приговоромъ внушите имъ, что при современныхъ условіяхъ боя, на первый планъ выдвигается не готовность пожертвовать собою и ввѣренными ихъ попеченію людьми, а хорошее оружіе и умѣнье пользоваться имъ.

Адмиралъ Рожественскій сказалъ—насъ побѣдила опытность японцевъ въ стрѣльбѣ.

Прибавьте къ этому: болѣе быстроходныя суда, лучшія пушки, лучшіе снаряды и единство команды—вотъ мораль, вытекающая изъ неслыханной побѣды японцевъ надъ нами. Замѣтьте, что мужеству, готовности умереть—отведено въ этой побѣдѣ самое ничтожное мѣсто; эта готовность была у насъ не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ у японцевъ и сдача произошла уже послѣ полнаго нашего пораженія.

Еще одно замѣчаніе.

Для того, чтобы доказать вамъ, что излагаемыя мною мысли не являются плодами досужихъ размышленій невоеннаго человѣка, я обращаю вниманіе ваше на англійскій законъ 1861 г., согласно которому трусость, какъ основаніе сдачи способнаго защищаться корабля, является смягчающимъ вину обстоятельствомъ. Въ то время, какъ измѣна карается смертью, сдача изъ трусости можетъ окончиться лишь исключеніемъ со службы. Сопоставьте этотъ законъ съ тѣмъ, что я выше сказалъ, и вы увидите, что на англійскомъ законѣ принципъ приспособленія къ современнымъ условіямъ, когда не героизмъ рѣшаетъ исходъ боя, отразился въ высокой степени.

Перехожу къ закону.

Господа судьи, условія сдачи опредѣляются 354 статьей Морского Устава. Въ этой статьѣ уставъ по поводу условій сдачи говоритъ слѣдующее: сдача разрѣшается во избѣжаніе „безполезнаго“ кровопролитія. Я подчеркиваю этотъ эпитетъ „безполезнаго“ для того, чтобы еще разъ обратить вниманіе ваше на то, что и нашъ законъ считаетъ героизмъ ненужнымъ и неумѣстнымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда кровополитіе пользы не можетъ принести.

Слѣдующій терминъ разсматриваемаго закона тоже заслуживаетъ глубокаго вниманія; сдача „разрѣшается“, въ тѣхъ случаяхъ, когда кровопролитіе безполезно.

Что означаетъ слово „разрѣшается“? Означаетъ ли оно, что командиру всецѣло предоставляется взять на свою совѣсть рѣшеніе вопроса о томъ, что выгодно для Россіи: пожертвовать людьми или пожертвовать кораблями? или это слово „разрѣшается“, употребленное закономъ, налагаетъ извѣстныя обязательства на командира? Я отвѣчу на этотъ вопросъ такъ: если священнѣйшею обязанностью всякаго начальника является воздержаніе отъ безполезнаго кровопролитія и сохраненіе жизни тѣхъ людей, которые ему ввѣрены, то выраженіе ст. 354 „разрѣшается сдача“ равносильно приказанію начальнику сдаться въ такомъ случаѣ, когда спасти человѣческія жизни онъ не можетъ иначе, какъ сдачей судовъ. Представьте себѣ, господа

судьи, если бы мы толковали законъ иначе, какія тяжкія злоупотребленія были бы возможны въ иныхъ случаяхъ, когда командующій флота, губя корабли и команду, имѣлъ бы полную и легкую возможность спастись самому. Я съ ужасомъ думаю, какія огромныя жертвы человѣческими жизнями можно было бы приносить, если бы слово „разрѣшается“ вы толковали не какъ нравственный долгъ, а какъ произволъ военноначальника! Обращаюсь, затѣмъ, къ дальнѣйшему тексту статьи 354.

Я—какъ юристъ, при чтеніи этой статьи возбуждаю два вопроса: во-1-хъ исчерпываются ли этой статьей тѣ случаи, когда сдача разрѣшается и, слѣдовательно, законна; второй вопросъ—нужна ли наличность всѣхъ признаковъ, перечисленныхъ въ упомянутой статьѣ для того, чтобы сдача была законна. На первый вопросъ, вопросъ значительной важности, вопросъ о томъ, исчерпываются ли указаніями 354 статьи всѣ тѣ случаи, когда сдача разрѣшена, и слѣдовательно, законна, я отвѣчу: „не исчерпывается“ и вотъ по какимъ основаніямъ. Если, господа судьи, вы прослѣдите исторію развитія 354 статьи, то вы увидите, что содержащіяся въ ней указанія на случаи, когда сдача разрѣшается, все болѣе и болѣе расширяются Статья эта ведетъ свое происхожденіе отъ Морского Устава Петра Великаго. Въ 90 артикулѣ устава содержится указаніе только на два случая, когда сдача разрѣшалась: это, когда была течь, которую нельзя было ничѣмъ остановить, и когда порохъ и амуниціи растрачены. Третій случай, который предусматриваетъ нынѣ 354 статья—это пожаръ на суднѣ—случай этотъ Петромъ Великимъ не предусматривался. Когда въ 1853 году редактировался морской уставъ въ редакціи, схожей съ теперешней, то этотъ третій случай (пожаръ) также введенъ былъ въ Морской Уставъ, но при этомъ въ заключительной части 354 статьи приводилось еще одно ограниченіе, котораго сейчасъ нѣтъ: „если берегъ былъ близко“. Въ окончательной редакціи—редакціи 1899 года есть всѣ три случая, которые предусмотрѣны редакціей 1853 года. Но въ нее введено еще одно положеніе, еще одна общая фраза, гласящая, что на ряду съ тѣми случаями, когда израсходованъ порохъ, когда артиллерія сбита, сдача разрѣшается „когда вообще всѣ способы обороны истощены“. Это выраженіе „истощены“ настолько обще, что было бы гораздо послѣдовательнѣе и логичнѣе, вмѣсто того, чтобы перечислять всѣ случаи, когда сдача разрѣшается, а всѣхъ случаевъ не предусмотришь, сказать, что сдача разрѣшается, когда вообще всѣ способы обороны истощены. Этимъ выраженіемъ поглощаются всѣ случаи, которые

предусмотрѣны 354 статьей. Что это именно такъ, что законодатель, вставляя эту фразу и перечисляя другіе случаи, имѣлъ въ виду указать лишь примѣры, когда сдача разрѣшается, а отнюдь не исчерпать всѣ случаи, когда она возможна, объ этомъ свидѣтельствуетъ и то, что, какъ видно изъ объяснительной записки къ проекту Морского Устава 1853 года, мотивомъ включенія 354-ой статьи въ Морской Уставъ была забота о томъ, чтобы покрыть командира и офицеровъ сдавшихся; то есть, забота о томъ, чтобы указать на такіе случаи, когда никакъ уже винить нельзя ни командира, ни офицеровъ; но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что не возможны такіе случаи, когда невиновность сразу не очевидна, но все-таки судьи приходятъ къ убѣжденію, что сдаваться нельзя было. Я особенно обращаю вниманіе на мотивы, такъ какъ они имѣютъ рѣшающее значеніе.

Теперь, если позволите мнѣ сослаться на другія законодательства для поясненія того, какую мысль преслѣдовалъ нашъ законодатель, то я укажу на то, что ни въ англійскомъ, ни въ сѣверо-американскомъ, ни во французскомъ законодательствѣ не указаны условія, въ какихъ случаяхъ сдачи запрещаются и разрѣшаются закономъ, разрѣшеніе вопроса о правильности сдачи въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ предоставляется суду. Нельзя не согласиться, что такая постановка вопроса раціональна.

Перехожу къ вопросу о томъ, какая наличность признаковъ нужна, чтобы сдача была признана разрѣшенной закономъ. Есть двоякаго рода признаки, указанные въ 354 статьѣ, матеріальнаго свойства и формальнаго свойства. Признаки матеріальнаго свойства ясны и понятны—это основной руководящій принципъ—„если нельзя иначе спасти людей, какъ сдавши суда, и если всѣ средства защиты истощены, то суда можно сдать“.

Формальный признакъ другой. Онъ гласитъ слѣдующее: „съ согласія всѣхъ офицеровъ“. Какое значеніе имѣетъ этотъ формальный признакъ—согласіе всѣхъ офицеровъ? Мы долго останавливались на этомъ признакѣ и, мнѣ кажется, мы ему придали гораздо большее значеніе, чѣмъ по существу онъ долженъ имѣть въ данномъ случаѣ. Прежде всего, слѣдуя тому методу, которому я слѣдовалъ, анализируя содержаніе 354 статьи, я позволю себѣ указать, что слова „согласіе всѣхъ офицеровъ“ по моему глубокому убѣжденію неправильно передаютъ ту мысль, которая вложена Петромъ Великимъ въ соотвѣтствующую статью. Въ артикулѣ 90 Петра Великаго о

согласіи всѣхъ офицеровъ ни слова не говорится; тамъ говорится о „консиліумѣ“ всѣхъ оберъ и унтеръ-офицеровъ; „консиліумъ“ въ переводѣ на русскій языкъ не значитъ „согласіе“, а означаетъ „совѣщаніе“. И совершенно правъ былъ адмиралъ Рожественскій, когда говорилъ, что законодатель имѣлъ въ виду не согласіе всѣхъ офицеровъ, а совѣщаніе. Онъ правъ, не только переводя на русскій языкъ совершенно вѣрно слово „консиліумъ“, содержащееся въ артикулѣ Петра Великаго, но онъ правъ по слѣдующимъ соображеніямъ здраваго смысла. Когда офицеры приглашаются на военный совѣтъ—а что такого рода совѣщаніе имѣетъ значеніе военнаго совѣта это призналъ и обвинитель,—когда приглашаются офицеры на это совѣщаніе по смыслу 354 статьи, надо получить ихъ согласіе. При этомъ согласіе не индивидуальное на сдачу, не согласіе самого офицера сдаться, а согласіе его на то, чтобы были сданы корабли и команда...

Есть ли тутъ разница?—Огромная. Если бы требовалось только личное согласіе Иванова или Петрова, то это была бы простая перекличка тѣхъ, которые согласны сдаться, перекличка, которую логически надо было бы распространить и на команду: отобравши и отдѣливши тѣхъ кто сдается отъ тѣхъ, кто не сдается, нужно было бы предоставить этимъ послѣднимъ поступить по ихъ пониманію и разумѣнію, а другихъ сдать. Но развѣ это имѣла въ виду 354 статья? Развѣ она имѣла въ виду перекличку? Отнюдь нѣтъ. Когда господа офицеры являются на совѣтъ, то ихъ спрашиваютъ не объ ихъ личномъ согласіи сдаться, а о согласіи на сдачу корабля и людей. И такъ какъ 354 статья исходитъ изъ того предположенія, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда кровопролитіе безполезно, нужно людей спасти, то офицеровъ могутъ на совѣщаніи спросить, имѣются ли на лицо тѣ условія, при которыхъ кровопролитіе безполезно и спасти людей нельзя иначе какъ потопивъ суда. Всякое иное толкованіе привело бы къ абсурдному выводу. Вотъ почему я и думаю, что первоначальная мысль Петра Великаго, что офицеры приглашаются для совѣщанія подтверждается и доводами разума. Но, и помимо этого, господа судьи, я позволю себѣ сказать, что при обсужденіи случая сдачи эскадры Небогатовымъ разсматриваемый нами вопросъ не имѣетъ серьезнаго значенія. И вотъ почему. Вы изволите помнить, что 354 статья содержится въ томъ раздѣлѣ военно-морского устава, гдѣ говорится объ обязанностяхъ командира судовъ, и совсѣмъ не относится къ тому раздѣлу, гдѣ говозится объ обязанностяхъ флагмана. Между тѣмъ права и обя-

занности командира и флагмана неодинаковы. По Морскому Уставу, чѣмъ выше іерархическая ступень, занимаемая лицомъ, тѣмъ болѣе ему предоставлено правъ и преимуществъ. Главнокомандующій во флотѣ представляетъ персону его Величества, и его указы обязательны, какъ Высочайшіе указы. Если стать на эту точку зрѣнія, то будетъ правильно спросить, что же говоритъ законъ о военномъ совѣтѣ, который созывается не командиромъ, а флагманомъ? Объ этомъ говорится въ 63 статьѣ Морского Устава, а не въ 354; а 63 статья даетъ право флагману созывать военный совѣтъ, когда онъ это найдетъ нужнымъ.

Сверхъ того 63 статья прибавляетъ, что мнѣніе совѣта для флагмана не обязательно и на совѣтѣ онъ имѣетъ право даже не излагать всѣхъ своихъ мнѣній и предположеній. Вотъ какія права даются флагману закономъ. Мнѣ кажется, что эти права распространяются на всѣ случаи безъ исключенія.

Если бы, господа судьи, вы не согласились съ моими формальными доводами, то позвольте опять обратиться къ доводамъ здраваго смысла. Если командиръ, сдавая судно, долженъ созвать всѣхъ офицеровъ своихъ судовъ, то логически неизбѣжно, что начальникъ всей эскадры, сдавая всю эскадру, долженъ созвать всѣхъ офицеровъ со всей эскадры. Теперь представте реальныя условія боя—мыслимо ли это сдѣлать? Найдетъ ли адмиралъ время и возможность созвать военный совѣтъ изъ офицеровъ хотя бы съ 4 броненосцевъ, на своемъ суднѣ, найдетъ ли онъ возможность и время созвать всѣхъ офицеровъ со всѣхъ судовъ и составить съ ними тотъ военный совѣтъ, который, по мнѣнію обвинителя, необходимъ, ибо для сдачи необходимо согласіе всѣхъ офицеровъ? Мнѣ кажется, господа, что не можетъ быть двухъ отвѣтовъ на этотъ вопросъ. Разумѣется это невозможно, это абсурдно, но такъ какъ каждый законъ долженъ быть истолкованъ, исходя изъ предположенія, что законодатель обладалъ здравымъ умомъ и твердой памятью, то единственно правильнымъ выводомъ при примѣненіи 354 статьи къ случаю сдачи эскадры флагманомъ, а не командиромъ, должно признать тотъ выводъ, что для адмирала, сдающаго отрядъ, не только согласіе всѣхъ офицеровъ, но даже и созывъ офицеровъ совершенно обязателенъ.

Я очень долго останавливался на этомъ вопросѣ потому, что онъ занималъ господъ судей все время слѣдствія и о немъ трактовалъ г-нъ прокуроръ. Но въ сущности говоря, этотъ вопросъ не имѣетъ очень большого значенія, потому что имъ отнюдь не опредѣляется отнесеніе виновности адмирала Небо-

огатова и фицеровъ къ той или иной части 279 статьи, что имѣло бы огромное значеніе, такъ какъ, по моему глубокому убѣжденію, несоблюденіе только этого условія ни въ какомъ случаѣ не даетъ права примѣнить 279 статью во второй части при наличности всѣхъ прочихъ условій законности сдачи.

Позвольте мнѣ, господа судьи, попутно устранить одно недоразумѣніе, созданное обвинительной властью, относящей тѣмъ не менѣе это недоразумѣніе къ отвѣтственности адмирала Небогатова. Я говорилъ вамъ, что адмиралъ Небогатовъ на вопросъ, прямо ему поставленный на судебномъ слѣдствіи, далъ категорическій отвѣтъ, что онъ сдалъ весь отрядъ, а не только броненосецъ „Николай“. Г-нъ прокуроръ, стараясь проникнуть въ психику адмирала Небогатова, заявилъ вамъ, что при первомъ допросѣ Небогатовъ сказалъ, что сдалъ только „Николая“, а затѣмъ—и тутъ прокуроръ, повидимому, дѣлаетъ намекъ на участіе защиты, старался выяснить на судѣ, что онъ сдалъ весь отрядъ.

„Какъ же такъ, говоритъ г. прокуроръ, если адмиралъ утверждаетъ, что онъ сдалъ весь отрядъ, то какъ онъ могъ говорить, что его сигналъ къ сдачѣ не былъ обязателенъ для другихъ судовъ?“ Вотъ въ чемъ усматриваетъ противорѣчіе г-нъ прокуроръ. Да проститъ онъ мнѣ, если я скажу, что здѣсь не противорѣчіе, а очевидное недоразумѣніе.

Когда рѣчь идетъ объ обязательности или необязательности извѣстнаго приказанія, то можно считать приказаніе необязательнымъ для другихъ въ тѣхъ случаяхъ, когда неисполненіе его не влечетъ за собою никакой кары для неповинующихся; если нижній чинъ не исполнитъ даннаго ему приказанія и неисполненіе приказанія повлечетъ за собой кару, то очевидно, что приказаніе было для него обязательно; если не послѣдуетъ кары, значитъ приказаніе необязательно. Это элементарно. И вотъ примѣръ крейсера „Изумруда“ показалъ на судѣ, что неисполненіе адмиральскаго приказанія о сдачѣ не только не повлекло за собой наказанія офицеровъ „Изумруда“, но послужило къ ихъ вящей славѣ. И адмиралъ, заявивъ, что онъ сдалъ всѣхъ, но это не можетъ быть обязательно для другихъ, хотѣлъ сказать, что необязательно это потому, что, если бы они не подчинились, то они не были бы наказаны. Здѣсь нѣтъ противорѣчія.

Я, г-нъ прокуроръ, отказываюсь васъ понять.

Перехожу, г-да судьи, къ 279 статьѣ Воен. Морск. Устава о Нак. Обвинительная власть находитъ въ томъ, что совершилъ

адмиралъ Небогатовъ и его офицеры признаки 279 статьи, причемъ второй части 279 статьи, карающей за сдачу смертной казнью. Признаковъ этихъ въ обвинительномъ актѣ указано 4.

Первый: неисполненіе обязанностей по долгу присяги.

Второй: въ противность требованіямъ воинской чести.

Третій: въ противность правиламъ Морского Устава.

Четвертый: сдача безъ боя.

Прежде всего, господа судьи, обращаю вниманіе на нѣкоторыя странности: когда въ слѣдственной комиссіи по настоящему дѣлу былъ опросъ обвиняемыхъ, какъ видно изъ второго постановленія слѣдственной комиссіи, помѣщеннаго на 16 страницѣ I-го тома, обвиненіе предъявлялось отнюдь не въ сдачѣ безъ боя. Тамъ опрашивались обвиняемые такъ—виновны ли они въ томъ, что совершили сдачу послѣ боя.

Адмиралъ Небогатовъ, давая свои показанія слѣдственной комиссіи, говорилъ: „я не признаю себя виновнымъ въ томъ, что совершилъ сдачу послѣ боя, когда средствъ для защиты совершенно не было".

Во время слѣдствія не было сомнѣнія въ томъ, что сдача произошла послѣ боя и затѣмъ, невѣдомо какими путями въ канцеляріи прокурора это обвиненіе превратилось въ сдачу безъ боя. Прокуроръ понимаетъ превосходно, что очень трудно учесть въ условіяхъ современнаго боя, когда бой начинается и когда кончается, но, тѣмъ не менѣе, онъ говорилъ намъ, что нельзя считать сдачу послѣ боя за сдачу, которая произошла черезъ мѣсяцъ послѣ боя. Совершенно правильно. Далѣе, господинъ прокуроръ привелъ примѣръ о сдачѣ черезъ недѣлю послѣ того, какъ произошелъ бой. Это отже не сдача съ боя. Но предъ нами другой случай: немедленно послѣ того, какъ бой происходилъ, произошла сдача; она произошла, когда не успѣли остыть еще пушки, когда люди не успѣли придти въ себя послѣ тревожной ночи 14-го Мая. Сдача произошла непосредственно послѣ этого, и это уже не сдача черезъ недѣлю или черезъ мѣсяцъ. Наконецъ, г-нъ прокуроръ, повидимому, требовалъ, чтобы до сдачи была видимость сопротивленія—хотя бы съ показной точки зрѣнія, чтобы сдающіеся показали, что они могутъ еще выпускать снаряды. И это было исполнено. Свидѣтели удостовѣрили, что съ „Орла" было выпущено три выстрѣла, а свидѣтель Русскихъ устанавливаетъ, что съ „Апраксина" былъ выпущенъ одинъ выстрѣлъ. Сверхъ того до сдачи 15-го утромъ на броненосцѣ „Императоръ Николай I" былъ непріятельскими выстрѣлами снесенъ мостикъ и были ранены офицеры Федотьевъ и Макаровъ. Слѣдовательно, съ

формальной точки зрѣнія, на которой стоитъ г-нъ прокуроръ, если не зачесть всѣ жертвы, которыя понесъ флотъ Небогатова наканунѣ, все же доказательства того, что Небогатовъ сдался съ боя, имѣются на лицо.

Но опять, господа судьи, я долженъ сказать, какъ и по вопросу о согласіи офицеровъ, что вопросъ о томъ, произошла ли сдача съ боя или безъ боя, не имѣетъ рѣшающаго значенія для опредѣленія того, какую часть 279 статьи надлежитъ примѣнить къ данному случаю. Толкуя эту послѣднюю статью, господинъ прокуроръ говоритъ, что должно такъ понимать ее. Первая часть ея, которая караетъ только исключеніемъ со службы, относится къ случаямъ, когда сдача была послѣ боя, а вторая часть, которая караетъ сдачу смертью,—когда сдача была безъ боя.

Прокуроръ прибавилъ, что такое толкованіе второй части статьи пожалуй здѣсь будетъ неправильно. Я согласенъ съ этимъ по той простой причинѣ, что вторая часть 279 статьи, гласитъ, что смертная казнь полагается въ тѣхъ случаяхъ, „когда сдача произошла безъ боя или несмотря на возможность защищаться“.

Что означаетъ эта вторая часть статьи? Она означаетъ что 279 статья караетъ смертною казнью, если сдача произошла безъ боя; но если суда могли защищаться, то хотя былъ бой—все равно смертная казнь. Значитъ, наличность боя или отсутствіе боя при доказанности возможности защищаться никоимъ образомъ не можетъ избавить виновнаго отъ примѣненія второй части статьи 279.

Если съ другой стороны принять во вниманіе, что даже и при отсутствіи боя, но при абсолютной невозможности защищатся, виновный за сдачу отвѣтственности не можетъ подвергнуться, то, очевидно, что выраженіе „безъ боя“ можно выбросить изъ 2-ой части 279 ст. безъ всякаго ущерба для ея значенія.

Вотъ почему я согласенъ съ господиномъ прокуроромъ, что центръ тяжести долженъ быть отодвинутъ въ сторону вопроса, была ли возможность защищаться или нѣтъ.

Господа судьи, вопросъ о томъ, была ли возможность защищаться, относится къ вопросамъ факта; онъ достаточно трактовался моими товарищами по защитѣ адмирала Небогатова и несомнѣнно детали будутъ восполнены тѣми многочисленными защитниками, которые будутъ говорить объ условіяхъ, въ которыхъ были поставлены корабли адмирала. Вотъ почему этотъ вопросъ я оставлю безъ разъясненія.

Итакъ, господа судьи, вопросъ о томъ, сдались ли корабли послѣ боя или безъ боя, нами оставленъ.

Вопросъ о томъ, имѣлись ли средства къ защитѣ—вопросъ факта, который вы разрѣшите согласно вашимъ убѣжденіямъ и опыту.

Перехожу къ третьему признаку, необходимому для примѣненія 279 статьи къ нарушенію правилъ Морского Устава.

Въ ней содержатся матеріальныя и формальныя условія сдачи; матеріальныя условія—это та невозможность или возможность защищаться, о которой говоритъ и 2 часть 279 ст. Она нами разобрана и потому я на ней останавливаться не буду. Что касается формальныхъ условій сдачи, то къ таковымъ относится испрашиваніе согласія офицеровъ и обязанность командира уничтожить всѣ шифры, знаки и секретные документы. Я уже говорилъ выше, что въ данномъ случаѣ, при сдачѣ эскадры флагманомъ, не имѣетъ никакого значенія вопросъ о совѣтѣ, затѣмъ я утверждаю, ссылаясь на свидѣтельскія показанія, что всѣ документы на судахъ были уничтожены.

Такимъ образомъ, формальнаго нарушенія 354 статьи при сдачѣ эскадры Небогатова не было. Вотъ почему и третій признакъ, указанный въ обвинительномъ актѣ, необходимый для установленія наличности преступленія, предусмотрѣннаго 279 статьей, и сводящійся къ наличности формальнаго нарушенія Морского устава, въ данномъ дѣлѣ отсутствуетъ. Остается еще два признака,—это соблюденіе требованій присяги и воинской чести. Мнѣ, какъ юристу, трудно оперировать съ такими понятіями, которыя затрагиваютъ самыя сокровенныя чувства въ той средѣ, къ которой вы принадлежите. Но я не буду подходить къ этимъ вопросамъ съ военной точки зрѣнія, для меня важно только юридическое содержаніе этихъ понятій. Подходя къ нимъ съ юридической стороны, я спрашиваю себя, что должно означать требованіе воинской чести или долга присяги или, точнѣе говоря, каковы должны быть дѣйствія сдающаго эскадру для того, чтобы обвинительная власть могла признать въ нихъ нарушеніе воинской чести и присяги? Разумѣется, къ такимъ дѣйствіямъ не можетъ быть отнесенъ самый фактъ сдачи, ибо, если сдача разрѣшена, она не можетъ итти въ разрѣзъ съ понятіемъ воинской чести и присяги. Къ такимъ дѣйствіямъ не могутъ быть отнесены и позорныя условія сдачи, такъ какъ такая капитуляція предусмотрѣна 281 статьей военно-морского устава, а по этой статьѣ обвиненія къ Небогатову не предъявляется. Не объ этомъ идетъ рѣчь. Такъ что же значитъ выраженіе 279 статьи:—честь и присяга? Юриди-

ческое значеніе этого выраженія я нахожу въ текстѣ слѣдующей за этой 279 статьей, въ 280 статьѣ. Послѣдняя часть этой статьи указываетъ, какъ законодатель въ 280 и 279 статьяхъ понимаетъ съ юридической точки зрѣнія значеніе термина—долгъ чести и присяги.

Статья 280 гласитъ, что морской военачальникъ, сдавшій непріятелю укрѣпленный портъ или вообще укрѣпленное мѣсто „не исполнивши обязанностей по долгу и присягѣ или не употребивши всѣхъ средствъ обороны", подвергается смертной казни. Это и показываетъ, что, съ точки зрѣнія законодателя, понятіе «долга чести и присяги»—равносильно выраженію „и не употребивъ для обороны всѣхъ средствъ".

Вотъ единственное точное указаніе, которое я нахожу въ законѣ. Итакъ, для того, чтобы доказать, что адмиралъ Небогатовъ своей сдачей не нарушилъ долга чести и присяги, я долженъ доказать, что онъ употребилъ всѣ средства для обороны, которыя были въ его распоряженіи.

Я не буду утомлять васъ фактическимъ перечисленіемъ, всѣхъ доводовъ, которые были представлены на судебномъ слѣдствіи въ доказательство принятія Небогатовымъ всѣхъ зависѣвшихъ отъ него мѣръ. Позволю себѣ обратить ваше вниманіе на то, что средства обороны должно понимать не только въ узкомъ матеріальномъ, техническомъ смыслѣ, но въ широкомъ смыслѣ, не принялъ всѣхъ средствъ обороны военноначальникъ не только тогда, когда онъ не вооружилъ свои корабли, но и тогда, когда поставилъ ихъ въ такія условія, что они не могли съ успѣхомъ защищаться. Если я правильно понялъ г. Прокурора, то онъ именно съ этой точки зрѣнія и предъявилъ обвиненіе адмиралу Небогатову. Адмиралъ Небогатовъ не принялъ всѣхъ мѣръ обороны, не поставилъ заблаговременно суда въ такія условія, при которыхъ могъ бы избѣжать драматической развязки, когда онъ былъ поставленъ въ необходимость выбирать между чувствомъ человѣколюбія, долгомъ присяги и чести и чувствомъ самосохраненія.

Правильно ли это? Я ограничусь только нѣсколькими замѣчаніями вскользь. Г-нъ прокуроръ предъявилъ въ своей рѣчи совершенно новое обвиненіе, котораго до сихъ поръ въ обвинительномъ актѣ не имѣлось. Онъ обвинялъ адмирала въ гибели „Наварина", „Нахимова", „Сысоя Великаго" и другихъ судовъ, павшихъ отъ минныхъ аттакъ непріятеля. Небогатовъ, будучи командующимъ эскадрой, не принялъ мѣръ, чтобы выяснить положеніе этихъ судовъ, онъ не позаботился о нихъ.

Я не буду останавливаться на этомъ новомъ обвиненіи

по той причинѣ, что въ немъ кроется очевидное недоразумѣніе; несмотря на то, что свидѣтели твердо установили, что если адмиралъ Рожественскій и передалъ команду Небогатову, то до Небогатова не дошелъ сигналъ объ этомъ, несмотря на это г-нъ прокуроръ утверждаетъ, что 14-го числа вечеромъ адм. Небогатовъ былъ командиромъ эскадры. Неправильность этого утвержденія для всѣхъ очевидна.

Еще другое обвиненіе раздавалось съ этой кафедры: Адмиралъ Небогатовъ не принялъ всѣхъ мѣръ обороны, такъ какъ до того какъ былъ окруженнымъ непріятелемъ, онъ имѣлъ возможность принять всѣ мѣры, чтобы люди спаслись на шлюпкахъ, а затѣмъ потопить свои броненосцы, и, такимъ образомъ, спасти честь андреевскаго флага.

Основываетъ свое второе обвиненіе г-нъ прокуроръ на утвержденіи офицера Патона, что между моментомъ, когда адмиралъ Небогатовъ уже зналъ, что его окружаетъ японская эскадра, и моментомъ, когда произошла сдача, прошло не менѣе 2 часовъ, а въ теченіе двухъ часовъ можно было бы многое сдѣлать и, во всякомъ случаѣ, пересадить на шлюпки команду. Такъ ли это, г-нъ обвинитель?

Правда, капитанъ Патонъ говорилъ о 2 часахъ, но на основаніи записей въ вахтенномъ журналѣ и здѣсь его товарищъ, лейтенантъ Полушкинъ, выяснилъ, что эти записи были сдѣланы черезъ пять дней послѣ событія. Въ опроверженіе этихъ записей у насъ есть въ высшей степени детальное и добросовѣстное показаніе свидѣтеля—обвиняемаго Ведерникова. Я позволю себѣ напомнить это показаніе, такъ какъ моментъ, который оно характеризуетъ, является чрезвычайно серьезнымъ. Если намъ не удастся доказать, что Небогатовъ не могъ устроить своевременно пересадку, я понимаю, что это будетъ тяготѣть большей тяжестью надъ участью адмилала Небогатова.

Итакъ вотъ подробный разсказъ Ведерникова.

15-го Мая въ 6 часовъ утра на лѣвомъ траверзѣ появилось 5 дымковъ. Кто это—было неизвѣстно. Но, не зная въ полномъ объемѣ всего ужаснаго, что произошло наканунѣ, когда погибла масса судовъ, не зная, что насъ покинулъ адмиралъ Энквистъ, адмиралъ Небогатовъ при каждомъ появленіи дымковъ неизбѣжно приходитъ къ заключенію, что это свои и питаетъ эту сладкую иллюзію до тѣхъ поръ, пока дѣйствительность не устанавливаетъ противнаго. Первое появленіе въ 6 часовъ дымковъ отчасти подтвердило иллюзію адмирала Небогатова; съ марса было донесено, что эти суда, идущія параллельнымъ съ нами курсомъ, стрѣляютъ съ лѣваго борта. Ира-

вильно или неправильно было это свѣдѣніе, но оно было доложено. Отсюда дѣлается выводъ, что тамъ, на западѣ отъ японскихъ дымковъ есть наша эскадра, и адмиралъ Небогатовъ немедленно приказываетъ: „8 румбовъ налѣво“, для того, чтобы ринуться на непріятеля и соединиться со своими. Но это оказалось иллюзіей. Японцы поворачиваютъ также на 8 румбовъ и ускользаютъ отъ насъ. Имѣйте въ виду, что въ 6 часовъ было всего пять японскихъ судовъ и что тогда принимать мѣры для спасенія команды, Небогатовъ, если онъ не трусъ, не долженъ былъ и думать. Въ 8 часовъ появилось еще 7 дымковъ и опять на лѣвомъ траверзѣ. Вызывается „Изумрудъ“, который идетъ на развѣдку и, вернувшись съ первой развѣдки, онъ приноситъ неправильныя, но крайне утѣшительныя свѣдѣнія; говоритъ, что это русскія суда и съ ними одно французское. „Изумрудъ“ посылается вторично на развѣдку и только спустя полъ-часа онъ приноситъ свѣдѣнія, что это японскія суда. Адмиралъ Небогатовъ все еще надѣется, что наши суда имѣются, и что можно бороться—онъ не отказывался отъ возможности бороться до послѣдней крайности. Онъ ждетъ дальнѣйшихъ событій. И вотъ дальнѣйшія событія подтверждаютъ его ожиданіе—появляется съ лѣваго борта, но на этотъ разъ на лѣвую раковину, еще нѣсколько дымковъ, если не ошибаюсь 6. Ведерниковъ спрашиваетъ, что это за суда. Отвѣта нѣтъ—они далеко на горизонтѣ. Ведерниковъ поднимается на марсъ и смотритъ въ бинокль Цейса; онъ различаетъ трехъ-трубные корабли и говоритъ, что это наши, ибо у Энквиста были 3-хъ трубныя суда, при чемъ они идутъ въ безпорядкѣ; и это еще болѣе утверждаетъ его предположеніе, что это наши суда, разстроенные послѣ сраженія наканунѣ. Это было около 6-ти часовъ, прошу замѣтить часъ. И только послѣ того, какъ эти суда приблизились на 90 кабельтовыхъ, для Ведерникова было очевидно, что это японскія суда. И только тогда было доложено адмиралу Небогатову, что мы окружены 15—18 судами.

Только въ этотъ моментъ адмиралъ Небогатовъ долженъ былъ разстаться со всѣми другими иллюзіями, только тогда ужасная правда была передъ нимъ. И вотъ, по заявленію Ведерникова, между моментомъ, когда можно было съ достовѣрностью сказать, что японцы на горизонтѣ и только японцы, и моментомъ, когда былъ выпущенъ первый выстрѣлъ, прошло около $^1/_4$ часа. Если сопоставить разстоянія, на которомъ онъ могъ окончательно распознать японцевъ—90 кабельтовыхъ, съ разстояніемъ въ 60 кабельтовыхъ, съ котораго сдѣланъ былъ выстрѣлъ, то, принимая быстроту хода японскихъ судовъ въ

три кабельтова въ минуту, будетъ правильнымъ допустить, что разстояніе въ 30 кабельтовыхъ было ими пройдено въ 10 мин.—1/4 часа. Это показаніе Ведерникова было подтверждено лейтенантомъ Пеликаномъ и г. Трухачевымъ, который сообщилъ намъ, что въ промежутокъ времени между установленіемъ, что мы имѣемъ передъ собой японцевъ и моментомъ, когда былъ произведенъ ими выстрѣлъ, его команда едва успѣла внести въ батарейное помѣщеніе свои койки.

Итакъ, господа судьи, если вы сопоставите математически точныя, по крайней мѣрѣ во внѣшнемъ изложеніи, показанія капитана Ведерникова съ тѣми свѣдѣніями, которыя внесены въ вахтенный журналъ „Изумруда"—черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ совершились событія, которыя мы анализировали, притомъ записывались въ условіяхъ, когда было трудно добросовѣстно отдать себѣ отчетъ, что происходило, если вы сопоставите все это, то вы скажете, что правъ Ведерниковъ. А если онъ правъ, то адмиралъ Небогатовъ не упустилъ ни одного способа, которымъ можно было бы защищать свой отрядъ. И онъ не виновенъ въ томъ, что законъ называетъ нарушеніемъ долга чести и присяги.

Вотъ, господа судьи,—279 и 354 статьи, на которыхъ господинъ прокуроръ строитъ свое обвиненіе.

Я могъ бы окончить, но я долженъ коснуться опять вскользь второго вопроса, который поднялъ г-нъ прокуроръ. Для того, чтобы представить въ отрицательномъ свѣтѣ отношеніе офицеровъ и команды къ тому, что совершилъ адмиралъ Небогатовъ, г-нъ прокуроръ сказалъ вамъ: господа офицеры не благодарны адмиралу Небогатову за то, что онъ сдалъ эскадру, а команда, если возмущалась, что онъ осужденъ, то только потому, что она видѣла въ немъ соучастника по несчастью, такъ какъ она, точно тоже какъ и Небогатовъ, была лишена воинскаго званія.

Да проститъ мнѣ господинъ прокуроръ—оба заявленія его не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Отношеніе офицеровъ къ адмиралу Небогатову вы видѣли на судѣ. Вы слышали ихъ глубоко сочувственные и почтительнѣйшіе отзывы о бывшемъ ихъ начальникѣ. Я не хочу быть жестокимъ, такъ какъ я врагъ всякихъ жестокостей, но я утверждаю, что если бы присутствующіе здѣсь офицеры, въ мужествѣ которыхъ никто не сомнѣвается, видѣли въ адмиралѣ Небогатовѣ виновника ихъ позора и бѣдствій то они нашли бы выходъ для своей чести по отношеніи къ нему и къ себѣ, а они всѣ здѣсь—77 на лицо.

Что касается до команды, то неправильность того, что говорилъ г-нъ прокуроръ, доказать легко.

Указъ о разжалованіи адмирала Небогатова и 4-хъ офицеровъ и объ исключеніи ихъ со службы послѣдовалъ 22 Августа 1905 года; указъ о лишеніи команды воинскаго званія воспослѣдовалъ въ сентябрѣ 26 того же года. Но команда ничего не знала объ этомъ; она узнала о постигшемъ ее несчастіи лишь въ сентябрѣ нынѣшняго года. Когда, обезпокоенная слухомъ, что она лишена воинскаго званія, она стала волноваться въ плѣну, то завѣдующій эвакуаціей генералъ Даниловъ телеграфировалъ въ Петербургъ и въ приказѣ его отъ 31 декабря 1905 г. за № 5 имѣется такое заявленіе: „На мой запросъ сегодня получена телеграмма отъ морского министра—1) что матросы Небогатовской эскадры не лишены воинскаго званія...“ Одновременно съ этимъ офицеръ Бѣлявинецъ, обезпокоенный тѣмъ, что команда волнуется, телеграфировалъ генералу Данилову, заявляя въ телеграммѣ: „несмотря на вашу телеграмму, судейскій капитанъ д'Андрэ говоритъ, что команда лишена званія безъ суда, прошу немедленно отвѣтить“. Въ отвѣтъ получается телеграмма отъ 3-го января 1906 года: „совѣтую вѣрить болѣе русскому генералу, чѣмъ судейскому капитану. Даниловъ“.

Для васъ, господа судьи, должно быть ясно, что команда, когда ее перевозили обратно, довѣряла русскому генералу и считала себя не лишенной воинскаго званія.

Слѣдовательно, сочувствіе команды, которая говорила: „дѣдъ пожалѣлъ насъ, спасибо дѣду“, и которая хотѣла поднести ему адресъ, сочувствіе это было отъ чистаго сердца и не было вызвано тѣмъ, что она видѣла въ немъ товарища по несчастью, наказаннаго такъ же, какъ и команда, безъ суда.

Обращаюсь къ послѣдней группѣ аргументовъ прокурора.

Господинъ прокуроръ, повидимому, считаетъ недостаточно обоснованнымъ на законѣ свое обвиненіе, и потому считаетъ нужнымъ его обосновать на авторитетахъ, для чего ссылается на Наполеона, капитана Патона и неизвѣстнаго автора.

Я процессуально считаю себя безоружнымъ передъ ссылкою на неизвѣстнаго автора. Какъ бороться съ неизвѣстнымъ авторомъ? Поэтому, оставляя ее безъ всякаго возраженія, я возвращаю эту ссылку г. Прокурору. Сверхъ указанныхъ авторитетовъ прокуроръ еще ссылался на другихъ морскихъ писателей, которые задавались разными хитроумными вопросами какъ бы поступили японцы, если бы, да кабы... Я не знаю,

какое имѣетъ значеніе даже и съ точки зрѣнія элементарной логики ссылка, хотя бы на величайшихъ авторитетовъ міра, если эти послѣдніе занимаются гаданіемъ на кофейной гущѣ! Тѣмъ не менѣе, прокуроръ ссылается на Эммануелей, Джемсовъ и др., которые говорятъ, что японцы въ положеніи Небогатова не сдались бы.

Какое отношеніе имѣетъ все это къ судебнымъ доказательствамъ? Если бы все же вы предупредили меня, господинъ прокуроръ, что вы желаете учинить рекордъ ссылокъ на авторитеты, то у меня нашлось бы очень много полезныхъ для насъ ссылокъ. Но я къ рекорду этому не готовился и потому могу указать лишь на то, что у меня сейчасъ подъ рукою—на книгу проф. Худекова „Путь къ Цусимѣ“. Въ этой книгѣ проф. Худековъ удѣляетъ десятокъ страницъ лейт американскаго флота Уайту, подробно описывающему Цусимскій бой. Профессоръ Худековъ глубоко вѣритъ въ авторитетность Уайта. А этотъ американскій морякъ заканчиваетъ свое описаніе боя словами: „адмиралъ Небогатовъ приказалъ поднять флагъ, возвѣщающій о сдачѣ. Можетъ ли кто назвать такой поступокъ неразумнымъ?“

Еще разъ повторяю: мои и прокурорскія цитаты имѣютъ значеніе не судебныхъ, а развѣ только салонныхъ доказательствъ и отъ дальнѣйшаго состязанія на этомъ поприщѣ я отказываюсь.

Но вотъ здѣсь было сдѣлано нѣсколько ссылокъ, которыхъ я не могу оставить безъ опроверженія какъ, напримѣръ, ссылка на капитана Кладо, который точно также утверждаетъ, что японцы никогда бы не сдались. Это заявленіе г. Кладо я оставлю безъ отвѣта, но что должно показаться весьма любопытнымъ, въ виду неоспоримой компетентности г. Кладо въ этой области, это то, какъ г. Кладо самъ понималъ назначеніе тѣхъ судовъ, которыя были ввѣрены адмиралу Небогатову. Говоря въ своихъ статьяхъ въ самый разгаръ снаряженія Цусимской эскадры, что въ нашемъ распоряженіи имѣются огромныя богатства флота, что намъ нечего заниматься попытками пріобрѣсти экзотическую эскадру, капитанъ Кладо заявляетъ, что, если взять „Николая I“ съ „Александромъ II“, да къ нимъ присоединить броненосецъ „Славу“, то получится сильный отрядъ, „который прекрасно могъ бы дѣйствовать противъ второстепенныхъ японскихъ отрядовъ для окончательнаго завладѣнія моремъ послѣ генеральнаго сраженія“. Сдѣлавши это открытіе, г. Кладо говоритъ облегченно: „Вотъ, слава Богу, мы и наскребли не болѣе, не менѣе, какъ 6 броненосцевъ и двѣ кано-

нерскія лодки". Обрадованный удачною находкою, въ составъ которой вошли: „Ушаковъ", „Сенявинъ" и „Апраксинъ", г, Кладо занялся вопросомъ о томъ, какое назначеніе можетъ быть имъ предоставлено. На стр. 62-й своей книги: „Послѣ ухода второй эскадры Тихаго Океана" онъ заявляетъ: „Но вѣдь это все суда, которыя будутъ принимать на себя снаряды. которые въ противномъ случаѣ увеличили бы количество попавшихъ въ тѣ малочисленныя суда, которыя пока туда направлены".

У насъ въ Либавѣ экономизировали при стрѣльбѣ на щитахъ, а японцамъ въ качествѣ мишени мы предоставляемъ цѣлую эскадру съ тысячами людей! Во всякомъ случаѣ, не оспаривая авторитета г. Кладо въ вопросахъ о боевой способности судовъ, я обращаю ваше вниманіе на то, что Небогатовъ былъ глубоко правъ, говоря—„нельзя возлагать на собаку того, что доступно лошади и наоборотъ".

Считаю нужнымъ, во имя справедливости отмѣтить, что г. Кладо, говоря о необходимости послать третью эскадру, былъ остороженъ въ своихъ выводахъ. Изучая боевой коэффиціентъ нашихъ силъ и силъ противника, онъ утверждалъ, что нашъ боевой коэффиціентъ относится къ японскому такъ, какъ одинъ относится 1, 8. Далеко не такъ остороженъ другой авторъ, который въ письмѣ, помѣщенномъ въ „Новомъ Времени" 5-го декабря 1904 г., заявилъ: да на что намъ боевой коэффиціентъ, у насъ есть свой „русскій коэффиціентъ", и коэффиціентъ этотъ гласитъ: „сила не въ силѣ, сила въ рѣшимости".

Авторъ этого письма адмиралъ Бирилевъ.

И воплотивъ этотъ русскій коэффиціентъ въ адмиралѣ Рожественскомъ, эскадру съ коэффиціентомъ, но со скверными пушками, послали въ японское море. Результаты вамъ извѣстны.

Г-да судьи, еще одно замѣчаніе. Г. Прокуроръ цитировалъ много авторитетовъ, которые утверждаютъ, что русскіе моряки позорно сдались. Это неправда. Они сдались, но не позорно. Такія несчастія случались въ исторіи всѣхъ странъ міра, со всѣми флотами. Въ доказательство этого позвольте моѣ процитировать мнѣніе адмирала Грейга по поводу сдачи фрегата „Рафаила". Когда капитанъ Стройниковъ сдалъ фрегатъ, то онъ находился внѣ выстрѣловъ врага. Адмиралъ Грейгъ пишетъ Николаю I „весьма много есть примѣровъ, когда англійскія и французскія суда сдались безъ боя и командиры ихъ были оправданы, И что, если нельзя отнести, „Рафаила" къ подобному случаю, какъ не испытавшаго опасности,—то все же это

ни одна держава не можетъ считать безчестьемъ для русскаго флота. Если бы командиры ихъ судовъ были въ такомъ положеніи, въ какомъ находился и „Рафаилъ“, несомнѣнно въ этомъ случаѣ и они могли сдаться безъ обороны“.

Этими словами адмирала Грейга я кончаю свою рѣчь. Позвольте сказать только одно заключительное слово.

Адмиралъ Небогатовъ узналъ въ Японіи, что онъ Высочайшимъ указомъ исключенъ изъ службы и немедленно пріѣхалъ въ Россію, чтобы бороться за свою поруганную честь. Господинъ обвинитель предложилъ вамъ не отнимать жизни у Небогатова на томъ основаніи, что до сихъ поръ никогда въ аналогичныхъ положеніяхъ ее не отнимали у виновныхъ.

Но обвинитель забылъ прибавить, что никогда обвиняемый не находился въ такихъ условіяхъ, какъ Небогатовъ. Его положеніе хуже положенія командира Рафаила, капитана Стройникова, сдавшагося внѣ выстрѣловъ непріятеля въ 1829 году, такъ какъ Стройниковъ не былъ осужденъ до суда и Высочайшая кара не висѣла надъ совѣстью судей. Никогда, до Небогатова, не приходилось командиру отчитываться передъ начальствомъ,—косвеннымъ виновникомъ той катастрофы, искупительной жертвой которой является Небогатовъ.

И все же Небогатовъ спокоенъ, потому что спокойна его совѣсть.

Господа судьи, все, что въ Россіи умѣетъ мыслить и чувствовать, все, что отдаетъ себѣ сознательный отчетъ въ перепетіяхъ той драмы, одинъ изъ актовъ которой разыгрывается теперь на судѣ, всѣ, кому надоѣло, наконецъ, видѣть какъ караются пассивные исполнители, въ то время, какъ активные виновники безконечныхъ бѣдствій предшествующей войны безнаказанны, всѣ ждутъ отъ васъ оправдательнаго приговора для Небогатова и его офицеровъ.

И только рѣшительное, безъ оговорокъ, „нѣтъ не виновенъ“ дастъ намъ всѣмъ право сказать злорадствующимъ врагамъ свѣта и правды: „нѣтъ, на судѣ Андреевскій флагъ не спускается ни передъ кѣмъ“.

Судъ призналъ бывшаго контръ-адмирала Небогатова виновнымъ, но призналъ уменьшающія вину обстоятельства: прежнюю долговременную безпорочную службу, крайне физическое утомленіе, послѣ тяжелаго блестяще исполненнаго трехмѣсячнаго перехода и угнетенное состояніе духа, вызванное боемъ, бывшимъ наканунѣ, посему на основаніи части 2 ст. 279 книги XII Св. Мор. Пост., судъ приговорилъ Его къ смертной казни, но, принявъ во вниманіе уменьшающія вину обстоятельства и руководствуясь ст. 17-той же книги, постановилъ ходатайствовать передъ Государемъ Императоромъ о замѣнѣ смертной казни заточеніемъ въ крѣпости на десять лѣтъ.

Рѣчь присяжнаго повѣреннаго Ф. А. Волькенштейна.

Господа Судьи! Страшно подумать, — я говорю двадцать первымъ. И защищаю я все такихъ обвиняемыхъ, которыхъ теперь уже никто не обвиняетъ. Боюсь, Вы, пожалуй, усомнитесь,—да осталось-ли еще за мной самое право на рѣчь.

Право мое вотъ какое: Г. прокуроръ отказался отъ обвиненія моихъ подзащитныхъ. Онъ насъ не обвиняетъ. Но онъ поступилъ съ нами гораздо хуже: онъ насъ... осудилъ.

Не могу я забыть позорныхъ упрековъ, брошенныхъ г. Прокуроромъ въ догонку несчастному плѣннику „Орлу“: „И сражаться еще могъ „Орелъ“, и затопиться, и команду спасти. Не нашлось на „Орлѣ“ ни одного энергичнаго офицера. Бываютъ самопожертвованія, ненужныя на первый взглядъ“.

Вы понимаете, господа, всю силу этого осужденія!

И свелось все великодушіе г. обвинителя вотъ къ чему: людишки-то все это неважные, да только уголовно-неуловимы они. Недаромъ, уже послѣ рѣчи г. прокурора, уже послѣ того, какъ онъ подвелъ свои обвинительные итоги, мы, защитники, подходили къ нему и спрашивали: „Да отказались Вы отъ обвиненія или нѣтъ?“

Для г. прокурора уголовная неуловимость моихъ подзащитныхъ—вопросъ факта, не болѣе того: былъ внизу, пришелъ наверхъ уже послѣ сдачи, ну, значитъ, невиновенъ. Но для насъ это вопросъ нашей совѣсти: не случайно только мы неповинны въ сдачѣ, а совѣсть наша такъ приказала намъ. Для насъ это вопросъ нашего права: не только мы уголовно-неуловимы, мы — уголовно-непреслѣдуемы. Прокуроръ съ насъ требуетъ, но прощаетъ, а мы утверждаемъ, что законъ съ насъ ничего не требуетъ.

Удивительная вещь! Двадцать человѣкъ юристовъ вотъ уже пять дней подрядъ возятся съ обвинительными построеніями г. прокурора, возражаютъ и возражаютъ, и все-таки не все еще сказано. Такъ уродливы эти построенія, что въ этихъ двухъ книжкахъ нѣтъ такой статьи, нѣтъ такой строчки, которыя бы не вопіяли противъ нихъ.

Сказано уже: въ статьѣ о сдачѣ корабля не упомянута ст. 74. Нужно договорить до конца! Разъ навсегда: соучастіе команды—особый видъ преступленія. Сдача корабля комадиромъ къ этому виду дѣяній не относится, сдача корабля—дѣяніе единоличное.

Прошу замѣтить: ст. 74, статья о соучастіи команды, эта статья изъ главы о невмѣняемости. Это законъ исключительный, законъ изъятія. А общее правило таково: подчиненный безпрекословно исполняетъ приказанія начальника, за преступность приказа онъ не отвѣчаетъ. Исключительные случаи такого вмѣненія въ законѣ оговорены. Разъ такой оговорки о ст. 74 нѣтъ, рѣчи быть не можетъ о соучатіи команды въ преступныхъ мѣропріятіяхъ начальника.

Забыта еще ст. 281, а лучше ея и искать не нужно: сдающій корабль, подъ страхомъ наказанія, выговариваетъ для своей команды наилучшія условія сдачи. Развѣ не ясно! Начальникъ остается начальникомъ, единственной дѣйствующей силой. Онъ и при сдачѣ, при отказѣ отъ власти, всетаки остается единоличнымъ властителемъ, вершителемъ судебъ своихъ подчиненныхъ. Команда въ его рукахъ матеріалъ пассивный, подневольный. Онъ, начальникъ, и только онъ одинъ, своей собственной рукой вынимаетъ тотъ основной болтъ, послѣ котораго вся желѣзная постройка военной организаціи распадается на составныя части.

Вы видѣли, господа судьи, къ какому неизбѣжному абсурду приводитъ конструкція г. прокурора, за волосы, во что бы то ни стало, притягивающаго и команду къ соучастію въ сдачѣ корабля. „Субъективный критерій“, говоритъ обвинитель! „Только тотъ офицеръ отвѣтственъ за сдачу, который ясно сознавалъ ея противозаконность“. Да помилуйте, г. обвинитель! Что Вы дѣлаете съ Вашими „героями“, на которыхъ вы такъ любовались! Вѣдь они-то, кричавшіе о позорѣ, кричавшіе: „топиться, взрываться“ вѣдь они-то и выходятъ самыми преступными. Вотъ что значитъ искусственныя юридическія построенія! Съ такими взвинченными обвиненіями всегда попадете въ просакъ.

Но это еще не все. Для юриста обязательна нравственная провѣрка. Я спрашиваю Васъ: кто выше, какъ мужъ, какъ воинъ,—тотъ кто безсильно протестуетъ, кто исходитъ въ крикахъ и все-таки поступаетъ противъ своей совѣсти, нечестно, по его пониманію, преступно, или тотъ, чей духъ не въ разладѣ, кто поступаетъ такъ какъ велитъ ему его совѣсть, скор-

битъ, страдаетъ, но дѣлаетъ то, въ чемъ видитъ свою правоту, кто и въ бѣдѣ остается равенъ самому себѣ?

Съ завистью косится г. прокуроръ на пожелтѣвшіе регламенты добраго стараго времени. У Петра Великаго все просто, ясно и легко: противодѣйствіе сдачѣ вмѣнено командѣ въ обязанность, самый порядокъ сопротивленія точно расписанъ въ законѣ. А въ нынѣшнемъ законѣ—о командѣ непростительное умолчаніе. Обвиненіе шатается, хромаетъ. Г. прокуроръ чувствуетъ это. Онъ роется въ Морскомъ Уставѣ, ищетъ себѣ костылей. И Г. прокуроръ нашелъ: ст. 14 прощаетъ младшему начальнику превышеніе власти въ случаяхъ особо-экстренной важности. Не поздравляю г. обвинителя. съ его находкой. Сдача —случай экстренный,—не спорю,—да костыль-то выбранъ неважный. Превышеніе власти „*прощается*“, но въ обязанность не вмѣняется. Это—разъ. Допускается оно только „въ предѣлахъ своей компетенціи“, а въ компетенцію юнаго мичмана, скажемъ врядъ-ли входитъ утопленіе всей команды съ раненнымъ командиромъ во главѣ. Это—два. А—три, и это самое главное,—на свой страхъ и рискъ офицеръ можетъ принять какую-нибудь мѣру только тогда, когда отложить ее невозможно до разрѣшенія начальства. Вотъ, напримѣръ, если какой-нибудь ротный командиръ, прикрывающій отступленіе, будетъ отрѣзанъ со своей ротой отъ своей части. Ну, а на сей разъ 15-го мая, начальство не только было подъ рукой, но само руководило всѣми младшими офицерами, и не только *разрѣшеніе* начальства было возможно получить, но было отъ него и *прямое запрещеніе*.

И выходитъ, что г. представитель закона призываетъ насъ къ явному противозаконію. Ибо Военно-Морской Уставъ о наказаніяхъ считаетъ тяжкимъ преступникомъ того, кто „самовольно приметъ начальствованіе“ надъ эскадрой или кораблемъ, да еще „вблизи непріятеля“ (ст. 287).

Не везетъ г. обвинителю! Со сдачей дѣло не выгораетъ. И послѣ сдачи офицеры неуловмы. Вѣдь Вы въ чемъ насъ обвиняете? Въ томъ, что мы *послѣ сдачи* не затопили, по собственному нашему усмотрѣнію, нашихъ кораблей, не испортили орудій, котловъ? Да, говорю-же я Вамъ, г. прокуроръ, это —преступленіе, то чего Вы отъ насъ требуете. Ст. 298 караетъ не за иное что, какъ за самовольное потопленіе корабля, порчу орудій и т. д. Все это дѣлается не иначе, какъ по приказу начальника,—командира или флагмана.

Вамъ и этого еще мало? Ну, такъ вотъ Вамъ ст. 307: точно перечислены предметы,—подлежащіе уничтоженію и пор-

чѣ при сдачѣ корабля. Это—сигнальныя карты, секретныя книги и т. п., все—въ видахъ огражденія государственной тайны. И статья эта помѣщена именно среди статей, огражденію этой тайны посвященныхъ. Вотъ о чемъ, о тайнѣ государственной заботится законодатель при сдачѣ корабля, а вовсе не объ уменьшеніи цѣнности приза непріятельскаго на нѣсколько рублей. А порча орудій и котловъ на кораблѣ, подлинно,—копейки. Другое дѣло при сухопутномъ отступленіи съ позицій: тамъ орудія—самый главный призъ и трофей непріятеля.

Въ статьѣ о сдачѣ, 354 ст. Морского Устава, сдача и уничтоженіе корабля взаимно исключаютъ другъ друга: сдача только тогда и дозволяется, когда уничтоженіе корабля уже невозможно.

Но разсчитаемся уже до конца, г. прокуроръ! Я снова ходатайствую гг. судьи о нравственной экспертизѣ. Только на этотъ разъ экспертомъ будетъ не кто иной, какъ самъ законодатель. Слушайте, г. прокуроръ: „Морской начальникъ, не приказавшій немедленно прекратить огонь по непріятельскому кораблю, спустившему флагъ“, подвергается... смертной казни. Смертной казни, г. прокуроръ! И знаете, на какую статью ссылается законодатель? На предыдущую, 290-ю, на статью о нападеніи на корабль союзнаго государства, о нарушеніи народнаго права. Вотъ—что такое сдавшійся врагъ: врагъ, сдавшійся признавшій твое превосходство, равенъ для тебя союзнику, дорогому, оберегаемому, другу. Вотъ то рыцарство, которымъ люди пытаются хоть немного скрасить отвратительное уродство называемое: война. Таковъ рыцарскій обычай народнаго права. На такое-же рыцарство со стороны врага-побѣдителя разсчитываетъ, очевидно, и русскій флагъ, спускаясь передъ нимъ. Такъ будьте же рыцаремъ не только въ побѣдномъ ликованіи. Оставайтесь рыцаремъ и въ черный часъ пораженія. Не лукавьте, не хитрите, не обманывайте довѣрія Вашего великодушнаго побѣдителя: для него съ этой минуты Вы не врагъ, а другъ, другъ въ бѣдѣ и несчастіи. Не опускайте своей воинской чести ниже чести торгашеской. Отдавая врагу-побѣдителю милліоны, не крадите у него изъ кармана копѣекъ. Это—мелко, недостойно, нечестно! Это—безсильная, жалкая злоба, а не воинскій подвигъ.

Замѣтьте, господа судьи: лейтенантъ Никоновъ кое-что испортилъ на „Орлѣ“, но затопить его и не подумалъ. А онъ принялъ изъ рукъ капитана Шведе командованіе броненосцемъ, онъ былъ старшимъ. И для насъ лейтенантъ Никоновъ, въ нѣкоторомъ родѣ, авторитетъ по части воинской чести и даже по

части закона: онъ суду не преданъ, былъ у насъ свидѣтелемъ, его дѣйствія, такъ или иначе, аппробированы уже высшей властью, верховнымъ командиромъ флота, источникомъ дѣйствующихъ военно-морскихъ законовъ.

Что-же требовать послѣ этого отъ механиковъ,—механиковъ, къ боевому составу команды не принадлежащихъ, близкихъ по своему положенію на военномъ кораблѣ къ судовымъ врачамъ, никогда, по закону, не заступающихъ мѣсто выбывшаго изъ строя командира, въ чинѣ полковника подчиняемыхъ иногда самому юному мичману?

Для сдачи корабля г. прокуроръ требуетъ *отъ командира* общаго согласія всѣхъ офицеровъ. А *послѣднему мичману* онъ предписываетъ топить всѣхъ,—и офицеровъ, и команду, и командира, и здоровыхъ, и раненыхъ, безъ спроса кого-бы то ни было, противъ приказа командира, противъ желанія всѣхъ офицеровъ,—такъ, просто, на свою совѣсть, взять, да всѣхъ и утопить.

Вотъ Вамъ второй абсурдъ, къ которому приходитъ г. обвинитель.

Нѣтъ, не могли офицеры „Орла“ затопить свой броненосецъ вопреки приказа командира. Не могли и по смыслу закона. Не могли и по самому смыслу вещей. Они подчинились капитану Шведе. Подчинялись и потому, что адмиралъ Рожественскій пріучилъ ихъ безпрекословно подчиняться всякому командиру, и потому что именно капитану Шведе не подчиниться въ ту минуту они психологически не могли. За эти сутки, за этотъ ужасный день и ужасную ночь они привыкли подчиняться этому человѣку не за страхъ, а за совѣсть.

Съ самаго начала боя капитанъ Юнгъ былъ раненъ и на его мѣсто въ боевой рубкѣ стали Шведе и Шамшевъ. Броненосецъ сражался, дышалъ огнемъ и смертью, броненосецъ горѣлъ, броненосецъ тонулъ, а въ боевой рубкѣ два человѣка, подъ огненнымъ градомъ, среди труповъ, оба израненные, окрававленные, вели броненосецъ все впередъ и впередъ, въ самое пекло огненнаго ада. Надъ океаномъ нависла ночь, грохочущій и шипящій хаосъ смѣнился жуткой, полной невѣдомыхъ ужасовъ, тишиной, броненосецъ померкъ и продирался впередъ сквозь стаю рѣющихъ миноносцевъ, жалившихъ его дно со всѣхъ сторонъ. А въ боевой рубкѣ все стояли два человѣка, истекая кровью, руками зажимая раны, теряя сознаніе и поперемѣнно замѣняя другъ друга, вперяя въ жуткую тьму глаза, залѣпленные кровью, засыпанные раскаленными оскол-

ками. Прорвались, наконецъ. Непріятель усталъ, отсталъ. На броненосцѣ люди свалились обезсиленные, а эти двое все тамъ, наверху, все еще не вспомнивъ о своихъ ранахъ, ослабѣвшими голосами все отдаютъ приказанія, готовятся къ новой борьбѣ, къ новымъ ужасамъ. Къ утру Шамшева унесли, а Шведе не дался, остался одинъ. Адмиралъ своимъ сигналомъ сказалъ ему: „Не могу я безъ цѣли губить людей, а ты—какъ хочешь...“ Шведе оглянулся кругомъ, на груды труповъ, на изможденныя лица, застывшія въ ожиданіи смерти. Сказалъ и онъ:—„не могу“. Сказалъ—и заплакалъ слезами нестерпимой обиды, упавъ окровавленой головой на холодную сталь родного борта. И офицеры повѣрили этому „не могу“, и эти слезы были для нихъ святы...

Да и когда это было время топиться? Г. Прокуроръ очень предусмотрителенъ: заблаговременно нужно было пересадить часть команды на „Изумрудъ“, остальную часть—на одинъ изъ броненосцевъ, а остальные затопить; тогда непріятелю сданъ былъ бы только одинъ корабль, а не четыре. Не понимаю! О чемъ хлопочетъ г. обвинитель? Зачѣмъ этотъ торгъ? Одинъ или четыре корабля, все равно—сдача! Позоръ—одинъ и тотъ же! Усиленіе непріятеля?! О какомъ такомъ усиленіи *непріятеля* рѣчь, когда этотъ непріятель на морѣ пересталъ быть „непріятелемъ“: онъ сталъ полновластнымъ *хозяиномъ* моря; у насъ флота уже не было, война на морѣ была кончена.

Заблаговременно уничтожить эскадру?! Да, вѣдь, это новое преступленіе, на которое Вы насъ зовете, г. Прокуроръ. Укажите намъ законъ, по которому адмиралъ или командиръ имѣетъ право топить корабли, не терпя бѣдствія ни отъ стихіи ни отъ врага, законъ, по которому они могутъ уклониться отъ боя, не видя непріятеля, не зная его численности, не будучи еще увѣрены въ неизбѣжности встрѣчи съ нимъ! Сдаться непобѣдимому врагу—преступленіе, а покончить самоубійствомъ изъ страха передъ ожидаемымъ врагомъ, это—подвигъ? Вотъ Вамъ, господа судьи, еще одинъ абсурдъ г. Прокурора.

„На „Орлѣ“ все готово было къ затопленію“. Да, готово. И все-таки не затопились. Почему? Гг. судьи, я скажу Вамъ сейчасъ слово, которое дико прозвучитъ здѣсь, въ этомъ военномъ собраніи: *жалко было!* Жалко родного корабля. Это не пустое для моряка слово. Люди прирастаютъ къ желѣзному чудовищу, становятся органами его, щупальцами. Этотъ гигантъ былъ калѣкой отъ рожденія. Онъ и года не прожилъ. Вся его недолгая жизнь была сплошнымъ страданіемъ и борь-

бой,—борьбой съ той самой стихіей, для которой онъ былъ созданъ, а больше всего съ собственной немощью. И выходили калѣку-гиганта эти же люди. Мѣсяцъ за мѣсяцемъ врачевали они его недуги, выправляли его ломкіе и непослушные члены. Они вложили въ него душу и плоть свою. Изъ Цусимскаго хаоса „Орелъ“ вырвался избитымъ, изувѣченнымъ. Броня его, кожачудовища, была цѣла, но внутри все было разбито, исковеркано, искромсано. Гигантъ превратился въ мѣшокъ, въ которомъ болтались изломанныя, разробленныя кости, изорванные мускулы, распотрошенные органы. Только сердце чудовища,—его машина, безъ которой корабль—мертвецъ недвижимый,—только это сердце еще работало, усталое, износившееся, скрипѣло, хрипѣло и колотилось объ его измятые, избитые бока. Искалѣченное чудовище ползло, какъ черепаха, у которой подъ ея твердой спиной разворочена вся мякоть; ползло, сваливаясь на бокъ и снова выпрямляясь, захлебываясь волной и выплевывая ее,—ползло на своемъ стальномъ брюхѣ, безъ огней, ослѣпшее, темное, сквозь тьму ночную и туманы, навстрѣчу солнцу и своему плѣну. А людямъ жалко было разстаться съ роднымъ гигантомъ: они его выходили и удержали на водѣ, они его спасли и вывели изъ огня. Онъ сталъ усыпальницей лучшихъ изъ нихъ: калѣка,—онъ сталъ имъ еще дороже. И чудилось имъ, что сослужитъ онъ еще послѣднюю службу, и врагъ уже найдетъ ему его почетную могилу на днѣ океана.

Да и когда это „Орелъ“ могъ распорядиться своей участью? Когда не было японцевъ, онъ былъ подначаленъ адмиралу. Когда японцы были тутъ, адмиралъ сдался и, по мнѣнію прокурора, самъ себя разжаловалъ изъ флагмановъ, тогда было поздно топиться и спасаться. Пересаживаться на „Изумрудъ“? Да его и слѣдъ простылъ.

Но я уступлю г. обвинителю: флагмана не было надъ „Орломъ“, приказъ адмирала былъ необязателенъ, броненосцы самостоятельно рѣшали свою судьбу! Пусть такъ! Но разъ не было флагмана, не было и *эскадры*. Эскадра распалась на *отдѣльные корабли*. А для „отдѣльно плавающаго корабля“ условія сдачи проще, чѣмъ для эскадры. Г. Прокуроръ забылъ не только законы, но и первыя правила ариѳметики. По ст. 350 Морского Устава, отдѣльно плавающій корабль сдается при неизмѣримомъ превосходствѣ непріятеля. Оглянуться вокругъ, „сколько васъ и сколько насъ“, произвести вычитаніе, а то и дѣленіе, и дѣло съ концомъ. Благодарю Васъ, г. прокуроръ Вы оправдали насъ: мы, съ нашимъ „Орломъ“ были въ 27 разъ слабѣе непріятеля.

„Орелъ“ еще могъ сражаться, не всѣ средства обороны были истощены, „Орелъ“ сдался безъ боя! Г. Прокуроръ строже, чѣмъ самъ законодатель. Законъ говоритъ о невозможности сопротивляться. Сопротивляться—плѣненію или уничтоженію безъ вреда для непріятеля и съ неизбѣжной гибелью всей команды, т. е. съ тѣмъ самымъ „безполезнымъ кровопролитіемъ“, котораго не допускаетъ и воинскій законъ. А на „Орлѣ“ если и оставались снаряды, то пушки ихъ не дѣйствовали; если были еще орудія, то снарядовъ у нихъ не было.

Въ Проектѣ нынѣшняго Морского Устава законодатель сначала говорилъ такъ: „если весь порохъ и всѣ снаряды истрачены, артиллерія сбита или потеря въ людяхъ столь значительна, что дальнѣйшее сопротивленіе окажется невозможнымъ“... А потомъ, передѣлывая ст. 284 Проекта въ дѣйствующую нынѣ ст. 354, законодатель добавилъ: «и вообще способы обороны истощены». Рѣчь идетъ не объ абсолютной силѣ, а объ *относительной и боевой* способности броненосца. Какіе же способы обороны были возможны для «Орла», когда онъ при мало-мальски рѣшительной циркуляціи захлебывался водой и готовъ былъ опрокинуться, когда его пушки ослѣпли, не имѣя дальномѣровъ и прицѣловъ, когда его снаряды не долетали до врага? Онъ могъ не сражаться, а стрѣлять, но и стрѣлять даже не „на страхъ врагамъ“.

„Орелъ“ сдался безъ боя! Г. Прокуроръ храбрѣе, чѣмъ *настоящіе* морскіе генералы. «Кто былъ въ центрѣ непріятельскаго огня, тотъ исполнилъ свой долгъ». Нѣтъ, Вы послушайте, что говорятъ объ „Орлѣ“ японцы:—„Мы были испуганы, когда увидѣли результатъ нашей же стрѣльбы. На корабль невозможно было взойти. Все было избито, изломано, изогнуто, исковеркано. Уцѣлѣли,—по крайней мѣрѣ, еще стоятъ однѣ только трубы. Но и онѣ обращены снарядами въ рѣшето. На палубѣ нѣтъ и четырехъ сантиметровъ цѣлыхъ“. (Лѣтопись войны съ Японіей, № 68, стр. 1344). Въ бортахъ „Орла“ было около полутораста пробоинъ, изъ нихъ нѣкоторыя такія, что тройка могла въѣхать. Но, по мнѣнію г. прокурора, „Орелъ“ не былъ въ бою!

У г. прокурора свой взглядъ и на „спасеніе команды“. Изъ текста закона онъ выцарапалъ одно словечко и думаетъ имъ заткнуть голосъ совѣсти и гуманности. По его мнѣнію, законъ говоритъ не о томъ, чтобы спастись командѣ, а о томъ только, чтобы „*искать* спасенія“. Важна *попытка*, а не результатъ. „Хотя бы одинъ человѣкъ спасся, и того достаточно“. Да, достаточно, когда сидишь здѣсь, въ креслѣ. А командиру,

пускающему ко дну сотни и тысячи жизней, ему не до такой бухгалтерской щедрости.

Ужасъ весь въ томъ, что эти слова прокурора—не ошибка, не промахъ случайный. Эта—цѣлая система. Рѣчь идетъ о человѣческихъ жизняхъ, а для г. прокурора важна только реляція, рапортъ, бумажка за номеромъ, въ которой бы значилось: „*искали* спасенія“,

И все у насъ такъ. На бумагѣ былъ у насъ и флотъ грозный. А на дѣлѣ? Сбродъ изъ негодныхъ корытъ! На бумагѣ мы кричали японцамъ: „Идемъ на васъ“. А на дѣлѣ—вокругъ земного шара двигалась похоронная процессія: гробы какіе-то, черные ящики, заваленные углемъ. Да, вѣдь, это—все тѣ же „мертвыя души“,—сила и богатство государства, существующія только на бумагѣ! Это все та же „чичиковщина“. „Чичиковщина“ государственная!

Мичманъ Карповъ сказалъ: „Мы, офицеры,—виноваты въ позорѣ. Мы были ниже команды. Мы не съумѣли умереть“. И г. прокуроръ пришелъ въ восторгъ. А мнѣ стало жутко. Юная совѣсть стонала, надорвавшись въ сомнѣніяхъ. Сѣдоголовый Шведе до сихъ поръ не можетъ рѣшить, виноватъ ли онъ въ чемъ или нѣтъ, а горячій юноша взваливаетъ на свои, неокрѣпшія еще плечи всю гигантскую тяжесть отвѣтственности, которую несетъ передъ народомъ старшее поколѣніе, быть можетъ,—поколѣнія вѣковъ. И я вижу уже отвратительную картину: старики, грѣшные и безстыдные, подсаживаютъ эту тяжесть своихъ грѣховъ на самоотверженныя юношескія плечи. Еще бы! Его самообвиненіе для нихъ оправданіе. Объ этомъ вся ихъ забота!

Г. Прокуроръ изволитъ иронизировать: „Эти Азіаты выражаются своеобразно: свои побѣды они приписываютъ не своей доблести, а добродѣтелямъ обожаемаго императора и его предковъ“. Японскій Микадо меня интересуетъ ровно столько же, сколько Китайская императрица. Но думаю „эти Азіаты“ найдутъ, чьимъ „добродѣтелямъ“ приписать и пораженія,—свои и... чужія. Они не такъ глупы, „эти азіаты“, какъ кажется Вамъ, г. прокуроръ. Они—фаталисты. Они всегда видятъ предъ собой *всю* желѣзную цѣпь причинъ и слѣдствій, а не только одно послѣднее звено этой цѣпи. И это кольцо они выковываютъ не изъ одной только отвѣтственности послѣднихъ неудачниковъ, расплачивающихся за чужіе грѣхи.

Мичманъ Карповъ „не съумѣлъ умереть“! Это мы знаемъ, видимъ. Мичманъ Карповъ „хотѣлъ умереть“! Этому мы вѣримъ. Но почему не съумѣлъ умереть? Почему не съумѣлъ

хотѣть до конца? Онъ, который наканунѣ со священнымъ безумiемъ бросался прямо смерти въ ея когти. Вотъ, въ чемъ вопросъ.

Милостивые государи! Войны ведутся не для испытанія воинской чести. Война не есть упражненіе въ умѣніи умирать. Такое противоестественное дѣло, какъ война, такая извращенность, какъ избіеніе себѣ подобныхъ и самоизбіеніе, должно же имѣть хоть цѣль какую-нибудь. На такое дѣло людей одурманить нужно, до экстаза ихъ довести.

Подвигъ не ради подвига самого совершается. Умираютъ люди не смерти-ради. Мученики вѣнецъ свой пріемлютъ не ради мученичества своего. Душа, не зажженная вѣрой, къ подвигу не пламенѣетъ.

Подвигъ—дѣло веселое. Самопожертвованіе—дѣло священнаго безумія, дѣло восторга, упоенія цѣлью подвига, упоенной вѣры въ эту цѣль. Мученику весело умирать. Первые христіане распѣвали псалмы, охваченные огнемъ своего костра.

И Христосъ принялъ крестную смерть не ради смерти самой, а ради цѣли своей,—ради спасенія рода человѣческаго. Принесъ жертву свою не во имя жертвы самой, а во имя Бога своего. Не желаніе смерти двигало его на Голгофу, а вѣра его двигала имъ.

Господа Судьи! Кто не исполнилъ долга своего, того карайте. Кто подвига не совершилъ, того не прославляйте. Кто мученикомъ не былъ, тому не покланяйтесь. Но кто на самоубійство не пошелъ, того предоставьте совѣсти его.

Мичманъ Карповъ 14-го Мая въ дикомъ упоеніи носился среди пламени пожара подъ раскаленнымъ градомъ снарядовъ. Ему весело было. Онъ весь былъ—служеніе своему долгу, восторженное, самоотверженное служеніе богу войны.

А 15-го не было уже этого восторга, не было упоенной вѣры въ этого бога,—въ этого прожорливаго Молоха, который наканунѣ пожралъ тысячи жизней человѣческихъ, проглотилъ достояніе цѣлаго поколѣнія и ничего не далъ этому народу за всѣ его жертвы.

Годъ цѣлый желѣзная цѣпь долга сковывала всѣхъ этихъ людей. Какъ же случилось, что эта цѣпь въ послѣднюю минуту вдругъ распаялась? Наканунѣ—герои, смоотверженные подвижники, разъяренные мстители за національную гордость, они на утро стали трусами, измѣнниками и предателями? Вчера они дерзновенно глядѣли прямо въ жадные глаза смерти, а сегодня они уже не умѣли умирать, не умѣли хотѣть до конца? Почему же, почему *сегодня* они не умѣли хотѣть до конца?!

Наканунѣ кругомъ нихъ валились человѣческія тѣла

изрѣшетенныя, сожженныя, изорванныя въ клочья. И они не слышали ихъ стоновъ, хрипѣнія, проклятій. Ногой они расшвыривали трупы, пробиваясь къ своимъ орудіямъ. Обезсиленные, въ темнотѣ они садились передохнуть и не замѣчали, что сидятъ на трупахъ товарищей. А на утро эти стоны заглушили въ нихъ голосъ воинской чести и національной гордости?!

Господа Судьи! Въ это утро они увидѣли предъ собой 27 непріятельскихъ кораблей, *всѣ двадцать семь*,—невредимые, цѣлехонькіе, безъ царапинки, нарядные, какъ на смотру, блистающіе, смѣющіеся. Въ это утро увидѣли они, что безплодны были вчерашнія жертвы, что страна, которая дала все, что могла, народъ, съ котораго взято больше, чѣмъ онъ могъ дать, остались незащищенными, до смѣшного, до безумія жалкаго безсильными.

„Офицеры были ниже команды"! Оставьте! Не оскорбляйте команды! Эти матросы, эти выходцы изъ голодной деревни,— они сильнѣе насъ съ Вами умѣютъ чувствовать всю безплодность народной жертвы, всю позорность и грѣховность ненужной, безъидейной войны.

„Не нашлось ни одного энергичнаго офицера"?—Оставьте! Слова, слова, слова. Миѳическій „энергичный офицеръ"! Канцелярская выдумка! Это въ бумажныхъ законахъ, въ артикулахъ бездушныхъ и фразистыхъ офицеръ—властелинъ надъ душою солдата. А въ жизни, законы души человѣческой всюду одни и тѣ же: команда—*надъ* офицеромъ. Больше, чѣмъ онъ—надъ ней. Будь *въ командѣ* этотъ восторгъ подвига,—и какой-нибудь боцманъ, послѣдній штрафованный матросъ увлекъ бы за собою всѣхъ,—и матросовъ и офицеровъ.

Ту минуту, которая дѣлаетъ людей героями, эти люди пережили. Ибо геройство не въ самой смерти, а въ готовности къ смерти, въ этой послѣдней минутѣ человѣка, страшной минутѣ послѣдней рѣшимости. Они знали, что смерть неминуема,— въ огнѣ или водѣ. И все-таки, не дрогнувъ, пошли по своимъ мѣстамъ, по боевому расписанію. Они знали, что это расписаніе—расписаніе ихъ смертнаго церемоніала. И они сошли внизъ въ свои башни и казематы, въ свои желѣзные гробы и могилы. Они знали, что наверхъ имъ больше не подняться, что солнце они видѣли въ послѣдній разъ. И они доживали, тамъ внизу, свои пять минутъ жизни.

Нѣтъ! Не страхъ смерти сломилъ этихъ людей. Не физическая сила врага покорила ихъ. Сдались они предъ нравственной силой вражескаго народа,—такъ умѣло, такъ цѣлесообразно,

такъ плодовито использовавшаго свои, народныя, силы и жертвы.

Не предъ силою врага спустился русскій флагъ! Онъ, жалкій, поникъ предъ собственнымъ безсиліемъ. Оно воочію предстало передъ нимъ, это безсиліе: врагъ передъ нимъ торжествовалъ, въ своей полнѣйшей невредимости, смѣялся, издѣвался, хохоталъ...

Бывали сдачи въ исторіи. Бывали онѣ и у насъ. Но никогда онѣ не были такъ позорны. Ибо были эти сдачи случайны. Причиной имъ были ошибки человѣческія или шалости стихіи. Этой же сдачи позоръ—въ ея неминучей неизбѣжности, въ ея желѣзной предопредѣленности, предопредѣленности не ошибками, а грѣхами человѣческими.

Нѣтъ! Не этими людьми позоръ начался. Ихъ самихъ позоръ-то и сломилъ. Не ихъ позоръ — эта сдача. Это—позоръ и несчастіе всего народа, — народа обманутаго, народа обманываемаго.

Не эти люди повинны въ позорѣ народа. Позоръ этотъ и кара за него да падетъ на головы ихъ искусителей, что послали ихъ на подвигъ не во имя блага народнаго, а во имя грѣховности собственной.

Эта сдача—часъ расплаты,—запоздалой и потому столь ужасной.

И отводить позоръ отъ Цусимскаго разгрома къ Небогатовской сдачѣ, отводить его на этихъ людей значитъ отводить глаза народа отъ искусителей его, значитъ длить и дальше неизбывный грѣхъ передъ народомъ, длить вѣковѣчный обманъ его.

Берегитесь, господа Судьи! Да не приложится рука Ваша къ этому новому обману народа!..

Судъ, признавъ доказаннымъ, что сдача броненосца «Орелъ», утромъ 15-го мая 1905 г., послѣдовала при обстоятельствахъ, указанныхъ въ ст. 354 Мор. Устава, т. е. что онъ сражался до послѣдняго истощенія своей боевой силы, призналъ командовавшаго этимъ броненосцемъ капитана 2-го ранга Шведе въ сдачѣ невиновнымъ. Всѣ офицеры «Орла» были оправданы.

Рѣчь присяжнаго повѣреннаго А. К. Вольфсона.

Мы выслушали, г. г. Судьи, цѣлый рядъ рѣчей защиты, яркими красками обрисовавшихъ положеніе всей эскадры Адмирала Небогатова въ злополучный день 15-го Мая. Ясно и опредѣленно обрисовалось и плачевное положеніе броненосца береговой обороны „Адмирала Синявина“, попавшаго въ неподобающую ему роль эскадреннаго броненосца. Я не буду поэтому говорить о положеніи эскадры, не буду касаться общихъ мѣстъ и ограничусь лишь разборомъ тѣхъ обвинительныхъ пунктовъ, которые непосредственно относятся къ моему подзащитному, Капитану 2 ранга Аршвагеру. Капитанъ Аршвагеръ, старшій офицеръ „Адмирала Синявина“, обвиняется въ томъ, что въ нарушеніе присяги и вѣрности службы, имѣя возможность предупредить преступленіе—сдачу броненосца безъ боя—завѣдомо допустилъ содѣяніе онаго преступленія и кромѣ того запрещалъ что-либо портить на броненосцѣ и приказалъ изъ опасенія, чтобы не взорвали корабль, замкнуть погреба и крюйтъ-камеру, чѣмъ содѣйствовалъ сдачѣ. Такъ гласитъ обвинительный актъ, но такъ ли это на самомъ дѣлѣ. Я позволю себѣ разобрать обвиненія, предъявляемыя къ Аршвагеру въ той послѣдовательности, какъ они изложены въ обвинительномъ актѣ: обвинительный актъ говоритъ: „имѣя возможность предупредить это преступленіе“, но является ли поступокъ, совершенный Адмираломъ Небогатовымъ преступленіемъ. Вѣдь законъ допускаетъ возможность сдачи и лишь обставляетъ эту возможность извѣстными условіями. Вопросъ весь въ томъ, были ли эти условія на лицо или нѣтъ. Вы изволили слышать тѣ выводы, къ которымъ пришла защита адмирала Небогатова; выводы эти не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что возможности защищаться не было никакой, не было также и

возможности спасти команду—слѣдовательно оставалась лишь возможность умереть всѣмъ или сдать эскадру японцамъ, и если командиры судовъ съ Адмираломъ Небогатовымъ во главѣ, люди еще наканунѣ во время боя 14 числа при Цусимѣ смѣло смотрѣвшіе въ лицо смерти, отдали приказъ поднять сигналы о сдачѣ, то ясно, что не трусость побудила ихъ къ этому, а лишь сознаніе всей безцѣльности дальнѣйшаго сопротивленія, сознаніе невозможности спасти, при затопленіи, команду и вполнѣ законное желаніе не губить даромъ, безцѣльно и безсмысленно 2000 молодыхъ жизней. Условія, которыя требуются ст. 354, были на лицо, и, если это такъ, то поступокъ Адмирала Небогатова не есть преступленіе. На обсужденіе этого вопроса, была ли преступна сдача или нѣтъ, потрачены мѣсяцы работы предварительнаго слѣдствія, потрачены долгія недѣли на обсужденіе вопроса здѣсь на судѣ, высказанъ цѣлый рядъ соображеній за и противъ—все для того, чтобы рѣшить, есть ли въ сдачѣ преступленіе; а между тѣмъ, отъ подсудимыхъ, въ томъ числѣ отъ Капитана Аршвагера требуется, чтобы вопросъ о преступности былъ рѣшенъ въ нѣсколько минутъ, требуется, чтобы Капитанъ Аршвагеръ, вбѣжавъ на верхъ изъ каютъ-компаніи, гдѣ онъ все время находился и, увидѣвъ развѣвающійся на фокъ-мачтѣ сигналъ о сдачѣ, въ этотъ же мигъ рѣшилъ преступна сдача или нѣтъ, рѣшилъ тотчасъ же бы вопросъ, долженъ ли онъ подчиняться приказу командира своего броненосца или долженъ ослушаться, взбунтовать команду и топить или взрывать броненосецъ. Все это долженъ былъ Капитанъ Аршвагеръ рѣшить немедленно, а дилемма вѣдь была такова—или Адмиралъ и командиры судовъ совершили преступленіе, и онъ Аршвагеръ, послушавъ ихъ, послѣдовавъ ихъ приказу, тоже совершилъ преступленіе, или же Адмиралъ и командиры судовъ поступили законно и тогда уже, не послѣдовавъ ихъ приказу и взбунтовавъ команду, онъ совершилъ преступленіе и преступленіе тяжкое. Понятно, что рѣшая эту тяжкую дилемму, Капитанъ Аршвагеръ склонился въ пользу перваго предположенія, не счелъ поступка Адмирала Небогатова и командировъ преступленіемъ и поэтому не счелъ возможнымъ бунтовать команду. Да и была ли г. г. Судьи, возможность взбунтовать команду. Свидѣтельскія показанія не даютъ основанія съ твердостью, предположить, что такая возможность была. Настроеніе команды было апатичное, говоритъ свидѣтель о. Зосима: не было того возбужденнаго повышеннаго настроенія, которое даетъ основаніе и надежду, что можно горячимъ словомъ или отважнымъ поступкомъ увлечь за собой

сотни людей на вѣрную смерть, на безусловную гибель, заставить людей, воспитанныхъ въ строгой морской дисциплинѣ не подчиниться требованію Адмирала, не подчиниться требованію командира судна, а идти по тому пути, который указалъ бы имъ болѣе молодой начальникъ, особенно, когда этотъ путь велъ ихъ прямо къ смерти, прямо въ суровое море, которое наканунѣ поглотило столькихъ ихъ товарищей. Нѣтъ г. г. Судьи, эта обстановка не изъ тѣхъ, когда команда пойдетъ на бунтъ. Да имѣлъ ли право капитанъ Аршвагеръ бунтовать команду? Вы помните г. г. Судьи, какого мнѣнія по этому поводу держался Адмиралъ Рождественскій. А иного пути, кромѣ бунта, быть не могло, ибо протестовать словесно, кричать о томъ, что это позоръ, что я не согласенъ—это г. г. Судьи, не болѣе, какъ слова, которыя ни ослабить, ни усилить предполагаемую вину не могли и не могутъ. Такіе крики и безопасные протесты, быть можетъ въ будущемъ могутъ дать основаніе для награжденій и повышеній, но въ ту злосчастную минуту сдачи для чести русскаго военнаго флага значенія не имѣли. Все таки Капитанъ Аршвагеръ отправляется къ командиру и докладываетъ ему о мнѣніи офицеровъ и своемъ, не слѣдуетъ ли затопляться, но дважды командиръ отвѣчаетъ энергичнымъ отказомъ, сознавая безцѣльность и преступность затопленія при невозможности спасти команду.

Перехожу къ дальнѣйшимъ обвиненіямъ: Капитану Аршвагеру ставится въ вину по обвинительному акту, что онъ запрещалъ портить орудія и выбрасывать за бортъ предметы снаряженія. Объ этомъ говоритъ свидѣтель Греченецъ. Свидѣтель, котораго, къ сожалѣнію, мы здѣсь не видѣли, здѣсь не допрашивали и потому не можемъ съ увѣренностью сказать, что свидѣтельство его безпристрастно, и не является продуктомъ подчасъ возбужденной фантазіи, не является наслоеніемъ цѣлаго ряда слуховъ и предположеній, явившихся впослѣдствіи, много времени спустя послѣ сдачи броненосца, въ плѣну, въ Сасебо. Безспорнымъ показаніемъ можетъ считаться только то, которое прошло здѣсь передъ нами, обставленное всѣми формами судебнаго допроса и очищенное отъ всякихъ наслоеній путемъ перекрестныхъ вопросовъ. Объ этомъ же говоритъ, правда, и свидѣтель Стенинъ, но изъ показаній Стенина, можно заключить, что запрещеніе портить артиллерію относится къ моменту, когда еще японцы стрѣляли, а въ тотъ моментъ это запрещеніе было вполнѣ законно, ибо доколѣ врагъ стрѣляетъ, конечно, не можетъ быть и рѣчи о необходимости портить артиллерію.

Г. Прокуроръ, указывая въ своей рѣчи на это обвиненіе, считаетъ возможнымъ сослаться на показаніе подсудимаго Бѣлавенца, который говоритъ о томъ, что несмотря на запреты старшаго офицера, приказывалъ выбрасывать за бортъ орудія, снаряженія и т. д. Г. г. Судьи, почему же г. Прокуроръ считаетъ возможнымъ довѣрять показаніямъ Лейтенанта Бѣлавенца и не довѣрять показаніямъ капитана Аршвагера. И можетъ ли вообще показаніе подсудимаго по тому же дѣлу, показаніе, данное на предварительномъ слѣдствіи (я позволю себѣ это подчеркнуть), служить достаточнымъ судебнымъ доказательствомъ. Передъ нами прошелъ другой судебный матеріалъ, живые свидѣтели съ броненосца „Адмиралъ Синявинъ“, но эти свидѣтели, бывшіе тутъ-же на броненосцѣ, ни однимъ словомъ не обмолвились о существованіи запрета. Далѣе, г. Прокуроръ ставитъ Капитану Аршвагеру въ вину, что онъ скомандовалъ „оставить спасаться“ и приказалъ убрать койки. Мы здѣсь слышали, г. г. Судьи, отъ свидѣтеля Дмитріева, дававшаго показанія здѣсь, на судѣ, что приказъ о койкахъ означалъ собой распоряженіе собрать ихъ, сложить въ порядкѣ, такъ какъ онѣ были разбросаны по всей палубѣ, а не убрать, какъ объ этомъ говоритъ г. Прокуроръ. Дальше, г. г. Судьи, приказаніе „оставить спасаться“ было ли въ этомъ что либо преступное? Вы примете, конечно, въ соображеніе, при обсужденіи этого признанія, то смятеніе, которое царило на броненосцѣ во время сдачи; команда, естественно и вполнѣ понятно, растерялась, бросалась къ койкамъ и спасательнымъ приспособленіямъ тогда, когда сдача уже была совершившимся фактомъ и когда къ взрыву или потопленію приготовленій никакихъ не дѣлалось. Вполнѣ естественнымъ и понятнымъ было желаніе старшаго офицера успокоить команду, удержать ее отъ ненужнаго уже стремленія броситься въ море; тѣмъ болѣе, что къ койкамъ бросилась вѣдь не вся команда, а лишь нѣкоторая, незначительная ея часть. Далѣе обвинительный актъ ставитъ въ вину Капитану Аршвагеру, что онъ распорядился закрыть пороховые погреба и крюйтъ-камеру. Господинъ Прокуроръ въ своей рѣчи объ этомъ говоритъ мало, какъ бы отказываясь отъ него. Я позволю себѣ напомнить Вамъ, г. г. Судьи, что закрытіе крюйтъ-камеры и погребовъ произошло уже тогда, когда давно японскій флагъ развѣвался на гафелѣ „Синявина“ за нѣсколько минутъ до пріѣзда японцевъ на броненосецъ. Если бы было у кого-либо намѣреніе взорвать броненосецъ, то это намѣреніе давно уже могло быть приведено въ исполненіе, ибо съ момента сдачи до пріѣзда японцевъ прошло около 4 часовъ времени. Да

къ тому же ключъ отъ погребовъ и крюйтъ-камеры поручикомъ Одеромъ былъ повѣшенъ въ стеклянный ящикъ каютъ-компаніи, гдѣ каждый желающій могъ его взять. Вообще мнѣ кажется, что едва ли крюйтъ-камера могла оставаться открытой послѣ сдачи т. е. послѣ окончанія боя; простой порядокъ требуетъ закрытія погребовъ и крюйтъ-камеры по окончаніи боя. Не настаивая на только что изложенномъ обвиненіи, г. Прокуроръ зато выдвигаетъ и очень усиленно другое обвиненіе, не имѣющее никакого подтвержденія во всемъ слѣдственномъ матеріалѣ и основанное исключительно на показаніи Аршвагера, данномъ на предварительномъ слѣдствіи. Это обвиненіе въ томъ, что Капитанъ Аршвагеръ послалъ за японскимъ флагомъ. Для меня, г. г. Судьи, непонятенъ способъ доказательствъ, примѣняемый г. Прокуроромъ; одно изъ двухъ или г. Прокуроръ вѣритъ показанію Аршвагера или не вѣритъ. Если онъ ему довѣряетъ, то тогда всѣ показанія и всѣ обвиненія о которыхъ я говорилъ до настоящаго момента, основанныя на показаніяхъ другихъ подсудимыхъ и свидѣтелей должны быть совершенно отброшены, такъ какъ объ нихъ Капитанъ Аршвагеръ не говоритъ въ своемъ показаніи, или же, если г. Прокуроръ не вѣритъ въ показаніе Аршвагера, то тогда послѣднее обвиненіе о которомъ я говорю сейчасъ, должно быть отброшено, какъ не встрѣчающее подтвержденія во всемъ слѣдственномъ производствѣ. А между тѣмъ, самъ г. Прокуроръ, говоря объ одномъ изъ подсудимыхъ, заявилъ, что не можетъ поддерживать обвиненія противъ него, такъ какъ оно основывается лишь на собственномъ показаніи его и не встрѣчаетъ подтвержденія въ слѣдственномъ производствѣ. Этотъ резонный выводъ не мѣшаетъ примѣнить и къ подсудимому Капитану Аршвагеру. Я обращаю вниманіе Ваше, г. г. Судьи, на тотъ фактъ, что всѣ проступки, вмѣняемые нынѣ Капитану Аршвагеру, если и были совершены, то, во всякомъ случаѣ, послѣ поднятія сигнала о сдачѣ и частью даже послѣ поднятія на броненосцѣ японскаго флага, т. е. въ тотъ моментъ, когда сдача стала совершившимся фактомъ, когда броненосецъ былъ уже не нашъ, а японскій. Мнѣ кажется, что когда сигналъ о сдачѣ поднятъ, то съ того момента броненосецъ является чужимъ, принадлежащимъ другой державѣ. Слѣдовательно какое же значеніе могли имѣть всѣ дѣйствія Капитана Аршвагера и можно ли, при такихъ условіяхъ, говорить о прямомъ содѣйствіи сдачѣ. Въ законѣ я не встрѣчаю нигдѣ указаній на то, чтобы послѣ сдачи вмѣнялось бы въ обязанность офицерамъ или командѣ уничтожать судное имущество. Ст. 354 говоритъ

лишь объ уничтоженіи секретныхъ документовъ, сигналовъ и флаговъ. Тѣ же указанія встрѣчаются и въ регламентѣ Петра Великаго, но нигдѣ, это я смѣю утверждать съ достовѣрностью, нѣтъ указанія объ уничтоженіи снаряженія, артиллеріи и т. п. Какимъ же образомъ можетъ быть вмѣненъ въ вину Капитану Аршвагеру запретъ объ уничтоженіи артиллеріи, если таковой бы даже существовалъ. Мнѣ могутъ возразить, что уничтоженіе артиллеріи уменьшаетъ цѣнность доставшагося непріятелю приза. Совершенно вѣрно, г. г. Судьи, но, когда спускается Андреевскій флагъ, когда совершается умаленіе чести русскаго знамени, и японцы получаютъ громадный нравственный призъ — можно-ли тогда г. г. Судьи, говорить о большей или меньшей цѣнности матеріальнаго приза. Самъ г. Прокуроръ, оцѣнивая дѣятельность ревизоровъ сдавшейся эскадры, ставилъ имъ въ вину тотъ фактъ, что они удѣлили слишкомъ много вниманія вопросу о спасеніи ввѣренныхъ имъ денегъ, вмѣсто того, чтобы направить все свое вниманіе на спасеніе болѣе цѣннаго объекта—Андреевскаго флага. Не есть ли порча орудій и снаряженій, не есть ли это та же забота о денежныхъ интересахъ?

Не великъ, господа Судьи, призъ матеріальный, доставшійся японцамъ отъ сдавшейся эскадры Небогатова. Обгорѣлыя развалины „Орла“, подбитый „Николай“ и два старыхъ, отъ рожденія не годныхъ къ бою броненосца — „Синявинъ“ и „Апраксинъ“—вотъ весь тотъ матеріальный призъ, которымъ овладѣли японцы. Не знаю, какое назначеніе предстоитъ „Адмиралу Синявину“, не знаю, какъ съ нимъ поступятъ японцы, понизятъ ли его въ чинѣ, произведя въ брандъ-вахту, какъ было съ броненосцемъ „Николай“, не знаю, но твердо увѣренъ въ одномъ, что лебединая боевая пѣснь „Синявина“ спѣта въ Цусимскомъ бою, и не оправдаются опасенія Лейтенанта Бѣлавенца—жерла пушекъ „Синявина“ грозить Россіи не будутъ. „Синявинъ“ не принесъ нашей родинѣ пользы, потому что по натурѣ своей принести ея не могъ, но и вреда ей въ будущемъ, по той же причинѣ, никогда не принесетъ.

Резюмируя все мною сказанное, я прихожу къ глубокому убѣжденію, что по отношенію къ Капитану Аршвагеру нѣтъ никакихъ указаній твердыхъ и безусловныхъ, которые бы давали возможность сказать, что Капитанъ Аршвагеръ содѣйствовалъ сдачѣ, принималъ въ ней прямое участіе. Запретъ портить орудія, команда „оставить спасаться“—все это, какъ я уже указывалъ, совершилось послѣ сдачи, слѣдовательно уже никакого содѣйствія въ этомъ сдачѣ быть не могло, если даже

все это, повторяю я, Капитанъ Аршвагеръ приказывалъ. Закрытіе погребовъ и крюйтъ-камеры совершилось не задолго до пріѣзда японцевъ, слѣдовательно опять много времени послѣ того, какъ сдача была совершившимся фактомъ. Еслибы была попытка взорвать броненосецъ, и тогда бы Капитанъ Аршвагеръ не допустилъ бы этого закрытіемъ крюйтъ-камеры, только тогда, я думаю, можно было бы говорить объ участіи Аршвагера въ сдачѣ броненосца; но такой попытки не было, не было даже намѣренія, что намъ здѣсь подтвердилъ Лейтенантъ Рощаковскій, а слѣдовательно, ничѣмъ въ этомъ случаѣ Капитанъ Аршвагеръ не могъ содѣйствовать или противодѣйствовать сдачѣ. И отъ всего зданія обвиненія остается лишь одно — приказъ принести японскій флагъ, о чемъ ни одинъ свидѣтель не упоминаетъ. Но, г. г. Судьи, во то время судно сдалось, въ то время уже на фокъ-мачтѣ развѣвался сигналъ — „сдача, сдаюсь“ и кормовой флагъ былъ спущенъ, и я смѣю утверждать, что съ этого момента вопросъ былъ рѣшенъ въ окончательной формѣ, броненосецъ принадлежалъ японцамъ. Какіе бы потомъ ни подымались флаги и сигналы, они являлись уже лишь дополненіемъ, иллюстраціею къ сигналу „сдача, сдаюсь“, который означалъ собою честное слово адмирала и командировъ сдать эскадру, прекратить всѣ попытки къ дальнѣйшей безцѣльной оборонѣ судовъ.

Гг. Судьи, на меня, человѣка невоеннаго, производитъ странное впечатлѣніе весь настоящій процессъ: вся судебная процедура по этому дѣлу, допросъ свидѣтелей, вопросы суда, рѣчь обвинителя—все облекается въ моемъ пониманіи въ одну кровавую жестокую формулу, въ одинъ страшный вопросъ, обращенный къ находящимся здѣсь офицерамъ: „отчего вы живы, отчего вы не мертвецы“? И я позволю себѣ на этотъ жестокій вопросъ отвѣтить: здѣсь офицеры русскаго флота, славнаго своими традиціями, своимъ блестящимъ прошлымъ. Русскіе моряки умѣютъ умирать, они это доказали въ нашей несчастной войнѣ съ японцами, они гибли безропотно, доколѣ въ сердцѣ теплилось сознаніе возможности нанести врагу какой-либо вредъ, но когда это сознаніе, когда эта возможность померкла, они не хотѣли быть безцѣльными убійцами, они не хотѣли погубить ввѣренную имъ команду, не хотѣли напрасно похоронить въ пучинахъ океана 2000 сыновъ Россіи.

Довольно крови, гг. судьи, слишкомъ много ея пролилось и въ далекомъ океанѣ, и на поляхъ Манчжуріи, слишкомъ много льется и теперь по всей нашей родинѣ. Вашимъ оправдательнымъ приговоромъ, гг. Судьи, Вы докажете и лишній разъ

подтвердите, что русскіе моряки не только умѣютъ умирать, когда это требуется, для родины, но что они умѣютъ также и свято хранить жизнь ввѣренныхъ имъ командъ и не губить напрасно людей тамъ, гдѣ эта гибель никакой пользы идеѣ величія Россіи принести не можетъ.

Судъ призналъ Капитана 2-го ранга Аршвагера виновнымъ въ попустительствѣ сдачи, а посему и на основаніи ст. 74 и ст. 23 XII кн. Св. Мор. Пост. Судъ, принявъ во вниманіе и для него уменьшающія вину обстоятельства, приговорилъ его къ заключенію въ крѣпости на 3 мѣсяца съ послѣдствіями въ ст. 25 кн. XVI Св. Мор. Пост. указанными.

ВООРУЖЕННЫЯ ВОЗСТАНІЯ.

Дѣло Фидлера.

Съ 12-го по 20-е декабря 1906 г. въ г. Москвѣ въ особомъ присутствіи Московской Судебной палаты съ сословными представителями слушалось дѣло по обвиненію Фидлера и другихъ 99 лицъ по 102 и 123 ст. Угол. Улож. Предсѣдательствовалъ предсѣдатель Уголовнаго Департамента Рангъ, обвинялъ товарищъ прокурора Судебной Палаты Золотаревъ, защищали присяжные повѣренные и помощники присяжныхъ повѣренныхъ Аджемовъ, Баженовъ, Варшавскій, Вознесенскій, Гартунгъ, Гольдовскій, Ждановъ, Ивановъ, Измайловъ, Маклаковъ, Мебель, Михайловскій, Муравьевъ, Тесленко, Томашевскій и Фальковскій. Двѣнадцать подсудимыхъ, въ томъ числѣ и Фидлеръ не явились, и дѣло слушалось въ отношеніи 87 обвиняемыхъ. Подсудимые большею частью учащіеся и рабочіе. Всѣ они были преданы суду по обвиненію въ томъ, что въ Москвѣ, собравшись 9 декабря 1905 г. вечеромъ въ реальномъ училищѣ И. И. Фидлера, послѣ того какъ призваны были войска для разсѣянія ихъ, составили скопище, которое соединенными силами всѣхъ участниковъ оказало вооруженное сопротивленіе полиціи и войску, стрѣляя и бросая бомбы. Кромѣ того, одиннадцать подсудимыхъ обвинялись въ томъ, что принадлежали къ сообществу, которое ставило своею задачею ниспроверженіе существующаго строя путемъ вооруженнаго возстанія.

Рѣчь присяжнаго повѣреннаго Н. В. Тесленко.

Представитель обвиненія касался въ своей рѣчи вопросовъ величайшей важности: государственныхъ, историческихъ, соціальныхъ. Защита не пойдетъ за нимъ по этому пути. Не здѣсь и не съ г. прокуроромъ будемъ мы разбирать и рѣшать эти вопросы.

Обвинитель много говорилъ о, такъ называемомъ, вооруженномъ возстаніи въ Москвѣ. Сожалѣю, что нѣтъ процесса объ этомъ возстаніи, что событія съ 9 по 20 декабря 1905 года раздроблены на мелкіе эпизоды и въ такомъ видѣ предстаютъ

на судъ, что настоящій процессъ также лишь одинъ изъ эпизодовъ. Если-бъ былъ процессъ о возстаніи, защита съ фактами въ рукахъ отвѣтила бъ обвиненію и показала, кто виновникъ московскаго возстанія, кто его подготовилъ, кто провоцировалъ, кто обагрялъ кровью улицы Москвы.

Мы воспользуемся фидлеровскимъ дѣломъ для объясненія важнѣйшаго момента московскихъ событій. Оно освѣщаетъ начало ихъ и даетъ ключъ къ пониманію всего послѣдующаго.

Защита отвѣтитъ на упрекъ, брошенный русскимъ революціонерамъ. Г. прокуроръ сказалъ: „они терзали нашу бѣдную родину, они омрачали понятіе права и справедливости". Не надо намъ здѣсь касаться этого вопроса. Не въ этой залѣ, а въ другой, въ залѣ Таврическаго дворца авторитетнымъ собраніемъ безапелляціонно, разъ навсегда сказано, кто истерзалъ родину, кто попиралъ элементарныя требованія права и справедливости.

Когда представитель обвиненія говорилъ о возстаніи, онъ изслѣдовалъ не событія въ томъ видѣ, какъ они предстали на судѣ, онъ бралъ два-три литературныхъ произведенія характера агитаціоннаго, написанныхъ въ повышенномъ тонѣ, склонныхъ къ преувеличенію, и говорилъ о нихъ, какъ о протоколѣ, изложившемъ съ точностью стенограммы все происшедшее. Когда онъ говорилъ объ отдѣльныхъ событіяхъ и людяхъ, онъ прежде всего вывѣшивалъ надъ ними объявленіе: вотъ здѣсь сообщество, тамъ боевая дружина, тутъ скопище и т. д. Самымъ надежнымъ источникомъ для такой классификаціи были свѣдѣнія изъ охраннаго отдѣленія.

Суммарность въ постановкѣ обвиненія свидѣтельствуетъ о его затрудненіяхъ. У слѣдственно-обвинительнаго механизма такъ много работы, онъ такъ скрипитъ и напрягаетъ свои силы, что акты предварительнаго слѣдствія обратились въ продукты товарнаго производства.

Ихъ работаютъ на спѣхъ. Лишь бы поскорѣе и побольше обвинительныхъ актовъ и приговоровъ.

Въ чемъ заключается дѣяніе, подлежащее Вашему сужденію? 8-го декабря въ Лобковскомъ пер. были произведены выстрѣлы и брошены бомбы въ войска и полицію.

Надо установить, кто стрѣлялъ, кто бросалъ бомбы, и судить тѣхъ, кто въ этомъ виноватъ. Но обвиненіе не знаетъ, кто это сдѣлалъ, и оно поступаетъ просто. Оно предлагаетъ обвинить всѣхъ, кто во время выстрѣловъ находился въ д. Фидлера.

Оно дѣлаетъ такъ, какъ предписываютъ обязательныя постановленія, изданныя московскимъ генералъ-губернаторомъ Дубасовымъ: если изъ какого-либо дома будутъ произведены вы-

стрѣлы, разрушить этотъ домъ. Тамъ требуютъ уничтожить домъ, здѣсь истребить людей.

Г.г. Судьи! забудьте въ этомъ дѣлѣ о политикѣ. Будьте только юристами. Нѣтъ, даже не юристами, а сухими, черствыми схоластиками законности, и Вы поймете, что Вамъ предлагаютъ совершить массовое уголовное крещеніе подсудимыхъ, подобно тому, какъ нѣкогда крестили дикарей, толпами загоняя ихъ въ воду.

Вы держите въ своихъ рукахъ девяносто молодыхъ жизней. И Вы не можете такъ поступать. Вы внимательно разберете всѣ обстоятельства дѣла и увидите, что приговоръ, который слѣдуетъ вынести, можетъ быть только оправдательнымъ.

Что же случилось въ домѣ Фидлера 9 декабря 1905 г.?

Слова манифеста 17 октября о свободѣ собраній тогда, въ октябрѣ и ноябрѣ понимались прямо и просто. Думали, что свобода собраній есть ни что иное, какъ свобода собраній. Власти не мѣшали собираться, и жители Москвы неудержимою волною устремились на всякаго рода митинги.

Давно назрѣвшая потребность, такъ долго насильственно сдерживаемая, бросала ежедневно тысячи людей на политическія собранія. Но помѣщеній не было, а нужда въ нихъ острая.

И вотъ отзывчивые люди, къ числу которыхъ принадлежитъ также И. И. Фидлеръ, пришли на помощь и стали отдавать для митинговъ залы, находившіяся въ ихъ распоряженіи. Стоило начать, а потомъ прекратить митинги было невозможно. Потребность въ нихъ ломала всѣ преграды.

Если говорить, что училище Фидлера занимали, по выраженію свидѣтеля, захватнымъ правомъ, тогда придется сказать, что и эту залу, въ которой сейчасъ мы находимся, также занимали подъ митинги захватнымъ правомъ.

Училище Фидлера сдѣлалось общественнымъ достояніемъ. Свидѣтель Осиповъ говоритъ, что туда ходили „вообче всѣ“. Ходили цѣлыми семьями, какъ идутъ въ театръ, въ клубъ. Никакихъ билетовъ, какъ это большею частью бываетъ на митингахъ, не спрашивали. Публику впускали до наполненія залы.

Помните показаніе свидѣтеля Эка? Желая устроить собраніе телефонныхъ служащихъ, онъ не спрашивалъ разрѣшенія у администраціи училища. Они пошли, запасшись свѣчами. Ихъ пропустили безъ паролей и лозунговъ. Они разыскали другъ друга, сами нашли свободную комнату, зажгли свѣчи и начали свое совѣщаніе.

Въ училищѣ были учрежденія, функціонировавшія постоянно:

вечерніе торговые классы, латышское общество, организація желѣзнодорожныхъ и телефонныхъ служащихъ и др. Кромѣ митинговъ, тамъ часто бывали лекціи, концерты.

Власти знали и не мѣшали. Все это вмѣстѣ, по словамъ инспектора классовъ Бажанова, приводило къ тому, что каждый вечеръ въ училищѣ находилось до 300 постороннихъ людей, случайно сошедшихся по самымъ разнообразнымъ причинамъ.

Но тамъ было учрежденіе, которое привлекаетъ къ себѣ все вниманіе обвинителя. Съ октября въ училищѣ былъ устроенъ санитарный пунктъ. Случилось это въ то время, когда въ Москвѣ начались уличныя нападенія, такъ называемыхъ, черносотенцевъ на интеллигенцію и учащихся. Весь городъ былъ охваченъ тревожнымъ настроеніемъ. Изъ другихъ мѣстъ приходили страшныя вѣсти о погромахъ, учиненныхъ контръ-революціей. Ждали ихъ въ Москвѣ.

Разныя общественныя организаціи готовились къ нимъ, и въ помѣщеніяхъ, принявшихъ характеръ общественныхъ, устраивали санитарные пункты для помощи всѣмъ, кто будетъ избитъ и раненъ на улицѣ. Эти учрежденія, заявлявшія о себѣ во всеуслышаніе флагомъ краснаго креста, вывѣшеннымъ на улицѣ, нуждались въ охранѣ. Составлялись маленькіе кружки добровольцевъ, вооружившихся, чѣмъ придется, устанавливавшихъ дежурства при санитарныхъ пунктахъ.

Такая боевая дружина возникла и въ училищѣ Фидлера. Нервное, возбужденное настроеніе учениковъ вызвало даже неотложную потребность въ ея созданіи, и Педагогическій Совѣтъ согласился на эту мѣру, видя въ ней средство успокоить учащихся. Дружина составилась изъ подростковъ-учениковъ среднихъ классовъ.

Вотъ откуда взялась страшная „фидлеровская боевая дружина“. И г. прокуроръ все таки настаиваетъ, что дружина ставила себѣ задачею ниспроверженіе существующаго строя и вооруженное возстаніе. Но ни одинъ свидѣтель этого не сказалъ.

Г. прокуроръ ссылается на швейцара Осипова, который называетъ дружину „боевой“, не говоря о ея назначеніи. Я сошлюсь на авторитетъ не менѣе важный, на кухарку Селиверстову, которая говоритъ, что дружина существовала для охраны отъ черной сотни.

У г. прокурора есть цѣлый рядъ другихъ доводовъ въ подтвержденіе того, что 9 декабря въ училищѣ Фидлера пребывала не невинная ученическая дружина, а боевая единица революціонной вооруженной арміи. Нѣкоторые изъ этихъ дово-

довъ, какъ то, свѣдѣнія изъ охраннаго отдѣленія и басня о пароляхъ и лозунгахъ, которые якобы произносились при входѣ въ училище, разсѣялись во время слѣдствія.

Но вотъ улика. Училище было погружено во мракъ, говоритъ обвиненіе. Мракъ—признакъ присутствія ярыхъ революціонеровъ. Г. прокуроръ забылъ, что въ это время весь городъ былъ во тьмѣ, благодаря забастовкѣ, которая остановила въ училищѣ работу машинъ для освѣщенія. И если вся Москва была во мракѣ, то почему же д. Фидлера долженъ былъ сіять огнями электрическаго освѣщенія?

Далѣе обвинитель указываетъ на то, что передъ полиціей не открыли дверей, и она должна была ломать ихъ. Но что же дѣлать, если двери русскихъ домовъ никогда не раскрываются гостепріимно передъ представителями власти. И это извѣстно прокурору лучше, чѣмъ мнѣ.

Обвинитель обращаетъ вниманіе на прочтенное показаніе г-жи Аннертъ, которая утверждаетъ, будто она видѣла въ училищѣ 200 вооруженныхъ людей. Лучше бы обвиненію не ссылаться на это показаніе.

Въ дѣлѣ нѣсколько такихъ свидѣтелей, превращенныхъ изъ обвиняемыхъ. Въ этомъ дѣлѣ оказалось слишкомъ много обвиняемыхъ и очень мало свидѣтелей. Произошелъ таинственный процессъ превращенія изъ грѣшниковъ въ праведники.

О способахъ превращенія и о заслугахъ, которыя нужно было совершить для этого, говорили здѣсь подсудимые. И въ результатѣ всѣ такіе свидѣтели не явились на судъ по „законнымъ“ причинамъ. У нихъ, какъ гласятъ медицинскія свидѣтельства, нервы не въ порядкѣ.

Да, врачи правы. При одной мысли о появленіи въ этой залѣ у нихъ должно быть нервное разстройство.

Наконецъ, послѣдній и самый сильный аргументъ обвиненія: тамъ найдено было много оружія.

Но вѣдь на столѣ вещественныхъ доказательствъ мы видѣли дюжину разнокалиберныхъ ружей, среди нихъ охотничьи, да нѣсколько револьверовъ. Г. прокуроръ не смущается. О! это не все, говоритъ онъ, тамъ были груды оружія.

Гдѣ же онѣ? И впервые я слышу, какъ представитель обвиненія спокойно объясняетъ, что вещественныя доказательства расхищены послѣ того, какъ поступили въ распоряженіе властей. И въ подтвержденіе такого невѣроятнаго объясненія не приводится ни одного факта, кромѣ зрительныхъ впечатлѣній нѣкоторыхъ свидѣтелей.

Я думаю такія впечатлѣнія объясняются просто. Когда

послѣ сокрушающихъ дѣйствій нападавшей арміи, составленной изъ трехъ родовъ оружія, училище было взято, побѣдители, восторжествовавъ побѣду, стали искать грознаго врага.

Его не оказалось. Нашли только жалкое ничтожное оружіе. Тогда стало ясно несоотвѣтствіе усилій съ препятствіемъ, ненужность жестокихъ мѣръ. И тогда побѣдители создали легенду о похищеніи оружія, повторенную здѣсь г. прокуроромъ.

Итакъ, 9 декабря, вечеромъ въ училищѣ Фидлера было свыше ста человѣкъ, случайно сошедшихся на разнаго рода собранія. Обвиненіе называетъ ихъ скопищемъ, предусмотрѣннымъ ст. 123-ей Уг. Ул.

Какой смыслъ этого грознаго обвиненія?

Прежде, когда вѣрили по старинѣ, юристы думали, что каждый отвѣчаетъ за свои дѣйствія, за то, что совершилъ самъ. Но вотъ лѣтъ пятнадцать тому назадъ въ старомъ уложеніи появилась новая статья (269¹) установившая отвѣтственность за участіе въ толпѣ, совершившей преступленіе, т.-е. другими словами, отвѣтственность не за себя только, но также за то, что сдѣлали другіе, за присутствіе при совершеніи чужого преступленія.

Но старое уложеніе не пошло такъ далеко, какъ новое. Старое все же привлекало къ отвѣту лишь публичныя скопища, т. е. толпу на площади, на улицѣ, въ полѣ. Обвиняемому въ утѣшеніе говорили: ты могъ вѣдь уйти и не уходилъ, значитъ, ты виноватъ.

Ст. 123-я Уг. Ул. идетъ дальше. Она караетъ участниковъ толпы публичной, т. е. людей, случайно оказавшихся въ домѣ или другомъ помѣщеніи, объединенныхъ не волею и умысломъ, а разными независящими отъ нихъ причинами: стѣнами дома, оградою, заборомъ и т. п.

Итакъ, люди, случайно собравшіеся 9 декабря въ училищѣ Фидлера, разбросанные по разнымъ этажамъ и заламъ огромнаго четырехъэтажнаго дома, называются скопищемъ.

Кто ихъ объединилъ и собралъ вмѣстѣ? Можетъ быть сами себя?

Нѣтъ. Это сдѣлано силою, внѣ ихъ стоящею. Они объединены, такъ сказать, абстрактно, теоретически, мыслью московскихъ властей еще раньше, чѣмъ пришли въ д. Фидлера.

Утромъ 9 декабря начальникъ охраннаго отдѣленія подумалъ, что вечеромъ соберется боевая дружина въ училищѣ Фидлера и доложилъ объ этомъ градоначальнику. Мысль охран-

наго отдѣленія претворилась у градоначальника въ желаніе взять „боевую дружину“, взять ее силою, взять немедленно, хотя бы для этого пришлось употребить оружіе. Таковъ былъ приказъ градоначальника мѣстному приставу Гедеонову.

И желаніе градоначальника перешло въ дѣйствіе. Всѣ находившіеся въ училищѣ Фидлера были превращены во врага, въ непріятеля, которагонадо покорить.

Пришли съ тремя родами оружія и окружили н епріятел со всѣхъ сторонъ. Создали подневольное скопище.

Выйти некуда.

Представитель обвиненія понимаетъ, что даже по 123 ст. трудно обвинять человѣка, который, быть можетъ, хотѣлъ уйти и не могъ, и потому старается доказать, будто желавшіе могли уйти.

Но это противорѣчитъ показаніямъ всѣхъ свидѣтелей: Гедеонова, Рахманинова, Яковлевой, Петерсона, Эка и др. Всѣ выпущенные изъ училища точно установлены. Вспомните показанія преподавателя торговыхъ классовъ Миллера. Чтобы освободить его, Фидлеру пришлось поклясться, что онъ пришелъ въ училище по обязанностямъ службы.

Но если кто-либо вышелъ изъ училища, почему же предполагать, что это были невинные, а преступники остались. Вѣдь г. прокуроръ думаетъ, что въ училищѣ имѣло мѣстопребываніе преступное сообщество, предусмотрѣнное 102 ст., вмѣстѣ со своимъ имуществомъ. Не правдоподобнѣе ли, съ точки зрѣнія обвиненія, предположить, что именно это сообщество, увидя по сосѣдству полицію и пѣхоту, кавалерію и артиллерію, сочло болѣе удобнымъ перемѣнить квартиру и исчезло извѣстными ему одному переходами. А люди, не чувствовавшіе за собою вины, остались.

Во всякомъ случаѣ задачею власти было никого не выпускать. Командовавшій войскомъ изъ трехъ родовъ оружія ротмистръ, нынѣ подполковникъ, Рахманиновъ говоритъ, что онъ долженъ былъ „взять всѣхъ въ общемъ составѣ“.

Такъ онъ имъ объявилъ.

Такъ они и поняли. Никто въ отдѣльности не выходилъ и не рѣшался выйти.

Въ страхѣ передъ смертельною опасностью люди всегда жмутся другъ къ другу. Тому, кто хотѣлъ уйти, кричали: „Не уходите. Васъ убьютъ“. И кричавшіе были правы. Послѣдующія событія подтвердили ихъ опасенія.

Когда находившіеся въ училищѣ вышли изъ него безъ оружія и, окруженные полиціей, мирно стояли на улицѣ, когда они были уже арестантами, а не мятежнымъ скопищемъ, на нихъ безо всякой причины бросился эскадронъ драгунъ и рубилъ ихъ, обезоруженныхъ и беззащитныхъ, обнаженными шашками.

Произошло что-то ужасное.

Свидѣтели говорили о разсѣченныхъ черепахъ, о разрубленныхъ челюстяхъ, объ отсѣченныхъ пальцахъ. Нѣсколько человѣкъ убито и нѣсколько ранено.

И это послѣ того, какъ ротмистръ Рахманиновъ гарантировалъ своимъ словомъ безопасность тѣмъ, кто выйдетъ изъ училища.

Рахманиновъ называетъ это атакою, прокуроръ недоразумѣніемъ. Все вѣдь произошло оттого, что одна часть войска не была подчинена командующему остальными.

Назовите атакой, недоразумѣніемъ, преступленіемъ, назовите, какъ хотите, но развѣ не все равно для тѣхъ, кто былъ убитъ или изувѣченъ во время недоразумѣнія? И развѣ они были не правы, инстинктомъ чувствуя смертельный ужасъ передъ улицей, наполненной полиціей, жандармами и солдатами?

Съ какого же момента начались въ училищѣ Фидлера событія, о которыхъ можно говорить съ точки зрѣнія ст. 123-ей? Съ какого момента началось „насильственное противодѣйствіе“ вооруженной силѣ?

Г. прокуроръ думаетъ, съ того момента, когда на требованіе пристава Гедеонова послѣдовалъ отказъ выйти. Это невѣрно. До выстрѣловъ, произведенныхъ войсками, никакого сопротивленія не было. Были угрозы, но угрозы не насиліе.

Втеченіе четырехъ часовъ велись переговоры съ полиціей, и во время этихъ переговоровъ не происходило событій, предусмотрѣнныхъ ст. 123-ей. Сама полиція надѣялась, что все уладится безъ кровопролитія и дѣятельно вела переговоры съ осажденными. У послѣднихъ также была увѣренность, что все окончится благополучно.

Но телефонъ градоначальника неумолчно звонилъ: взять силою, взять немедленно, взять, хотя бы пришлось переколоть всѣхъ штыками.

Телефонъ подѣйствовалъ. Переговоры были прерваны. Грянули залпы артиллеріи и пѣхоты. Въ отвѣтъ на нихъ разрозненные выстрѣлы, нѣсколько бомбъ изъ училища, и сейчасъ же крики: сдаемся.

Вотъ моментъ, въ который случилось событіе, подлежащее обсужденію съ точки зрѣнія ст. 123. Длительность этого момента опредѣляется секундами, много двумя-тремя минутами, не больше.

Было ли въ этотъ моментъ со стороны скопища оказано насильственное противодѣйствіе „соединенными силами участниковъ", какъ требуетъ статья 123-я?

Чтобы отвѣтить, надо попытаться заглянуть за стѣны Фидлеровскаго дома. Что тамъ происходило въ это время? Но сначала надо дать себѣ отчетъ въ томъ, что дѣлали войско и полиція съ невольными осажденными.

Что это такое? „Арестъ", говорятъ свидѣтели полицейскіе.

Нѣтъ, такъ не арестуютъ. При арестѣ не стрѣляютъ изъ пушекъ и трехлинейныхъ винтовокъ. Не задолго до 9 декабря въ такомъ же осадномъ положеніи оказался весь Университетъ. Его окружили и въ теченіе нѣсколькихъ дней не принимали никакихъ мѣръ. Нервы успокоились, страсти улеглись, и все окончилось благополучно.

Заключенныхъ въ домѣ Фидлера разсматривали не какъ гражданъ, подлежавшихъ аресту, а какъ врага, обреченнаго на истребленіе. Это можно назвать экзекуціей, избіеніемъ, но только не арестомъ.

Взять всѣхъ немедленно, хотя бы переколоть штыками, таковъ былъ краткій приказъ по осаждавшей арміи, отданный градоначальникомъ.

Онъ въ точности былъ исполненъ.

И когда зданіе задрожало отъ первыхъ пушечныхъ выстрѣловъ, а внутри стали рваться гранаты, сокрушая все на своемъ пути, убивая и раня людей, что же, въ это время осажденные соединили свои силы, чтобы выполнить составъ преступленія по 123 ст.?

Немногіе свидѣтели говорили, что тамъ творилось въ тотъ страшный мигъ, но и безъ свидѣтелей ясно.

Тамъ былъ ужасъ, паника, безуміе. Люди въ темнотѣ бросались по разнымъ угламъ огромнаго дома, забивались въ подвалы, въ шкафы, подъ столы, ложились на полъ и кричали: „сдаемся".

И лишь немногіе въ ожесточеніи стрѣляли, быть можетъ, не давая себѣ отчета въ томъ, что дѣлаютъ.

Гдѣ же „соединенныя силы участниковъ"? Гдѣ скопище, превратившееся какъ бы въ живой организмъ, направившій свою силу на сопротивленіе?

Въ Лобковскомъ переулкѣ къ нимъ примѣняли не законы гражданскіе, а тактику, стратегію, быть можетъ, обычаи международной войны. Ихъ осаждали, обстрѣливали, истребляли, покуда они не выкидывали бѣлаго флага.

Но ужасъ гражданскихъ войнъ въ томъ, что плѣнныхъ онѣ не знаютъ. Побѣдитель послѣ побѣды, достигнутой неимовѣрными жестокостями, судитъ своихъ плѣнниковъ.

И тѣхъ, кого не истребили во время сраженія, истребляютъ потомъ въ уголовныхъ залахъ.

Итакъ, въ училищѣ Фидлера 9 декабря вмѣсто скопища были люди, случайно собравшіеся, запертые по распоряженію начальства, вмѣсто комбинированныхъ, объединенныхъ дѣйствій, совершенныхъ соединеннымп силами участниковъ скопища, была паника людей, разъединенныхъ ужасомъ и стремленіемъ найти спасеніе.

Но мало того, обвиненіе должно еще доказать, что именно совершилъ каждый изъ обвиняемыхъ, какой сдѣлалъ онъ вкладъ въ преступленіе, чѣмъ онъ помогъ „соединеннымъ силамъ“. Г. прокуроръ откровенно заявилъ, что онъ не можетъ этого исполнить. Онъ даже не назвалъ обвиняемыхъ по именамъ и, сдѣлавъ жестъ по направленію къ защитѣ, сказалъ: „Палата еще услышитъ объ этомъ“.

Очевидно, по мнѣнію обвинителя, защита должна доказать невиновность подсудимыхъ при отсутствіи обвиненія.

Пусть г. прокуроръ вспомнитъ свое юридическое дѣтство и забытое имъ элементарное правило, выраженное въ двухъ латинскихъ словахъ: onus probandi. Для г. прокурора это правило, очевидно, пустой предразсудокъ.

Впрочемъ, скоро и самый судъ будетъ считаться предразсудкомъ.

Но защита лишена возможности доказывать отрицательные факты, невиновность подсудимыхъ. Среди моихъ кліентовъ есть такіе, которымъ случай помогъ доказать свою невиновность. Это Виноградовъ, Котовъ, Бутаевъ.

Я сожалѣю, что защита, въ томъ числѣ и я, вступила на такой путь. Меня пугаетъ, какъ бы вы не соблазнились итти методомъ исключенія и оправдывать тѣхъ немногихъ счастливцевъ, которые доказали свою невиновность.

Разбирая улики противъ отдѣльныхъ обвиняемыхъ, я ничего не могу сказать, кромѣ того, что уликъ нѣтъ.

И да простятъ меня мои кліенты, если я, подобно сельскому дьячку при поминовеніи за здравіе, просто назову ихъ имена (*называетъ 18 фамилій*) и спрошу прокурора: скажите,

что они тамъ дѣлали въ училищѣ Фидлера: стрѣляли, бросали бомбы, бѣжали въ ужасѣ, оставались спокойными зрителями, кричали: сдаемся?

Вы этого не знаете? И я не знаю.

Итакъ, ст. 123-я непримѣнима къ обвиняемымъ. Если даже Вы признаете, что событіе, предусмотрѣнное этой статьей, имѣло мѣсто въ училищѣ Фидлера, то все же на вопросъ о виновности отдѣльныхъ подсудимыхъ, вы должны отвѣтить отрицательно.

Я понимаю всю затруднительность положенія для Суда короннаго. Онъ стоитъ передъ дилеммой: или вынести всѣмъ оправдательный приговоръ по дѣлу, гдѣ предано суду 99 обвиняемыхъ, или всѣхъ обвинить. Выбрать отдѣльныхъ подсудимыхъ для обвиненія невозможно.

Быть можетъ, въ дѣлѣ есть указанія на другія преступленія, совершенныя подсудимыми?

Съ точки зрѣнія обвиненія, можно было бы говорить о нарушеніи ст. 273-ей Ул. о Нак., карающей лицъ, согласившихся не исполнить законнаго предписанія властей. Обвиненіе могло бы требовать примѣненія этой статьи къ тѣмъ изъ находившихся въ училищѣ, которые по взаимному соглашенію отказались выйти, несмотря на требованіе полиціи.

Но защита возражала бы противъ такого обвиненія. Если даже признать законнымъ требованіе удалиться изъ училища Фидлера, что весьма сомнительно, то все же остается совершенно недоказаннымъ, кто изъ подсудимыхъ примкнулъ къ соглашенію не подчиняться распоряженіямъ полиціи.

Такимъ образомъ, обвиненіе не доказано. Оно юридически не состоятельно и фактически опровергнуто.

Какъ ни толковать обвинительный приговоръ, но смыслъ его будетъ ясенъ: за невозможностью найти тѣхъ, кто виноватъ, обвинили первыхъ попавшихся.

Г. прокуроръ въ своей рѣчи назвалъ декабрьскія событія въ Москвѣ ужасною кровавою страницею русской исторіи.

Но кто же раскрылъ, кто развернулъ эту страницу?

Фидлеровское дѣло дало ясный и окончательный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Не они, не подсудимые, и не тѣ, которыхъ приводятъ къ вамъ въ судъ подъ названіемъ боевыхъ дружинъ.

Это сдѣлали тѣ, кто отдалъ приказъ взять домъ Фидлера, взять силою, взять во что бы то ни стало, хотя бы переколоть всѣхъ штыками, кто первый началъ стрѣлять изъ пушекъ и ружей. Вотъ кто выкинулъ надъ Москвою 9 декабря 1905 г. флагъ гражданской войны.

Произошелъ случай неслыханный. Больше ста лѣтъ, со временъ чумнаго бунта въ концѣ 18-го вѣка, не стрѣляли въ жителей Москвы изъ пушекъ.

Вѣсть объ этомъ кровавомъ, чудовищномъ событіи потрясла весь городъ, и на слѣдующій день Москва покрылась баррикадами.

Но тѣ, кто тогда поднялъ флагъ гражданской войны, до сихъ поръ не спускаютъ его. И подъ этимъ флагомъ они привели сюда обвиняемыхъ.

Тамъ всѣхъ, безъ разбора, хотѣли похоронить подъ развалинами дома. Здѣсь же, затрудняясь найти виноватыхъ, хотятъ уголовнымъ приговоромъ засыпать ихъ въ одной братской могилѣ. И при похоронномъ обрядѣ прокуроръ не можетъ даже назвать погребаемыхъ: имена же ихъ ты, Господи, вѣси.

А на могильномъ камнѣ будетъ надпись: здѣсь покоятся жертвы юридическаго затрудненія.

Не создавайте же, гг. судьи, новаго печальнаго памятника современному правосудію.

Приговоромъ особаго присутствія Судебной Палаты обвиненіе по 102 ст. Угол. Улож. было отвергнуто, по 123 были признаны виновными и приговорены. Дорвойдовъ, Макаровъ и Лурье къ заключенію на 1 г. 6 мѣс. въ исправительномъ домѣ, Ивановъ, на 1 г. 8 мѣс., Дѣевъ на 2 г. Всѣмъ обвиняемымъ постановлено зачесть предварительное заключеніе. Остальные 82 подсудимыхъ были оправданы. Прокуроръ принесъ на приговоръ Палаты кассаціонный протестъ, и приговоръ былъ отмѣненъ Сенатомъ.

Дѣло о декабрьскомъ вооруженномъ возстаніи въ Москвѣ.

Рѣчь присяжн. повѣр. М. И. Коссовскаго.

Выступая защитникомъ Козлова, Лобова, Герасимова и Ольхина, я намѣренъ настаивать на оправданіи всѣхъ 4-хъ.

Начну съ юныхъ любителей лосиной охоты.

Говорить придется больше о Герасимовѣ, такъ какъ противъ Ольхина имѣется въ дѣлѣ лишь одна улика—его собственное показаніе на предварительномъ слѣдствіи. Старшій врачъ губернской тюрьмы Зеленинъ разсказалъ намъ, при какихъ условіяхъ было дано это показаніе. Едва вышедшаго изъ дѣтскихъ лѣтъ, но уже съ первыми признаками грозной легочной болѣзни, жестоко избитаго въ участкѣ, хилаго мальчика заперли въ промозглую одиночную камеру Таганскаго каземата. Здѣсь съ первыхъ же дней у него обнаружилась перемежающаяся лихорадка. Въ тюремной обстановкѣ болѣзнь быстро прогрессировала. „Меня,—говоритъ докторъ Зеленинъ,—заинтересовала быстрота теченія болѣзни и опредѣленность ея симптомовъ". Больного пришлось перевести въ тюремную больницу. Рѣдкая болѣзнь съ такою силою потрясаетъ нервную систему, какъ перемежающаяся лихорадка. Измученнаго постоянной безсонницей, головными болями, головокруженіями, преслѣдуемаго бредовыми идеями, его подняли съ постели и повели на допросъ къ слѣдователю. Допросъ идетъ своимъ монотоннымъ чередомъ, а у больного Ольхина одна мысль: „какъ-бы поскорѣе вернуться въ постель". „Я бы тогда убійство на себя принялъ,—говоритъ онъ,—лишь бы меня оставили въ покоѣ,

не тормошили". Еще одно обстоятельство бросаетъ тѣнь подозрѣнія на Ольхина: его показанія на дознаніи и у слѣдователя совпадаютъ съ показаніями Герасимова. Эту странность объясняетъ намъ свидѣтель приставъ Дудинъ: Ольхинъ присутствовалъ въ участкѣ при снятіи допроса съ Герасимова и изъ чувства товарищеской солидарности, подъ угрозою общей опасности, подтвердилъ его показаніе, а впослѣдствіи у слѣдователя придерживался уже показаній, данныхъ сообща въ участкѣ. Оправданіе Ольхина внѣ всякаго сомнѣнія, и потому я не стану на немъ болѣе останавливать вашего вниманія. Напомню только, что Ольхинъ провожалъ везшаго оружіе Герасимова исключительно потому, что Герасимову страшно было выходить одному на улицу въ жуткіе декабрьскіе дни. Ольхинъ исполнилъ лишь свой товарищескій долгъ.

Нѣсколько сложнѣе дѣло Герасимова. Онъ тоже въ декабрѣ едва переступилъ черезъ установленную закономъ грань между отрочествомъ и юностью. Герасимовъ отнюдь не революціонеръ: въ періодъ повальныхъ обысковъ ему сдаютъ на храненіе оружіе, а въ такіе моменты оружіе хранятъ въ мѣстахъ наиболѣе безопасныхъ, у людей, ни въ чемъ не замѣшанныхъ и потому стоящихъ у полиціи внѣ всякихъ подозрѣній. Герасимовъ самъ здѣсь на судѣ откровенно сознался, что только въ тюрьмѣ онъ сталъ разбираться въ соціальныхъ вопросахъ и партійныхъ программахъ. Въ тюрьмѣ теперь много образованныхъ людей, и тамъ не только дѣтямъ, но и взрослымъ есть чему поучиться. Ни къ какимъ партіямъ онъ не принадлежалъ и по своему умственному развитію принадлежать не могъ. Оружіе очутилось у него совершенно случайно; это установлено съ несомнѣнностью оглашеннымъ на судѣ показаніемъ прислуги Герасимовыхъ—Жигановой. Вопросъ же о томъ, куда онъ везъ оружіе на другой день послѣ полученія его, для исхода дѣла, въ сущности, достаточно безразличенъ. На судѣ онъ объяснилъ, что везъ оружіе, чтобы куда-нибудь выбросить его, но за каждымъ угломъ въ зловѣщей тишинѣ пустынныхъ улицъ ему мерещились патрули, и жутко было вынимать свертки изъ-подъ пальто; поэтому онъ спустилъ ихъ извозчику подъ козлы,—въ надеждѣ, что извозчикъ, найдя дома у себя въ саняхъ оружіе, не сможетъ опредѣлить, кѣмъ изъ пассажировъ оно подкинуто. Это объясненіе представляется защитѣ достаточно правдоподобнымъ, соотвѣтствующимъ характеру Герасимова—и настроенію тѣхъ дней. Но если вы ему не повѣрите и предпочтете первое показаніе Герасимова, по которому онъ везъ оружіе для передачи неизвѣстному лицу въ

условленномъ мѣстѣ, по условному паролю: „казакъ“,—то и въ такомъ случаѣ онъ не можетъ быть признанъ соучастникомъ дѣятелей вооруженнаго возстанія, доколѣ по дѣлу не установлено, что, везя оружіе для передачи, Герасимовъ зналъ, что оно предназначается для вооруженнаго возстанія, а не для дальнѣйшаго припрятыванія его. Обвиненіе Герасимова по 100-й ст. Уг. Ул. виситъ въ воздухѣ. Не повиненъ ли однако Герасимовъ—въ недонесеніи объ участникѣ вооруженнаго возстанія? Ни испугъ при арестѣ, ни побои въ участкѣ, ни одиночное заключеніе, ни даже угроза 100-й статьей не могли вынудить у Герасимова имени товарища, принесшаго ему оружіе. Нѣтъ, и по 2-й ч. 164 ст. Уг. Ул. Герасимова нельзя признать виновнымъ, ибо у насъ нѣтъ доказательствъ ни того, что товарищъ Герасимова самъ принималъ участіе въ вооруженномъ возстаніи, ни того, что Герасимову объ этомъ участіи было извѣстно достовѣрно. Мало того, законъ говоритъ о недонесеніи „безъ уважительной причины“. Герасимовъ выдвигаетъ болѣе, чѣмъ уважительную причину—нравственный стимулъ. Честь матери, воспитавшей въ юношѣ такіе твердые нравственные устои. „Есть,—говоритъ Оскаръ Уайльдъ,—грѣхи, которые прекраснѣе всего прочаго въ жизни“. Среди такихъ грѣховъ одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ принадлежитъ грѣху недонесенія на участниковъ идейной борьбы. Я вѣрю, что и на склонѣ дней своихъ Герасимовъ съ чувствомъ полнаго нравственнаго удовлетворенія будетъ вспоминать про этотъ свой первый серьезный грѣхъ.

Герасимовъ, какъ и Ольхинъ, долженъ выйти отсюда оправданнымъ. Оба они еще почти дѣти. Сколько дѣтской чистоты, сколько прелестной наивности въ ихъ испугѣ при арестѣ, въ ихъ скромномъ поведеніи въ полицейскомъ участкѣ, а главное—въ ихъ первомъ сообщеніи! Они еще не успѣли столковаться, и одинъ говоритъ, что везетъ оружіе для охраны несуществующаго имѣнія отъ аграрныхъ безпорядковъ, а другой—что ѣдетъ на лосиную охоту. Эти „грозные“ дѣятели революціи еще не стряхнули съ себя золотыхъ сновъ дѣтства: они всецѣло еще подъ впечатлѣніемъ сказокъ Майнъ-Рида и Фенимора Купера; имъ мерещатся еще необитаемые острова Робинзона, индѣйцы, скальпы, трубки мира. Я никакъ не пойму, зачѣмъ товарищу прокурора понадобилось на этихъ дѣтей обрушиться всей тяжестью обвиненія? Не хочетъ ли онъ этимъ сказать, что правительство такъ слабо, а эти дѣти такъ опасны, что для борьбы съ ними правительству въ декабрѣ понадобилось принять чрезвычайныя мѣры—мобилизацію въ Москвѣ всѣхъ родовъ оружія до семеновцевъ и артиллеріи включительно?

Перехожу къ защитѣ Козлова. Его обвиняютъ въ стрѣльбѣ по казацкимъ разъѣздамъ. Уличаютъ его два свидѣтеля: Огарковъ и городовой Камышниковъ. Камышниковъ и квартирный хозяинъ Козлова—Антоновъ удостовѣряютъ, что никогда у Козлова оружія не видали, хотя квартиранты Антонова отъ него не таились, и у товарища Козлова—нѣкоего Лапшина Антоновъ оружіе видѣлъ. Оговоръ Камышникова, будто Козловъ стрѣлялъ со двора Карелина, на судебномъ слѣдствіи отпалъ: оказывается, что Камышниковъ, находясь во дворѣ дома Суворова, и не могъ видѣть того, что творится на сосѣдней улицѣ, во дворѣ Карелина. Онъ видѣлъ лишь направленіе, по которому шелъ Козловъ; въ этомъ же направленіи находится рядъ домовъ, и Козловъ могъ остаться въ любомъ изъ нихъ или выйти черезъ любыя ворота на улицу въ то время, когда шла стрѣльба изъ дома Карелина. Въ этомъ вы легко могли бы убѣдиться, если бы удовлетворили мое ходатайство объ осмотрѣ мѣстности. Остается показаніе Огаркова. Оно не заслуживаетъ довѣрія по тремъ причинамъ: 1) показаніе Огаркова на судѣ расходится съ его показаніемъ на предварительномъ слѣдствіи, гдѣ онъ утверждалъ, что изъ своего окна видѣлъ Козлова стрѣляющимъ; когда же на судѣ было установлено, что изъ окна его квартиры ни улицы, ни даже воротъ не видать, онъ перемѣнилъ свое показаніе и объяснилъ, что, увидавъ въ окно пробѣжавшаго мимо Козлова, вышелъ во дворъ и отсюда увидалъ, какъ Козловъ выстрѣлилъ; 2) Огарковъ, утверждая, что въ то время съ нимъ во дворѣ стояли чуть ли не всѣ квартиранты дома Суворова, не могъ назвать ни одного очевидца событія, что уже совершенно невѣроятно, если принять во вниманіе, что Огарковъ почти два года уже живетъ въ этомъ домѣ, на далекой окраинѣ города, гдѣ царятъ еще захолустные нравы и сосѣди быстро другъ съ другомъ знакомятся, и 3) Огарковъ самъ былъ депутатомъ на Мамонтовской фабрикѣ, имѣлъ основаніе опасаться преслѣдованій, и потому у него могло появиться желаніе цѣною оговора Козлова отвлечь отъ себя подозрѣнія: такіе случаи, къ прискорбію, наблюдались послѣ декабрьскихъ дней. Въ пользу Козлова говоритъ еще одно обстоятельство—обрубленный указательный палецъ на правой рукѣ: человѣкъ съ такимъ физическимъ недостаткомъ не могъ быть принятъ въ дружину. Правда, опытный охотникъ будетъ стрѣлять и среднимъ и даже безымяннымъ пальцемъ, но Козловъ никогда въ рукахъ оружія не держалъ и обращаться съ нимъ не умѣетъ. Къ тому же ему мѣшала не зажившая еще въ то время рана на пальцѣ. Вспомните, что по показанію того же Огаркова, „въ

Козловѣ со страху большое сотрясеніе было". Такъ дрожать можетъ только человѣкъ, не готовящійся къ нападенію, а самъ напуганный чьимъ-либо приближеніемъ. Не могу обойти молчаніемъ отмѣченной уже мною во время допроса свидѣтелей странной ошибки въ предварительномъ слѣдствіи. Въ актѣ медицинскаго осмотра больного пальца значится, что активныя и пассивныя движенія второй и третьей фаланги свободны и безболѣзненны. Оказывается, у Козлова на больномъ пальцѣ вторая фаланга совершенно отсутствуетъ. Въ дѣлѣ, грозящемъ обвиняемому смертной казнью, такая небрежность граничитъ съ преступленіемъ.

Четвертый мой подзащитный—Лобовъ—одна изъ симпатичнѣйшихъ фигуръ въ настоящемъ процессѣ, и потому на него съ особой злостностью обрушивается обвиненіе. Здѣсь сдѣлана была попытка бросить на него тѣнь подозрѣнія въ убійствѣ городового Лукашева. Къ счастью, эта попытка не только не удалась, но здѣсь же на судѣ именно благодаря ей обнаружилась и истинная подкладка всѣхъ тяготѣющихъ на Лобовѣ обвиненій. Первымъ бросилъ въ Лобова камень околодочный надзиратель Корольковъ, сказавъ, что, объ убійствѣ Лукашева Лобовымъ ему сообщила экономка Музыкантова. Послѣдняя не только не подтвердила этой ссылки, но и сдѣлала вмѣстѣ со свидѣтелемъ Деминымъ очень важное сообщеніе суду. Корольковъ дошелъ до такой степени дерзости, что пользуясь перерывомъ, здѣсь же, въ коридорѣ суда, училъ ее лжесвидѣтельствовать на Лобова. Ту же злостную небылицу поддерживаетъ городовой Жукъ, утверждающій, будто самъ покойный Лукашевъ ему и другому городовому Романову назвалъ Лобова своимъ убійцей. Цѣлый рядъ очевидцевъ убійства Лукашева удостовѣрили, что Лобова въ то время и по близости даже не было, что они видѣли убѣгавшаго убійцу и что въ немъ и отдаленнаго сходства съ Лобовымъ не было. Изъ объясненій Лобова вы знаете, что Романовъ на предварительномъ слѣдствіи не подтвердилъ разсказа Жука. Сколько бы Жукъ насъ ни увѣрялъ въ противномъ, для меня несомнѣнно, что и онъ въ корридорѣ суда во время перерыва разговаривалъ съ недопрошенной свидѣтельницей. Если къ тому же вы вспомните, что Жукъ—подчиненный Королькова, то вы не усомнитесь въ истинной цѣнности его показаній. Вы знаете теперь, что и судебный слѣдователь оцѣнилъ по достоинству оговоръ городового Жука: Лобовъ даже на предварительномъ слѣдствіи не былъ привлеченъ по обвиненію въ убійствѣ Лукашева. Остаются показанія Тимонина,

свата знаменитой отнынѣ Филипповой—тайнаго агента охраннаго отдѣленія. На предварительномъ слѣдствіи, когда Тимонинъ жилъ еще въ дружбѣ съ Филипповой, онъ оговаривалъ Лобова; теперь же, когда онъ поссорился съ Филипповой, оказывается, что револьвера у Лобова онъ никогда не видалъ, что на улицѣ Лобовъ сказалъ ему не: „разойдитесь—сейчасъ стрѣлять будемъ“, а: „разойдитесь, сейчасъ стрѣлять будутъ“; а когда началась стрѣльба, Лобовъ вмѣстѣ со свидѣтелемъ и другими обывателями дома убѣжалъ во дворъ. Наконецъ, сама Филиппова, „для Бога“ посѣщающая охранку и для Бога же являющаяся съ личными визитами къ градоначальнику, торгующая, только не старымъ платьемъ, какъ она увѣряетъ, а человѣческими душами, какъ крикнулъ ей Степановъ,—даже эта, съ позволенія сказать, свидѣтельница, не смогла ни въ чемъ преступномъ изобличить Лобова. Пыталась она было увѣрить насъ, что видѣла, какъ какой-то невѣдомый Францъ передалъ Лобову револьверъ, но и эта попытка ей не удалась; оказалось, что ворота были заперты, Францъ съ Лобовымъ были на улицѣ, а сама она была во дворѣ. Осталось послѣднее ея показаніе: она видѣла, какъ Лобовъ подлѣзалъ подъ баррикады. Но кто изъ насъ въ тѣ дни не лазилъ подъ баррикады? Что же подѣлаешь, если баррикады такъ высоки, что черезъ нихъ перешагнуть нельзя,—поневолѣ подъ баррикаду полѣзешь. Вотъ и всѣ „улики“ противъ Лобова! Развѣ онъ не въ правѣ повторить вопросъ Соскова: „Теперь скажите мнѣ, за что меня томили 11 мѣсяцевъ въ тюрьмѣ?“ За то, отвѣчу я что, избранный депутатомъ отъ рабочихъ казеннаго виннаго склада, онъ не продавалъ своихъ избирателей, а, честно исполняя свои депутатскія обязанности, твердо и неусыпно стоялъ на стражѣ ихъ интересовъ. За то, что онъ не молчалъ, когда видѣлъ, какъ администрація, умышленно открывъ настежь окна, морозитъ работницъ въ промокшихъ при всполаскиваніи бутылокъ платьяхъ. За то, что, главнымъ образомъ, его стараніями рабочіе виннаго склада добились отъ министерства финансовъ 8-часового рабочаго дня и цѣлаго ряда другихъ улучшеній своего экономическаго положенія. За то, что онъ принималъ дѣятельное участіе въ разрѣшенной рабочимъ столовой и въ фабричной третейской комиссіи. А главное, за то, что рабочіе оцѣнили заслуги Лобова, и онъ имѣлъ на нихъ громадное вліяніе. Такихъ „преступленій“ фабричная администрація, а тѣмъ, паче полиція никогда не прощаютъ. И вотъ Лобова, бывшаго, по свидѣтельству всѣхъ депутатовъ виннаго склада, убѣжденнымъ противникомъ вооруженнаго возстанія, обвиняютъ въ участіи въ этомъ

возстаніи: того самаго Лобова, одно вліяніе котораго удержало рабочихъ виннаго склада отъ активнаго участія въ вооруженномъ возстаніи.

Индивидуальная защита отдѣльныхъ обвиняемыхъ по уликамъ исчерпана. Мои товарищи по защитѣ возложили на меня еще другую задачу—сдѣлать сводку основныхъ положеній защиты. Это тѣмъ болѣе необходимо, что, несмотря на дружныя усилія наши, защита поневолѣ дробилась на мелкія брызги, ибо самъ процессъ не представляетъ изъ себя ничего цѣльнаго: это какая-то груда безпорядочно нагроможденныхъ осколковъ.

Напрасно товарищъ прокурора тратилъ много словъ и времени на доказательство того, что въ декабрѣ, въ Москвѣ, имѣло мѣсто вооруженное возстаніе. Онъ мѣтилъ мимо цѣли. Вооруженное возстаніе несомнѣнно было, — это смѣшно отрицать. Но тщетны попытки обвинителя на основаніи случайныхъ обмолвокъ двухъ-трехъ свидѣтелей представить возстаніе какъ результатъ дѣятельности одной партіи. Этими обмолвками ему не затемнить нашихъ еще свѣжихъ воспоминаній. Возстала не партія, а весь народъ, какъ одинъ человѣкъ, и, какъ на праздникъ, шелъ онъ на баррикады. Никакая партія или группа не въ силахъ создать возстаніе. Идея возстанія наростаетъ въ глубинахъ угнетеннаго народа съ желѣзною необходимостью соціальнаго закона, и пролетарская партія можетъ только взять на себя руководство уже назрѣвшимъ возстаніемъ. Вооруженнаго возстанія не готовятъ, а къ нему готовятся, чтобы оно не застигло пролетарскія массы врасплохъ. Поэтому современники не компетентны судить возстаніе; только исторія произнесетъ надъ нимъ свой безпристрастный судъ. Изъ всѣхъ современниковъ вы, судьи, можетъ быть, менѣе всѣхъ вправѣ высказывать свое сужденіе о вооруженномъ возстаніи: свои полномочія вы делегировали отъ той самой власти, противъ которой возсталъ народъ, и, стало-быть, вы явились бы судьями въ своемъ собственномъ дѣлѣ. Возстаніе подавлено, подавлено потому, что къ нему не присоединилась армія. Другой вопросъ: чего это стоило? Жестокости мѣръ подавленія, жестокости безцѣльной не осмѣливается оспаривать и представитель обвинительной власти. Но онъ находитъ утѣшеніе въ томъ, что въ другихъ, болѣе культурныхъ странахъ возстанія подавлялись съ еще большею жестокостью. Плохое утѣшеніе! Развѣ убійца, зарѣзавшій десять семей, вправѣ кивать на другого убійцу, зарѣзавшаго одиннадцать семей, и развѣ отъ этого его преступленіе становится менѣе тяжкимъ?

Судить возстаніе вы не компетентны... Но вы призваны существующей властью судить его дѣятелей. Поэтому уголъ зрѣнія долженъ быть перенесенъ съ возстанія на участниковъ настоящаго процесса. Всякій, кто внимательно прослушалъ его, не можетъ не задаться вопросомъ: почему соединены воедино эти на спѣхъ спаянныя дѣла? Гдѣ между ними внутренняя или хотя бы внѣшняя связь? На одну скамью посажены люди, никогда другъ друга не знавшіе, другъ о другѣ не слыхавшіе и встрѣтившіеся впервые здѣсь, въ залѣ суда. Не искать же, въ самомъ дѣлѣ, объясненій въ стремленіи Палаты однимъ ударомъ освободить свои канцеляріи отъ цѣлаго ряда политическихъ процессовъ. Нѣтъ, тутъ была другая цѣль: желали показать обществу, что вооруженное возстаніе изловлено, а его герои покараны и не будутъ больше тревожить покоя власти.

Но и это не удовлетворяетъ обвинителя: надо опозорить революцію, уронить ее въ глазахъ общества. И на скамью подсудимыхъ сажаютъ рядомъ съ такимъ идейнымъ человѣкомъ, какъ Мирскій и сознательными представителями рабочаго класса, какъ Лобовъ и Сосковъ, человѣка съ темнымъ прошлымъ—Невядомскаго, психически-больного Шевелева и страннаго Серафимова. Но тщетны всѣ попытки прокурора обмануть общественное мнѣніе. Горные орлы давно улетѣли за предѣлы досягаемости; они вышли изъ среды возставшаго народа, и этотъ же народъ прячетъ ихъ теперь въ своихъ нѣдрахъ отъ недреманнаго ока. И изъ тридцати домашнихъ птицъ разныхъ видовъ и породъ вамъ, господинъ прокуроръ, не удастся скроить и одного горнаго орла.

„Безпристрастныя свидѣтельскія показанія кладу я на чистые вѣсы правосудія»,—сказалъ вамъ вчера представитель обвиненія. Взгляните же теперь, изъ какого источника черпается имъ матеріалъ, съ чьей точки зрѣнія предлагаетъ вамъ обвинитель оцѣнивать вооруженное возстаніе? Болѣе половины свидѣтелей—представители московской полиціи. Ими больше всѣхъ былъ возмущенъ возставшій народъ, они проявляли наибольшую жестокость при подавленіи возстанія: они несомнѣнно люди заинтересованные въ исходѣ настоящаго процесса. Я глядѣлъ на проходившіе передъ нами длинной, безконечной вереницей блестящіе полицейскіе мундиры и думалъ: неужели нужно было созвать сюда такъ много полиціи, чтобы такъ мало правды отъ нея узнать? Проходили передъ нами пристава, отрицающіе факты, которымъ всѣ мы были свидѣтелями... Пристава, пытавшіеся увѣрить насъ, что въ Москвѣ не хватало войскъ и что прохоровскіе рабочіе благодарили семеновцевъ за разстрѣлъ. Около-

точные, одно появленіе которыхъ вызывало общій крикъ негодованія на скамьѣ подсудимыхъ, вспоминавшихъ перенесенныя ими обиды... Околоточные, подстрекающіе свидѣтелей даже здѣсь, въ корридорѣ суда къ лжесвидѣтельству. Дворникъ угрозой оговора державшій въ кабалѣ цѣлый домъ въ тѣ дни, когда одного доноса такого дворника было достаточно для того, чтобы самая жизнь подвергалась опасности. Сыщики, добывающіе свидѣтелей обвиненія способами преступными, инквизиторскими пытками. Вспомните хотя бы эту потрясающую сцену, когда одинъ изъ свидѣтелей, на перебой съ Серафимовымъ, набрасывали передъ вами картину застѣнка въ сыскной полиціи. Темное подземелье, въ немъ вода по колѣна, сырыя стѣны, отъ одного прикосновенія къ которымъ промокаетъ одежда, койка, на которой ни сѣсть, ни лечь... И въ такой „камерѣ“ держатъ свидѣтеля, отказывающагося дать сыскному отдѣленію желательныя показанія, двое сутокъ безъ пищи и питья, а на третьи сутки даютъ кусокъ хлѣба, но и тотъ уносятъ крысы. Вспомните издѣвательство сыщика Елоева при избіеніи Серафимова: „Дать ему давленіе въ двѣ атмосферы“. Далѣе чередомъ проходятъ передъ нами явные и тайные агенты охраннаго отдѣленія и среди нихъ еще лучшіе супруги Филипповы, для которыхъ „Богъ и охранка“ превратилось въ какую-то фирму ихъ торговаго дома, продающаго людей за деньги. Этихъ Филипповыхъ защита до-нага обнажила передъ вами и показала вамъ во всемъ ихъ неприглядномъ естествѣ. Далѣе идутъ проститутки, пѣвица отъ Омона, торговцы женскимъ тѣломъ и снова полиція и полиція,—слишкомъ много полиціи. Нѣтъ, господинъ прокуроръ, отбросовъ изъ такихъ грязныхъ источниковъ не кладутъ на чистые вѣсы правосудія. Нечистоплотность источника не смущаетъ однако представителя обвиненія, и у него хватаетъ смѣлости на основаніи такихъ данныхъ требовать отъ васъ тридцати смертныхъ казней. Прокуроръ маскируется 100-й статьей Уголовнаго Уложенія, но мы, юристы, знаемъ, что ея санкція—смертная казнь. Эти слова необходимо, наконецъ, произнести en toutes lettres, потому что въ исторіи русскихъ судебныхъ палатъ—это первый случай требованія прокуроромъ смертной казни. Онъ требуетъ отъ васъ тридцати головъ „во имя вѣчной правды нравственныхъ велѣній“. Я не знаю, почему нравственныя велѣнія пришли на память прокурору какъ разъ тогда, когда ему вздумалось призывать васъ къ совершенію легальнаго преступленія. Въ ушахъ моихъ снова прозвучали слова: „Богъ и охранка“. Я не стану говорить вамъ о преступности смертной казни: призывъ прокурора въ вашихъ сердцахъ прозвучалъ, можетъ быть, еще

больнѣй, потому что именно къ вамъ онъ былъ обращенъ съ неслыханной смѣлостью. Но одна назойливая мысль не оставляетъ меня. Существуетъ вполнѣ опредѣленная преемственная связь между законодателемъ, пишущимъ законы, карающіе смертною казнью,—прокуроромъ, требующимъ ихъ примѣненія,—судомъ, подписывающимъ смертные приговоры,—и.... палачемъ, приводящимъ ихъ въ исполненіе. Если-бы прокуроры не требовали смертной казни, если-бы суды не приговаривали къ ней, у насъ не было бы также палачей. И въ этомъ смыслѣ (я говорю теоретически и далекъ отъ мысли касаться чьей-либо личности) нѣтъ различія между прокуроромъ, требующимъ смертной казни, и.... палачемъ!....

Дѣло о Люботинскомъ возстаніи.

Дѣло о Люботинскомъ возстаніи разсматривалось въ г. Харьковѣ Харьковской Судебной Палатой съ сословными представителями съ 30 Ноября по 24 Декабря 1906 г. Заключительная рѣчь защиты была возложена на прис. пов. А. М. Александрова. При первомъ слушаніи дѣла всѣ обвиняемые, за исключеніемъ пяти человѣкъ, приговоренныхъ къ незначительнымъ наказаніямъ (крѣпость съ зачетомъ предварительнаго заключенія) были оправданы. На судѣ, между прочимъ, показаніемъ свидѣтеля офицера начальника дежурившей на ст. Люботинъ роты солдатъ установлено, что обвиняемые аггресивныхъ дѣйствій противъ войскъ не принимали и что имъ были разставлены патрули съ цѣлью охраны отъ грабежей обширнаго раіона станціи и станціоннаго имущества. Люботинъ, какъ извѣстно, былъ впослѣдствіе обстрѣлянъ артиллерійскимъ огнемъ, вслѣдствіе чего погибло въ огнѣ много груженныхъ вагоновъ съ товарами.

Рѣчь А. М. Александрова.

Гг. судьи, гг. сословные представители! Около мѣсяца слѣдите Вы за этимъ процессомъ, Вы утомлены—я чувствую это,—и, если я встаю, чтобы сказать нѣсколько словъ въ защиту этихъ людей, то только потому, что бываютъ моменты и положенія, когда каждый честный человѣкъ долженъ сказать, что онъ думаетъ о дѣлѣ... Вы уже выслушали нѣсколько защитительныхъ рѣчей, и сердцемъ своимъ не могли не почувствовать, что изъ рамокъ профессіональнаго долга у моихъ товарищей по защитѣ вырывалось иногда чувство и крикъ гражданина... Вы не разъ также слышали отъ защиты, что все уже ясно и очевидно, что никакихъ захватовъ и ниспроверженій „въ Люботинѣ не было, а была забастовка“...

Да, господа, и я соглашаюсь съ этимъ: все ясно, все очевидно. Очевидность бьетъ по сознанію и такъ сильно, что дѣлается больно отъ нея, но въ этомъ-то и заключается весь ужасъ, весь трагизмъ положенія. Вся россійская современность представляетъ *трагизмъ очевидности* и въ этомъ я вижу ея глубокій, страдальческій смыслъ. Развѣ не очевидно, что 17 октября 1905 года принципъ политическаго раскрѣпощенія Россіи?.. Развѣ мы не имѣемъ основныхъ законовъ страны, въ которыхъ гарантированы и вписаны гражданскія свободы?... Развѣ не имѣемъ, хотя и несовершенной, но все же опредѣленной конституціи, въ которой, опять-таки, гарантировано активное участіе народа въ законодательствѣ?... Но съ другой стороны, развѣ мы имѣемъ какую-либо свободу и развѣ не нарушается основной нервъ этой конституціи—избирательное право народа, сенатскими разъясненіями и всевозможными ограничительными циркулярами?.. Да, наконецъ, развѣ и самое слово конституція не произносится теперь дрожащимъ отъ страха голосомъ и не обратилось ли оно на нашихъ глазахъ въ бумажную

фикцію или если хотите понятіе. о которомъ легче думать, чѣмъ произносить его вслухъ? Въ этой борьбѣ, взаимной борьбѣ очевидностей, въ этомъ самоотрицаніи русской жизни и заключается, говорю я, весь ужасъ того положенія, въ которомъ очутились мы. Мы сидимъ здѣсь и слабыми руками совершаемъ работу, чтобы добраться до истины Люботинскаго дѣла, а въ то же самое время наши души страдаютъ отъ другой, болѣе страшной, истины, которая совершается тамъ за стѣнами суда по всему необъемлемому пространству несчастной Россіи... И развѣ мы не видимъ отсюда, что она стоитъ по колѣно въ крови? Она, на знамени которой всегда было написано „не убій“ продолжаетъ стоять и корчиться въ мукахъ нечеловѣческихъ страданій и перекрещивающихся страстей... Да, гг. судьи и сословные представители, ужасъ долженъ овладѣть вашими сердцами и глубокое состраданіе въ то же время, и ужасъ овладѣваетъ не только потому, что ужасна и жестока современность, но еще больше оттого, что какъ-то не видно исхода; русская исторія точно уперлась въ гранитную скалу; внутреннія силы, силы творческой жизни толкаютъ ее впередъ, а итти впередъ нельзя, такъ какъ силы противоположныя толкаютъ назадъ, и, вотъ Россія и оказалась въ историческомъ водоворотѣ... Все быстрѣе и быстрѣе описываются круги, и все больше и больше втягивается въ эту воронку жизнь народа.. Какъ же все это произошло, г.г.?.. Я не буду объ этомъ говорить подробно. скажу только, что Люботинское дѣло, которое вы разсматриваете въ настоящее время, возникло въ нѣсколько иную эпоху и окрашено, поэтому, другимъ историческимъ колоритомъ. Вы знаете, что и до 17 октября 1905 года или вѣрнѣе до русско-японской войны существовала Россія. Съ внѣшней стороны это было великолѣпное зданіе въ византійскомъ стилѣ, высокое, и казалось бы, прочное, съ толстыми стѣнами и тяжелыми запорами. Своимъ внѣшнимъ видомъ оно импонировало на все человѣчество, такъ какъ это было очень большое и очень высокое зданіе и было видно съ самыхъ далекихъ мѣстъ...

Оно стояло столѣтіями и точно хотѣло олицетворить себя съ вѣчностью... Да, это было великолѣпно, но только съ внѣшней стороны; внутри этого зданія не было жизни, подъ сводами его не раздавались пѣснопѣнія свободныхъ людей; люди были заключены въ подземныхъ погребахъ, подъ семью замками, и въ теченіе нѣсколькихъ сотъ лѣтъ не дышали уже свободнымъ воздухомъ, и ихъ блѣдныя лица не ласкалъ солнечный лучъ... Вѣка проходили, „все къ счастью стремилось, все въ

мірѣ по нѣсколько разъ измѣнилось"... Окружающее Россію человѣчество, кристализованное въ сосѣднихъ государствахъ, жило и совершенствовало свои формы жизни; народныя права пріобрѣтали тамъ все большую и большую устойчивость, совершенствовалась личность, повышалась культура, и средній уровень человѣка и гражданина подымался все выше и выше. Но все это было не для насъ, все было для другихъ, мы же продолжали оставаться въ низкихъ погребахъ... Мало того, невѣжество народа мы стали возводить въ наше достоинство, а бѣдность нашей духовной культуры въ національную добродѣтель... Но вотъ совершилось чудо: въ Россіи провозглашена была, наконецъ, свобода, и народъ вышелъ изъ подземелій... Онъ простеръ свои руки къ ней, какъ къ олицетворенію своего возрожденія и полюбилъ ее сразу, всѣмъ своимъ сердцемъ... Своимъ яркимъ животворящимъ блескомъ она осѣнила всѣхъ: отъ дворца богача до курной избы курскаго крестьянина, оживила окаменѣвшія сердца и окрылила надежды... Но недолго продолжался этотъ періодъ молодости и возрожденія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ всего-два-три дня, а въ иныхъ и того менѣе... Но это было прекрасное, лучезарное время: тогда не было братоубійственной розни и кровавой распри, и повсюду встрѣчались только счастливыя, безконечно счастливыя лица. Эпохой этой молодости и энтузіазма и окрашено Люботинское дѣло... И не нужно удивляться тому, что оно окрашено свѣтомъ юношескаго идеализма: всѣ вѣрили, всѣ праздновали, а праздничное настроеніе духа,—счастливое настроеніе и неспособно къ насиліямъ. Мы сами переживали это время и наши маленькія сердца соединились, сливаясь въ одно могучее народное сердце. Мы жаждали жизни и ловили ее, не подозрѣвая тѣхъ ужасныхъ мукъ и страданій, которыя стерегли уже Россію; и казалось намъ всѣмъ тогда, что мы начали великій и побѣдный маршъ по пути совершенствованія всѣхъ силъ нашей родины... Да, это было славное время!.. И не удивительно, что на митингѣ Люботина являлись ораторы даже отъ жандармовъ и полиціи, и что тѣ люди, которые посажены теперь на скамью, созданную для каторжниковъ, грабителей, убійцъ возвращали жандармамъ свои деньги за оружіе, купленное на народныя-же деньги... Вамъ, г.г. судьи и сословные представители, часто и убѣдительно говорили, что тутъ не было „захвата" станціи, но тутъ не было г.г. и, „ниспроверженія", такъ какъ нельзя же въ самомъ дѣлѣ „ниспровергать" то, что любишь всей душой,—ниспровергать свободу? А люботинцы вѣрили, что они свободны и что если и приходится что защищать, такъ только то, что уже

провозглашено, какъ принципъ и основной законъ страны... И сколько было удивительныхъ сценъ глубокаго просвѣтленія и праздника души этихъ людей... Впослѣдствіе мы видѣли другія толпы, но это уже были не люботинцы. Люботинцы не истязали и не мучили никого, они не грабили и не воровали съ опасностью жизни и съ возможностью, какъ это оказалось впослѣдствіи, очутиться кандидатами на каторгу, они защищали и охраняли принадлежащее государству имущество, и сидя тамъ, гдѣ они сидятъ, они имѣютъ полное нравственное право сказать: „Господа—мы честны“, а вы, глядя на нихъ, не можете не сказать имъ: „да, вы были честны, вы были добрыми сынами Россіи, ваши руки и сердца не осквернены ни человѣкоубійствомъ, ни желаніемъ воспользоваться чужимъ имуществомъ“...

Но праздничные дни, пережитые Россіей были не долговременны. Я не буду подробно касаться этого второго періода: онъ слишкомъ тяжелъ, чтобы говорить о немъ подробно, вы его сами пережили, и вы не хуже меня его знаете. Я напомню вамъ только одну картину, въ которой сосредоточенъ весь безконечный ужасъ пережитыхъ дней. Вы помните, что въ г. Томскѣ живьемъ сожжены были желѣзнодорожные служащіе? И это, г.г. было въ Россіи въ XX столѣтіи, совсѣмъ недавно... Это произошло въ христіанской странѣ среди извѣстнаго своимъ добродушіемъ и отвращеніемъ къ крови русскаго народа...

А погромы? Помните ихъ? И не стынетъ ли у васъ кровь при этомъ воспоминаніи? Эта красная, кровавая смерть пронеслась, вѣдь надъ всею Россіей и обагрила ее несмѣтными потоками человѣческой крови... О, это былъ страшный ужасъ и двойной ужасъ, г.г. судьи сословные представители... Страшна была не только физическая сторона погромовъ, но и сознаніе того, что тутъ перейдены всѣ грани и разрушены основныя, элементарныя начала человѣческихъ отношеній; не менѣе ужасна была и политическая сторона этого почти безпримѣрнаго человѣческаго побоища: трагизмъ тутъ заключается въ разительной силѣ контрастовъ: 18-ое Октября, оповѣстившее Россію о знаментальномъ актѣ, создало въ теченіе первыхъ дней совершенно исключительный подъемъ счастливыхъ и праздничныхъ чувствъ. Казалось: все прошлое, все темное, все то, что напоминало о насиліи надъ личностью и цѣлымъ обществомъ, что все это, кануло въ вѣчность и намъ современникамъ, вышедшимъ и почти прожившимъ свой вѣкъ въ старомъ порядкѣ, невольно хотѣлось сказать, обращаясь къ самимъ себѣ: „нынѣ отпущаеши раба твоего, Владыко, съ миромъ“... И вдругъ, эти

погромы, этотъ кровавый ужасъ, это изступленіе, этотъ страшный и непонятный кошмаръ. Но довольно объ этомъ. Все еще такъ живо, такъ свѣжо, что душа невольно содрогается отъ воспоминаній... Вы видите, такимъ образомъ, что вмѣсто счастья случилось великое несчастье, что первые лучи, даже не лучи, а первые проблески нарождающейся свободы, сопровождались страшнымъ ударомъ контръ-революціи. И не удивительно, поэтому г.г. судьи и сословные представители, если послѣ этого несчастнаго времени, когда все было полно самыми невѣроятными слухами, когда дѣйствительность превзошла всѣ безумныя предположенія, когда слышались крики, что свободу назадъ отбираютъ, а манифестъ уничтожаютъ, неудивительно, если люботинцы, испуганные возможностью быть снова закопанными въ политическій склепъ, присоединились къ забастовкѣ; но о ней только и можетъ быть здѣсь рѣчь, а ни о чемъ иномъ... Да, г. прокуроръ, тутъ была политическая забастовка и ничего болѣе, и грѣшно думать, что тутъ было что-то другое... И къ этой забастовкѣ, г.г. судьи и сословные представители, прибѣгнули не изъ желанія разорять истерзанную и изстрадавшуюся Россію, а гонимые ужасомъ возможности быть снова отброшенными за предѣлы 17 Октября. Думали этимъ средствомъ спасти драгоцѣннѣйшее пріобрѣтеніе народа—политическую свободу, спасти тѣ самыя начала новаго государственнаго строя, которыя были провозглашены въ политически неоспоримомъ государственномъ актѣ—манифестѣ 17 Октября... Это, г.г. судьи, было лишь пассивное сопротивленіе народа враждебнымъ силамъ контръ-революціи... И будущій историкъ, обсуждая дѣла, подобныя настоящему, скажетъ, что не государственные преступники были Люботинцы въ этотъ историческій моментъ, а лояльные граждане, защищавшіе молодой и неокрѣпшій еще государственный строй. И если съ того моментавсеперевернулось вверхъ дномъ и дѣянія люботинцевъ снова считаются преступленіемъ, то будемъ хоть немножко справедливы къ нимъ и признаемъ, что люботинское дѣло родилось въ дни такого политическаго хаоса и такой политической неурядицы, когда даже мудрѣйшіе люди страны, въ концѣ концовъ, затруднились бы опредѣлить, гдѣ кончается законъ и начинается преступленіе и что нужно было защищать и отъ чего обороняться... А если это такъ и если вы согласитесь, что люботинское дѣло не единственное дѣло этой эпохи, что такими дѣлами была наполнена вся страна, то вы быть можетъ согласитесь и съ тѣмъ, что для ликвидаціи этихъ дѣлъ въ интересахъ полнаго умиротворенія страны нужны не уголовные трибуналы... Да, г.г. судьи и сословные пред-

ставители, тутъ требовалось совершенно иное средство; и когда впослѣдствіи было собрано со всѣхъ концовъ русской земли первое ея народное представительство, то первымъ же крикомъ наболѣвшей души стихійно исторгнувшимся изъ груди народныхъ представителей перваго призыва, было слово: „Амнистіи", и это было не только слово всепрощенія, это былъ актъ высокой государственной мудрости... Да, г.г. судьи и сословные представители, не забывайте же, что страна, *вѣдь*, была на историческомъ переломѣ и между двумя историческими періодами образовалась расщелина болѣе глубокая и опасная, чѣмъ тѣ, которыя встрѣчаешь иногда въ Альпійскихъ ледникахъ. Весь строй, всѣ старые законы въ принципѣ подлежали измѣненію, между тѣмъ они продолжали дѣйствовать и находились въ противорѣчіи съ новыми началами государственной жизни. Число нарушителей стараго закона сдѣлалось настолько велико, что государственная мудрость указывала на необходимость забыть все старое и перекинуть мостъ отъ старой къ новой Россіи. Первая Дума мудро поняла это, и если бы этотъ актъ былъ осуществленъ, то люботинцы не сидѣли бы тутъ передъ вами, гг. судьи. Въ настоящее время образовалось цѣлое теченіе, дискредитирующее первую Государственную Думу. Это очень печальное политическое явленіе, политическая борьба партій никогда не должна доходить до степени гражданской войны. Можно не раздѣлять убѣжденій партіи, но нужно уважать такія учрежденія, какъ Государственная Дума, и если бы англійскіе тори, побѣдившіе виговъ, стали плевать на всю ихъ парламентскую дѣятельность, то они въ то же время плевали бы на лучшее учрежденіе своей страны—парламентъ и мы первые сказали бы англичанамъ „нужно уважать то, что дорого для всей страны". Но амнистія, гг. судьи, не была объявлена, и въ настоящее время судамъ Имперіи приходится произвести грандіозную и невиданную ликвидацію цѣлаго историческаго періода въ порядкѣ судебнаго процесса и уголовной наказуемости. Это очень тяжелая и очень отвѣтственная задача. И конечно вы ее исполните, но исполняя ее, гг. судьи и гг. сословные представители, усиленно прошу васъ все таки помнить, что въ интересахъ государственности очень важно, чтобы, хотя суды были политически „эстерриторіальными". Судъ долженъ быть учрежденіемъ и внѣпартійнымъ, и внѣполитическимъ и судьи должны руководствоваться только голосомъ своей совѣсти и чувствомъ безпристрастія, и это въ особенности необходимо въ такіе историческіе моменты, которые переживаетъ Россія.—Когда грохочутъ пушки, трещатъ ружей-

ные выстрѣлы, стрекочатъ пулеметы, когда слышатся кругомъ стоны раненыхъ, то вѣдь даже на поляхъ битвъ бываютъ святыя мѣста. Надъ ними рѣетъ бѣлый флагъ съ Краснымъ Крестомъ, и даже пули, эти жестокія существа, щадятъ Красный Крестъ, даже они бережно обходятъ его... Судъ, господа въ наше время—это Красный Крестъ, онъ долженъ быть санаторіемъ законности и права; и если еще въ сердцахъ судей будутъ скрещиваться политическія страсти, если даже здѣсь нельзя будетъ найти спокойнаго безпристрастія и увѣренной въ себя справедливости, то куда же тогда идти люботинцамъ?..

И такъ, гг. судьи, вы видите, что и на маленькомъ Люботинѣ совершалась большая русская исторія, и въ то время безкровная и не насильственная... А исторія, гг. отличается тѣмъ свойствомъ, что не нуждается ни въ похвалахъ, ни въ порицаніяхъ: она дыханіе жизни народа; примите это во вниманіе при обсужденіи настоящаго дѣла...

Я кончилъ г.г. Еще только нѣсколько словъ. Вглядитесь въ эти хмурыя и почти страдальческія лица, вы видите здѣсь и старцевъ, и почти дѣтей, а все это вмѣстѣ часть трудовой Россіи, той сказочной феи, которая творитъ національный трудъ. Историческія судьбы отбросили ихъ отъ безпрерывной работы, и вотъ уже годъ, какъ они сидятъ безъ дѣла и безъ вины виноватые... Вмѣсто каторги и тюрьмы возвратите ихъ туда, гдѣ имъ быть надлежитъ, возвратите ихъ къ трудовой жизни... Оправдайте ихъ, г.г., и оправдайте ихъ всѣхъ...

Рѣчь Присяжнаго Повѣреннаго Б. П. Куликова.

Присяжный Повѣренный Б. П. Куликовъ защищалъ г. Кирста, который обвинялся, какъ главный руководитель по 123 и 126 ст. Уг. Улож. и 263 ст. Ул. о Нак.

Когда вся страна замерла во всеобщей первой всероссійской забастовкѣ, которая кончилась исторической перемѣной строя нашего государства, среди тишины и безмолвія этого „недѣланія“ вдругъ раздался неожиданный, громкій, смѣлый свистокъ паровоза, и къ перрону станціи „Люботинъ“ подкатилъ экстренный поѣздъ. Это было такъ ново, такъ удивительно!.. Въ этомъ бывшемъ дортуарѣ участка, какъ въ началѣ весны Святополкъ-Мирскаго назвалъ Россію Трубецкой, вдругъ по линіи пошелъ поѣздъ не по росписанію, посланный и идущій съ позволенія самихъ трудящихся, поѣздъ, на которомъ подъѣхали люди только для того, чтобы обсудить нужды этихъ трудящихся, только для нихъ... И для нихъ „возсіяло красное солнышко“... Изъ вагона этого поѣзда въ числѣ другихъ делегатовъ вышелъ Кирста. Затѣмъ онъ скрывается изъ глазъ въ дальнѣйшемъ теченіи событій, мы о немъ только неясно и глухо слышимъ; онъ появляется въ Люботинѣ лишь на 3-й день забастовки... Но этотъ поѣздъ такъ былъ необыченъ, такъ поразилъ воображеніе, что и слѣдствіе, и затѣмъ обвиненіе не могли отдѣлаться отъ этого впечатлѣнія и не считали возможнымъ допустить, чтобы въ этомъ поѣздѣ не ѣхалъ главарь и руководитель всего движенія... Никакихъ фактовъ, никакихъ реальныхъ указаній на руководящую роль Кирсты намъ не представляютъ.

Кирста прибылъ въ Люботинъ 11-го утромъ. Въ это время уже забастовка была въ полномъ разгарѣ. Она началась и развивалась до этого момента. Все уже пошло нормальнымъ своимъ путемъ.

Что же было? Что произошло?

Началась забастовка.

При началѣ забастовки однимъ лицомъ была произнесена фраза, которой г. прокуроръ придаетъ значеніе. Вообще, въ этомъ процессѣ много значенія придается отдѣльнымъ фразамъ. Мы увидимъ ниже, какъ на фразѣ „Люботинъ—это я", которая якобы была если вѣрить слухамъ, произнесена, зиждется цѣлая система обвиненія.

При началѣ забастовки, одинъ изъ вошедшихъ въ контору начальника станціи якобы сказалъ: „я принимаю станцію". Но, вѣдь, verba volant, слова летаютъ, господа судьи. Мало-ли что кто скажетъ, да и въ какомъ смыслѣ онъ это сказалъ. А вотъ что сдѣлали, какъ поступили? И въ контору службы движенія, и службы тяги, и на телеграфъ, вошли люди и объявили прекращеніе работъ. Что же они сейчасъ же сдѣлали, каково ихъ первое движеніе? Они заботились, чтобы дежурство продолжалось по установленію, чтобы законные дежурные продолжали свое дѣло. Вѣдь, это было необходимо. — Когда 26 дорогъ рѣшили, что необходимо приступить ко 2-й всеобщей желѣзнодорожной забастовкѣ (которая для харьково-николаевской дороги являлась 3-й), то было постановлено, что движеніе воинское и перевозка предметовъ первой необходимости будетъ продолжаться. Значитъ работа была нужна, нужны были и дежурства. И вотъ, первая забота забастовщиковъ, чтобы дежурства продолжались. Любопытное явленіе—помните, свидѣтельница Шарова показывала о томъ, что г. прокуроръ называетъ захватомъ телеграфа, — она указала, что всѣ вошедшіе въ телеграфъ были дежурные на телеграфѣ этого дня.

Зачѣмъ же они тогда входили, въ чемъ дѣло? въ томъ, что забастовка, какъ это уже рельефно выработано на Западѣ, который опередилъ насъ въ этомъ отношеніи, можетъ быть пассивная и активная: пассивная забастовка имѣетъ мѣсто тогда, когда всякій желающій примкнуть къ ней бросаетъ свою работу и уходитъ. Здѣсь забастовщики не убѣждаютъ своихъ товарищей примкнуть къ нимъ, желающій бастуетъ и только, это—забастовка, такъ сказать, неорганизованная. При активной забастовкѣ не такъ, при активной забастовкѣ товарищи убѣждаютъ не предавать ихъ, не измѣнять общему дѣлу и примкнуть къ нимъ, понуждаютъ бросить работу.

На Люботинѣ была забастовка активная; надо было проникнуть во всѣ службы, объявить о началѣ забастовки, заставить не работать. Это и было сдѣлано. Отсюда до какого-нибудь захвата власти, конечно, дистанція огромная, и, дѣйствительно, мы видимъ—для надобности движенія остаются всѣ законные дежурные: Орѣховъ, Федоровъ, Шевелевъ. Все это тѣ лица,

которыя по закону и должны были тутъ быть. Шевелевъ, вѣдь это замѣститель начальника станціи, такъ называется его должность. Это прямой начальникъ всѣхъ другихъ помощниковъ; это лицо, въ рукахъ котораго должна была и оставалась вся служба движенія. Господинъ прокуроръ придаетъ значеніе запискамъ, которыя писались съ предложеніемъ вступить въ дежурство. Да неужели же здѣсь есть какой-нибудь намекъ на захватъ власти? Представьте себѣ—не можетъ состояться какое-нибудь судебное засѣданіе за неявкой одного члена; у меня въ этомъ засѣданіи важное дѣло, я пишу записку знакомому члену суда съ просьбой придти пополнить составъ; могу ли я или не могу написать такую записку,—это зависитъ отъ моихъ личныхъ отношеній съ этимъ членомъ суда, но можетъ ли подняться рѣчь о захватѣ мною суда? Забастовщики заботились о томъ, чтобы движеніе воинскихъ поѣздовъ происходило, и, вѣдь, было бы нелѣпо, еслибы они—въ случаѣ мертвой забастовки—являлись бы неподлежащими наказанію, а въ томъ случаѣ, если бы часть работы желали бы производить, считались бы совершающими наказуемое дѣяніе.

Случай когда Некору заставили отдать ключи отъ кассы Шевелеву, какъ разъ опровергаетъ обвиненіе и поддерживаетъ нашу точку зрѣнія. Шевелевъ,—законный ближайшій начальникъ Некоры; у него должна была храниться касса, и если Некора по какимъ-либо соображеніямъ не хотѣлъ отдать ключей ихъ законному хранителю, то его, конечно, надо было заставить это сдѣлать. Итакъ, ясно, мирная, хотя и активная, забастовка началась. Въ это время то же самое было и на другихъ дорогахъ. Свидѣтель Кубаревъ, служащій на к.-х.-с. ж. д., говоритъ намъ, что у нихъ было то же самое до мельчайшихъ подробностей, включая даже столь страшныя въ глазахъ обвиненія пики. Да и какъ быть безъ охраны, безъ милиціи, какъ угодно можно ее назвать? Пока идутъ работы, жизнь на станціи кипитъ, нѣсколько десятковъ, нѣсколько сотенъ, на большихъ станціяхъ нѣсколько тысячъ людей, вращаясь по путямъ станцій, конечно, представляютъ большое препятствіе кражамъ и грабежамъ; но когда жизнь на станціи замираетъ, грабежи изъ вагоновъ такъ легки. На это обратили вниманіе уже въ октябрьскую и ноябрьскую забастовку; тогда уже начальникъ станціи говорилъ о необходимости создать на случай забастовки охрану; тогда уже проектировали раздѣленіе Люботина на районы, дабы по нимъ ходили обходы. Тогда эту мысль не успѣли осуществить, она осуществилась лишь въ эту декабрьскую забастовку. Итакъ забастовка шла. Прибылъ капитанъ Скаби-

чевскій, ознакомился съ положеніемъ вещей, принялъ станцію въ свои руки отъ капитана Рѣшетникова и разставилъ караулы. Онъ видѣлъ, какъ и докладывалъ здѣсь, пресловутую милицію съ пиками и понялъ ея цѣль охраны, а слѣдовательно, и ея необходимость. Только 11-го утромъ появляется въ этой, сложившейся уже въ Люботинѣ жизни, Кирста. Свидѣтели Засимовскій и Юхновъ точно устанавливаютъ, что 10 вечеромъ Кирста еще былъ въ Харьковѣ. Г. прокуроръ склоненъ не вѣрить этимъ свидѣтелямъ. Они явились такъ поздно, и потомъ, вѣдь, это свидѣтели защиты.

Они явились сюда потому, что законъ предоставляетъ намъ право въ извѣстный срокъ по полученіи обвинительнаго акта просить о вызовѣ свидѣтелей. Законъ не можетъ ставить ловушекъ, и если мы воспользовались предоставленнымъ намъ закономъ правомъ, свидѣтели эти не могутъ считаться имѣющими меньшее значеніе, чѣмъ свидѣтели, вызванные прокуроромъ, по тому-же закону — уставу уг. судопр. Раздѣленіе на свидѣтелей обвиненія и свидѣтелей защиты, хотя постоянно производится, тоже совершенно невѣрно съ принципіальной точки зрѣнія. Всѣ они свидѣтели по обстоятельствамъ дѣла, они свидѣтели защиты только потому, что прокуратура ихъ не вызвала; вина обвиненія, что оно не освѣтило всѣхъ обстоятельствъ дѣла, а если г. прокуроръ думаетъ, что защита до начала дѣла имѣетъ время побесѣдовать со своими свидѣтелями, то этого времени и случая гораздо болѣе у обвиненія относительно его свидѣтелей во время производства предварительнаго слѣдствія; но и по существу, гг. судьи, вспомните именно этихъ двухъ свидѣтелей. Вспомните, какъ одинъ по совершенно неожиданному вопросу, не будучи знакомымъ съ другимъ, указалъ адресъ его квартиры, куда они водили Кирсту, и какъ этотъ адресъ оказался правильнымъ. Да, это достовѣрные свидѣтели, и Кирста прибылъ въ Люботинъ лишь 11-го утромъ.

Забастовка продолжается. Разъ забастовщики не всю работу бросили, то, конечно, надо условиться, поговорить, какую работу исполнить, какую нѣтъ; для отправки какого поѣзда есть предложеніе труда, для какого нѣтъ; надо встрѣтиться, надо собраться. Для этого служатъ помѣщенія мастерскихъ, депо и другія, и вотъ появляются своего рода клубы, какъ сказалъ одинъ свидѣтель: сходятся, читаютъ газету, говорятъ о текущихъ событіяхъ, уславливаются. Безъ такихъ собраній нельзя, конечно, провести забастовки, разъ она не мертвая, въ какомъ случаѣ можно, разумѣется, просто разойтись по домамъ.

Кромѣ такихъ собраній, клубовъ, имѣютъ мѣсто митинги и они совершенно сбиваютъ г. прокурора. Онъ смотритъ такъ: митинги управляютъ забастовкой и если они дѣлаютъ какія-либо постановленія, а отдѣльныя лица, думая, что они исполняютъ волю народа, производятъ какіе-либо эксцессы, вродѣ арестовъ полиціи и жандармовъ, то за эти эксцессы отвѣчаютъ забастовщики. Такимъ образомъ все соединяется воедино. Совершенно невѣрный взглядъ: митинги и забастовка не имѣютъ ничего общаго. Между ними только та связь, что по случаю забастовки есть свободное помѣщеніе, гдѣ можно устроить митинги. Вѣдь на митингѣ бывало двѣ-три тысячи крестьянъ, которые никакого отношенія ни къ желѣзной дорогѣ, ни къ забастовкѣ не имѣли. Если вы хотите отвѣтственными за эксцессы сдѣлать забастовщиковъ, то извольте точно доказать, что митингъ былъ органомъ сообщества забастовщиковъ. Извольте точно доказать, что, какъ таковой, онъ сдѣлалъ постановленіе объ арестахъ жандармовъ; извольте точно доказать, что это постановленіе правильно исполнено посланными этимъ митингомъ людьми. Какъ вы видѣли—ничего подобнаго. Митингъ, состоящій изъ большинства пришлыхъ изъ деревни крестьянъ, не связанъ съ забастовкой, а если отдѣльныя лица, услышавъ на митингѣ, что слѣдуетъ пригласить жандармовъ для объясненій, производятъ эксцессы, то за нихъ не отвѣтственъ даже митингъ; а между эксцессами и забастовщиками такимъ образомъ не одна, двѣ пропасти.

Итакъ, продолжаются собранія,—клубы въ мастерскихъ, идутъ митинги; Скабичевскій, какъ онъ говорилъ, держитъ станцію въ своихъ рукахъ. Онъ является начальникомъ военныхъ силъ, отдаетъ распоряженія черезъ своихъ офицеровъ, обращается, когда нужно, къ дежурящимъ по станціи—Орѣхову, Шевелеву. Г. прокуроръ упираетъ на то, что Скабичевскій тогда обращался и къ другимъ лицамъ, къ стачечному комитету. Возможно. Если есть забастовка, да еще забастовка не мертвая, то долженъ быть и забастовочный комитетъ, и докторъ Богдановъ показывалъ намъ что комитетъ, разрѣшенный начальствомъ, во время стачки и являлся стачечнымъ комитетомъ. Да иначе и быть не могло. Должны быть люди, которые во время стачки говорятъ: пора начать стачку, пора ее кончить, эту работу надо произвести. Мы такъ не привыкли къ этимъ новымъ формамъ жизни, что намъ кажется страшнымъ стачечный комитетъ; а между тѣмъ это вполнѣ легальный органъ, пока самая забастовка не запрещена закономъ. Охранники, скажемъ, милиціонеры, ходятъ съ пиками по путямъ

между вагонами на глазахъ Скабическаго и его солдатъ, не подозрѣвая, что впослѣдствіи они будутъ на скамьѣ подсудимыхъ. 13 числа милиціонеры дѣлаютъ нѣчто вродѣ парада. Г. прокуроръ придаетъ этому громадное значеніе. Вѣдь, они шли раздѣленные на четыре роты, говоритъ онъ. Можетъ быть, господа судьи. Имѣетъ ли какое-нибудь значеніе, раздѣлялись ли они на роты или на дивизіи? Вѣдь, это такъ понятно! Охрана съ пиками, на три четверти изъ зеленой молодежи. Ну, какъ не сдѣлать парада! И пожарные у насъ дѣлаютъ парады, и никто не называетъ это вооруженнымъ возстаніемъ. Процессія парадировала, а Скабичевскій и солдаты смѣялись. Такъ продолжала развиваться забастовка.

Но при чемъ здѣсь, гдѣ здѣсь Кирста? Г. прокуроръ все называетъ его главаремъ, руководителемъ, властителемъ сердецъ, я все ждалъ, что онъ перейдетъ къ доказательствамъ этого. Ничуть не бывало! Такъ на простомъ утвержденіи и кончились всѣ доказательства.

Если вы займетесь, господа судьи, свидѣтельскими показаніями, относящимися къ этому вопросу, то вы увидите, что тамъ то же самое. То же голословное утвержденіе и больше ничего. Г. прокуроръ не вѣритъ показаніямъ свидѣтелей, даннымъ теперь и ссылается на то, что они говорили у слѣдователя.

Склевинскій прямо говоритъ по „слухамъ“. Глазковъ и Лисякъ довольствуются утвержденіемъ, что Кирста игралъ главную роль. Но откуда они вывели это заключеніе? Какіе факты они видѣли? Что прошло передъ ихъ глазами? Ничего, рѣшительно ничего. Да они рѣдко и бывали на станціи. Глазковъ, напримѣръ, все время провелъ въ полуверстѣ отъ станціи, онъ ни разу не видѣлъ Кирсты. Это значитъ: тѣ же слухи, то же „говорятъ“; то, что такъ часто въ жизни оказывается ни на чемъ не основаннымъ.

Но вотъ два столпа обвиненія: Вороной и Портола. Они показывали у слѣдователя, что Кирста распоряжался, говорилъ по телефону, принималъ доклады. Я дрожалъ за судьбу Кирсты, когда они входили въ залу. И что же выясняется? Слѣдователь очень польстилъ этимъ скромнымъ сторожамъ.

Первый, показанія котораго у слѣдователя начинаются словами: „Скопище революціонеровъ захватило станцію“, оказывается даже не знаетъ, что такое значитъ слово революціонеръ, и оказался уже совершенно ничего не понимающимъ. въ абсолютномъ недоумѣніи передъ словомъ скопище. Второй, говорившій о главной роли Кирсты, здѣсь, на вопросъ, что такое *роль*, отвѣтилъ: „Это у пчелъ“...

И на показаніяхъ этихъ людей зиждется обвиненіе! Оказывается, они видѣли много входившихъ и уходившихъ людей, но не знаютъ, кто изъ нихъ Кирста. Вы помните, гг. судьи, какъ Кирста допрашивалъ одного изъ нихъ о Кирстѣ, и тотъ, который говорилъ у слѣдователя о главной роли Кирсты, видимо и не подозрѣвалъ, что онъ бесѣдуетъ съ Кирстой. Въ концѣ допроса Кирста, посмотрѣвъ на него, сказалъ: „Я — Кирста“; удивленіе этого обличителя вызвало громкій смѣхъ всей залы.

Скажите, господинъ прокуроръ, какіе же факты имѣете вы въ доказательство того, что Кирста былъ главарь и подстрекатель?

Кажется, остается только эта фраза: „Люботинъ—это я“. Я согласенъ съ господиномъ прокуроромъ, что обвиненіе въ абсолютическихъ замашкахъ въ конституціонномъ государствѣ для Кирсты было бы оскорбительнымъ; но оно не справедливо. Вѣдь, вспомните, объ этой фразѣ говоритъ одинъ свидѣтель и говоритъ по слухамъ. Онъ такъ эти слова и употребляетъ: по слухамъ Кирста говорилъ: „Люботинъ—это я“. Судебный слѣдователь не утерпѣлъ и помѣстилъ это выраженіе въ протоколъ. Это какъ-то такъ „исторично“. Не утерпѣлъ и товарищъ прокурора, составлявшій обвинительный актъ, и помѣстилъ эту фразу туда. Я думалъ, что г. прокуроръ воздержится, и этой фразы не будетъ въ его обвинительной рѣчи. Я ошибся. Эта фраза оказалась и въ рѣчи; но, пройдя черезъ горнило судебнаго слѣдствія, она стала менѣе значащей, еще нелѣпѣе. Но каковы же были факты? Что дѣлалъ Кирста въ дѣйствительности?

Первый разъ мы встрѣчаемъ Кирсту въ декабрьскую забастовку въ Люботинѣ, при переговорахъ со Скабичевскимъ.

Скабичевскій обѣдалъ. Къ нему вошло нѣсколько человѣкъ. Они извинились, что, кажется, помѣшали ему обѣдать; онъ предложилъ имъ сѣсть. Сѣли, и началась бесѣда. Одинъ изъ нихъ отрекомендовался: я Кирста. Говорили о событіяхъ, о забастовкѣ, и пришедшіе просили Скабичевскаго удалить войска, уйти съ войсками со станціи. Г. прокуроръ видитъ въ этомъ что-то необыкновенное; требованіе, обращенное къ войскамъ; мятежъ, возстаніе. Можно ли говорить здѣсь о чемъ-либо подобномъ?

Кирста съ товарищами исполнялъ здѣсь долгъ каждаго интеллигентнаго человѣка при такихъ обстоятельствахъ: постараться устранить поводы къ какимъ бы то ни было конфликтамъ. Дѣло въ томъ, что когда идетъ забастовка, и рядомъ съ

забастовщиками находится войско, то, какъ бы трогательно намъ тутъ ни говорили, что властямъ всегда непріятно кровопролитіе,—войска стрѣляютъ. Можно считать это уже однимъ изъ продуктовъ опыта, пережитаго Россіей: когда забастовщики и войска встрѣчаются,—войска стрѣляютъ. Все потому, что мы не привыкли къ новымъ укладамъ жизни, все потому, что забастовщикъ все еще остается крамольникомъ, и какъ часто какое-нибудь разъясненіе, какіе-нибудь переговоры могутъ устранить это кровопролитіе. Здѣсь и появляется обязанность интеллигентнаго человѣка. Извѣстно, что и въ Харьковѣ въ октябрьскіе дни образовался особый комитетъ, который заботился о томъ, чтобы выяснить властямъ необходимость, во избѣжаніе кровопролитія, отвести войска. Этотъ комитетъ былъ принятъ бывшимъ губернаторомъ Старынкевичемъ и начальникомъ военной силы Мау, и съ нѣкоторыхъ мѣстъ войска были дѣйствительно отведены. Съ этимъ же обратился и Кирста съ товарищами къ Скабичевскому. Скабичевскій сказалъ, что онъ не можетъ уйти съ войсками, и разговоръ кончился. Если-бъ это былъ мятежъ, если-бъ это было крамольное требованіе, развѣ такъ бы разговоръ могъ окончиться? Конечно, нѣтъ. А здѣсь: не можетъ Скабичевскій уйти—очень жаль, что дѣлать. И больше ничего. Перешли на другія темы и разошлись.

Этого же числа состоялся митингъ, на которомъ шла рѣчь о распространеніи полиціей и жандармами воззваній съ призывомъ избивать желѣзнодорожниковъ и забастовщиковъ. И на митингѣ этомъ рѣшено было пригласить чиновъ полиціи и жандармеріи для объясненія. Опять обращаю ваше вниманіе, гг. судьи, если отдѣльныя лица дозволили себѣ послѣ эксцессы, то участники митинга за нихъ не отвѣтственны. Митингъ не постановлялъ того, что сдѣлали эти лица. Но, какъ защитникъ Кирсты, не могу не обратить вашего вниманія, что на митингѣ этомъ предсѣдательствовалъ Финкельштейнъ, а Кирсты даже не было среди участниковъ. Это точно установлено. Кирсты не было на митингѣ, Кирсты даже не было въ это время на станціи. Онъ былъ въ селѣ Люботинъ. Итакъ, эта исторія съ призывомъ жандармеріи и полиціи пошла помимо Кирсты. Онъ появляется только разъ въ комнатѣ, гдѣ содержались жандармы, и здѣсь онъ показываетъ всю свою непричастность и всю свою безпомощность въ этомъ дѣлѣ. Онъ обращается къ заключеннымъ, какъ человѣкъ къ человѣку. Не будучи въ состояніи помѣшать, онъ говоритъ слово утѣшенія: „Вы, можетъ быть, какъ люди, и лучше другихъ, но мундиры ваши сдѣлали много зла

народу. Оправдайтесь передъ народомъ". И что же здѣсь происходитъ? Сердюковъ выгоняетъ его, говоря: „вы не смѣете разговаривать съ арестованными. Уходите прочь". Вотъ онъ, этотъ главарь движенія, руководитель всего, его выгоняютъ, потому что это не его дѣло. Здѣсь нечего больше прибавлять, факты краснорѣчивѣе словъ.

Наступаетъ 12-е декабря. День знаменитаго митинга, на которомъ присутствовали жандармы и полиція; на митингѣ было до 4 тысячъ народу, изъ которыхъ большая половина — пришедшіе изъ села крестьяне.

Ни я, ни подзащитный мой не думали скрывать, что предсѣдателемъ на этомъ митингѣ былъ выбранъ Кирста. Г. прокуроръ придаетъ этому значеніе, смѣшивая, повидимому, предсѣдателя съ начальникомъ. Г-ну прокурору, вѣроятно, не приходилось въ прошломъ году бывать предсѣдателемъ на митингахъ. Но большинству изъ интересующихся общественной жизнью, въ прошломъ октябрѣ и ноябрѣ мѣсяцѣ, приходилось выступать въ этой роли. Всѣмъ извѣстно, какъ трудны функціи предсѣдателя. Если онъ мало-мальски захочетъ поступить по-своему, распорядиться какъ-нибудь, то сейчасъ же въ этомъ, легко возбудимомъ собраніи, раздаются протесты, нареканія въ насиліи, въ лишеніи свободы слова и проч. Поэтому предсѣдатель никакъ не распорядитель, а первый слуга митинга. Я не знаю, нужно ли мнѣ здѣсь говорить о той фразѣ, которую, по утвержденію одного свидѣтеля, яко бы сказалъ Кирста: „Вотъ какъ хорошо, что мы арестовали полицію". Эта фраза такъ не вяжется съ тѣмъ, что произошло наканунѣ; эта фраза категорически отвергнута цѣлымъ рядомъ свидѣтелей, и объ этой фразѣ ни слова не говорилъ г. прокуроръ въ своей рѣчи. Я думаю, надо считать, что отъ этой фразы отказался г. прокуроръ.

Что же было на этомъ митингѣ? Вы помните, рѣчь шла объ оружіи жандармовъ и полиціи. Кирста, выражая желанія митинга, сказалъ, что оружіе это куплено на народныя деньги и народу должно принадлежать. Но Кулевъ возразилъ, что у него есть еще оружіе, купленное на его собственныя деньги. Кирста настоялъ, чтобы немедленно деньги были собраны, дабы жандармъ Кулевъ получилъ за свое оружіе вознагражденіе.

Кулевъ находитъ, что ему достаточно 3 рубля, но митингъ собралъ ему 5 руб. Немедленно пошли съ Кулевымъ на его квартиру и получили это оружіе. Вообще, гг. судьи, къ этому митингу нельзя подходить съ мѣркой настоящаго дня. Вѣдь то время было время исключительное. Русская жизнь была ка-

кой-то грезой, мечтаньями. Что говорилось и дѣлалось, теперь трудно повѣрить. И этотъ митингъ это было что-то, для настоящаго времени не реальное. Это было необыкновенно и трогательно. Представьте себѣ эту картину, когда жандармы и полиція повѣдали народу свои горести. Когда они говорили, что они хотятъ быть заодно съ народомъ, что они такъ же несчастны, и что только мундиръ—необходимость прокормить свое семейство, мѣшаютъ имъ поступить согласно ихъ желаніямъ. А вспомните эту женщину, которая пришла на митингъ просить защиты противъ своего обидчика. Предсѣдатель митинга сейчасъ же предложилъ третійскій судъ, эту самую совершенную форму суда, и третейскій судъ немедленно образовался. Говорятъ, что на митингъ были принесены красные флаги и исполненъ гимнъ „Вы жертвою пали“. Возможно. Не вижу здѣсь ничего опаснаго ни для митинга, ни для его предсѣдателя. Перенеситесь опять въ ту эпоху. Красный флагъ былъ обычнымъ явленіемъ жизни. Московскій генералъ-губернаторъ, однажды увидѣвъ демонстрацію съ красными флагами, сказалъ: „по моему мнѣнію, послѣ манифеста 17 октября, такія демонстраціи могутъ проходить и подъ національнымъ флагомъ“.

Вотъ какъ смотрѣли тогда. Генералъ-губернаторъ думалъ, что можно и подъ національнымъ флагомъ, но, значитъ,—ваше дѣло... А гимнъ! Увы, его приходилось слушать на каждомъ шагу. Ни красные флаги, ни этотъ гимнъ, конечно, не имѣютъ никакого отношенія къ тѣмъ дѣяніямъ, за которыя преданы суду подзащитные.

Далѣе въ 4-й и послѣдній разъ Кирста появляется на аренѣ декабрьскихъ событій въ Люботинѣ 14-го числа. Вы помните, что случилось. Скабическій вывелъ свою роту на перронъ и ждалъ въ боевомъ порядкѣ... Онъ выставилъ требованіе—возвращеніе оружія, фигурировавшаго на митингѣ 12 числа, и ждалъ отвѣта. Въ мастерскихъ шли переговоры, обмѣнъ мнѣній по вопросу о дальнѣйшей судьбѣ забастовки... Начали расходится. Часть пошла черезъ пути, большинство черезъ мостъ. Скабичевскій это движеніе черезъ мостъ называетъ „процессіей“. Онъ сказалъ здѣсь вамъ, что, хотя онъ и скомандовалъ „пальба ротой“, но уже самъ понималъ тогда, что никакой стрѣльбы не будетъ: передъ нимъ было не войско мятежниковъ, передъ нимъ была процессія, въ которой было много женщинъ и дѣтей. Съ изумленіемъ, повидимому, въ этой процессіи увидѣли угрожающій жестъ солдатъ, взявшихъ ружья къ прицѣлу. Къ счастью, не потерялись, и немедленно на мосту взвился бѣлый флагъ. Отъ толпы отдѣлились Кирста съ товарищами и пошли

къ капитану Скабичевскому съ бѣлымъ флагомъ. Капитанъ вышелъ къ нимъ на встрѣчу. Вѣрный воинской вѣжливости, которой учатъ солдатъ, состоящей въ томъ, что если японецъ или турокъ, или другой непріятель подходитъ съ бѣлымъ флагомъ, то ихъ надо привѣтствовать, Скабичевскій поднесъ руку къ козырьку и опустилъ ее, когда и Кирста пересталъ ею привѣтствовать. Вотъ во второй разъ Кирста вступилъ въ сношенія съ представителемъ воинской силы, второй разъ онъ исполнилъ долгъ интеллигента — устранить возможность кровопролитія, и второй разъ успѣшно. Онъ объяснилъ Скабичевскому, что пики милиціи необходимы для охраны сотенъ вагоновъ, что, разумѣется, охрана милиціи не будетъ нужна, если Скабичевскій разставитъ у вагоновъ свои патрули. Скабичевскій отвѣтилъ, что онъ понимаетъ, что эта милиція не противъ войскъ (онъ и не могъ не понять этого; оружіе, достаточное противъ ночныхъ воришекъ—остается дѣтской игрушкой противъ регулярнаго войска), что самъ охраны вагоновъ учинить не можетъ, ибо въ его распоряженіи мало людей, и что такимъ образомъ, милиція можетъ продолжать охрану сама. Онъ даже обратился къ офицеру и велѣлъ возвратить (выбросить, какъ онъ выразился) одно негодное ружье, отнятое наканунѣ у кого-то изъ милиціонеровъ. Вотъ и все. Какъ это все мирно, понятно, естественно. Какую пользу принесло объясненіе Кирсты и Скабичевскаго для выясненія положенія, для избѣжанія ненужнаго кровопролитія... Вотъ все, что было въ Люботинѣ до ареста Кирсты. Гдѣ же мы видимъ подстрекательство Кирсты, его главенство, его руководство и его участіе въ чемъ-либо другомъ, кромѣ забастовки? Видѣлъ его кто-нибудь дающимъ приказанія, распоряженія, разсылающимъ бумаги, что-ли, принимающимъ доклады? Никто. Вотъ все, что даетъ судебное слѣдствіе. Но ничего другого мы и не могли ждать отъ него, судя по тому образу, который намъ дается слѣдствіемъ, его духовнаго склада. Мы его видѣли въ первый разъ на экстренномъ поѣздѣ. И помните, что тамъ было? До прихода этого поѣзда не горѣло электричество и въ темнотѣ, въ которую погрузила забастовка станцію х.-н. жел. дор., происходили тяжелыя и острыя столкновенія забастовщиковъ съ начальствомъ, рядъ конфликтовъ.

Пришелъ поѣздъ; зажглось электричество; улажены конфликты и далѣе забастовка идетъ мирно.

Проѣхавъ въ поѣздѣ, будучи избранъ законнымъ делегатомъ, онъ собиралъ другихъ законныхъ делегатовъ на легальный съѣздъ ихъ въ Харьковѣ.

„Никакихъ насилій, никакихъ погромовъ“, никакихъ безпорядковъ, вотъ слова, которыя мы отъ него слышали всегда, гдѣ мы его видимъ: на митингѣ, или собраніи еще ранѣе декабрьской забастовки.

Помните, на одномъ митингѣ Скородинскій читалъ, а Кирста, не возражая, объяснялъ „Правду Божью“ священника Петрова.

Вы должны знать, что человѣкъ, стоящій за крайнія и рѣшительныя, насильственныя мѣры дѣйствій, такую вещь, какъ „Правда Божья“ священника Петрова, считаетъ болѣе вредной вещью чѣмъ черносотенныя воззванія. Эти послѣднія не могутъ повліять на людей, оппозиціонно настроенныхъ; а такая вещь можетъ уменьшить крайнюю оппозицію въ пользу умѣренной. Тотъ, кто проповѣдуетъ насильственную тактику, тотъ не будетъ читать народу „Правду Божью“.

А помните это указаніе на народныя деньги, это предложеніе жандармамъ и полиціи, которое онъ сдѣлалъ, когда ему не позволили вмѣшаться и предупредить аресты. А его защита ихъ на митингѣ! Вспомните, онъ бѣжалъ изъ Харькова, онъ тамъ уже долженъ скрываться, чтобы его не арестовали; и вотъ, придя на митингъ, онъ говоритъ: „ни одного оскорбленія жандармамъ или полиціи: я отвѣчаю за ихъ неприкосновенность жизнью“.

Это идеалистъ, мечтатель.

Недаромъ Дзиковскій, увидя сваливаемый вагонъ, сказалъ: „этого бы не было, если бы Кирста не былъ арестованъ“.

А вотъ свидѣтельство съ другой стороны. Финкельштейнъ, желая показать свою рѣшительность и суровость, говоритъ: „я—не Кирста“.

Теперь понятно, что, дѣйствительно, Кирста, какъ это показали Абрамовъ и Демковъ, долженъ былъ сорвать этотъ, такъ называемый, манифестъ якобы союзнаго управленія, въ которомъ былъ призывъ къ оружію и истребленію имущества. Онъ это сдѣлалъ, и онъ не могъ поступить иначе...

Да, это идеалистъ, мечтатель, увлеченный дѣятельностью, но какой?—Забастовкой, только забастовкой. И какъ понималъ онъ ее?

„Забастовка—это не война, а мирный протестъ“. На этой фразѣ самого Кирсты я и могу закончить его защиту.

Положеніе ваше—не изъ легкихъ, господа судьи! Въ такихъ дѣлахъ страшно трудно разбираться. И почему?—Потому, что законы пишутся для (назовемъ его такъ) обыкновеннаго времени. Но когда начинаются могучія народныя движенія,

когда перестраивается народная жизнь на совершенно новыхъ приципахъ, то этотъ могучій потокъ вы въ узкія рамки уголовнаго закона не вольете. Такія проявленія народнаго духа, если взять сравненіе изъ жизни индивидуальной, можно больше всего уподобить геніальному произведенію отдѣльнаго творчества. Представьте себѣ, что васъ заставляютъ надѣть старый изодранный костюмъ на Венеру Милосскую. Въ такомъ же положеніи, тотъ, кто обязанъ примѣнить уголовныя статьи къ дѣяніямъ массъ во время народныхъ движеній. Это—нелѣпо; этого пригнать нельзя. Тысячелѣтняя исторія 130 милліоновъ людей, 100 тысячъ квадратныхъ миль—все переходитъ на новые пути. А вы должны къ тому, что въ это время происходитъ, примѣнить статью закона, написаннаго въ тиши кабинета для нормальнаго обихода людьми прежняго времени! Вотъ и получается спутанность, неясность, противорѣчія. Разспрашивается о томъ, былъ ли Кирста на митингахъ, а на нихъ въ то время была вся Россія; узнается, говорилъ ли Кирста о томъ, что надо у насъ въ Россіи что нибудь измѣнить; а объ этомъ въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ разсылаются прессою статьи во всѣ уголки нашего отечества. Обращаются къ слухамъ, къ молвѣ. Неизвѣстно, что преступно, чего нельзя, и что необходимо. Слишкомъ мы не привыкли къ новому положенію. Слишкомъ мы всѣ думаемъ и боимся по старому.

Не бойтесь митинговъ и рѣчей, не прислушивайтесь къ слухамъ, и вы оправдаете Кирсту.

Кирста былъ оправданъ по 123 ст. Уг. Улож. и 263 ст. Ул. о нак., и приговоренъ на 2 года въ крѣпость съ зачетомъ предварительнаго заключенія по 126 ст. Уг. Улож.—Въ послѣдствіи этотъ приговоръ по протесту г. Прокурора, и по жалобѣ Прис. Пов. Б. П. Куликова былъ отмѣненъ Правительствующимъ Сенатомъ.

АГРАРНЫЕ БЕЗПОРЯДКИ.

Долбенкинское дѣло.

Въ началѣ 1905 года рядъ уѣздовъ Курской, Орловской и нѣкоторыхъ другихъ губерній охватили такъ называемые крестьянскіе безпорядки, выразившіеся въ самовольномъ отобраніи у помѣщиковъ хлѣба и скота, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ разгромѣ и поджогахъ помѣщичьихъ усадьбъ. 28 Февраля 1905 г. такой погромъ усадьбы, сопровождавшійся поджогомъ имѣлъ мѣсто въ селѣ Долбенковѣ Дмитровскаго уѣзда, Орловской губ. въ экономіи Великаго Князя Сергія Александровича.

По словамъ обвинительнаго акта, при разслѣдованіи причинъ, вызвавшихъ эти безпорядки, допрошенные въ качествѣ свидѣтелей мѣстные уѣздный Предводитель дворянства, Земскій Начальникъ, Волостной Старшина и полицейскій урядникъ установили, что крестьяне села Долбенкина и окрестныхъ деревень, имѣя надѣлъ въ количествѣ около трехъ десятинъ на ревизскую душу весьма плохого качества земли и живя среди окружающихъ ихъ со всѣхъ сторонъ обширныхъ земельныхъ угодій экономіи Великаго князя, находились въ полной экономической зависимости отъ послѣдней и были вынуждены арендовать у нея землю и покосы, покупать хлѣбъ и другіе сельско-хозяйственные продукты, а также отдавать ей свою рабочую силу по цѣнѣ и на условіяхъ въ высшей степени обременительныхъ для крестьянъ.

Все это вызывало у крестьянъ чувство недовольства своимъ положеніемъ и создало весьма обостренныя отношенія между крестьянами и администраціей экономіи. Эти отношенія съ теченіемъ врѣмени все болѣе обострялись также и вслѣдствіе того, что управляющій имѣніемъ Великаго Князя, егермейстеръ Двора Его Величества Филатьевъ, какъ дословно говорится въ обвинительномъ актѣ, „путемъ наложенія штрафа очень строго охранялъ интересы ввѣреннаго ему имѣнія отъ всякихъ, иногда даже назначительныхъ нарушеній со стороны крестьянъ“.

27 Февраля поздно вечеромъ крестьяне толпою человѣкъ въ 70 подошли къ экономическимъ воротамъ и предъявили къ Управляющему требованія сложить штрафы, удалить нѣкоторыхъ служащихъ, позволить прогонять скотъ по экономической землѣ и понизить цѣну на хлѣбъ. Филатьевъ согласился исполнить эти требованія и по просьбѣ нѣкоторыхъ пришедшихъ далъ имъ два ведра спирта.

Утромъ 28 Февраля крестьяне нѣсколькихъ деревень громадной толпой двинулись на экономію. Встрѣтивъ Филатьева, толпа сперва была очень мирно настроена: крестьяне приняли отъ Филатьева отпущенную по его запискѣ изъ казенной винной лавки водку и роспили ее тутъ-же при участіи Филатьева, который выпилъ съ ними за здоровье крестьянъ, за прочный миръ и добрыя сосѣдскія отношенія. Но за тѣмъ крестьяне разгромили, еще въ присутствіи Филатьева лавку нѣкоего Орлова, сидѣвшаго на землѣ принадлежавшей экономіи, вклинившейся въ крестьянскіе надѣлы и проданной тѣмъ не менѣе Филатьевымъ, не смотря на просьбы крестьянъ, дававшихъ за эту землю какую угодно цѣну, не имъ, а Орлову. Далѣе крестьяне принялись и за экономію, причемъ разгромили контору, квартиру Управляющаго, а также ректификаціонный и водочный заводы, принадлежавшіе Экономіи Великаго Князя. Были нанесены легкіе побои и самому управляющему, егермейстеру Филатьеву.

Въ общемъ, по исчисленію администраціи экономіи, послѣдней причиненъ убытокъ въ размѣрѣ около 250.000 рублей.

На скамью подсудимыхъ были привлечены 63 человѣка крестьянъ окрестныхъ деревень по обвиненію ихъ по 1 и 3 части 269[1] ст. Улож. о Наказ. а нѣкоторыхъ еще и по 1606 и 1609 ст. того же Уложенія, т. е. въ поджогахъ.

Дѣло это слушалось съ 30 Іюня по 2 Іюля 1905 г. въ г. Дмитровскѣ Орловской губ. выѣздной сессіей, согласно состоявшагося опредѣленія Сената, не Харьковской, какъ бы то слѣдовало, а Московской Судебной Палаты съ участіемъ сословныхъ представителей. Предсѣдательствовалъ тогдашній Старшій Предсѣдатель Московской Судебной Палаты, Сенаторъ Ф. Ф. Арнольдъ. Въ составѣ сословныхъ представителей—Орловскій губернскій предводитель дворянства М. А. Стаховичъ. Обвинялъ Товарищъ Прокурора В. В. Равскій. Защищали Н. А. Бакулинъ (Орелъ) С. А. Балавинскій, В. А. Маклаковъ и Н. К. Муравьевъ (Москва).

Рѣчь присяжнаго повѣреннаго В. А. Маклакова.

Уголовная сторона этого дѣла исчерпана. Но такъ какъ это послѣднее слово защиты, то я хочу сначала отвѣтить на мысль, которую затронули представители обвиненія.

Они поняли оба, что это не простое уголовное дѣло, а страница исторіи. Какъ бы мы не закрывали глазъ, ни зажимали ушей, мы знаемъ, что не только въ лобановской экономіи былъ нарушенъ порядокъ; что въ одной Орловской губерніи три судебныхъ палаты одновременно съѣхались, чтобы судить безпорядки; что внѣ этой губерніи такія же событія и еще гораздо болѣе грозныя льются широкомъ потокомъ. И сейчасъ нѣтъ на Руси Архимеда, который въ тиши своего кабинета не зналъ бы, что городъ берутъ, до котораго не доносились бы раскаты боя на улицахъ.

И въ этихъ крестьянахъ поэтому мы можемъ видѣть не отдѣльныхъ подсудимыхъ, которые въ своей личной винѣ даютъ отвѣтъ своимъ судьямъ. Они—только маленькая часть большого цѣлаго, они—непокорная часть общества, которая теперь въ лицѣ вашемъ даетъ отвѣтъ государственной власти. И когда вы, эта государственная власть, находите, что *они* во всемъ виноваты, что за то, что творится *они* заслужили возмездіе, позвольте обратиться къ вамъ не какъ къ судьямъ, а какъ къ власти и какъ таковой отвѣтить нѣсколько словъ.

Вы вините ихъ по 269 ст. уложенія; я съ этимъ не спорю; я стану на вашу же точку зрѣнія и только прошу довести вашу мысль до конца.

Въ преступленіи этомъ есть двѣ стороны: преступны самыя дѣйствія—поврежденіе, расхищеніе, насиліе...; но преступенъ въ глазахъ закона и поводъ: вражда, выросшая изъ экономическихъ отношеній.

Вотъ въ чемъ вы обвиняете ихъ.

Но кто же виноватъ во всемъ этомъ?

Ихъ поступки, ихъ дѣйствія были преступны—объ этомъ не будетъ двухъ мнѣній. Было бы лучше конечно, если бы „мирная демонстрація", о которой говорилъ намъ Филатьевъ, кончилась иначе. Было бы лучше, типичнѣй, привычнѣй, если бы, изложивъ свои пожеланія, крестьяне мирно разошлись по домамъ; если бы, пока они тамъ дожидались исполненія обѣщаній, имъ данныхъ, нагрянула бы военная сила, вытащила ихъ изъ домовъ, отобрала зачинщиковъ, примѣнила къ нимъ крайнія мѣры воздѣйствія и навела ужасъ на прочихъ. Если бы такимъ образомъ „бунтъ" былъ усмиренъ, порокъ наказанъ, добродѣтель восторжествовала. Это было бы лучше, быть можетъ. Но вѣдь самъ Филатьевъ постарался о томъ, чтобъ этого не было.

Вы уже знаете, какъ грубо нарушилъ онъ самыя элементарныя правила осторожности; какъ онъ поилъ виномъ возбужденныхъ крестьянъ, какъ съ ними говорилъ объ Орловѣ...

О, онъ не вѣдалъ того, что творилъ; онъ думалъ—sancta simplicitas—что выпивъ два ведра спирта, крестьяне не потребуютъ больше, что годы штрафовъ и притѣсненій можно загладить дружескимъ тостомъ, что направивъ ихъ на Орлова—онъ жертвовалъ имъ, но за то спасалъ экономію.

Кто сѣетъ вѣтеръ, пожинаетъ бурю; онъ не успокаивалъ, а подогрѣвалъ страсти крестьянъ; и когда они разгорѣлись, когда головы затуманились, когда съ Орловскаго дома начался погромъ, онъ не зналъ уже ни мѣры, ни удержу. Начался русскій бунтъ, безсмысленный и безпощадный; безполезно искать въ немъ плана, руководителей, подстрекателей; разъяренная и полупьяная толпа уничтожала все, что было возможно, била всѣхъ, кто ей попадался. Ея поступки были неосмысленны, были дики и грубы; но могло ли быть иначе? Чего другого можно ожидать отъ этой толпы? Вѣдь эти люди всегда грубы, грубы въ своей ласкѣ, грубы въ шуткахъ, грубы въ спорахъ, могли ли они оказаться иными въ злобѣ и гнѣвѣ? Ихъ ли за это винить?

Пусть винитъ ихъ историкъ, когда черезъ много лѣтъ будетъ описывать наше печальное время. Пусть винитъ иностранецъ, порицая нашъ нравъ и обычай. Пусть они осуждаютъ, если имъ нравится. Но если порицать и обвинять станете вы, представители государственной власти, то я спрошу васъ: *вы*, которые осуждаете, а что же *вы* сдѣлали для того, чтобы излѣчить ихъ отъ грубости? Государственная власть о многомъ заботилась: она старалась, чтобъ они были покорны, преданны

властямъ, смиренны передъ высшими, безотвѣтны передъ начальниками; а заботилась ли она о томъ, чтобы смягчить ихъ нравы, изгнать изъ нихъ дикость, вселить отвращеніе къ грубости?

Когда, въ чемъ оказалась такая забота? въ томъ ли, что какъ въ данномъ дѣлѣ уже послѣ 11 августа въ волостяхъ при допросѣ грозили имъ розгами? Въ томъ ли, что всѣхъ ихъ до этого дня могли дѣйствительно выпороть? Въ томъ ли, что и теперь казацкія нагайки свищутъ по улицамъ, никого не разбирая, не щадя ни дѣтей, какъ въ Курскѣ, ни священниковъ, какъ на Кавказѣ? Жестоки нравы у насъ, но жестоки и сверху и снизу. Мы пожинаемъ въ ихъ грубости то, что сами старательно сѣяли. Карайте же ихъ, если можете, за то, что они наконецъ возмутились, за то, что и они потеряли терпѣніе. Но знайте, что разъ они его потеряли, разъ порядокъ нарушился, разъ толпа разошлась, она неминуемо должна была сдѣлать все то, что надѣлала. Государственной власти винить ихъ за грубость— горькая насмѣшка надъ ними. Они таковы, какими вы сами ихъ создали, и за грубость вы можете ихъ упрекать такъ же мало, какъ можете упрекать за безграмотность народъ, которому вы не даете учиться, или посаженныхъ на корабль пѣхотинцевъ за то, что они не умѣютъ сражаться на морѣ.

Учитесь на этомъ примѣрѣ тому, что насъ ожидаетъ: но во имя простой справедливости помните, что не на нихъ ляжетъ за это отвѣтственность.

Но, господа судьи, вы ихъ вините не только за дикія дѣйствія, а еще болѣе за мотивы ихъ дѣйствій, за ту вражду, которая толкнула ихъ на путь безпорядковъ?

Быть можетъ *въ этомъ* они виноваты?

Мой товарищъ уже показывалъ вамъ, каково было экономическое положеніе этихъ крестьянъ, какъ отражались на нихъ эти штрафы и вычеты. Но мы, какъ юристы, прежде всего должны не забыть, что они беззаконны.

Право штрафовъ—публичное право; внѣ закона и сверхъ закона оно невозможно. И уставъ о наймѣ сельскихъ рабочихъ, который ввелъ право штрафа, достаточно позаботился объ интересахъ хозяина. Но и этого было мало для господина Филатьева. Закономъ онъ не стѣснялся. Штрафовать по закону можно только срочныхъ рабочихъ, а здѣсь вопреки статьѣ 1 устава — штрафовали поденныхъ, сдѣльныхъ, испольныхъ, штрафовали постороннихъ крестьянъ. Штрафовать можно только за опредѣленный проступокъ, указанный въ 50 статьѣ; а здѣсь штрафовали за все, что угодно, въ мѣру фантазіи. Штрафовать по закону можно только въ опредѣленномъ размѣрѣ, не

свыше 2-хъ дневнаго жалованья, а здѣсь штрафы доходили до сотенъ рублей, здѣсь, какъ говорилъ намъ Филатьевъ, штрафы сообразовали съ убытками.

Нѣтъ, это не только не гуманно—какъ говорилъ здѣсь земскій начальникъ; не только не сердечно, какъ выражался предводитель дворянства. Это беззаконно. Не будемъ замазывать правду, будемъ громко кричать: годы, долгіе годы въ экономіи у всѣхъ на глазахъ совершалось вопіющее беззаконіе.

Кто же его допустилъ, кто виноватъ въ беззаконіи? Кто принималъ мѣры къ его устраненію? Филатьевъ? Мы спрашивали его, какъ могъ онъ это позволить? Оказывается онъ про это не зналъ. Онъ, который по собственнымъ словамъ, душа всего дѣла, безъ котораго печки не сложатъ, онъ не знаетъ какъ и за что штрафуютъ прикащики. Болѣе того: это не его дѣло. Если штрафы беззаконны, сказалъ онъ на судѣ, пусть ихъ устраняетъ земскій начальникъ.

А земскій начальникъ? „Если бы я зналъ про это, я бы счелъ своимъ долгомъ положить конецъ такимъ штрафамъ", отвѣтилъ намъ Шамшевъ. Но онъ не зналъ. Это знали всѣ, молва ходила по цѣлой губерніи, она стала легендой—а земскій начальникъ не зналъ. Предводитель Васичъ ѣздилъ въ Москву, докладывалъ Великому Князю о томъ, что дѣлаетъ намѣстникъ Филатьевъ—а о беззаконности штрафовъ и онъ не слыхалъ.

Нѣтъ, на Руси не въ почетѣ законъ. У всѣхъ на глазахъ, на виду, къ общему соблазну, законъ нарушается, беззаконіе процвѣтаетъ, и никто не смущается этимъ, никто не подумалъ объ этомъ.

И когда теперь вы, представители государственной власти, пріѣхали, чтобы наказать этихъ людей, я вамъ въ правѣ сказать: вы пришли, когда беззаконіе сдѣлали они, а гдѣ же вы были тогда, когда беззаконіе творилось надъ ними? Вы обвиняете ихъ за то, что порядокъ управленія нарушенъ былъ ими, а почему же вы молчали тогда, когда онъ нарушался Филатьевымъ? Не вы ли сами допустили то, за послѣдствія чего вы караете ихъ?

Но такъ говорю вамъ я—ихъ защитникъ; сами они разсуждали иначе. Они не знали многаго, но тѣмъ хуже. Они не знали статей устава о наймѣ, но за то они знали, что ихъ разоряютъ, что у нихъ уничтожаютъ хозяйство, что жить такъ нельзя

Мы знаемъ, что законъ охранялъ ихъ права, что имъ было тяжело только оттого, что законъ нарушался; они не знали этого и думали, что самъ законъ позволяетъ тотъ гнетъ, подъ которымъ они задыхались.

Мы знаемъ, что власти были на ихъ сторонѣ, что Васичъ предстательствовалъ за ихъ интересы, что самъ Шамшевъ, еслибъ зналъ, пришелъ къ нимъ на помощь; они этого не знали и вѣрили, что власть противъ нихъ, что она за Филатьева, за ихъ разореніе, что власть продалась, какъ они говорили Филатьеву.

Но отъ этого ихъ положеніе лучше не стало, и передъ этими темными головами, передъ этой безпомощной массой всталъ во всемъ его ужасѣ роковой вопросъ: что же дѣлать, когда правда безсильна? Что же дѣлать, когда несомнѣнная правда за насъ, а законъ противъ насъ? Когда власть охраняетъ неправду?

Что же дѣлать тогда? Покориться? Но покориться неправдѣ, значитъ отречься отъ правды; умираетъ народъ, который ввелъ бы это въ систему; умретъ государство, которое потребуетъ этого.

А если не покориться, то значитъ надо бороться съ тѣмъ, что воплощаетъ неправду, бороться съ властью, которая ее охраняетъ.

Они и сдѣлали это; ихъ борьба была неразумна, ихъ пріемы нелѣпы; всѣмъ существомъ я осуждаю то, что они натворили: — но осуждая ихъ, я хотѣлъ бы безъ задора, а съ грустнымъ сознаніемъ того, что такой вопросъ не разрѣшится словами, спросить васъ: а какое средство борьбы могли бы вы имъ предложить вмѣсто этого?

Громить экономіи, вымещать злобу на лицахъ—послѣднее и вполнѣ безполезное дѣло. Бороться надо иначе, надо распространять свои взгляды, надо объединять недовольныхъ, надо обличать передъ общественнымъ мнѣніемъ и дурной законъ, и близорукую власть, надо бороться съ самыми порядками, которые насъ давятъ. Да, *это* надо дѣлать, *это* надо имъ сказать, *это* надо имъ посовѣтовать; тогда не будетъ погромовъ. Но, вы ли, представители закона и власти, это имъ скажете? Вы ли, передъ которыми на скамьѣ подсудимыхъ проходятъ тѣ, которые слѣдуютъ такому совѣту? Вы ли скажете это, вы, которые считаете преступленіемъ не только погромъ, но и мирное устройство союзовъ и распространеніе идей и понятій, которыя считаютъ за правду?

Вы осуждаете ихъ, какъ судьи, по угол. улож.; но какъ представители государственной власти постарайтесь быть справедливыми. Вы не защитили ихъ тогда, когда беззаконнымъ путемъ ихъ разоряли въ деревнѣ, вы закрыли для нихъ всѣ

пути законно стоять за свои интересы, вы цѣлой системой воспитали въ нихъ грубость. Результатомъ было то, что вы знаете. Признайте же, что если они виноваты, то и мы всѣ виноваты передъ ними—и въ этомъ дѣлѣ справедливостью можетъ быть только высшая милость.

Рѣчь присяжнаго повѣреннаго Н. К. Муравьева.

„Отношенія?... У меня не было никакихъ отношеній съ крестьянами“, воскликнулъ гражданскій истецъ Филатьевъ, управлявшій 17.000 десятинъ великокняжеской земли, на поставленный ему во время судебнаго слѣдствія вопросъ.

Въ своей рѣчи онъ заявилъ другое: „У насъ съ крестьянами были *любовныя* отношенія“...

Итакъ, въ счастливомъ Долбенкинѣ царила любовь: управляющій любилъ крестьянъ, крестьяне любили управляющаго. И онъ, и они любили другъ друга. И эта любовь не прерывалась даже тогда, когда возлюбленныхъ раздѣляло разстояніе въ тысячи верстъ: въ пышную Севилью изъ скромнаго Долбенкина летѣли любовныя записочки въ видѣ посылавшихся для подписи штрафныхъ „квитковъ“ и отчетныхъ вѣдомостей, въ которыхъ значилось, что тогда-то за такимъ то долбенкинцемъ, вступившимъ на территорію экономіи, записано столько-то штрафу.

Вы знаете, что это невѣрно. „Отношенія“ были, ихъ не могло не быть,—чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только взглянуть на карту долбенкинской экономіи, гдѣ бѣлыя пятна крестьянскаго надѣла со всѣхъ сторонъ окружены желтыми, зелеными, синими экономическими владѣніями. Но то были не отношенія любви. Чувства злобы и ненависти къ экономіи взращивались въ крестьянахъ въ теченіе болѣе 20 лѣтъ. И экономическія владѣнія, охватившія тѣснымъ кольцомъ крестьянскую землю и врѣзавшіяся въ нее большими и маленькими, длинными и узкими полосками, были не дружескими руками добраго сосѣда, въ каждую данную минуту готоваго придти на помощь трудящемуся на своемъ полѣ земледѣльцу, а всюду проникающими щупальцами гигантскаго паука, высасывавшаго всѣ соки изъ рабочей груди и накопляв-

шаго ихъ, превращенными въ деньги, въ экономической кассѣ Сергіевскаго хутора... Правда, хозяинъ-европеецъ пришелъ бы въ ужасъ отъ подобнаго расположенія хозяйственныхъ угодій и отказался бы вести на нихъ какое бы то ни было хозяйство. Но не въ хозяйствѣ здѣсь было дѣло... А для жесточайшей *эксплоатаціи* окрестнаго населенія лучшаго расположенія земли нельзя было и придумать. Крестьянское безправіе, необходимое условіе для эксплоатаціи, — крестьянское безправіе было также на лицо. Выхода изъ своего положенія крестьяне не видѣли и твердо зная, что имъ „некуда податься", что экономическія владѣнія „обступили ихъ" со всѣхъ сторонъ, что все это такъ устроено исключительно „для ихняго казненія",—почти цѣлую четверть вѣка безропотно этому покорялись...

Возстановить передъ вами картину этихъ добрыхъ сосѣдскихъ отношеній—такова первая обязанность защиты. Въ нихъ ключъ—ко всему событію. Въ самомъ дѣлѣ, малоземелье, не дававшее крестьянамъ возможности цѣлесообразно приложить свои силы, некультурность ихъ пріемовъ обработки земли, какъ послѣдствіе ихъ общей некультурности, наконецъ, исключительно полицейскій характеръ аграрной политики правительства въ послѣднія десятилѣтія, всѣ эти причины, такъ кстати здѣсь упомянутыя, существовали и для всего Дмитровскаго уѣзда. Отчего же изъ всѣхъ частновладѣльческихъ имѣній уѣзда *въ одной экономіи великаго князя Сергія Александровича* произошелъ погромъ? Отчего мѣстный уѣздный предводитель дворянства Васичъ, услышавъ о крестьянскихъ волненіяхъ въ сосѣднихъ уѣздахъ, не будучи пророкомъ, заявилъ: ну, значитъ *у насъ будетъ* разгромлена экономія великаго князя,—надо приготовить войска въ Камаричахъ...

Такова была слава этой экономіи, такова была репутація установившейся въ ней системы хозяйства.

Эта система была создана однимъ человѣкомъ, который по собственному признанію оставался „душою" ея до самого послѣдняго времени и который, защищая свою систему, самъ вынесъ ее на вашъ судъ.

Этотъ человѣкъ—передъ вами. Это—гражданскій истецъ въ нашемъ процессѣ, бывшій и настоящій управляющій долбенкинской экономіей великаго князя, дѣйствительный статскій совѣтникъ и егермейстеръ двора г. Филатьевъ.

Пусть палата будетъ спокойна. Личныя нападки на г. Филатьева не нужны защитѣ. Ихъ и не будетъ. Но надлежащее освѣщеніе установленныхъ имъ хозяйственныхъ отношеній къ

окрестному населенію неизбѣжно для оцѣнки преступленія, совершеннаго, говорятъ намъ, изъ побужденій, проистекшихъ изъ отношеній экономическихъ.

Болѣе 20 лѣтъ тому назадъ въ долбенкинскую экономію прибылъ тотъ, кто по полнотѣ своихъ полномочій, по независимости своей власти, самъ назвалъ себя передъ вами „не управляющимъ“, а „*намѣстникомъ его высочества*“. Гораздо раньше учрежденія намѣстничества на Дальнемъ Востокѣ и на Кавказѣ, не гдѣ нибудь на русской окраинѣ, а въ самомъ сердцѣ Россіи учредилось намѣстничество, самостоятельное и независимое. Разгромъ заводовъ и усадьбы, причинившій, говорятъ намъ, великому князю почти на одинъ милліонъ 250 т. р. убытковъ, было несомнѣнно крахомъ намѣстнической системы, крахомъ, не для всѣхъ яснымъ, такъ какъ она, эта система, осталась въ Лобановѣ и понынѣ...

Уже первые шаги лобановскаго намѣстника должны были показать крестьянамъ, съ какимъ серьезнымъ врагомъ они имѣютъ дѣло. Эти первые шаги характеризуютъ все дальнѣйшее его поведеніе, и красною нитью проходятъ черезъ всю исторію намѣстничества тотъ же дикій произволъ, та же безпощадная жестокость.

Два событія знаменовали собой эти шаги.

Представители Черняковскаго крестьянскаго общества на первыхъ порахъ дѣятельности намѣстника пришли въ экономическую контору переговорить объ арендѣ земли. По старой памяти, какъ привыкли они ходить къ представителю интересовъ прежняго собственника имѣнія,—обыкновенному управляющему,—не во вражескій станъ и не въ канцелярію чиновника пришли старики, а просто, какъ прежде, къ распорядителю помѣщичьяго имущества, съ которымъ, какъ всюду, можно поспорить о качествѣ арендуемаго участка, поторговаться, попросить уступки... Не тутъ то было. Въ чемъ то не сошлись въ цѣнѣ. Изъ за чего-то поспорили. Въ пылу спора сказали слово, показавшееся неумѣстнымъ „генералу“. И вотъ прерваны переговоры. Выгнаны „въ шею“ почтенные черняковцы. „Отъ одного меня бѣжали“, разсказывалъ передъ нами генералъ о своей первой побѣдѣ. „Я объявилъ имъ штрафъ въ 100 рублей, за то, что не подчинились“... А впредь до уплаты, ни одного клочка земли, безъ которой надо было умереть черняковцамъ, не было сдано опальному обществу ни за какую цѣну. Нечего и говорить, что не долго продолжалось сопротивленіе. Штрафъ былъ уплаченъ, крестьяне покорены.

Вторая побѣда еще болѣе серьезно поразила крестьянскіе

интересы. Эпизодъ съ Гнанскимъ обществомъ съ тѣмъ же невозмутимымъ хладнокровіемъ установилъ передъ вами самъ гражданскій истецъ. Цѣлое крестьянское общество, какъ разсказалъ съ удивительной откровенностью этотъ странный свидѣтель своихъ злодѣяній, „споконъ вѣку“ сидѣло въ предѣлахъ территоріи намѣстничества. Оно сроднилось съ насиженными мѣстами, на которыхъ жили ихъ дѣды и прадѣды. Во всемъ это были покорные данники экономіи, у которой одной арендовались ими со всѣхъ сторонъ охватившія ихъ экономическія земли. Пріѣхалъ намѣстникъ—громъ грянулъ надъ гнанцами. „Споконъ вѣку сидѣли на землѣ“, но не было на нее документовъ у крестьянъ. И вотъ экономія подступила подъ самыя изгороди. Вспаханы и засѣяны были даже улицы селенія. Началось судбище, которое проиграли крестьяне. „Пожаръ помогъ“ г. Филатьеву покончить съ большею части деревни. А остатокъ дворовъ былъ выселенъ судебнымъ приставомъ. Напрасно предлагали крестьяне арендовать у экономіи свои усадьбы за какую угодно цѣну. Имъ было въ этомъ отказано. Отъ цѣлаго крестьянскаго поселка не осталось и слѣда. Самое мѣсто было запахано. Такъ цѣною разоренія цѣлой деревни былъ возстановленъ порядокъ и осуществлены „права“ экономіи...

Примѣръ былъ слишкомъ демонстративенъ. Населеніе замерло отъ ужаса—такъ жестоко безпощаденъ былъ новый владыка. Существованіе новаго порядка надолго было упрочено.

И вотъ тогда-то настало то легендарное время, о которомъ съ нѣжностью вспомнилъ здѣсь гражданскій истецъ. „Я повысилъ аренду. Я сталъ штрафовать. Тогда дѣйствительно у меня начались обостренныя отношенія съ крестьянами. Потомъ это все прекратилось“, заявилъ гражданскій истецъ. А когда я перечелъ ему цѣлый рядъ удивительныхъ провинностей, которыя были обложены тяжелымъ штрафомъ въ долбенкинскомъ намѣстничествѣ, онъ спокойно отвѣтилъ: „Да, штрафовать приходилось и потомъ. Но развѣ это штрафы? Здѣсь нѣтъ ничего похожаго на то, что было прежде“...

Такъ старый палачъ, недовольный новшествами, презирая теперешніе порядки, сладко вспоминаетъ о блаженномъ прошломъ...

Но у лобановскаго властителя былъ и внѣшній врагъ, котораго необходимо было отразить, чтобы успѣшно провести въ жизнь новые порядки.

Вѣдь всякое намѣстничество по природѣ своей свободно отъ какихъ-либо стѣсненій извнѣ, то есть независимо, то есть произвольно. И наше намѣстничество, помѣстясь въ центрѣ

Россіи, должно было устранить съ своего пути одно препятствіе, не поборовъ которое и оно не могло бы существовать, какъ таковое.

Это препятствіе—государственная власть, которая въ лицѣ земскаго начальника Шамшева сдѣлала робкую попытку вмѣшаться въ систему произвола внѣзаконнаго, ограничить власть всемогущаго правителя.

Какой-то наивникъ принесъ на экономію жалобу земскому начальнику. Споръ былъ рѣшенъ не въ пользу экономіи. Обыкновенный представитель обыкновеннаго хозяйства либо подчинился бы рѣшенію, либо обжаловалъ бы его въ слѣдующую инстанцію, доказывая ошибочность мнѣнія судьи. Но такой путь былъ не для г. Филатьева. *Намѣстничество „протестовало“*. По формѣ это была, пожалуй, и апелляціонная жалоба, но по существу то былъ обвинительный актъ противъ земскаго начальника, обвинительный актъ, въ которомъ высказывалось „крайне дерзкое и оскорбительное порицаніе“ послѣднему за незнаніе закона, за потворство преступленіямъ, бездѣйствіе власти и проч. и проч. Такова была бумага, поступившая изъ намѣстничества въ дмитровскій уѣздный съѣздъ. Это скромное учрежденіе. Скромные люди въ немъ засѣдали. Но и съѣздъ возмутился и сказалъ: мы все-таки люди, мы все-таки представители власти,—и рѣшилъ дать отпоръ властному временщику. Уѣздный предводитель дворянства командируется въ Москву представиться великому князю и доложить ему о незнающемъ предѣловъ своевластіи ставленника, о великомъ утѣсненіи отъ него мѣстному населенію...

Васичъ былъ принятъ въ Москвѣ. Было обѣщано сдѣлать „все зависящее“ Но... видно не дремалъ за это время и нашъ почтенный противникъ.

Изъ Москвы назначили ревизію. Канцеляріи всѣхъ вѣдомствъ прислали своихъ представителей въ комиссію, ревизовавшую Филатьева. Весь уѣздъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за исходомъ неравной борьбы: уѣздный съѣздъ во главѣ съ предводителемъ и онъ, егермейстеръ двора. Для посторонняго зрителя ясно, за кѣмъ должна была остаться побѣда... Но наивная провинція вѣрила въ торжество справедливости.

Напрасно! „Въ Долбенкинѣ все осталось по прежнему“, разсказываетъ Васичъ. „Стало даже хуже прежняго“, добавляетъ почтенный свидѣтель, „потому что послѣ ревизіи прежніе штрафы стали налагаться съ еще большимъ произволомъ“.

Такимъ образомъ, намѣстничество вышло побѣдителемъ

изъ неравной борьбы. Государственная власть была навсегда устранена отъ вмѣшательства въ долбенкинскія отношенія. За экономіей была признана экстерриторіальность и отнынѣ при полномъ невмѣшательствѣ общегосударственнаго суда и административной власти въ долбенскихъ владѣніяхъ пышно расцвѣла та система, которая въ концѣ концовъ привела къ катастрофѣ.

„У меня, какъ въ лавочкѣ", характеризовалъ г. Филатьевъ свою систему, „дешево я вообще, по принципу, никогда не торговалъ; но за то никого и не неволилъ—хочешь покупай или арендуй, хочешь—нѣтъ. И всякій поступалъ по своей охотѣ". Замѣчательный принципъ! Удивительное сознаніе своей правоты! Но, кажется мнѣ, *лавочникомъ* могъ бы и не быть управитель громаднаго имѣнія, служившаго земельнымъ фондомъ для тысячъ окрестнаго населенія.

А между тѣмъ тамъ дѣйствительно было, какъ въ лавочкѣ. Товаръ старались отпустить похуже, а взять за него подороже. Мы уже видѣли: освобождая крестьянъ, землю похуже отдали имъ, а ту, что получше, или ту, что до зарѣзу нужна была крестьянамъ, вырѣзали для экономіи. Этими то землями, отдѣливъ отъ нихъ въ свою очередь удобнѣйшія, и „торговали", сдавая ихъ въ аренду крестьянамъ. Часть этихъ земель сдавали съ торговъ, тѣмъ напрягая до крайней степени платежныя силы крестьянина, которому иной разъ во чтобы то ни стало нужно было брать тотъ или другой клочекъ. А не давалъ надлежащую цѣну, грозили сдать тому же Орлову или кому-либо другому изъ „приближенныхъ", который уже конечно со свѣту сживетъ упустившаго землю упрямца. Арендныя цѣны были непомѣрно высоки: „которая у другихъ земля 7 руб., у насъ 12 рублей", удостовѣрилъ долбенкинскій староста Иванъ Кудиновъ. Но и эта непомѣрная арендная плата съ годами росла. Къ денежной платѣ прибавлялись отработки. А отработки это значило не только прибавка ихъ стоимости къ арендной платѣ, но и штрафы за плохое качество отработокъ...

Экономія торговала и хлѣбомъ,—опять таки не принуждая и оказывая даже благодѣяніе крестьянамъ. Но дорого обходились крестьянамъ эти благодѣянія, въ особенности громадному числу безлошадныхъ и безземельныхъ, которымъ волей-неволей приходилось покупать въ экономіи, да и всѣмъ вообще, такъ какъ своего хлѣба иной разъ хватало только до Покрова. Филатьевъ разсчитывалъ: если я буду продавать хлѣбъ на заводъ, изъ пуда ржи послѣ переработки, которая

также чего-нибудь стоитъ, я получу ведро спирту, за который казна заплатитъ экономіи 75 копѣекъ. Стало быть я могу благодѣтельствовать крестьянъ, продавая имъ хлѣбъ по... 85 коп. за пудъ. Таковъ былъ *учетъ за благодѣянія*. Отъ него не отказывались ни подъ какимъ видомъ. „У меня не было году, когда хлѣбъ продавался бы крестьянамъ дешевле 60 копѣекъ, а на рынкѣ онъ доходилъ до 48 и ниже“, говорилъ намъ Филатьевъ.

И такъ, дорогой хлѣбъ и дорогая аренда! А сколько неопредѣленныхъ накладныхъ расходовъ несъ каждый, вынуждавшійся обратиться къ благодѣтельной экономіи. Земская такса, пересматриваемая каждое трехлѣтіе земскимъ собраніемъ, оказывалась совершенно устарѣлымъ кодексомъ, совершенно непримѣнимымъ при той развитой системѣ провинностей, которыя были обложены штрафомъ въ Долбенкинѣ. Этими штрафами, вводившими „дисциплину“, подвергались не только служащіе и рабочіе, но и случайные посѣтители экономіи. Изобрѣтательность въ умѣніи пріискивать поводы для штрафовъ достигла въ Долбенкинѣ крайняго, поистинѣ легендарнаго развитія...

Вотъ ѣдетъ крестьянинъ въ экономію купить пудъ хлѣба. Разъѣзжаясь со встрѣчникомъ, онъ проводитъ однимъ колесомъ новую колею по экономической землѣ—*рубль штрафа*. За его лошадью бѣжитъ жеребенокъ, за которымъ вѣдь не усмотришь,—онъ забѣжалъ въ зеленья, это замѣтили изъ ближайшей сторожевой будки,—*штрафу полтинникъ*. Съ досады на неудачу выругался крестьянинъ, въѣзжая въ экономію; это услышалъ прикащикъ изъ людской,—*штрафу рубль*, ибо въ усадьбѣ ругаться воспрещено. Чтобы успокоиться, закурилъ цыгарку неудачникъ, что стоило ему *полтинникъ*, такъ какъ, хотя и домъ и контора и людская и службы были изъ камня и по качеству постройки походили скорѣе на крѣпость, по утвержденію г. Филатьева, тѣмъ не менѣе за куреніе, хотя бы на улицѣ, курильщики строго преслѣдовались. Тѣмъ временемъ сынишка покупателя недовольный ворчаніемъ отца, убѣжитъ и полѣзетъ купаться въ рѣчку, но его немедленно усмотритъ самъ управляющій въ подзорную трубу, а отца оштрафуетъ за купанье еще на *цѣлковый* и еще *на рубль* за то, что сынъ подбѣжалъ къ рѣчкѣ по долбенкинской территоріи А тутъ и еще бѣда: не успѣлъ снять шапки передъ вышедшимъ „генераломъ“,—и вотъ послѣдняя рублевка занесена „въ лицевой счетъ“ ошалѣвшаго мужика... Влѣзла въ копеечку проклятая покупка!...

Съ уплатой правда не торопили. Торопи не торопи, все равно ничего не выжмешь изъ дыряваго мужицкаго кармана. Мужику охотно, но и по неволѣ, давали „обрасти“. Въ концѣ же концовъ не было въ Долбенкинѣ манифестовъ, прощавшихъ недоимки, и рано или поздно всѣ онѣ до копейки взыскивались съ мужика.

Но крестьяне продавали экономіи еще и свою рабочую силу. И вотъ тутъ-то больше всего изощряли свои способности отыскивать поводы для штрафовъ долбенкинскіе заправилы. Штрафъ за криво проведенную борозду, недостаточно глубокую вспашку, за слишкомъ поверхностную бороньбу, неровный посѣвъ, несвоевременную уборку, за слишкомъ быструю, но и за слишкомъ медленную ѣзду, за побои рабочей лошади, за засѣчку ей глаза, за то, что во время работы прошелся по экономической землѣ и проч. и проч. и проч.

Къ этому присоединялся обсчетъ и обмѣръ. Нанимали возить навозъ по 7 копеекъ, разсчитывали по 5. Спустя 1—2 недѣли послѣ возки надумывали провѣрять полновѣсность возовъ и штрафовали за недостатокъ вѣса, не принимая во вниманіе естественнаго усыханія... Однимъ словомъ напрягали всю силу изобрѣтательности, чтобы какъ можно дешевле обошлась экономіи необходимая ей мускульная сила.

Да полно, правда ли это, думалось и защитѣ, когда слушала она показанія на эту тему и прикащиковъ экономіи, и служившихъ въ ней раньше урядниковъ, и сельскихъ старостъ Лобановскаго села,—настоящаго Ивана Кудинова и бывшаго Карпикова. И когда послѣ одного изъ такихъ показаній не выдержали нервы, и съ той стороны, со стороны гражданскаго истца, послышался сдавленный возгласъ: „клевета“! мы, защитники, почти хотѣли, чтобы разсѣялся кошмаръ и гражданскій истецъ опровергъ столь тяжкія для него показанія...

Но вы помните, что тогда случилось, гг. судьи. Въ отвѣтъ на этотъ возгласъ ожила скамья подсудимыхъ. Всѣ 63 души встрепенулись какъ одинъ человѣкъ. И слабый неувѣренный голосъ *этого одного* затерялся въ общемъ глубокомъ порывѣ: „правильно, правильно“. И долго не могло успокоиться возбужденное народное море, долго стоялъ въ ушахъ этотъ стонъ, вырвавшійся изъ ихъ грудей, и я понялъ, и вы гг. судьи, и всѣ поняли, что это была правда, мучительная правда, что правдой была и та страдальческая жизнь, о которой вамъ повѣдали обвиняемые. (Сильное впечатлѣніе).

Эта сцена была центральнымъ пунктомъ процесса. Она объединила насъ въ одномъ отношеніи къ *нимъ* и къ *нему*.

И для всѣхъ насъ стало ясно до очевидности, что если въ отдѣльные моменты процесса намъ былъ непріятенъ Иванъ или Петръ, Карпъ или Сидоръ, вравшіе и изворачивавшіеся, стараясь выпутать себя, а вмѣстѣ и свои семьи, изъ стряслшейся надъ ними бѣды, то тутъ, когда дотронулись до самаго больного мѣста ихъ существованія, до ихъ проклятой „жисти“ и когда объединились въ одномъ крикѣ всѣ они до послѣдняго человѣка, и обвиняемые и свидѣтели,—мы всѣ сразу почувствовали, что передъ нами не кучка преступниковъ, которыхъ вамъ надо судить, а только лишь группа представителей страдающаго народа; народъ же не можетъ быть преступникомъ, онъ не совершаетъ преступленій,—такъ глубоко исторически мотивированы и всегда вызываются необходимостью его движенія...

А онъ, гражданскій истецъ, и не пытался болѣе защищаться. Онъ лишь слабо указывалъ на то, что намъ трудно доказать размѣры штрафовъ,—и на это вся его надежда,—отъ представленія же штрафныхъ книгъ его избавилъ, *помогъ* ему, какъ въ Гнанскомъ дѣлѣ, пожаръ, а память не сохранила даже и приблизительныхъ размѣровъ ежегодныхъ доходовъ экономіи отъ штрафовъ.

Но если по разрозненнымъ квиткамъ мы не могли установить съ точностью, сколько штрафовъ уплатилъ тотъ или другой крестьянинъ, а штрафныя книги къ благополучію экономіи сгорѣли, мы знаемъ твердо, что размѣры штрафовъ были необыкновенно велики и не могли не разорять крестьянъ.

По удостовѣренію свидѣтеля помощника исправника Филиппова, на вопросъ о томъ, сколько же переплатили крестьяне въ контору хотя бы за послѣднее время, въ толпѣ раздались голоса: я заплатилъ 12 рублей, я—13, я—18 рублей. Допросъ свидѣтелей обнаружилъ, что эти жалобы не были преувеличены: крестьяне были рады, если они уносили съ собой, за вычетомъ штрафовъ, *половину* своего заработка. Если вы примете во вниманіе, что въ пользу государства съ ревизской души сходило податей въ среднемъ рублей по 9 въ годъ, то окажется, что подати, которыми были обложены крестьяне въ пользу долбенкинскаго намѣстничества, не менѣе чѣмъ вдвое-втрое провышали то, что платили они въ государственную казну...

Но о видахъ и размѣрахъ штрафовъ довольно. Вопросъ этотъ настолько выяснился передъ палатой послѣ первыхъ же свидѣтельскихъ показаній, что предсѣдатель просилъ стороны въ виду ясности вопроса болѣе его не касаться...

Еще интереснѣе была сама процедура штрафованія, тѣ

формы гражданскаго и уголовнаго процессовъ, которыя существовали въ маленькомъ государствѣ, составлявшемъ часть Дмитровскаго уѣзда одной изъ губерній Россійской имперіи. Процедура наложенія штрафовъ была упрощена донельзя. По запискѣ прикащика, а то и по словесному докладу завѣдущаго конторой или, еще лучше, знаменитой Матрены, которой даны были чрезвычайныя полномочія, совершенно произвольная цифра штрафа вносилась въ книгу личныхъ счетовъ того или другого изъ вѣчныхъ должниковъ конторы. Какъ видите, излишнихъ формальностей не было никакихъ. Оштрафованный сплошь и рядомъ даже не зналъ о количествѣ наложеннаго на него штрафа и о томъ, какъ великъ его долгъ по прежнимъ штрафамъ: хотя тамъ и было введено послѣднее слово бухгалтерской науки, тѣмъ не менѣе выписи лицевыхъ счетовъ на руки штрафуемому не выдавались. Но когда нанимались на работу онъ, или кто-нибудь изъ его близкихъ, на сцену появлялись неоплаченные счета, и разсчитывавшій на заработокъ крестьянинъ въ горькомъ раздумьѣ, какъ же ему теперь обойтись по хозяйству, уходилъ изъ конторы.

Жалобы на разсчеты и штрафы управляющимъ не принимались. Когда приходилось налагать штрафъ—вѣрили одному слову приказчика. Но когда какой-нибудь неопытный крестьянинъ заговаривалъ о томъ, что оштрафованъ несправедливо, разсчетъ невѣренъ,—его направляли къ той самой побѣжденной и отраженной государственной власти, которая пыталась было вмѣшаться, но была безнаказанно оскорблена и навсегда ретировалась.

„Я не имѣю *права* разбирать ихъ споры“ (споры приказчиковъ съ рабочими по поводу наложенія штрафовъ),—наивно докладывалъ вамъ г. Филатьевъ. „Какъ мнѣ ихъ разбирать, когда одинъ будетъ говорить одно, другой—другое“. „Развѣ ты не знаешь,—говорилось крестьянину,—что за законностью долженъ сдѣлить земскій начальникъ. Иди къ нему—онъ твой опекунъ“... А штрафъ уже записанъ, вычетъ изъ заработка уже произведенъ, и только остатокъ выданъ на руки рабочему...

Чтобы осуществлять эту систему произвола и беззаконія, нужны были соотвѣтственные люди. Эти люди должны были быть духовными рабами, потому что продать себя произволу и беззаконію, каждую минуту быть къ его услугамъ, быть орудіями его системы разоренія, лишенія возможности свободно дышать, можетъ только тотъ, у котораго обстоятельства вытравили совѣсть, обративъ его въ бездушное орудіе произвола... Но люди, проводившіе въ жизнь принципы г. Филатьева, были рабами еще и

въ другомъ отношеніи. Какъ это ни странно, и сами они были наиболѣе яркими образчиками, первыми жертвами долбенкинскаго произвола.

Передъ нами прошелъ рядъ приказчиковъ, завѣдывавшихъ отдѣльными землями долбенкинскаго царства, отдѣльными хуторами громаднаго долбенкинскаго имѣнія. Имъ платили мало, а штрафовали не менѣе, чѣмъ крестьянъ. Платя имъ по 15—20 руб. въ мѣсяцъ, ихъ штрафовали нещадно, не разбирая вины, по 20 руб. за околѣвшаго по неизвѣстной причинѣ теленка, по 50 руб.—за павшую лошадь, за неудачный посѣвъ, за плохой умолотъ, штрафовали иной разъ по 100 и 200 руб. Приказчикъ Рѣковъ былъ оштрафованъ въ теченіе своей службы на 500 руб. причемъ онъ и другіе уплачивали въ годъ по 74—100 руб. штрафа изъ двухсотъ-рублеваго жалованья. Приказчикъ Фроловъ, сбѣжавшій въ полицейскіе урядники, въ теченіи трехъ мѣсяцевъ службы оштрафованъ на 75 рублей за провинности, происшедшія на хуторѣ, изъ котораго онъ за 17 дней до событія былъ переведенъ на другой хуторъ.

Но зато изъ общей массы порабощенной, безотвѣтной челяди, включая сюда и рабочихъ водочнаго и ректификаціоннаго заводовъ, получавшихъ отъ 4-хъ до 6-ти руб. за 12 часовъ иной разъ сплошь ночного труда, рѣзко выдѣлялась немногочисленная кучка приближенныхъ намѣстнику лицъ, которыя составляли его свиту, его довѣренныхъ, съ которыми онъ дѣлилъ власть.

Всѣ они были мѣстными уроженцами, прямо изъ грязи долбенкинскаго болота поставленные „въ князи“, какъ грубо, но мѣтко, говоритъ пословица. Въ этомъ, въ томъ, что наиболѣе близкія Филатьеву лица, имѣвшія громадную и безотчетную власть въ Долбенкинѣ, были взяты имъ изъ окрестныхъ деревень, — въ этомъ г. Филатьевъ видѣлъ одну изъ главныхъ своихъ заслугъ. Мы же съ вами увидимъ въ этомъ вѣрнѣйшій признакъ существованія тамъ произвола, кумовства и той атмосферы нравственнаго растлѣнія, которой словно не доставало въ картинѣ нищенскаго матеріальнаго существованія долбенкинцевъ. О фаворитизмѣ, покровительствѣ родственникамъ, для которыхъ можно и наклеветать, и налгать на „чужого“ человѣка, лишь бы спихнуть его съ мѣста, не только зналъ г. Филатьевъ, эта система имъ поощрялась. „Мои приказчики всюду ставили своихъ людей“, говорилъ намъ Филатьевъ. „Будучи хозяиномъ хутора, приказчикъ въ рабочихъ имѣлъ своихъ фаворитовъ“.

Изъ этихъ „своихъ людей“, „приближенныхъ“ самого

г. Филатьева, первое мѣсто принадлежало той самой Матренѣ Манухиной, которая съ скромнымъ положеніемъ горничной сумѣла сочетать огромное вліяніе на Филатьева впродолженіе болѣе 20-ти лѣтъ. Нѣсколько разъ обольстительно улыбнувшись, она почти уклонилась отъ дачи показанія. Но за этимъ молчаніемъ, за этой недоброй усмѣшкой, мы сразу почувствовали цѣлыя наиболѣе мрачныя страницы долбенкинской исторіи. За нее разъяснили намъ все другіе свидѣтели, и фигура Матрены заняла въ нашемъ представленіи мѣсто въ самомъ центрѣ долбенкинскаго мірка.

Матрена была всѣмъ въ Долбенкинѣ. Она слѣдила за дворней, она была главнымъ ревизоромъ порядковъ на водочномъ заводѣ, она же смотрѣла и за полевыми работами въ громадномъ имѣніи. Съ однимъ Корняковымъ она дѣлила привилегію личныхъ докладовъ намѣстнику. А въ послѣдніе годы, когда Филатьевъ, наладивъ систему, принималъ въ ней весьма слабое личное участіе, почти черезъ одну Матрену объявлялась дворнѣ и всѣмъ подвластнымъ воля властителя. Она уже перестала быть Матреной, простой долбенкинской крестьянкой. „Меня всѣ Владиміровной величали“, проговорилась она, отстаивая свое положеніе обыкновенной горничной. И не мудрено, что и съ кучей своихъ родственниковъ, которые были очами и ушами этого полномочнаго министра, она неограниченно правила всѣмъ, и—нужно ли было выгодно арендовать земельку, или купить лѣску, или поставить на службу знакомаго человѣчка, каждый зналъ, что ему нужно прежде всего „ублаговолить“, какъ говорили крестьяне, Матрену.

Вы видите, г.г. судьи, передъ вами совершенно неожиданно во всей своей прежней красѣ всплыла изъ далекаго и, казалось, невозвратнаго прошлаго картинка воскресшаго крѣпостнаго права. Вы знаете, какъ всегда ненавидѣли крестьяне такихъ приближенныхъ. Вы знаете, что за убійство „барскихъ барынь“ иной разъ цѣлыя деревни засѣкались до смерти и шли въ Сибирь—стоитъ вспомнить исторію знаменитой фаворитки Аракчеева. И удивляться надо не жестокости долбенкинскаго крестьянина, а его долготерпѣнію, когда среди общаго разгрома и зарева пожара до васъ достигли возбужденные крики: „слава Богу, сгорѣла прислуга!“ или (по адресу матрениной сестры): „уходи Оленка, сестру спалили и тебя сожгутъ!..“

А какъ вредны были эти паразиты, вы могли увидѣть изъ одного примѣра.

Вы знаете, насколько мало при описанной системѣ веденія

хозяйства нуждалась въ деньгахъ Долбенкинская экономія. Вы знаете, сколько разъ впродолженіе своей пятилѣтней службы обществу ходилъ бывшій долбенкинскій староста Иванъ Кудиновъ на поклонъ въ контору просить продать ему за какія угодно деньги („за деньгами общество не постоитъ“) какія-то 30 сажень земли, изъ-за которыхъ много «штрафовъ» было переплачено крестьянами въ экономію. Но земля эта такъ и осталась экономической, а коровы и теперь продолжаютъ себѣ „заскакивать“ на экономическую землю, и калѣчить себѣ ноги подъ колесами проѣзжающихъ обозовъ, съ которыми никакъ нельзя разминуться въ узкомъ прогонѣ...

Былъ такой лакомый клочекъ земли и въ самомъ Долбенкинѣ,—угловое мѣсто на самой деревенской улицѣ, клиномъ врѣзавшееся въ порядокъ крестьянскихъ избъ, клочекъ земли, дорогой и на случай пожара, годный и для прохода скота. Къ нему, какъ удостовѣрилъ свидѣтель Шлеевъ, давно уже приторговывалось долбенкинское общество, нѣсколько лѣтъ назадъ надававшее за него черезъ своего старосту цѣлыхъ 500 рублей.

Но не долбинкинцамъ была продана эта усадьба.

Съ одной семьей изъ числа жившихъ въ Долбенкинѣ у управительскаго дома поддерживалась тѣсная, но тщательно скрываемая связь. Въ домѣ управителя жила *племянница*, Матрена Манухина, въ дѣвичествѣ Кудинова; въ домѣ же коллежскаго регистратора Орлова, прежде державшаго шинокъ въ той деревнѣ, а потомъ оставшагося не у дѣлъ, жила Матренина *тетка* Домна Кудинова.

Этому-то Орлову и заблагоразсудилось экономіи продать усадьбу, совершивъ купчую на имя Кудиновой Домны...

Вы понимаете плохо замаскированныя отношенія, и вы, конечно, хорошо оцѣните этотъ фактъ, давшій возможность Орлову штрафовать крестьянъ, по словамъ Кудинова, по 3 рубля за загнанную лошадь... Вы понимаете, что Орлова прямо-таки „припустили“ къ долбенкинскому мужику, чтобы тянуть изъ него соки, чтобы тотъ его кормилъ, и эта покупка „по протекціи“ дѣлала долбенкинца данникомъ еще одного князька...

Вотъ какая картина развернулась передъ вами. Вотъ какова хозяйственная система Долбенкинской экономіи.

Вы согласитесь, я думаю, гг. судьи, со мной, что какъ ни плохо *всюду*, но чтобы найти такую находку, надо долго и очень долго поискать по частнымъ владѣльческимъ хозяйствамъ многострадальной Россіи...

Такого хозяйства навѣрное нѣтъ ни у васъ, ни у кого изъ вашихъ знакомыхъ или другихъ извѣстныхъ вамъ лицъ.

Но зато поищите другое хозяйство, которое бы давало по нынѣшнему времени такой доходъ: вы слышали изъ устъ г. Филатьева, что при 1½ милліонной покупной цѣнѣ Долбенкинскаго имѣнія (а за него, по мнѣнію Филатьева, *переплачено ровно вдвое*), изъ имѣнія выжимали болѣе 130 тысячъ рублей *чистаго* дохода, что давало владѣльцу имѣнія почти десять процентовъ на затраченный капиталъ, а г. Филатьеву 13 тысячъ рублей ежегоднаго вознагражденія.

Здѣсь знакомясь съ финансовымъ результатомъ долбенкинскаго хозяйства, кстати вспомнить, какъ вамъ все время твердили о томъ, что экономія занималась однимъ только облагодѣтельствованіемъ крестьянъ, что въ сложной, но для насъ теперь ясной сѣти арендныхъ и иныхъ отношеній, экономія была „страдающимъ“ лицомъ. Вспомните слова Филатьева исправнику Баркову: „у насъ безпорядковъ не будетъ, вѣдь экономія *благодѣтельствуетъ* крестьянъ“... Вспомните все это, и по достоинству оцѣните такой порядокъ благотворительности, при которомъ у благотворящаго толстѣетъ карманъ, а облаготворяемый пухнетъ отъ голода... .

Вспомните и другое: вспомните утвержденіе того же Филатьева въ началѣ слѣдствія, что никакой „прижимистости“ онъ не допускалъ въ своихъ отношеніяхъ къ крестьянамъ и что всѣ его отношенія къ нимъ были „отношеніями *на почвѣ чести*“... Вспомните это въ концѣ нашей общей работы, когда ясно *все*, рѣшительно *все* въ этихъ отношеніяхъ и скажите: каково же было понятіе о чести у долбенкинскихъ заправилъ?

Еще одно обстоятельство поразило нравственное чувство защиты, это—отношеніе къ системѣ Филатьева мѣстныхъ властей. Къ нашему общему удивленію вы слышали здѣсь о законности и корректности поведенія Филатьева, и одинъ только недостатокъ, которому приписывалось все,—недостатокъ сердечности ставился ему въ вину. Глубокая противонравственность и *внѣ*-законность долбенкинскихъ порядковъ составила главную тему моей рѣчи. О *противо*законности ихъ скажетъ товарищъ по защитѣ Маклаковъ. Но если слава о Филатьевѣ, какъ о великомъ законникѣ, могла еще пройти среди крестьянъ, передъ которыми онъ ссылался, штрафуя ихъ не на животъ, а на смерть, на какую-то хранящуюся въ конторѣ „книгу законовъ“ (беззаконія?!), которая его къ этому управомочивала,—то какимъ образомъ это отвратительное царство самоуправства и беззаконія могло прослыть правовымъ государствомъ передъ земскимъ начальникомъ Шамшевымъ, уѣзднымъ предводителемъ дворянства Васичемъ и другими представителями мѣстной

власти,—этого никакъ не можетъ понять защита. Ужасное представленіе о законѣ! Бѣдная страна безначалія и беззаконія!..

И такъ, эта система должна была сама себя привести къ катастрофѣ. Эту катастрофу предсказалъ мѣстный предводитель Васичъ.

Но отчего именно въ этотъ моментъ, не раньше, не позже прославленное долготерпѣніе измѣнило русскому мужику?

Готовое, очень легкое, но глубоко невѣрное объясненіе вы слышали отъ гражданскаго исца. У него ихъ даже два наготовѣ, этихъ объясненій. Одно провалилось уже на предварительномъ слѣдствіи: ни революціонеровъ, ни прокламацій не могла отыскать въ этомъ дѣлѣ слѣдственная власть, несмотря на всѣ свои старанія. На судѣ подоспѣло другое объясненіе: разгромъ произошелъ вслѣдствіе попустительства и даже подстрекательства полиціи... Вы сами вскрыли несостоятельность такого объясненія...

Истинныя причины событія гораздо болѣе общи и лежатъ гораздо глубже. Онѣ общѣе и глубже, нежели я предполагалъ, ѣдучи сюда.

Въ дѣлѣ есть документъ. Мѣстный податной инспекторъ на запросъ слѣдователя въ немногихъ словахъ очертилъ экономическое положеніе долбенкинскихъ крестьянъ.

Урожайность вообще на ихъ земляхъ, на тѣхъ земляхъ, за которыя они платятъ Филатьеву громадныя деньги, крайне плоха: не болѣе 40 пуд. ржи снимаютъ они съ той десятины, за аренду которой должны заплатить рублей около 20, и не больше 20 пуд. овса при 4—6 рубляхъ арендной платы. Стоимость своего труда идетъ не въ счетъ. Въ 1904 году цѣлый рядъ напастей рушится на наши деревни. Гречиха въ этомъ году почти *пропала*. Въ коноплѣ, главномъ подспорьѣ хозяйства, большой недоборъ. Отхожіе заработки пали: война устранила спросъ на рабочія руки.

Все это крайне обострило и безъ того плохое положеніе дѣлъ: „отсутствіе мѣстныхъ заработковъ, малоземелье, невозможность на сходныхъ условіяхъ арендовать землю,—*все это вмѣстѣ взятое дѣлало положеніе крестьянъ положительно безвыходнымъ*“.

Вотъ что привело крестьянъ къ событію, легшему въ основу настоящаго процесса. Они совершили то, что ставятъ имъ въ вину подъ вліяніемъ *крайней необходимости*. Таковъ фактъ, который будетъ неотступно преслѣдовать васъ въ совѣщательной комнатѣ и который огненными буквами долженъ быть внесенъ въ вашъ приговоръ.

Въ самомъ событіи, и онъ и они, и управляющій и крестьяне, остались вѣрны самимъ себѣ.

Измученные, доведенные до крайности, возбужденные вліяніемъ выпитаго вина, пришли долбенкинцы 27-го февраля, въ воскресенье на масляной вечеромъ къ воротамъ Долбенкинской экономіи. „Дайте намъ хлѣба“,—было ихъ первымъ и главнымъ требованіямъ. Хлѣба *теперь-же*, потому что нечего было уже ѣсть. Хлѣба—не даромъ потому что они не нищіе и не грабители, но и не за деньги, которыхъ у нихъ не было. Хлѣба—*подъ работу* и притомъ по сколько-нибудь сносной цѣнѣ. Уже на второмъ мѣстѣ стояло желаніе обезпечить себѣ и въ будущемъ возможность быть сытымъ—отсюда теперь уже позабытыя гражданскимъ истцомъ требованія уволить Корнякова, Булгакова и Матрену и уничтожить штрафы. Утомленные непрерывной 20-ти-лѣтней междоусобицей, продолжавшейся все время его намѣстничества, крестьяне просили „перемирія“, какъ передалъ вамъ ихъ просьбу самъ генералъ.

Они заговорили какъ люди и хотѣли людскихъ отношеній, *въ нихъ* привыкли видѣть животныхъ и теперь по привычкѣ стали дразнить ихъ животный инстинктъ, подчуя то водкой, то спиртомъ.

Но слишкомъ важна была минута этихъ переговоровъ для ихъ человѣческаго существованія. И, кажется впервые, сколько мы знаемъ крестьянскую толпу, водка и спиртъ не оказали своего магическаго дѣйствія: ее вернули ему обратно. „Не растравляй ты насъ“, просили крестьяне, „дай намъ *ослобожденіе*, просимъ у тебя *помилованія*“. Онъ обѣщалъ, обѣщалъ все, что угодно и... снова предлагалъ вина... Слишкомъ долго не могла продолжаться эта борьба: колеблющіеся пристали къ меньшинству, водка была взята, крестьяне удалились...

На слѣдующій день былъ пущенъ въ дѣло тотъ же маневръ, такъ великолѣпно удавшійся наканунѣ: заманивая водкой, отвести крестьянъ отъ усадьбы во чтобы то ни стало, хотя бы для этого пришлось пожертвовать Орловымъ. Близорукая игра! какъ будто крестьяне не могли вернуться опять, какъ будто бы спаиваніе дѣйствительно отдаляло, а не приближало моментъ расплаты...

Но въ это спаиваніе хотѣли здѣсь, на судѣ, привнести нѣчто въ родѣ призрака нравственной связи. Вы помните это мѣсто въ разсказѣ генерала: „они просили меня выпить съ ними. Я охотно согласился. Я выпилъ ихъ здоровье, они—мое. Мы оба выпили за миръ, за добрыя сосѣдскія отношенія. Нѣкоторые пытались цѣловать мнѣ руки, другіе хотѣли даже качать меня“.

Эта сцена въ процессѣ больнѣе, нежели какая либо другая оскорбляетъ нравственное чувство защиты.

Не напоминаетъ ли она вамъ по своему лицемѣрію другую, давно знакомую картину?

Насыпь. Длинное безъ конца полотно желѣзной дороги съ парой стальныхъ рельсъ, словно уходящихъ въ безконечность. И тамъ, какъ у насъ, „рабочій народъ“ „тѣсной гурьбой у конторы собрался. Крѣпко чесали въ затылкахъ они—каждый подрядчику долженъ остался... Все записали десятники въ книжку“... И та же неспособность найти и отстоять свои, какія ни на есть права: „Можетъ и есть тутъ теперича лишку,—да вотъ поди ты!“... Но вотъ—прощена „недоимка“. Бочка вина на сценѣ... „Не устоитъ и лѣнивый“...

«Выпрягъ народъ лошадей и купчину
«Съ крикомъ ура по дорогѣ помчалъ...
«Кажется трудно отраднѣй картину
«Нарисовать, генералъ?...“

И нашъ генералъ думалъ, что онъ дѣйствительно рисуетъ отрадную картину...

Но уже болѣе четверти вѣка прошло съ тѣхъ поръ, какъ великій, до сихъ поръ недостаточно оцѣненный поэтъ научилъ насъ глубоко презирать эти фальшивыя сцены якшанія паука и мухъ, эксплоататора и эксплоатируемыхъ, насильника и насилуемыхъ...

И въ самомъ дѣлѣ, посмотрите, что было затѣмъ. „Пили за миръ, за добрыя сосѣдскія отношенія“... А вернулся домой генералъ,—тамъ уже сидитъ имъ же приглашенный исправникъ, уже полетѣли куда слѣдуетъ бумаги, уже дали знать казакамъ, и вотъ-вотъ позорные удары падутъ на спины добрыхъ сосѣдей, столько лѣтъ смиренно сгибавшіяся и отъ тягостнаго труда, и отъ покорныхъ поклоновъ...

Но уже поздно призывать военную силу. Нельзя безнаказанно такъ долго дразнить животное въ человѣкѣ. Въ немъ можетъ проснуться звѣрь.

И звѣрь проснулся.

Правда не долго все продолжалось. Быстро прошелъ угаръ. Очнулись долбенкинцы. Кругомъ—все та же нищета. „Производя обыски, я видѣлъ всюду большую бѣдность и нужду“, прозвучало передъ вами правдивое показаніе исправника. Но за то среди этой нужды—„свѣжеиспеченные караваи хлѣба, какъ я убѣдился, изъ муки, взятой изъ экономіи“, продолжаетъ тотъ же свидѣтель.

И такъ. Четыре трупа опоенныхъ водкой и спиртомъ кре-

стьянъ, 63 человѣка на скамьѣ обвиняемыхъ, оставившихъ въ Долбенкинѣ столько же разоренныхъ семей за своими плечами. И этой дорогой цѣной куплено—страшно сказать—незавидное счастье видѣть въ теченіе одного дня жену и дѣтей сытыми послѣ долгой зимней голодовки...

Вы призваны ихъ судить. Если бы ихъ судилъ судъ пэровъ, *ихъ* пэровъ, мужицкій судъ равныхъ имъ по положенію лицъ,—мы знаемъ напередъ, что бы они имъ сказали въ своемъ приговорѣ. Но вы, да и всѣ мы, участвующіе въ процессѣ.—чуждый обвиняемымъ судъ людей привилегированнаго положенія.

И тѣмъ не менѣе одна замѣчательная особенность массовыхъ процессовъ помогала, мнѣ кажется, суду въ этихъ случаяхъ. Вѣдь массовые безпорядки, это—до самаго послѣдняго времени единственный, хотя и безпорядочный языкъ массъ. До сихъ поръ въ большинствѣ безмолвный, только что учащійся говорить—лишь совершая преступленія, рабочій народъ заставляетъ себя услышать. Но за то когда онъ заговоритъ, какая глубина въ его рѣчахъ. Всегда очень пестро самое событіе,—смѣхъ и слезы переплетаются въ немъ, какъ въ самой жизни. Но научитесь только читать тѣ кровавыя страницы, которыя вписываютъ въ исторію народныя волненія, и вы съ основъ ихъ непремѣнно увидите *вѣковыя, долго сдерживаемыя глубокія страданія.... Они* и только *они* въ состояніи всколыхнуть массу...

Чтобы вы сумѣли и въ настоящемъ процессѣ открыть эти страданія народа и внять имъ,—это лучшее пожеланіе, съ которымъ можетъ обратиться къ вамъ защита...

Изъ 63 подсудимыхъ Палата обвинила 45 и оправдала 18. Осужденные были приговорены къ заключенію въ арестантскихъ ротахъ и въ тюрьмѣ на разные сроки съ ограниченіемъ въ правахъ. При этомъ принявъ во вниманіе недостатокъ надѣльной земли у подсудимыхъ и необходимость для нихъ заниматься отхожими промыслами, а также въ виду того, что лишеніе правъ, можетъ лишить возможности необходимыхъ отлучекъ съ мѣста приписки на заработки и свободнаго передвиженія при отхожихъ промыслахъ и такимъ образомъ при недостаткѣ земли можетъ тяжело отразиться на матеріальномъ благосостояніи какъ осужденныхъ такъ и ихъ семействъ чѣмъ чрезмѣрно отяготить ихъ участь,—принявъ все это во вниманіе Судебная Палата ходатайствовала передъ Государемъ ИМПЕРАТОРОМЪ о нелишеніи правъ состоянія тѣхъ изъ подсудимыхъ, которые лишены приговоромъ Палаты этихъ правъ, и о непримѣненіи къ нимъ надзора полиціи и другихъ ограниченій свободы передвиженія, предусмотрѣнныхъ 58 Прим. и 582 ст. ст. Улож. о Наказ.

Это ходатайство Палаты уважено Государемъ ИМПЕРАТОРОМЪ.

ПОГРОМЫ.

Черносотенный погромъ въ Нижнемъ Новгородѣ.

Съ 7-го по 11 декабря 1906 г. въ Нижегородскомъ Окружномъ Судѣ съ сословными представителями при открытыхъ дверяхъ слушалось дѣло о погромѣ, происходившемъ въ Нижнемъ-Новгородѣ 10-го іюля 1905 г. Суду были преданы крестьяне Клочьевъ, Семеновъ, Букаринъ, Даниловъ, Моисеевъ, Шакировъ, Ивановъ, Рязановъ, Лысовъ, Хириновъ, Елисеевъ и купецъ Журавлевъ по обвиненію ихъ по 269 1 ст. Ул. о Нак. Предсѣдательствовалъ Предсѣдатель Нижегородскаго Окружнаго Суда А. В. Ногесъ, обвинялъ Товарищъ Прокурора Н. П. Чернявскій, гражданскій искъ, заявленный отъ опеки надъ малолѣтними дѣтьми убитаго во время погрома А. К. Гейнце, поддерживалъ Присяжный Повѣренный Н. В. Тесленко, во главѣ защиты выступалъ Присяжный Повѣренный П. Ф. Булацель. Изъ обвинительнаго акта видно, что 9-го и 10-го іюля 1905 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ за городомъ были устроены небольшіе митинги въ память событія, происшедшаго 9-го января 1905 г. въ С.-Петербургѣ. 10 іюля, послѣ того какъ собраніе было разсѣяно полиціей, на нѣсколькихъ проходившихъ демонстрантовъ напала толпа, собравшаяся на Острожной площади, и затѣмъ подвергла избіенію многихъ случайныхъ прохожихъ. Трое были убиты, свыше сорока получили разныя болѣе или менѣе тяжкія поврежденія, разгромлено нѣсколько домовъ.

На судъ часть подсудимыхъ явилась со знаками мѣстнаго отдѣла «Союза Русскаго Народа», носящаго названіе «Бѣлое Знамя». Во время процесса произошли инциденты, изъ которыхъ необходимо отмѣтить для пониманія печатаемой ниже рѣчи слѣдующіе. Присяжный Повѣренный Булацель, подойдя во время перерыва къ представителямъ печати, потребовалъ, чтобы они назвали ему свои фамиліи. Получивъ отказъ, онъ, всматриваясь въ ихъ лица, заявилъ, что на всякій случай запомнитъ ихъ. Во время допроса свидѣтелей защита выясняла ихъ національность, вѣроисповѣданіе и политическую благонадежность. Подсудимые дѣлали заявленія, что свидѣтели совершили политическія преступленія, и защита требовала занесенія въ протоколъ, указывая, что прокурорскій надзоръ бездѣйствуетъ и не принялъ мѣръ для преслѣдованія. Въ протоколѣ судебнаго засѣданія записано слѣдующее: Присяжный Повѣренный Булацель заявилъ, что «одинъ изъ сидѣвшихъ противъ мѣстъ, предназначенныхъ для защитниковъ, произнесъ по его адресу слово «сыщикъ». Обстоятельство это г. Булацель просилъ занести въ протоколъ. Судъ удостовѣрилъ, что слова этого у судейскаго стола не было слышно. Послѣ этого г. Булацель заявилъ, что по всей вѣроятности сами эти господа не откажутся подтвердить сказанное слово. На указанныхъ мѣстахъ сидѣли трое Присяжныхъ Повѣренныхъ, и одинъ изъ нихъ заявилъ, что слово, «сыщикъ» было обращено къ защитнику Булацелю. Одинъ изъ свидѣтелей, архіерейскій пѣвчій, показалъ, что когда толпа начала бить его онъ закричалъ: «развѣ вы меня не узнаете, я вашъ солистъ». Тогда изъ толпы закричали: «а, это соціалистъ» и жестоко избили его.

Рѣчь Н. В. Тесленко.

Когда время отодвинетъ насъ отъ кровавыхъ событій, пережитыхъ за послѣдніе два года, многое будетъ непонятно и непостижимо.

Тотъ, кто узнаетъ о происшествіи на Острожной площади въ Нижнемъ-Новгородѣ, прочтетъ о звѣрскомъ избіеніи мирныхъ гражданъ, объ истязаніяхъ, мученіяхъ, разгромѣ жилищъ, тотъ съ недоумѣніемъ спроситъ, что же случилось въ Нижнемъ, не было-ль непріятельскаго нашествія, не повторилось ли вторженіе въ предѣлы русскаго государства дикихъ азіатскихъ варваровъ, монголовъ или печенѣговъ. Вѣдь о событіяхъ, подобныхъ нижегородскому, мы можемъ услышать лишь отодвигаясь въ глубь вѣковъ, ко временамъ татарскаго ига.

Но нѣтъ, не было татарскаго нашествія. То сдѣлали внутренніе монголы. Они злѣе, опаснѣе внѣшнихъ.

Когда къ предѣламъ древней Руси подходили кочевники, печенѣги или татары, тогда загорались сторожевые огни, и все приходило въ движеніе: дѣлали засѣки, двигали ратныхъ людей, каждый вооружался, чѣмъ могъ, а кто не могъ, тотъ спасался бѣгствомъ въ укромное мѣсто.

Отъ внутренняго монгола защиты нѣтъ и нѣтъ спасенія. Онъ здѣсь, повсюду, среди насъ. И вы не знаете, въ какомъ питейномъ заведеніи зрѣютъ его звѣрскіе планы, когда придетъ ему мысль опустить кулакъ на вашу голову.

Нѣтъ губерніи, гдѣ не было бы кровавыхъ событій, подобныхъ нижегородскому, и гдѣ они опять не могли бы повториться. Въ каждомъ уголкѣ есть полиція, существуютъ и монголы. И никто не защищенъ отъ опасности сдѣлаться жертвою новаго нашествія печенѣговъ.

Каждый, кто можетъ отозваться на это страшное явленіе русской жизни, не долженъ молчать. И мы пришли сюда не для взысканія съ нихъ денегъ. О! они (*указываетъ на подсудимыхъ и защитниковъ*) были бы рады, если бы мѣста гражданскихъ истцовъ заполнились многочисленными потерпѣвшими, которые протягивали бы къ нимъ руки за деньгами. Но нѣтъ, никто не пришелъ просить у нихъ помощи.

И не придетъ.

Насъ привело сюда благоговѣніе передъ памятью погибшихъ мучениковъ и сознаніе нашихъ обязанностей передъ обществомъ.

При такихъ событіяхъ долгъ каждаго бить тревогу, освѣщать мрачныя логовища преступниковъ, отыскивать корни злодѣянія и влечь виновныхъ, не только ихъ (*указываетъ на подсудимыхъ*), но и другихъ, которые прячутся за ними, влечь на судъ общественнаго мнѣнія.

Я счастливъ, что, выступая формально подъ флагомъ гражданскаго иска, могу отъ лица двухъ безвременно осиротѣвшихъ малютокъ просить Васъ о справедливости и привѣтствовать Вашъ судъ.

Къ сожалѣнію, бываютъ случаи, когда надо изумляться и радоваться, если преступленіе предстало на судъ. Мы знаемъ, что сотни такихъ злодѣйствъ проходили и проходятъ безнаказанно, поселяя растлѣвающую увѣренность въ ихъ правомѣрности. И потому самый фактъ разсмотрѣнія дѣла въ судѣ заслуживаетъ полнаго сочувствія.

Кто же эти внутренніе монголы или печенѣги? Защита, отожествивъ себя съ подсудимыми, облегчила намъ отвѣтъ на эти вопросы. „Мы", говорили здѣсь подсудимые и ихъ защитники,—„патріоты; мы—союзъ русскаго народа, мы—черносотенцы". Тамъ, на площади они говорили: „мы потомки Минина". Свидѣтели называли ихъ „внутренними друзьями" въ отличіе отъ „внутреннихъ враговъ".

Они бьютъ и поютъ: „Боже, царя храни". Они бьютъ и кричатъ: „ура". Бьютъ и качаютъ губернатора и полиціймейстера. Когда они возглашаютъ: „за царя, за родину"—они въ то-же время кричатъ: „бей жидовъ, интеллигентовъ, студентовъ". Покончивъ дикую расправу, они выстраиваются въ ряды и, положивъ окровавленныя дубины на плечи, расходятся по домамъ съ пѣніемъ патріотическихъ пѣсенъ.

Ихъ возбуждаетъ ненависть къ людямъ образованнымъ. Они говорятъ съ ироніей: „такъ называемая интеллигенція".

Они называютъ себя христіанами. Но ученіе Христа дополняютъ дозволеніемъ убивать всякаго несогласно мыслящаго.

Итакъ, это цѣлая партія, организованная, объединенная. Пріемы этой партіи, такъ сказать, ея тактика—очень просты. Когда подсудимый Клочьевъ объявилъ въ трактирѣ, что пойдетъ уговаривать забастовщиковъ, одинъ изъ слушателей замѣтилъ ему, какъ же онъ, человѣкъ необразованный, будетъ разговаривать съ людьми интеллигентными. На это Клочьевъ отвѣтилъ: „я поговорю съ ними по своему" и показалъ увѣсистый кулакъ. Кулакъ—вотъ орудіе ихъ политическаго краснорѣчія, дубина—средство политической борьбы.

Къ членораздѣльной рѣчи они не способны. Когда мы въ часы досуга заглядываемъ для развлеченія въ ихъ писанія, они кажутся намъ смѣшными, наивными чудаками. Но тамъ, на Острожныхъ площадяхъ, въ своей стихіи, во всеоружіи кулака и палки, тамъ они страшны.

Это партія Большого Кулака. Подобно своему восточному прототипу, она обладаетъ не только кулакомъ, но также штыками и пулеметами. И въ этомъ весь ужасъ.

Ихъ программа не менѣе проста. Она выражена въ краткомъ афоризмѣ: истреби своего политическаго противника. Подыми на него темныхъ, невѣжественныхъ, искорени его.

Раньше истребляли при помощи тюремъ, ссылокъ и палачей. Теперь не хватило этихъ средствъ. Стали истреблять на площадяхъ при помощи кулаковъ, дубинъ, пулеметовъ.

Но кто же ихъ враги? На это у нихъ въ политическомъ катехизисѣ, какъ и на все остальное, простой краткій и рѣшительный отвѣтъ: „жиды“, такъ называемая интеллигенція, студенты, курсистки, соціалисты, забастовщики и т. п.

Отыскивая своихъ враговъ, они на практикѣ встрѣчаютъ большія затрудненія, которыя, впрочемъ, ихъ, людей рѣшительныхъ, не останавливаютъ.

Они малограмотны, они не знаютъ иностранныхъ словъ и потому ошибаются. Они ихъ боятся, такъ какъ съ новыми словами идутъ понятія о новыхъ, болѣе высокихъ формахъ жизни. Защитника приводили въ содроганіе слова: организація, профессія. Онъ смѣшивалъ статистика со статистомъ и съ соціалистомъ. Они также не отличали на площади солиста отъ соціалиста, и потому бьютъ и тѣхъ, и другихъ, и третьихъ.

Они особенно ненавидятъ корреспондентовъ за службу гласности. И бьютъ ихъ нещадно, а если неудобно драться, они имъ угрожаютъ.

Но какъ же узнать на площади, кто врагъ, кто другъ, кто свой, кто чужой, подлежащій избіенію. Они рѣшаютъ этотъ вопросъ опять же просто, по наружному осмотру. И мы видѣли, какъ трудно имъ удержаться отъ ошибокъ.

Здѣсь, въ этой залѣ, въ спокойной обстановкѣ г. защитникъ выяснялъ происхожденіе многихъ свидѣтелей и подвергалъ ихъ антропологическимъ, лингвистическимъ, генеалогическимъ обслѣдованіямъ. И мы, предвидя смертельную опасность для свидѣтеля, приходили на помощь и доводили изысканіе до четвертаго колѣна въ восходящей линіи. И все же г. защитникъ дѣлалъ ошибки.

А тамъ, на площади, въ пылу политическаго вдохновенія ошибиться было легче. Не мало людей русскаго происхожденія пострадало, по выраженію свидѣтелей, за свою „еврейскую личность“, за то, что похожи на еврея.

Г. защитникъ объяснилъ намъ, что цѣлую партію, соціалъ-демократическую, легко отличить по формѣ, которую она носитъ: велосипедныя шапочки. Когда я услышалъ объ этомъ, не скрою, мнѣ страшно стало за судьбу многочисленныхъ любителей невиннаго велосипеднаго спорта.

Иногда они били по основаніямъ, болѣе серьезнымъ: по указанію городовыхъ и людей, одѣтыхъ въ штатское, которые хлопали себя по карману и говорили: „бейте, я знаю, это студентъ. У меня его фотографія“. Вообще „русскіе люди“ любятъ замѣчать и запоминать чужія физіономіи.

Чаще били, руководясь внѣшними примѣтами. Били вообще чистую публику. Били одѣтыхъ въ крахмальныя, но также въ черныя, синія рубашки. Били людей въ очкахъ, въ шляпахъ, велосипедныхъ фуражкахъ. Били мужчинъ съ длинными, женщинъ съ короткими волосами.

Били вообще всѣхъ, кто не имѣлъ явныхъ признаковъ принадлежности къ патріотамъ или къ „русскимъ людямъ“. Передъ партіей Большого Кулака существуетъ всеобщее и равное право на избіеніе безъ различія вѣроисповѣданія, національности, пола и возраста.

Не били только людей, носившихъ форменныя фуражки. Это начальство. А „Большой Кулакъ“ не сомнѣвается, что онъ въ союзѣ съ начальствомъ и бьетъ съ позволенія начальства. „Намъ воля дана“, кричатъ они на площади. Клочьевъ и Семеновъ объявляютъ своимъ единомышленникамъ, что они получили разрѣшеніе губернатора. Мало того, они ждутъ поощренія отъ начальства. Семеновъ говоритъ: „намъ будетъ награда отъ губернатора“.

И полиція все сдѣлала, чтобы укрѣпить ихъ въ этой мысли. Они бьютъ вмѣстѣ съ полиціей, въ тѣсномъ союзѣ съ ней. Городовые, стражники первые начинаютъ бить. Они указываютъ, кого бить. Они держатъ жертву, когда толпа бьетъ. Во время избіенія городовые такъ усердно держали свидѣтеля Литвиненко, что на тѣлѣ отпечатались слѣды пальцевъ.

Избитыхъ сообща обыскиваютъ городовые и патріоты. Бьютъ человѣка въ штатскомъ. Подходитъ жандармъ Рогалевъ и говоритъ: „оставьте—это нашъ, жандармъ“. И его перестаютъ бить. По сигналу полиціи и начинались, и прекращались побои.

У толпы патріотовъ, какъ у всякой толпы, есть свои излюбленные герои. Это—губернаторъ и полицеймейстеръ. Ихъ качаютъ съ криками: „ура“.

Дѣйствія толпы и полиціи слиты и переплетены вмѣстѣ; раздѣлить ихъ и разобрать, что сдѣлала полиція, и что толпа—невозможно. Нѣсколько человѣкъ убито, многіе десятки изувѣчены и избиты, разгромлены дома. Но полиція не составила объ этомъ ни одного протокола и не задержала ни одного преступника

Въ дальнѣйшемъ продолжается тотъ же тѣсный союзъ между полиціей и „русскими людьми“. Когда дѣло перешло къ судебной власти, та же рука протянута для поддержки патріотовъ. Околоточный, вручая повѣстку слѣдователя свидѣтелю Шустову, говоритъ ему: „не топи Клочьева, скажи, что ты былъ пьянъ, ничего не помнишь“.

Мало того, въ системѣ защиты то же трогательное объединеніе патріотовъ съ полиціей. Всякое показаніе, невыгодное для полиціи, вызывало величайшее волненіе на скамьѣ защиты. Мнѣ казалось, что здѣсь защищаютъ полицію не меньше, чѣмъ обвиняемыхъ. Защитникъ такъ разволновался за судьбу полиціи, что пришлось объяснить ему, что полицейскіе не сидятъ на скамьѣ подсудимыхъ, и что гражданскій искъ не угрожаетъ имъ. Таково отношеніе партіи „Большого Кулака“ къ полиціи.

Каждая партія имѣетъ свою штабъ-квартиру, свой, такъ сказать, политическій клубъ. У нихъ—это питейное заведеніе безъ права на торговлю, но съ потребленіемъ крѣпкихъ напитковъ. Тамъ ихъ воодушевляютъ не музы и не превратныя идеи, съ тлетворнаго Запада пришедшія. Вдохновитель ихъ—Бахусъ. Поклонившись этому богу, они идутъ на площадь. Во время своего политическаго дѣйства они пьяны.

Они трусливы. Храбро нападаютъ на одинокихъ и дружно бьютъ десять одного. Но бѣгутъ при первомъ серьезномъ отпорѣ.

Работаютъ они хотя по убѣжденію, но не даромъ, за плату. И эта цѣна крови не велика. Всего нѣсколько гривенниковъ, во всякомъ случаѣ не больше рубля.

Они берутъ военную добычу съ избитыхъ враговъ. Попросту, грабятъ. Не брезгуютъ ничѣмъ. Часы, деньги, портсигары, домашній скарбъ—все годится для патріотовъ.

Такова тактика „Большого Кулака“ на площади.

Внѣ площади, тамъ, гдѣ нельзя драться, они также искореняютъ своихъ враговъ. Но тутъ у нихъ другія орудія воздѣйствія: извѣтъ, доносъ, сыскъ, нескромная любознательность.

Вся система защиты въ процессѣ построена на этихъ

излюбленныхъ пріемахъ „русскихъ людей“. Бываютъ такіе моменты въ дѣлѣ, которые опредѣляютъ характеръ обвиняемаго лучше десятковъ свидѣтельскихъ показаній. Вспомните начало засѣданія и отводъ члена особаго присутствія, предводителя дворянства Астафьева. Заявлять отводъ святое право обвиняемыхъ. Но характерно, въ какихъ выраженіяхъ сдѣлалъ это подсудимый Семеновъ. „Г. Астафьевъ всегда шли противъ правительства“, говорилъ онъ, „и въ Думѣ были, извѣстно, какая личность“.

Когда свидѣтель давалъ неблагопріятныя показанія, подсудимые спѣшили заявить о его неблагонадежности. А г. защитникъ увѣковѣчивалъ это заявленіе въ протоколѣ, изобличая тутъ же прокурора въ бездѣйствіи власти. Свидѣтель Антоновъ никогда не имѣлъ непріятностей съ полиціей, покуда не далъ слѣдователю показанія, неблагопріятнаго для подсудимаго Данилова. Послѣ этого онъ подвергся обыску и аресту. Здѣсь же, на судѣ Даниловъ сдѣлалъ формальный доносъ на Антонова, обвиняя его въ оскорбленіи Величества.

Г. защитникъ не уступалъ своему кліенту и съ увлеченіемъ объяснилъ, что въ Нижнемъ революціонеры собирались назначить губернаторомъ присяжнаго повѣреннаго Ж., а корреспондента Я., не помню кѣмъ, архіереемъ или полицеймейстеромъ. И чтобы добыть и пустить въ оборотъ эту полицейскую сплетню, защитникъ избралъ даже не высшихъ чиновъ полиціи, а околоточнаго, котораго посылаютъ въ штатскомъ платьѣ подслушивать, что говорятъ на митингахъ. Услышавъ показаніе такого свидѣтеля, защитникъ много разъ повторялъ эту сплетню, нисколько не стѣсняясь тѣмъ, что и Ж., и Я. теперь въ мѣстахъ отдаленныхъ.

Наконецъ, я присутствовалъ при неслыханномъ зрѣлищѣ. Я видѣлъ разгнѣваннаго защитника съ угрожающимъ жестомъ, я видѣлъ руку, грозно протянутую по направленію къ Суду съ возгласомъ: „это такъ, даромъ не пройдетъ!“

Откуда же берутся члены такой чудовищной организаціи? Темнота и невѣжество—вотъ ихъ поставщики.

Но за то тамъ, куда проникаетъ просвѣщеніе, они исчезаютъ, какъ нечистая сила при первомъ ударѣ колокола, по народному повѣрію. Тамъ они разлетаются, какъ ночныя птицы при первыхъ лучахъ солнца.

Мы изслѣдовали ихъ организацію, насколько она раскрыта здѣсь, данными судебнаго слѣдствія. Корни ея вросли глубоко въ русскую жизнь. Здѣсь они не обнажились, но теперь всѣмъ извѣстно, послѣ разоблаченій, сдѣланныхъ въ Государственной

Думѣ, откуда они растутъ и гдѣ прячутся. Едва ли нужно повторять это.

Какъ же устроили печенѣги нашествіе на Нижній-Новгородъ 10 іюля 1905 г.?

Они подготовляли его чудовищными сплетнями. Говорили, что сормовскіе рабочіе придутъ въ городъ, разгромятъ и сожгутъ, что идетъ 10000 забастовщиковъ, что всѣ они вооружены, что пощады никому не будетъ и т. д., и т. д. Чѣмъ нелѣпѣе были слухи, тѣмъ легче распространялись.

Бокъ о бокъ работала съ ними полиція. Она устраивала избіеніе „красныхъ“, забастовщиковъ, студентовъ, и населеніе воспитывалось въ мысли, что бить ихъ не только можно, но даже полагается, что они поставлены, какъ бы внѣ охраны закона.

Для устройства погрома была создана особая организація, названная здѣсь артелью. Клочьевъ, собравшій эту артель, хотѣлъ придать ей невинный характеръ. Но одинъ изъ бывшихъ его единомышленниковъ обнаружилъ истинныя намѣренія Клочьева. „Мы устроили артель, чтобы бить забастовщиковъ“, говорилъ ему Клочьевъ, „а сказали, что она нужна для охраны города отъ грабителей“. Семеновъ, воодушевляя передъ боемъ своихъ сподвижниковъ, твердитъ: „Кто подвернется, чтобъ никому пощады не было“.

У артели есть касса. „Для лѣченія и угощенія“, объясняетъ цѣль кассы Клочьевъ. Развлеченіе и польза—таковы бюджетныя задачи „русскихъ людей“.

Вооруженіе у нихъ было однообразное—одинаковыя дубины.

Мѣсто для операцій „Большого Кулака“ выбрано очень удачно. Въ обширную Острожную площадь впадаютъ людные улицы и переулки. Жители значительной части города неминуемо должны попадать на эту площадь. Одна ея сторона занята тюрьмой, которая служила какъ бы операціонной базой для полиціи, стражниковъ и казаковъ.

Вся площадь превратилась 10 іюля въ страшный капканъ. На ней какъ бы растянута была паутина, въ которой путались и бились не насѣкомыя, а люди.

Поводомъ для нападенія избрали митингъ, устроенный за городомъ вблизи Острожной площади, въ честь памяти рабочихъ, погибшихъ 9 января на улицахъ Петербурга. Артель Клочьева пришла вмѣстѣ съ казаками къ мѣсту, гдѣ мирно и спокойно протекалъ митингъ.

Защита пыталась доказать, но безуспѣшно, будто участники митинга первые бросились на Клочьева и его друзей. Показа-

ніями многихъ свидѣтелей: Владимирова, Леонтьева, Бѣлова, Пузакова и др. установлено, что Клочьевъ и его артель, вооруженные „изрядными дубинами“, по выраженію свидѣтеля, первые обрушились на участниковъ митинга, разсѣянныхъ казаками. Правда, они обратились въ бѣгство, встрѣтивъ револьверные выстрѣлы. Клочьевъ былъ даже легко раненъ, но затѣмъ, получивъ подкрѣпленіе, стали избивать проходившихъ по площади.

Началось ужасающее побоище, длившееся втеченіе пяти часовъ: съ 4 до 9 вечера. Звѣрства, которыя творились тамъ, очевидцы не въ состояніи описать. Свидѣтель Рождественскій говоритъ: „происходившее на площади—свыше нашего пониманія“. Люди простые, мало образованные, прибѣгали къ сравненіямъ, чтобы описать то, что видѣли. „Тамъ было, говоритъ одинъ свидѣтель, избіеніе младенцевъ въ Вифлеемѣ“. Другой уподобилъ Острожную площадь Колизею во времена Нерона.

Тамъ избивали людей до смерти. Били женщинъ на послѣднемъ мѣсяцѣ беременности, били ихъ, наматывая на руку косу. Били головою о мостовую.

Ударяли палками по человѣку, какъ по барабану. Въ каннибальской пляскѣ прыгали по тѣламъ избитыхъ. Когда жертва еще шевелилась, раздавались крики: „добить его“. И добивали.

Очевидцы видѣли разбитые черепа, видѣли людей, обращенныхъ въ кровавую безформенную массу. Камера тюрьмы, куда сносили изувѣченныхъ, была залита кровью.

Тамъ не умолкали стоны истерзанныхъ. На тѣлахъ жертвъ насчитывали слѣды 50—60 ударовъ.

Избивъ людей, шли громить дома.

Когда полуживой, избитый, изувѣченный подымался и бѣжалъ, мчались верховые стражники и казаки, настигали его, ударами нагайки сбивали съ ногъ и отдавали на потѣху толпѣ.

Происходившее на Острожной площади похоже на жестокую забаву, устраиваемую любителями охоты, на такъ называемые садки. Тамъ въ огороженномъ пространствѣ съ гиканьемъ несутся доѣзжачіе за звѣремъ, которому некуда спастись, и отдаютъ его на растерзаніе собакамъ. Но тамъ бѣжитъ въ смертельномъ страхѣ звѣрь, а здѣсь человѣкъ. Тамъ рвутъ псы, здѣсь называющіе себя людьми.

Какія же мѣры были приняты для прекращенія побоища? Неужели нельзя было разсѣять толпу громилъ? Несомнѣнно, была полная возможность.

Приставъ Пѣвницкій показалъ, что на площади находилось 30 городовыхъ, 50 казаковъ и полъ-роты пѣхоты. Цѣлый

рядъ свидѣтелей удостовѣрилъ, что это слишкомъ достаточно, чтобъ однимъ движеніемъ вооруженной силы, безъ всякаго примѣненія оружія, толпа была разсѣяна. Но этого не дѣлали.

Не хотѣли дѣлать. Когда пріѣхалъ къ концу расправы губернаторъ, онъ приказалъ прекратить ее. Приказаніе, говоритъ приставъ Вилковъ, было отдано недостаточно энергично и не подѣйствовало. Но, когда губернаторъ то же приказаніе повторилъ энергичнѣе, оно возымѣло силу, и побоище было прекращено.

Что же дѣлала полиція во время погрома? О поведеніи нижнихъ чиновъ мы говорили. Но что дѣлали высшіе? Есть показанія, свидѣтельствующія, что полицеймейстеръ баронъ Таубе лично спасалъ избиваемыхъ и даже получилъ въ свалкѣ нѣсколько ударовъ.

Что это такое? Городовые указываютъ, кого бить, и бьютъ сами, а начальникъ ихъ баронъ Таубе спасаетъ.

Казаки и стражники сбиваютъ съ ногъ и отдаютъ избитыхъ толпѣ, а баронъ Таубе спасаетъ.

Надо двинуть полицію и солдатъ, чтобы очистить площадь, а вмѣсто этого баронъ Таубе спасаетъ лично.

Что это? Мнѣ кажется, подобно тому, какъ маленькія дѣти невпопадъ обнаруживаютъ секреты взрослыхъ, такъ и здѣсь малые чины выдавали тайны большихъ.

Полиція была какъ бы регуляторомъ избіенія. Повернули рукоятку впередъ, бьютъ больше, повернули назадъ, бьютъ меньше, а застопорили машину—перестали бить совсѣмъ.

Нельзя оставить безъ регулятора. Разнесутъ не тѣхъ и не то, что надо.

Невозможно совсѣмъ отказать чинамъ полиціи, особенно крупнымъ, въ мягкосердечіи, которое обнаруживали въ отдѣльныхъ случаяхъ. Но это мягкосердечіе означаетъ только одно: хочу изобью, хочу помилую.

Да, не всѣ виноватые—здѣсь, на скамьѣ подсудимыхъ. Многихъ и притомъ болѣе важныхъ мы не видимъ тамъ. Въ началѣ процесса г. прокуроръ объявилъ, что предстоитъ еще другое дѣло, по обвиненію чиновъ полиціи. Лучше бы, конечно, судить вмѣстѣ всѣхъ виновныхъ въ одномъ преступленіи. Но мы будемъ терпѣливо ждать новаго процесса, въ чаяніи, что всѣхъ преступниковъ постигнетъ должное возмездіе.

Изъ отдѣльныхъ эпизодовъ погрома я остановлюсь лишь на убійствѣ Александра Карловича Гейнце. Вотъ какъ описываетъ свидѣтель Клюевъ, курьеръ Губернскаго Присутствія, русское происхожденіе котораго, несмотря на „еврейскую лич-

ность", установлено съ несомнѣнностью генеалогическими изслѣдованіями защиты.

Онъ стоялъ на площади рядомъ съ Гейнце, какъ вдругъ громилы подбѣжали и стали бить Гейнце, по выраженію свидѣтеля, какъ по барабану.

Дальнѣйшее описываетъ околоточный Ассаулякъ. Когда онъ подошелъ къ кучкѣ, избивавшей Гейнце, ему сказали, будто послѣдній выстрѣлилъ. Гейнце удалось при помощи Ассауляка вырваться изъ рукъ убійцъ. Онъ бросился бѣжать, но былъ настигнутъ и вновь избитъ. Его подняли почти безъ признаковъ жизни.

Кто же такой А. К. Гейнце? За что онъ отдалъ свою молодую жизнь?

О немъ говорили свидѣтели, какъ о просвѣщенномъ, глубоко симпатичномъ общественномъ дѣятелѣ. Мирный труженикъ, онъ посвящалъ свои силы просвѣтительной работѣ. О нихъ же (*указываетъ на подсудимыхъ*) темныхъ и убогихъ, заботился онъ. Имъ отдавалъ свою жизнь и отъ нихъ принялъ мученическій вѣнецъ.

Зачѣмъ онъ попалъ на площадь? Онъ узналъ о погромѣ въ седьмомъ часу вечера и началъ безпокоиться за участь брата, студента. Послѣднія слова, которыя слышала въ телефонъ его мать, были словами тревоги о судьбѣ близкихъ.

Онъ жилъ на Нижнемъ Базарѣ, далеко отъ Острожной площади. Но онъ не могъ оставаться спокойно въ аптекѣ, въ то время, какъ люди гибли. Подобно свидѣтелю Рождественскому, оттолкнувшему плачущую жену, чтобы взять оружіе и идти на помощь погибающимъ, Гейнце положилъ въ карманъ револьверъ, изъ котораго не умѣлъ стрѣлять, и пошелъ. Пошелъ, чтобы не вернуться...

Я не жалѣю Александра Карловича Гейнце. Мученической кончиной онъ обезсмертилъ себя.

Имя его не забудется русскимъ народомъ, какъ не забудетъ народъ всѣхъ, положившихъ головы свои въ борьбѣ за свободу. Но имена его убійцъ, имена ихъ (*указываетъ въ сторону подсудимыхъ и защитниковъ*) и всѣхъ, кто скрывается за ними, будутъ преданы забвенію, и чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше для нихъ же.

Гг. Судьи! 10 іюля 1905 г. партія „Большого Кулака" произвела на Острожной площади погромъ. Съ 7 по 10 декабря 1906 г. здѣсь, въ этой залѣ также происходилъ погромъ, погромъ погромщиковъ, ихъ друзей, единомышленниковъ, подстрекателей и попустителей.

Тамъ, на площади они громили кулаками и дубинами. Здѣсь ихъ громили идеями, мыслями, словами.

Десятки нижегородскихъ гражданъ пришли сюда и съ этого мѣста громили ихъ (*указываетъ на мѣсто, предназначенное для свидѣтелей, дающихъ показанія*).

Это люди ихъ же круга, съ такою же внѣшностью, одѣтые такъ же, какъ они.

До 10 іюля многіе изъ нихъ были единомышленниками подсудимыхъ. Но потомъ они содрогнулись предъ ихъ злодѣяніями, отвернулись отъ нихъ и пришли сюда, чтобы бросить имъ въ лицо свое негодованіе и презрѣніе.

Съ какою силою, съ какимъ сознаніемъ своего достоинства, съ какою несокрушимою нравственною мощью стояли здѣсь и давали свои показанія эти простые люди, окруженные, благодаря способу допроса со стороны защиты, атмосферою „слова и дѣла". Ничто не могло смутить или поколебать ихъ.

Кто видѣлъ этотъ процессъ, тотъ пережилъ захватывающія и потрясающія впечатлѣнія. Лицомъ къ лицу стояли здѣсь двѣ Россіи. Старая, мрачная, темная, полагающая свою силу въ кулакѣ, палкѣ, доносѣ и сыскѣ, и новая, молодая, полная нравственной красоты, бодрости и энергіи, жаждущая свѣта и свободы.

Знаніе дало здѣсь, въ Нижнемъ густые побѣги. Они не велики еще, но сильны и обѣщаютъ богатый урожай.

Нижній-Новгородъ достойно отвѣтилъ самозванцамъ, присвоившимъ себѣ названіе потомковъ Минина.

Кто видѣлъ этотъ процессъ, для того ясно, что будущее принадлежитъ здѣсь мысли и слову, но не кулаку и дубинѣ.

Дни ихъ торжества (*указываетъ въ сторону подсудимыхъ и защитниковъ*) и тѣхъ, кто стоитъ за ними, сочтены. Процессъ ясно показалъ, что цитадель невѣжества въ Нижнемъ, если не срыта до основанія, то все же поколеблена. Она доживаетъ послѣдніе дни.

И въ этомъ для всѣхъ жертвъ „Большого Кулака" пусть будетъ великое нравственное удовлетвореніе.

Окружный Судъ приговорилъ подсудимыхъ Клочьева, Семенова, Елисѣева Моисеева, Данилова и Букарина къ лишенію всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ и къ заключенію въ тюрьмѣ на 8 мѣсяцевъ. Остальные оправданы.

По Высочайшему повелѣнію всѣ осужденные были помилованы.

Дѣло объ октябрьскомъ погромѣ въ Ѳеодосіи.

Дѣло о Ѳеодосійскомъ еврейскомъ погромѣ слушалось въ Ѳеодосіи Симферопольскимъ Окружнымъ Судомъ съ сословными представителями отъ 18 по 24 сентября 1907 года. Присяжный Повѣренный Б. П. Куликовъ (вмѣстѣ съ помощниками Присяжныхъ Повѣренныхъ Дубосорскимъ и Лейбзонъ) защищалъ пять человѣкъ еврейской самообороны, обвинявшихся въ убійствѣ и покушеніи на убійство.

Рѣчь присяжнаго повѣреннаго Б. П. Куликова.

Господа судьи коронные и сословные! Мучительный, тяжелый процессъ! Онъ мучителенъ не потому, что предъявляется тяжелое обвиненіе: предумышленное убійство и покушеніе на него (я говорю о членахъ самообороны, которую я защищаю съ моими товарищами)—послѣдніе 4 года массовые процессы съ тяжелыми обвиненіями, тягчайшими послѣдствіями, постоянны,—мучителенъ онъ по свойству добыванія матеріала, по способу постановки обвиненія... Видишь ясно всю правоту положенія обвиняемыхъ въ событіяхъ 18, 19 и 20 октября и чувствуешь, что благодаря исключительному построенію, благодаря какому-то средневѣковому объясненію обвиненія, пожалуй, не сможешь пробраться сквозь эту толщу и выйти на путь истиннаго современнаго процесса.

Я предлагалъ вопросы (вызвавшіе здѣсь протестъ) всѣмъ этимъ ограбленнымъ торговцамъ, этимъ матерямъ, дрожавшимъ за жизнь своихъ дѣтей, этимъ маленькимъ буржуа, прятавшимся въ подвалахъ и на чердакахъ, бывали-ли они когда-нибудь на митингахъ, произносили-ли зажигательныя рѣчи, требовали-ли демократической республики? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ. Они пострадали потому, что кто-то принадлежавшій къ ихъ народу и религіи, шелъ съ черными флагами. Таковъ логическій выводъ изъ способа веденія слѣдствія представителемъ оффиціальнаго обвиненія. Совершилъ дѣяніе,—не будемъ пока спорить о томъ, преступное или нѣтъ, ну, пусть преступное,—

одинъ, а обвиняются его сестры, племянники, родители, жены! Въ поступкахъ однихъ обвиняютъ ихъ народъ, націю, религію! Да, вѣдь, это именно то, ложность, несправедливость чего должно разъяснить этимъ темнымъ людямъ въ порту, надъ разъясненіемъ чего каждому изъ насъ надо трудиться, когда встрѣчаешься съ невѣжественными, неграмотными, невидящими Шпилевыми и Москаленками. И вдругъ это переносится въ судебный процессъ! Что мы здѣсь выяснили, что спрашивали, чѣмъ занимались? „Вы—еврей, или православный?“ „У того-то былъ револьверъ; а онъ еврей?“. „Вы видѣли, что у нѣкоторыхъ изъ идущихъ въ рядахъ патріотической манифестаціи были дубинки,—а вы не женаты на еврейкѣ-выкрестѣ?“

Да, мы въ среднихъ вѣкахъ! Это какой-то средневѣковый процессъ! Я, вѣдь, говорю о томъ, какъ велось слѣдствіе стороною, представителемъ обвиненія—судъ только слушалъ.

Свидѣтель, средній человѣкъ, скромно работающій, ни въ чемъ предосудительномъ никогда не бывшій замѣшаннымъ, оказывается женатымъ на выкрестѣ—и вотъ онъ клятвопреступникъ. Какое-то средневѣковье... Такъ и представляется костеръ, котелъ съ кипящей смолой... Онъ женатъ на выкрестѣ!

Вотъ свидѣтель, проведшій съ женой, нѣсколькими сыновьями и дочерями, со старухой матерью ночь на желѣзнодорожной насыпи подъ чернымъ небомъ, озареннымъ двумя заревами... Онъ далъ намъ показаніе. Но онъ оказывается—еврей, и, будучи таковымъ, онъ осмѣливался собирать показанія и записывать факты „маленькаго погрома 7 февраля“...

И вотъ г. Цвибакъ предъ судомъ... „Вы производили дознаніе? Развѣ не знаете, что это дѣло властей?“ Ужасный проступокъ! Да это, г. прокуроръ, почтенная, достойная уваженія вещь. Необходимо, чтобы каждый интеллигентный человѣкъ разслѣдывалъ и записывалъ тѣ исключительныя событія, которыя происходятъ вокругъ него. Конечно, не изъ оффиціальныхъ отчетовъ узнаютъ потомки картину истинной жизни нашей, о многихъ событіяхъ нашей выдающейся эпохи. Только частныя записки, мемуары, изслѣдованія дадутъ нашимъ потомкамъ знакомство съ тѣмъ, что было. Записывать—это заслуга. Она не увеличивается и не уменьшается отъ того, что записываетъ еврей, или полякъ, или грузинъ... Не правда-ли, господа судьи, вѣдь это элементарно, объ этомъ странно даже говорить... а, между тѣмъ, въ этомъ состоитъ весь матеріалъ дѣла.

Какія воззрѣнія переносятся въ судебное слѣдствіе! По случаю манифеста 17 октября устраивается шествіе. „Правда-ли,

спрашиваетъ г. прокуроръ, что тамъ былъ сіонистскій флагъ? Правда-ли, что на флагѣ былъ еврейскій знакъ? Не произвело-ли это непріятнаго впечатлѣнія на русскихъ?“ Какой длинный путь нужно намъ еще пройти по дорогѣ, которую уже сдѣлали другіе народы, чтобы интеллигентные люди поняли, что каждый гражданинъ по случаю радости, въ которой участвуетъ все государство, имѣетъ право радоваться по своему, можетъ поднять знакъ, соотвѣтствующій его религіи, его вѣрованіямъ. Гербъ Давида, знакъ, который можно видѣть въ синагогѣ, нельзя поднять съ радостью по случаю выхода манифеста! То, что находится въ храмѣ молитвы, въ домѣ обращенія къ Богу, не можетъ быть выставлено въ часъ радости? Это можетъ произвести, по вашему, непріятное впечатлѣніе на русскихъ? Не говорите этого. Если бы это непріятное впечатлѣніе произвело на какого-нибудь темнаго несчастнаго человѣка, ваша обязанность была бы показать ему всю элементарность его грубой несправедливости.

Боже мой! Это всѣмъ такъ ясно! Я не буду уже приводить въ примѣръ культурныя страны Европы; возьмемъ Индію. Во время праздника высыпаютъ тамъ на улицы десятки народностей и религій, и каждый радуется на своемъ языкѣ и выставляетъ эмблемы своихъ религій. Впрочемъ, Индія также находится подъ властью европейскихъ варваровъ, а наша страна идетъ, вѣдь, иными путями. Такъ вотъ, возьмемъ Китай. Въ Китаѣ каждая религія, каждая секта, каждое ученіе спокойно и смѣло несетъ по улицѣ знакъ своихъ обрядностей, своихъ преданій. И ничего...

А этотъ эпизодъ съ револьверомъ Свидѣтель показываетъ, что у кого-то былъ отобранъ револьверъ. Г. прокуроръ, конечно, спрашиваетъ: „Скажите, а владѣлецъ револьвера былъ еврей?“ И револьверъ у еврея подозрителенъ и преступенъ. А кто тогда былъ безъ револьвера? Вспомните, когда все это происходило. Это было въ тѣ октябрьскіе дни, въ дивные дни расцвѣтшихъ надеждъ, въ страшные дни народныхъ смятеній, въ тяжелые дни еврейскихъ погромовъ. Развѣ можно было быть безъ револьвера? Револьверы имѣли всѣ и каждые. Да, тогда жены, отпуская своихъ мужей на улицу, заботились, чтобы они не забыли револьвера; въ одинъ карманъ клали носовой платокъ, въ другой револьверъ... И такъ вездѣ. Въ Москвѣ это дѣлали русскіе, въ Варшавѣ поляки, гдѣ есть евреи— евреи.

То же самое надо сказать о пресловутой депутаціи съ просьбой, чтобы не было полиціи. „Евреи просили объ удаленіи

полиціи!“ Не евреи, г. прокуроръ, а все общество. Повсемѣстно въ то время, когда организовалось празднество, или митингъ, шествіе, похороны, первое, о чемъ заботились представители общества, это—чтобы полиція не присутствовала. Это было понятно. Полиція тогда совершенно не понимала, что послѣ манифеста 17 октября уже дозволено и что еще надо преслѣдовать. Полиція растерялась, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, было сильно взаимное озлобленіе, еще обострившееся въ предшествующіе дни. При такомъ положеніи какъ легко было создаться столкновенію! И вотъ, для избѣжанія этого, общественные дѣятели принимали на себя заботу объ урегулированіи порядка, и какъ блестяще честно выполняли это! Да, это было во всей Россіи, и молились-ли члены депутаціи въ церкви, синагогѣ или мечети, какое это можетъ имѣть значеніе?

Средневѣковое различеніе г-номъ прокуроромъ евреевъ и христіанъ, такое отношеніе его къ собираемому матеріалу и приводитъ въ сущности къ тому, что здѣсь было со свидѣтелемъ Пономаренко... Онъ, сидѣлецъ винной лавки, стоялъ подлѣ своей монополькы, а рядомъ громили магазинъ еврея. Онъ стоялъ и смотрѣлъ. Когда-же разгромъ кончился, и опасность стала придвигаться къ казенному вину, онъ обезпокоился, пошелъ и привелъ полицію. Не прежде. На мой вопросъ, почему же ранѣе приводомъ полиціи онъ не спасъ имущества разоряемаго сосѣда, онъ отвѣтилъ: „что же, я буду заботиться объ еврейскихъ интересахъ?“—„Такъ спасеніе монопольнаго вина важнѣе?“ спросилъ я. „Разумѣется“! Онъ сказалъ спокойно и не сомнѣваясь. „Разумѣется“... Какъ онъ могъ отвѣтить иначе? Онъ знаетъ, что и въ судебномъ слѣдствіи вопросъ оффиціальнымъ обвинителемъ рѣшается такъ-же...

Эта постановка обвиненія раздѣляетъ далѣе свидѣтелей на настоящихъ и лгущихъ. И какое это раздѣленіе! Когда я слушалъ все это на слѣдствіи, я невольно почти съ ужасомъ думалъ: Боже мой, да неужто такая пропасть между людьми? Вѣдь мы не понимаемъ другъ друга. Я думалъ: вотъ мы были дѣтьми, учились, прошли одинаковую русскую гимназію, кончили въ одинаковомъ университетѣ курсъ, проходили тѣ же науки и предметы,—откуда же такое взаимное непониманіе, такая бездна! Здѣсь проходилъ рядъ свидѣтелей—это были дикари, пьяные, невѣжественные. Не членораздѣльно разсказывали они какъ „казенка была закрыта“, и они пошли „дѣлать манифестацію“. Между ними двое убійцъ. Я говорю такъ прямо, ибо показаніе Петрова о томъ, какъ одинъ изъ этихъ свидѣтелей ударилъ выскочившую изъ горящей управы дѣ-

вушку по головѣ, другой поставилъ ей колъ на животъ и, опираясь на него, перескочилъ чрезъ нее, и „тутъ она и духъ испустила.“—это показаніе записано (по моему настоянію) въ протоколъ... И я думалъ: „неужто хотя одному свидѣтельскому показанію, данному здѣсь ли, или слѣдователю, можно повѣрить, хотя въ одной фразѣ, хотя въ одномъ словѣ? А господинъ прокуроръ интересуется, оглашаетъ сказанное на предварительномъ слѣдствіи, говоритъ о нихъ. Неужели люди въ своихъ представленіяхъ и пониманіи такъ далеко могутъ разойтись? А вотъ другой рядъ свидѣтелей—они различные люди, разныхъ положеній, воспитаній, судьбы, занятій... Вотъ ихъ показанія, искреннія, произносимыя съ дрожью въ голосѣ, съ трепетомъ въ сердцѣ... Неужели, вы имъ не вѣрите? Да, они всѣ евреи, значитъ они лгутъ, они клятвопреступничаютъ. Г. прокуроръ даже не находитъ возможнымъ предлагать имъ вопросы. Мы въ двухъ различныхъ мірахъ, мы говоримъ на разныхъ языкахъ, г. прокуроръ! Мы не понимаемъ другъ друга, и когда мы говоримъ о радости, о настроеніи послѣ 17 октября, г. представитель оффиціальнаго обвиненія думаетъ, что праздную, прошлись шествіемъ, конечно евреи, я думаю, что радостно всколыхнулась вся Россія. Г. прокуроръ усердно распрашивалъ, кто говорилъ на митингѣ, кто говорилъ на праздненствѣ—еврей, евреи?

Да гдѣ вы были тогда, г. прокуроръ? Вѣдь на праздненствахъ, на собраніяхъ, на митингахъ тогда были всѣ народы Россіи. Зачѣмъ обижаете другія народности?!

Развѣ мы не хотѣли, не могли праздновать, или лучше, могли не праздновать выступленія Россіи на путь обновленія? Произносившіяся рѣчи г. прокуроръ характеризуетъ, какъ смѣшныя и глупыя. Такъ—одинъ еврей говорилъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ—смѣшно и глупо! Г. обвинитель выражается опредѣленно и... смѣло. Вѣроятно, онъ забылъ, что объ этомъ говорили всѣ, что на послѣднемъ совѣщаніи въ Царскомъ Селѣ, 11 декабря, такой представитель правыхъ, какъ графъ Бобринскій, находилъ, что всеобщее избирательное право необходимо, что даже въ самомъ манифестѣ 17 октября о всеобщемъ избирательномъ правѣ сказано весьма недвумысленно... А что будетъ говорить г. представитель оффиціальнаго обвиненія, если чрезъ годъ или два всеобщее избирательное право будетъ введено законодательнымъ порядкомъ?

Этотъ моментъ былъ упущенъ г. прокуроромъ.

Надо не упустить изъ виду другого момента. Мы имѣемъ просто историческій фактъ въ матеріалѣ судебнаго слѣдствія

и именно въ показаніяхъ тѣхъ Шпилевыхъ, Москаленковъ и всѣхъ этихъ, которымъ такъ довѣряетъ обвиненіе. А между тѣмъ, этотъ фактъ важенъ, это фактъ для исторіи. Мы здѣсь видимъ предъ собою трехъ участниковъ центральной группы, такъ называемой патріотической манифестаціи, троихъ несшихъ портретъ. И что же выясняется? Ни одинъ изъ нихъ не зналъ тогда, не знаетъ и теперь, въ чемъ заключается манифестъ 17 октября, а одинъ изъ нихъ не зналъ тогда и не знаетъ и теперь вообще даже того факта, что вышелъ какой-либо манифестъ! И вы называете ихъ патріотами? „Намъ сказало начальство—бросай работу, мы и бросали; сказало начальство бери портретъ, мы и взяли; иди къ памятнику, мы и пошли". Вотъ люди, которымъ вы вѣрите! Это большого значенія фактъ, и онъ не дойдетъ до нашихъ потомковъ въ оффиціальныхъ протоколахъ. Нѣтъ! Запишите это, г. Цвибакъ.

Говоря подъ угломъ средневѣковыхъ предразсудковъ и страстей, г. представитель оффиціальнаго обвиненія, все дальше и дальше продвигая свой способъ постановки обвиненія, наконецъ, сказалъ: „манифестъ 17 октября ни словомъ не упомянулъ объ евреяхъ (поразительно!) и это, конечно, не помогло уменьшить, а только увеличило ту несимпатію, которую питаютъ евреи къ русскому правительству и даже къ его главѣ". Что я ослышался, или дѣйствительно эти слова раздались съ кафедры прокурора, представителя государства въ судѣ? Какъ! цѣлый народъ, нація, объединенная религіей, обвиняется и при томъ уже точно формулировано! Нѣсколько милліоновъ гражданъ Россійскаго государства обвиняется публично съ кафедры хранителя законовъ—такъ.. въ брошенной фразѣ. Какъ грустно, какъ ужасно видѣть такой порывъ антисемитизма отъ представителя оффиціальнаго обвиненія въ открытомъ публичномъ засѣданіи.

Что здѣсь больше принесено въ жертву: элементарныя правила справедливости, или элементарныя требованія процесса?

Все это я говорилъ, г.г. судьи, не „по поводу" только дѣла, нѣтъ, это—по самому существу его. Я говорилъ это, дабы выяснить, какой матеріалъ предъявленъ вамъ для сужденія стороною—оффиціальнымъ обвиненіемъ. Всѣ эти выясненія, якобы улики, взгляды и перспективы прокурора, все это дающее нашему процессу эту средневѣковую обстановку, все это для постановки приговора должно быть выброшено за бортъ. И когда останется самое событіе 19 октября и его дѣйствительная сущность, вы увидите, какъ дѣло ясно и просто, и какъ оно прямотаки безспорно.

Подсудимые, которыхъ я съ моими товарищами защищаю, находились въ положеніи необходимой обороны. Чрезъ это г.г. судьи, вы не переступите. Они стрѣляли, ибо они защищались и защищали. Говорятъ, что они при этомъ лишили жизни несчастнаго Панченко. Это, конечно, не измѣнило бы ихъ неотвѣтственности, разъ это была необходимая оборона; но да не будетъ на нихъ этой лишней крови! То, что Панченко убитъ не ими—это ясно, какъ день.

Я не буду входить въ подробности,—ихъ уже разбирали мои товарищи, но вотъ рѣзкіе, доказанные факты. Грозная толпа, такъ называемой, патріотической манифестаціи направляется къ зданію управы. Передъ управой на тротуарѣ стоитъ самооборона. Отъ манифестаціи выдѣляется два человѣка, подбѣгаютъ къ самооборонѣ и одинъ изъ нихъ—Панченко, подымаетъ руки, что бы ударить или схватить. Они въ это мгновеніе стоятъ лицомъ къ лицу. Это установлено досконально.

Въ этомъ сходятся всѣ свидѣтели. Тѣ кто видѣлъ плохо, говорятъ; „не могу утверждать, но, *кажется,* Панченко стоялъ лицомъ къ Дѣтинѣ и другимъ". Тѣ, кто видѣлъ хорошо, прямо устанавливаютъ: „Панченко стоялъ лицомъ къ самооборонѣ". Никто не сказалъ, рѣшительно никто, что бы ему хотя *показалось,* что Панченко повернулся къ самооборонѣ спиной, хотя бы: „кажется, отвернулся". Нѣтъ! онъ стоитъ лицомъ къ лицу. Выстрѣлы, и онъ падаетъ. Смерть послѣдовала мгновенно, говоритъ экспертиза, и что же? Онъ оказался убитымъ пулей въ спину. Входное отверстіе пули—въ спинѣ подъ лѣвой лопаткой. И запомните, ходъ пули въ тѣлѣ прямо перпендикуляренъ плоскости спины, то есть стрѣлявшій въ Панченко стоялъ *прямо сзади* его и возможно чуть-чуть *ниже* (прибавилъ докторъ). Въ это время Панченко поднимался на тротуаръ, и Дѣтина и другіе члены самообороны стояли *прямо передъ нимъ* и чуть-чуть *выше.* Еслибы стрѣляли въ Панченко члены самообороны, и даже именно Дѣтина, какъ онъ обвиняется, то Панченко былъ-бы убитъ прямо въ грудь, какъ и показалъ Корнѣевъ, этотъ явившійся сюда въ пьяномъ видѣ, якобы очевидецъ убійства Панченко Дѣтиною. Какое яркое показаніе для того, чтобы увидѣть, какъ создаются легенды! Онъ прямо видѣлъ, какъ Дѣтина выстрѣлилъ въ упоръ, въ грудь Панченко, а Панченко оказывается убитымъ въ спину! Именно его показаніе, „видѣвшаго какъ Дѣтина убилъ Панченко" особенно ярко доказываетъ намъ, что это—неправда, что это невозможно.

Невозможно и предположеніе г. прокурора, что кто-то выскочилъ съ боку самообороны и убилъ Панченко. И тогда бы выстрѣлъ былъ сбоку или вкось. Нѣтъ, здѣсь *прямо въ спину.*

Г. прокуроръ сказалъ (я записалъ эту фразу): „я допускаю даже, что Панченко повернулся". Позвольте, то есть какъ же это „допускаю"? Тутъ надо установить, доказать въ деталяхъ, и вдругъ „допускаю"! Ну а я не *допускаю*, господа судьи! И кончено: вы обязаны принять именно это мое „не допускаю", ибо г. прокуроръ долженъ доказать, а не установить предположеніе, на которое нѣтъ даже намека въ судебномъ слѣдствіи. И, наконецъ, вспомните, г.г. судьи, экспертизу по вопросамъ стрѣльбы, которую вы допустили здѣсь по моему хотатайству. Пуля, которая извлечена изъ Панченко,—пуля сильно-бойнаго снаряда. Остаться въ сердцѣ и не вылетѣть она могла только, если стрѣлявшій былъ на разстояніи 50 шаговъ, ну—самое меньшее на 25 шаговъ. Здѣсь пуля осталась въ тѣлѣ, въ сердцѣ Панченко, а онъ былъ вплотную съ членами самообороны. Ясно, ясно, какъ день: онъ убитъ не залпомъ самообороны. Если вы вспомните, что многіе свидѣтели, и въ томъ числѣ и представители полиціи, говорили объ отдѣльныхъ выстрѣлахъ, предшествовавшихъ на моментъ залпу самообороны, что нѣкоторые свидѣтели прямо говорятъ о выстрѣлахъ отъ фонтанчика и отъ памятника, то есть со стороны надвигавшейся толпы, то вы окончательно установите картину происшествія. Прошу обратить вниманіе, что я совершенно не хочу установить, чтобы стрѣляли именно Муравьевъ и Бойчевскій, какъ это показалъ свидѣтель Эйхель. Нѣтъ, я далекъ отъ этого. Хотя, конечно, и свидѣтель Эйхель не клятвопреступничалъ, какъ это заподозрилъ г. прокуроръ: онъ видѣлъ выстрѣлы, онъ слышалъ выстрѣлы сзади по направленію къ Панченко, а въ этомъ смятеніи трудно было замѣтить, кто именно стрѣлялъ, и вотъ субъективное пониманіе и представленіе событія подсказало ему такое рѣшеніе, которое онъ самъ принялъ потомъ за объективное, видѣнное. Но кто же стрѣлялъ? Да кто нибудь изъ толпы, грозно настроенной и бѣжавшей къ управѣ.

Почему же стрѣляли въ Панченко? спрашиваетъ г. прокуроръ и потомъ побѣдоносно разбиваетъ такое предположеніе: дѣйствительно, какая нелѣпость стрѣлять въ спину „своего"; но вѣдь очень легко разрушить крѣпость, если самъ ее передъ этимъ построилъ именно съ цѣлью потомъ ее разрушить. Какъ легко такъ сражаться!

Разумѣется, никто не допускалъ и не предполагалъ, что стрѣляли въ своего, Панченко. Толпа идетъ; передъ ней самооборона. Намѣренья толпы ясны. Нервное напряженіе достигаетъ конечнаго пункта. И вотъ выстрѣлы, куда же, да, конечно въ самооборону. Стрѣляли въ самооборону, а попали въ

„своего“, въ спину Панченко, который стоялъ тогда лицомъ къ лицу и вплотную къ самооборонѣ!

Итакъ, господа судьи, точно и твердо установлено: Панченко убитъ не членами самообороны.

Но члены самообороны дали залпъ, и даже, кажется, два. Конечно! Какъ я говорилъ, положеніе необходимой обороны, разрѣшаемой нашимъ закономъ, было на лицо.

Я скажу болѣе, если даже принять картину выстрѣловъ самообороны такъ, какъ ее рисуетъ г. прокуроръ, то и тогда устанавливается именно необходимость обороны. И она, дѣйствительно, была. Наканунѣ готовились избіенія, ими стращали; наканунѣ они были отвращены только выстрѣлами обороняющихся въ воздухъ. Насилія надъ нѣкоторыми евреями уже произведены. Портъ бросилъ работы и, хлебнувъ для храбрости, подъ флагомъ якобы патріотической манифестаціи, ринулся къ мѣсту, гдѣ собрались праздновать манифестъ 17-го октября. По дорогѣ сбиваютъ шапки. Грозная, какъ говорили свидѣтели, толпа идетъ прямо на стоящихъ передъ управой. Нѣсколько человѣкъ бросаются къ членамъ самообороны, и двое изъ нихъ, въ томъ числѣ Панченко, подбѣжавъ вплотную, подняли уже руки. „Панченко подбѣжалъ и поднялъ на Дѣтину руки“, сказалъ г. прокуроръ, „и тутъ раздался залпъ“. Чего же вамъ больше, г. прокуроръ? Неужели не ясно, что стоявшіе предъ управой имѣли полное основаніе считать себя подвергнувшимися нападенію, какъ это и было, и въ необходимости защищаться! Да какъ же иначе? Къ вамъ подбѣгаютъ вплотную и поднимаютъ руку, а сзади угрожающая толпа—и вы не можете защищаться? Самозащита вовсе не зависитъ отъ того, хотѣли ли меня убить, или только искалѣчить.

Самозащита не въ томъ состоитъ, что, если меня хотятъ убить, то и я могу убить, а если ко мнѣ лѣзутъ въ окно, чтобы обокрасть, то и я могу лѣзущаго обокрасть! Нѣтъ! На меня производится нападеніе, и я защищаюсь, я стрѣляю. Господа судьи,—вы этого не переступите! И если бы все это было, представимъ себѣ напр., скажемъ, между крестьянами какой-нибудь русской деревни, то никто и не вздумалъ бы усомниться: все было бы ясно: съ одной стороны нападеніе, съ другой—защита. Нѣтъ, только время революціонной эпохи, политическія разногласія массъ, участіе евреевъ и русскихъ, только это затемняетъ истинный и по существу ясный ходъ событія.

Раздался залпъ, потомъ другой. Въ общемъ было, можетъ, 60—70—100 выстрѣловъ, и въ толпѣ нѣтъ многихъ десятковъ убитыхъ и раненыхъ! Только двое легко пострадавшихъ. По-

чему? Отвѣтъ одинъ: стрѣляли не въ толпу, а вверхъ, какъ и показывали многіе свидѣтели.

Прокуроръ здѣсь сдѣлалъ другое предположеніе. Онъ, смѣясь, говорилъ о томъ, какъ евреи дрожатъ, когда у нихъ, хотя бы въ карманѣ лежитъ револьверъ, какъ евреи трепещутъ отъ страха, когда стрѣляютъ. Что мы гдѣ-нибудь на далекой окраинѣ, гдѣ все сойдетъ; въ какомъ-нибудь медвѣжьемъ углу, гдѣ можно говорить, что хочешь? Да! всякому уважающему правосудіе, грустно слышать такую мелкую антисемитическую выходку со стороны представителя государственнаго обвиненія съ трибуны, при открытыхъ дверяхъ... Не будемъ говорить объ этомъ!

Много десятковъ выстрѣловъ въ толпѣ произвели только двѣ легкихъ раны. Ясно. Стрѣляли вверхъ. Вотъ почему, господа судьи, и эти отверстія отъ пуль въ портретѣ. Его несли на вытянутыхъ рукахъ вверхъ, держа за нижнюю раму.

Г. прокуроръ нѣсколько разъ высказывался такъ, будто выстрѣлы произведены въ портретъ нарочно. Нѣтъ, г. прокуроръ, такъ нельзя. Вы сами не предъявляете обвиненія въ оскорбленіи Величества, вы сами считаете, что здѣсь его не было, а затѣмъ, въ числѣ доказательствъ вины подсудимыхъ, ссылаетесь и на это. Счетъ, предъявленный обвиненіемъ къ подсудимымъ, великъ; отягчать его еще незаконно—нельзя. Незаконно, ибо обвинять можно только въ томъ, въ чемъ обвиненіе законно предъявлено.

Итакъ, господа судьи, подсудимые были въ положеніи самообороны и, кромѣ того, что уже имѣетъ второстепенное значеніе, стрѣляли вверхъ.

Г. прокуроръ удивляется, почему Пичкуровъ, русскій, защищалъ евреевъ. Если они только защищались, и если опасность грозила евреямъ, то, почему же Пичкуровъ стрѣлялъ? Прокуроръ говоритъ, что онъ даже не ждетъ отвѣта на это. Неужели? Впрочемъ, дѣйствительно, это такъ ясно и понятно, что это и не требуетъ отвѣта и поясненій. Только, стоя на средневѣковой точкѣ зрѣнія, можно не понимать, или удивляться этому. Изъ пяти подсудимыхъ—членовъ самообороны, одинъ оказался русскимъ! 20% оказалось христіанъ въ той толпѣ, которая по мнѣнію прокурора выстроилась и стрѣляла изъ мести и вражды къ христіанамъ! Какое яркое доказательство, что здѣсь была только оборона! То, что сдѣлалъ Пичкуровъ, дѣлаютъ лучшіе люди нашей земли! Защищать отъ незаконнаго нападенія, защищать, хотя бы тотъ, кого ты защищаешь говорилъ на другомъ языкѣ и молился по другимъ преданіямъ, — да вѣдь это

элементарныя требованія, которыя надо предъявлять къ человѣку, вѣдь этому надо учить дѣтей съ 5-лѣтняго возраста.

Простите, мнѣ просто совѣстно говорить о такихъ простѣйшихъ истинахъ.

Г. Прокуроръ все выяснялъ, что то, что мы называемъ самообороной, есть „боевая дружина“. Онъ придаетъ этому страшное значеніе. Г г. судьи! А какъ же назвать? Вотъ эти люди представляютъ изъ себя нашихъ защитниковъ, на случай нападенія на насъ! Въ случаѣ нападенія имъ придется отражать и сражаться. Кто же они? Какое же названіе имъ дать? Боевая дружина очень подходитъ. Вѣдь наша армія тоже существуетъ, чтобы защищать насъ отъ внѣшнихъ враговъ; однако мы называемъ ее не „защитою“, а „войсками“. И, разумѣется, для того, чтобы создать самооборону, нѣкоторая организація нужна. И что здѣсь незаконнаго? Представьте, мы получили свѣдѣнія, что на насъ готовится нападеніе; представьте, мы не можемъ дать объ этомъ знать ближнему начальству; неужели мы не начали бы выдѣлять изъ себя наиболѣе сильныхъ, наиболѣе смѣлыхъ, которые должны были бы взять на себя защиту? Конечно, мы, и въ томъ числѣ вы, г.г. судьи, говорили бы: „вотъ такой-то умѣетъ стрѣлять, вотъ такой-то силенъ и храбръ, ему надо дать револьверъ, онъ долженъ стрѣлять, когда нападеніе начнется“. Что же тутъ преступнаго? И если вы слышали, господа, что здѣсь говорили и подчеркивали, что передъ выстрѣлами кто-то кричалъ въ самооборонѣ: „безъ команды не стрѣлять“, то вѣдь это не значитъ, что здѣсь не было самозащиты, а было что-то другое, нѣтъ, это именно есть осторожность, это именно есть забота о томъ, чтобы выстрѣлы послѣдовали только, когда нападеніе будетъ уже реально. Это значитъ, что въ дружину самообороны внесенъ порядокъ. И здѣсь ничего незаконнаго, конечно, нѣтъ и тѣни. Да и въ то время во многихъ городахъ образовывались такія дружины, гласно, оффиціально. Въ Ялтѣ, напр., вопросы обсуждались въ думской комиссіи. Въ Харьковѣ учрежденіе такой дружины обсуждалось въ засѣданіи городской думы.

Такая организованная самозащита и есть, если надо ее называть, „дружина, боевая дружина“.

Помните, какъ здѣсь выразился жандармъ Савченко: „боевая дружина, которая самооборона“. Какъ это просто и ясно. Я не сомнѣваюсь, что убійство и покушеніе на него будетъ вами отвергнуто; что вы признаете наличность необходимой обороны во время выстрѣловъ.

Мы не могли предовратить эти ужасы избіеній, грабежей

и убійствъ. Мы не могли защитить эту женщину, которую прежде ударили коломъ по головѣ, а потомъ добили, перескочивъ черезъ нее, упираясь коломъ въ ея животъ. Неужели мы можемъ судить людей, которые хотѣли это предупредить, отъ этого защититься?

Я не хочу рисовать, г.г. судьи, картины, которыя бьютъ по душѣ и по нервамъ. Но событія ужасны, и въ дѣлѣ, въ которомъ о нихъ идетъ рѣчь, нельзя не коснуться ихъ, не для патетической части, ибо никакая патетическая часть не можетъ достигнуть всей глубины ихъ ужаса—нельзя не коснуться ихъ, не упомянуть о нихъ просто потому, что онѣ были.

Вы помните эту дѣвушку, которую било четыре злодѣя Вы помните, какъ она должна была затаить дыханіе, чтобы подумали, что она умерла.

Можете себѣ вообразить этотъ моментъ! Когда я слышу объ этомъ, когда я слышу о томъ, какъ она поднялась, и какъ это замѣтили, и за ней бросились эти 4 злодѣя, какъ потомъ на встрѣчу ей побѣжали еще 4, и, преслѣдуемая восемью дикими звѣрями, она рѣшилась броситься въ море и утопиться, и тутъ по дорогѣ ее спасъ русскій сторожъ—стрѣлочникъ; когда я слышу весь ея потрясающій разсказъ, я ощущаю—ужасъ?. да, конечно, это ужасно, неслыханно, неимовѣрно, безумно страшно,—но главное—мнѣ стыдно, мучительно стыдно!

Убійство и покушеніе на убійство Судомъ были отвергнуты.

Дѣло о еврейскомъ погромѣ въ г. Великихъ Лукахъ.

Съ 15-го по 24-ое ноября 1907 г. въ Великолуцкомъ окружномъ судѣ разсматривалось дѣло о еврейскомъ погромѣ, имѣвшемъ мѣсто въ Великихъ Лукахъ 19-го и 20 октября 1905 года.

Всѣхъ подсудимыхъ по дѣлу около 60 человѣкъ. Среди нихъ мѣстные купцы Хритановичъ, Жуковъ, Шустровъ и др. Предсѣдательствовалъ предсѣдатель Суда Норовъ; обвинялъ тов. прокурора Евреиновъ; защищалъ подсудимыхъ прис. пов. Булацель. Гражданскимъ истцомъ со стороны потерпѣвшихъ евреевъ выступалъ присяжный повѣр. А. И. Гиллерсонъ. Отношенія между сторонами крайне обострились, благодаря своеобразнымъ заявленіямъ и домогательствамъ со стороны защитника подсудимыхъ, г. Булацеля.

Первое такое заявленіе имѣло мѣсто въ началѣ засѣданія.

«Изъ списка свидѣтелей заявилъ г. Булацель, я усматриваю, что евреевъ предполагается допрашивать въ разбивку. Такъ какъ евреямъ вѣрить нельзя, то я ходатайствую, чтобы всѣ евреи были допрошены вначалѣ и чтобы до окончанія допроса они не выпускались изъ помѣщенія Суда, иначе допрошенные евреи будутъ сноситься съ недопрошенными». Въ свою очередь гражданскій истецъ г. Гиллерсонъ заявляетъ: «ходатайство этого господина защитника, какъ неприличное, прошу оставить безъ разсмотрѣнія». Предсѣдатель съ своей стороны начинаетъ подробно объяснять Булацелю, почему онъ считаетъ неудобнымъ измѣнять порядокъ допроса свидѣтелей.

Второй инцидентъ произошелъ при приводѣ свидѣтелей и эксперта къ присягѣ. Узнавъ, что вызванный для дачи заключенія о свойствѣ поврежденій, причиненныхъ громилами убитому Петкевичу (полякъ) и ранъ, причиненныхъ ими же другимъ лицамъ, какъ евреямъ, такъ и интеллигентнымъ христіанамъ,— врачъ-экспертъ Якубъ—еврей, г. Булацель обратился къ суду со слѣдующимъ заявленіемъ: «Какъ можно было по еврейскому дѣлу вызвать экспертомъ еврея? Я этого не понимаю. Я настаиваю, чтобы сейчасъ же былъ вызванъ другой экспертъ—русскій».

Гиллерсонъ. Я прошу занести въ протоколъ, что и это заявленіе я считаю неприличнымъ. Затѣмъ совѣтую г. защитнику прочитать 557 ст. Уст. Уг. Суд. и тогда онъ узнаетъ, что о вызовѣ новыхъ экспертовъ можно ходатайствовать лишь въ установленный срокъ.

Булацель. Я знаю 557 ст.; она относится къ свидѣтелямъ, а не къ экспертамъ.

Гиллерсонъ. Тогда совѣтую ему прочитать и сенатскія разъясненія и онъ узнаетъ, что статья эта относится также къ экспертамъ.

Тов. прокурора Евреиновъ: Я также нахожу, что ходатайство не подлежитъ удовлетворенію, какъ не заявленное въ порядкѣ 557 ст. Уст. Угол. Суд.

Самъ д-ръ Якубъ, когда дошла до него очередь, высказалъ, что заявленіе защитника его крайне оскорбило, что онъ 34 года состоитъ на государственной

службѣ и увѣренъ, что сами подсудимые относятся къ нему съ бо́льшимъ довѣріемъ, чѣмъ даже къ своему защитнику, такъ какъ больше половины изъ нихъ даромъ лечится у него.

Поводомъ для возникновенія погрома, какъ выяснилось на судѣ, послужила манифестація 19-го октября по случаю дарованія манифеста.

Въ манифестаціи этой участвовали желѣзнодорожные служащіе и учащаяся молодежь, въ томъ числѣ и евреи, которые, какъ это было установлено, были въ меньшинствѣ, такъ какъ евреевъ въ Великихъ Лукахъ вообще немного.

Нѣкоторые изъ манифестантовъ несли красный флагъ съ надписью «долой самодержавіе! Да здравствуетъ соціалъ-демократія».

Еще съ утра на улицахъ стояли кучки пьяныхъ людей. Когда манифестація дошла до моста, то люди эти подъ предводительствомъ нѣкоторыхъ купцовъ стали вырывать флагъ. Въ дѣло вмѣшался исправникъ, и кто-то изъ толпы дважды въ упоръ въ него выстрѣлилъ. Раны однако оказались столь незначительными, что исправникъ продолжалъ нѣкоторое время распоряжаться, а затѣмъ одинъ на извозчикѣ уѣхалъ домой, а черезъ нѣсколько дней онъ совсѣмъ оправился.

Какъ только раздался выстрѣлъ, толпа начала избивать не только манифестантовъ, но вообще интеллигентовъ; такъ былъ забитъ на смерть счетоводъ Петкевичъ, въ манифестаціи не участвовавшій, затѣмъ были избиты многіе изъ молодежи; многихъ загнали въ рѣку и оттуда не выпускали, забрасывая ихъ каменьями. Затѣмъ начался разгромъ домовъ евреевъ и нѣкоторыхъ русскихъ и польскихъ интеллигентовъ.

По поводу этой манифестаціи г. Булацель спрашиваетъ, какъ смѣла городская дума разрѣшать хожденіе съ *красными тряпками*. Неужели въ угоду нахальнымъ еврейчикамъ? «Русское чувство, сказалъ онъ, всегда возмущается красными тряпками; я самъ возмущенъ, такъ какъ я *русскій*».

Гиллерсонъ. Право-же, это ничѣмъ не установлено. Я знаю, что и молдавскіе цыгане часто называютъ себя русскими.

Булацель кричитъ: Я не цыганъ, я русскій дворянинъ; мой дѣдъ былъ генералъ-губернаторомъ, а отецъ былъ предводителемъ дворянства.

Когда прис. повѣр. Шишковскій давалъ свое показаніе, Булацель вскочилъ и крикнулъ: «я не могу допустить, чтобы свидѣтелю позволяли разсказывать такія вещи (о прикосновенности къ погрому жандармеріи). Я ухожу отсюда, чтобы дать телеграмму въ Петербургъ».

Вообще *телеграммой въ Петербургъ* Булацель грозитъ нѣсколько разъ.

Тогда гражданскій истецъ Гиллерсонъ обращается къ суду съ просьбой занести въ протоколъ, что этотъ господинъ позволяетъ себѣ грозить суду.

Предсѣдатель: Это не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ вамъ, г. гражданскій истецъ.

Гиллерсонъ: Я самъ работаю на судебномъ поприщѣ и на проявленіе неуваженія къ суду не могу не реагировать. Если этотъ господинъ позволитъ себѣ еще разъ безнаказанно оскорблять судъ, то я буду просить разрѣшенія удалиться.

Тов. прокурора: Я также нахожу угрозу телеграммой недопустимой и также прошу о занесенія этого въ протоколъ.

Инцидентъ заносится въ протоколъ.

На слѣдующее утро Булацель вновь грозитъ телеграммой. Но тутъ наступаетъ конецъ долготерпѣнію предсѣдателя, и онъ, глубоко возмущенный, говоритъ: «Вы много разъ позволяли себѣ говорить о какихъ-то телеграммахъ. Заявляю вамъ, что суду нѣтъ дѣла до вашихъ телеграммъ, и если вы еще разъ позволите упомянуть о нихъ, то я васъ удалю".

Слѣдующій характерный инцидентъ имѣлъ мѣсто при допросѣ двухъ жандармскихъ унтеръ-офицеровъ, вызванныхъ защитой. Свидѣтели эти подробно показывали, какъ „еврейчики" послѣ манифеста кричали: „швобода"; затѣмъ они

разсказывали, какъ еще до манифеста собирались митинги въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, гдѣ ораторствовали также и „еврейчики".

По поводу ихъ показанія г. Булацель обратился къ суду со слѣдующимъ заявленіемъ:

„Я обращаю вниманіе суда, что этихъ цѣнныхъ свидѣтелей вызвала защита, а не прокуроръ. Я бы хотѣлъ знать, чѣмъ это объяснить? Прокуроръ вызываетъ всякихъ еврейчиковъ, а такихъ честныхъ свидѣтелей, какъ эти г-да жандармы, которые разсказываютъ о такихъ важныхъ подробностяхъ и объясняютъ то, что должны были пережить честные русскіе люди въ тѣ дни, онъ не вызываетъ".

Послѣдній инцидентъ имѣлъ мѣсто при заключеніи судебнаго слѣдствія, когда г. Булацель обратился съ слѣдующимъ заявленіемъ:

„Прокуроръ, а особенно гражданскій истецъ здѣсь много распространялись о тѣхъ кольяхъ, которые будто бы были заранѣе заготовлены для погрома. Сейчасъ я проходилъ по базарной площади и убѣдился, что крестьяне привезли много кольевъ. Очевидно, что здѣсь вообще существуетъ спросъ на колья, такъ какъ, на сколько мнѣ извѣстно, погрома теперь не предполагается. Поэтому прошу особое присутствіе въ полномъ составѣ обозрѣть базаръ, дабы убѣдиться въ этомъ".

Гиллерсонъ: Я, дѣйствительно, упоминалъ о кольяхъ, но о тѣхъ, которые были заготовлены для погрома. Что же касается тѣхъ кольевъ, о которыхъ говоритъ защитникъ, то они къ погрому повидимому отношенія не имѣютъ, такъ какъ самъ защитникъ заявляетъ, что сейчасъ погрома не предполагается, а кому знать, какъ не ему?

Булацель: Я не всегда могу знать, когда лопается терпѣніе русскаго народа.

Гиллерсонъ: Я говорю не о русскомъ народѣ, а о провокаторахъ и сыщикахъ.

Булацель. Я съ ними не встрѣчаюсь; быть можетъ съ ними встрѣчается г. Гиллерсонъ.

Гиллерсонъ: Да, къ несчастью, я ихъ иногда встрѣчаю даже въ судѣ.

Этимъ инцидентомъ закончилось это замѣчательное въ своемъ родѣ судебное слѣдствіе по дѣлу.

Рѣчь гражданскаго истца А. И. Гиллерсона.

При ненормальныхъ условіяхъ,—прошло судебное засѣданіе по настоящему дѣлу.

То спокойствіе, самообладаніе, духовная независимость и независимость вообще, которыя такъ необходимы судьѣ въ его отвѣтственной работѣ, здѣсь все время подвергались тяжкимъ испытаніямъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ судебные уставы Императора Александра II, впервые въ стѣнахъ суда раздается брянанье такимъ грязнымъ оружіемъ, какъ доносъ. Но это объясняется ненормальностью общихъ условій, среди которыхъ мы обречены жить. Все теперь какъ бы запугано, и всякій окрикъ *даже провокатора* производитъ впечатлѣніе на людей слабыхъ.

И требуется пожалуй гражданское мужество, чтобы при такихъ условіяхъ остаться на обычной высотѣ своей работы. Вотъ почему я многому здѣсь не удивляюсь..

Настоящее дѣло является однимъ изъ многихъ аналогичныхъ дѣлъ, представляющихъ собою судебную ликвидацію той погромной полосы, которая прошла по странѣ въ такъ называемые „дни свободъ“. Въ тѣ „дни свободъ“ темныя силы страны въ цѣляхъ контръ-революціи въ сотняхъ городахъ организовали погромы противъ передовой интеллигенціи, а главнымъ образомъ противъ евреевъ. И я отлично понимаю тотъ вопросъ, съ которымъ еще въ первый день засѣданія обратился г. предсѣдатель къ одному изъ наиболѣе интеллигентныхъ свидѣтелей по дѣлу, къ д-ру Рыбинскому: чѣмъ объяснить, что погромъ въ Великихъ Лукахъ былъ направленъ противъ евреевъ? Въ самомъ дѣлѣ! Евреевъ въ городѣ не много; отношенія между ними и христіанскимъ населеніемъ были доброжелательныя, — митинги опять-таки устраивались не евреями, а желѣзнодорожными служащими, т. е. христіанами; наконецъ въ самой манифестаціи еврейская молодежь участвовала въ небольшомъ числѣ. Чѣмъ же объяснить, что эту чернь направили исключительно противъ евреевъ?

Я также заинтересовался этимъ вопросомъ, и на мои разспросы д-ръ Рыбинскій отвѣтилъ, что движеніе было направлено противъ евреевъ исключительно потому, что ихъ безопаснѣе было громить; заранѣе можно было быть увѣреннымъ въ бездѣйствіи полиціи и войскъ. На своемъ техническомъ языкѣ д-ръ Рыбинскій могъ бы отвѣтить гораздо короче, сказавъ, что евреевъ громили потому, что они представляютъ собою то, что въ медицинѣ называется locus minimae resistentiae,— т. е. мѣсто наименьшаго сопротивленія. И такъ, вотъ истинная причина, почему мирная манифестація, устроенная всѣмъ сознательнымъ населеніемъ города, такъ печально кончилась исключительно для евреевъ. То не „патріоты“ возмутились краснымъ флагомъ, какъ утверждаетъ прокуроръ, то погромщики воспользовались случаемъ безпрепятственно грабить мирныхъ людей... Кстати, что такое красный флагъ, на который указывалъ прокуроръ и нѣкоторые свидѣтели? Красный флагъ есть несомнѣнно эмблема революціи. Но что такое революція, которая здѣсь всѣхъ такъ пугаетъ! По ученію соціологовъ, всякій переходъ отъ однихъ общественныхъ или политическихъ формъ къ другимъ есть революція. Они же утверждаютъ, что революціи въ жизни народовъ неизбѣжны. Исторія же въ свою очередь свидѣтельствуетъ, что революціи вовсе не всегда бы-

ваютъ кровавыя. Освобожденіе крестьянъ, измѣнившее существовавшія у насъ классовыя отношенія, было актомъ революціоннымъ, а между тѣмъ этотъ актъ исходилъ отъ верховной власти. И такъ, красный флагъ самъ по себѣ ничего страшнаго и кроваваго не представляетъ.

Стоящій здѣсь во главѣ подсудимыхъ, въ качествѣ ихъ защитника, все время называлъ этотъ красный флагъ *красной тряпкой*. Но что такое красная тряпка?

Красной тряпкой на цирковыхъ аренахъ торреадоры обыкновенно разъяряютъ быковъ. Быкъ не переноситъ красной тряпки; при видѣ ея онъ приходитъ въ бѣшенство, становится на дыбы и пускаетъ въ ходъ свои рога и копыта. Но красивымъ движеніемъ руки торреадоръ вонзаетъ ножъ въ тупую голову быка, и быкъ околѣваетъ...

Припоминается мнѣ афоризмъ знаменитаго нѣмецкаго публициста, Людвига Берне. Онъ сказалъ: „Когда Пиѳагоръ изобрѣлъ свою знаменитую теорему, онъ въ благодарность богамъ принесъ имъ въ жертву гекатомбу, т. е. сто быковъ. Съ тѣхъ поръ— говоритъ Берне—быки дрожатъ каждый разъ, когда на свѣтъ появляется новая истина".

Тотъ красный флагъ, который тогда несли по улицамъ здѣшняго города, который представляется стоящему здѣсь во главѣ подсудимыхъ, въ роли ихъ защитника, *красной тряпкой*, въ сущности знаменовалъ собою очень скромную истину; эта скромная истина давно уже извѣстна народамъ болѣе культурнымъ и болѣе счастливымъ, чѣмъ мы; эта маленькая истина называется *конституціей*. Но и эта маленькая истина приводитъ въ трепетъ нашихъ быковъ. Ибо чуютъ быки свою близкую погибель, такъ какъ знаютъ они, что побѣда обезпечена за торреадорами...

Гг. судьи и гг. сословные представители! Не представляется ли вамъ, что тѣ, кто утверждаютъ, будто освободительное движеніе—есть дѣло рукъ исключительно евреевъ и инородцевъ, безцеремонно клевещутъ на русскій народъ. Да, это величайшая клевета, и я вамъ это докажу историческими данными.

Вѣдь, освободительное движеніе началось у насъ не со вчерашняго дня. Оно идетъ у насъ съ давнихъ поръ. Впервые оно рельефно проявилось на улицахъ Петербурга, на сенатской площади 14 декабря 25-го года минувшаго столѣтія. Но въ этомъ движеніи евреи не участвовали. Евреи тогда жили замкнутой жизнью и не интересовались горестями русскаго народа. Движеніе это было скоро задавлено; наступила реакція 30-хъ и 40-хъ годовъ, которая привела къ краху, извѣстному

въ исторіи подъ именемъ Крымской войны. Послѣ этой войны началась новая освободительная полоса, извѣстная подъ именемъ эпохи реформъ. Во главѣ освободительнаго движенія сталъ тогда самъ юный царь, Императоръ Александръ II. Евреи и въ этомъ движеніи участія не принимали, такъ какъ продолжали жить своей обособленной жизнью. Только впослѣдствіи по зову Императора Александра II они вмѣстѣ съ прочими своими соотечественниками стали пріобщаться къ европейской культурѣ и постепенно начали жить сознательной жизнью русскихъ гражданъ. Освободительное движеніе 60-хъ годовъ также окончилось тягчайшей реакціей. Темныя силы страны и тогда взяли верхъ. Благодаря имъ, великія реформы оказались полуреформами, и даже такая реформа, какъ освобожденіе крестьянъ, по мѣткому выраженію русскаго Томаса Гуда, великаго поэта-гражданина Некрасова, оказалась той цѣпью, которая разорвавшись хватила „однимъ концомъ по барину, другимъ по мужику“...

Прошло 20 лѣтъ, и голодный мужикъ *зашевелился*. Тогда то впервые была сдѣлана диверсія въ сторону наименьшаго сопротивленія, въ сторону евреевъ. Голодной невѣжественной массѣ внушили, что ихъ голодъ и бѣды проистекаютъ не вслѣдствіе эгоизма и разврата тѣхъ темныхъ силъ, которыя губятъ страну, а вслѣдствіе эксплоатаціи евреевъ. И грянули погромы 80-хъ годовъ.

На ряду съ этимъ евреевъ тогда-же стали громить и на „легальномъ“ основаніи исключительныхъ правилъ и законовъ. Ихъ заключили въ узкую черту осѣдлости и лишили всѣхъ способовъ пропитанія, лишили права на существованіе... Прошло еще 20 лѣтъ, евреи обнищали. Но что-же русскій народъ? Благоденствуетъ? Увы! его голодъ достигъ апогея и сталъ нестерпимъ.

Легенда объ экономическомъ гнетѣ евреевъ была оставлена, какъ скверная сказка, какъ подлая выдумка безчестныхъ людей... Но вотъ началось освободительное движеніе. Широкой волной сно разлилось по лицу земли Русской и проникло во всѣ поры русской жизни... Тогда-то на сцену опять выступили тѣ темныя силы, которыя свое счастье строили на несчастіяхъ народа и позорѣ страны, которыя создавали свое благополучіе на чудовищномъ режимѣ безправія и насилія. Была сдѣлана новая диверсія въ сторону евреевъ, и темной невѣжественной массѣ внушили, что все обстоитъ благополучно и что требованіе реформъ есть выдумка жидовъ и революціонеровъ. И грянули новые погромы, передъ ужасомъ которыхъ блѣднѣютъ всѣ прежніе.

Нужно быть очень наивнымъ, чтобы вѣрить, что погромы возникаютъ неожиданно и стихійно. Теперь ни для кого не тайна, что они подчинены опредѣленной организаціи.

Мы знаемъ, что главная пружина этой организаціи находится не на мѣстахъ, а въ центрѣ. Историкъ ближайшаго будущаго назоветъ эту пружину ея настоящимъ именемъ.

Еще задолго до 17 октября темныя силы занялись мобилизаціей черни въ интересахъ контръ-революціи. Манифестъ же 17-го октября послужилъ для нихъ сигналомъ для выступленія уже организованной черни.

Въ сущности вездѣ и всюду погромы производились по одному трафарету; разница только въ подробностяхъ и въ непосредственныхъ провокаціонныхъ пріемахъ. Такъ, въ Керчи погромщики, неся національные флаги, процессіей прошли по городу къ собору, гдѣ служили молебенъ. Всѣ въ городѣ заранѣе знали, чѣмъ кончится этотъ молебенъ. Выйдя изъ собора они изъ ближайшей аптеки взяли портретъ государя, прошли по одной улицѣ съ пѣніемъ „Спаси Господи люди Твоя“; дальше слѣдуетъ провокаторскій выстрѣлъ въ портретъ, соотвѣтствующіе крики и начало погрома.

Въ Семеновкѣ, Черниговской губерніи, съ цѣлью провокаціи была сожжена церковь, правда еще не освященная. Загорѣлась церковь, ударили въ набатъ и начался погромъ. Прокуроръ тогда въ своей рѣчи со слезами въ голосѣ констатировалъ, что русскіе люди подожгли русскую церковь съ цѣлью создать поводъ для грабежей и убійствъ. То былъ смѣлый товарищъ прокурора, онъ не боялся говорить правду и требовать наказанія для виновныхъ...

Здѣсь, какъ вамъ извѣстно, погромъ начался послѣ того, какъ было сдѣлано два выстрѣла въ исправника, когда онъ подстрекаемый нѣкоторыми изъ толпы вырывалъ красный флагъ. Но что это были за выстрѣлы? Вы слышали, что выстрѣлы были сдѣланы въ упоръ, и между тѣмъ исправникъ получилъ столь незначительныя поранения, что еще нѣкоторое время продолжалъ распоряжаться, затѣмъ одинъ уѣзжаетъ на извозчикѣ, а черезъ короткое время совершенно оправляется. Очевидно, что въ исправника стрѣляли не изъ настоящаго, а изъ игрушечнаго револьвера. Несомнѣнно также, что если бы стрѣлялъ революціонеръ, то стрѣлялъ бы изъ настоящаго револьвера, а при стрѣльбѣ въ упоръ результатъ былъ бы, конечно, печальный. И я утверждаю, что тѣ выстрѣлы были выстрѣлами провокатора съ цѣлью дать сигналъ къ погрому. Этими выстрѣлами была достигнута двойная цѣль: съ одной стороны выбы-

ваетъ изъ строя энергичный, какъ его аттестуютъ свидѣтели, исправникъ, который, быть можетъ, не пошелъ бы на компромиссы и не допустилъ бы погрома; съ другой стороны этими выстрѣлами изъ игрушечнаго револьвера возвѣщается начало погрома. Но чьей же рукой были сдѣланы эти провокаторскіе выстрѣлы? Вспомните, г.г. судьи, откуда раздались первые провокаторскіе выстрѣлы по направленію къ манифестаціи, когда исправникъ еще раненъ не былъ. Они раздались съ крыльца магазина подсудимаго Хрытановича. Но то стрѣлялъ не онъ самъ, а кто-то изъ его приближенныхъ. Но гдѣ же былъ самъ Хрытановичъ? Онъ все время вертится около исправника, вмѣстѣ съ нимъ вырываетъ флагъ, а затѣмъ раненаго усаживаетъ на извозчика. Послѣ этого, какъ вы помните, начались избіенія и по показанію свидѣтелей, именно онъ натравливаетъ толпу на Петкевича, увѣряя, что это иниціаторъ митинговъ Булычевъ. Затѣмъ, по показанію другихъ свидѣтелей, онъ ведетъ толпу на домъ д-ра еврея Душанскаго. Домъ д-ра Душанскаго представлялся самъ по себѣ мѣстомъ наименьшаго сопротивленія, такъ какъ самъ Душанскій былъ взятъ на войну, и дома остались лишь женщины и дѣти. Совершивъ свое злое дѣло, открывъ такъ сказать погромъ, Хрытановичъ возвращается въ свой домъ, и я вѣрю его свидѣтелямъ, которые утверждаютъ, что видѣли его послѣ 2-хъ часовъ дня дома бражничающимъ и пьянствующимъ. Не могу не обратить ваше вниманіе на одну подробность, которая, быть можетъ, отъ васъ ускользнула.

При заключеніи судебнаго слѣдствія двое свидѣтелей, между прочимъ заявили, что Хрытановичъ имъ показалъ, какъ на немъ самомъ было прострѣлено пальто. а одному изъ нихъ онъ даже показалъ свѣжую царапину на животѣ, сказавъ, что онъ контуженъ пулей. На мой вопросъ, видѣлъ ли свидѣтель также прострѣленные жилетъ и брюки и была ли сорочка прострѣлена, я получилъ отрицательный отвѣтъ. Что же это за случай такой, о которомъ Хрытановичъ самъ все время упорно молчалъ? Вѣдь за тѣ нѣсколько дней, что мы здѣсь сидимъ, мы успѣли достаточно узнать этого человѣка. Несомнѣнно, если бы у него дѣйствительно, было прострѣлено пальто, а тѣмъ болѣе если бы онъ получилъ контузію, то объ этомъ зналъ бы весь городъ; такъ бы и говорили: исправникъ и Хрытановичъ ранены. Чѣмъ же объяснить, что это обстоятельство случайно выплыло, и притомъ, помимо Хрытановича? Объясняется это тѣмъ, что никто въ него стрѣлять и не думалъ; это была его собственная выдумка и не безцѣльная. Совершивъ свое злое дѣло, онъ самъ сталъ метаться; онъ понялъ, что совершилъ нѣчто тяжкое и крайне отвѣтст-

венное, и, по психологіи, свойственной преступнику, чтобы отвлечь отъ себя подозрѣніе, самъ прострѣлилъ свое пальто, причинилъ себѣ даже царапину, заранѣе этимъ защищаясь. Но когда погромъ принялъ благополучное, такъ сказать, для него направленіе, тогда онъ свою защитительную версію оставилъ, такъ какъ надобности въ ней не оказалось. Да, это прострѣленное пальто, эта царапина на животѣ (замѣтьте, что исправникъ также былъ раненъ въ животъ) весьма характерны для этого человѣка. Кстати, что онъ собою представляетъ, этотъ г. Хрытановичъ? На вопросъ г. предсѣдателя онъ самъ отрекомендовался человѣкомъ „римско-католическаго происхожденія“, но, по свидѣтельству спрошенныхъ жандармовъ, да и по его собственнымъ словамъ,—это ему не мѣшаетъ быть *истинно-русскимъ* человѣкомъ. По показанію д-ра Рыбинскаго, который хорошо его знаетъ, онъ литовецъ, сынъ Невельскаго водовоза, выбился какъ то въ люди и вышелъ въ купцы.

Несомнѣнно, что онъ человѣкъ ловкій, и я не удивлюсь, если послѣ вашего оправданія онъ еще выйдетъ въ дворяне. Вѣдь только честные люди получаютъ отличія за заслуги, а безчестные добываютъ ихъ иными путями. Возможно, что уже сынъ его получитъ даже и дипломъ высшаго учебнаго заведенія, и попавъ куда нибудь на окраину, гдѣ его не знаютъ, напр. въ Бессарабію къ молдаванамъ, будетъ хвастать, что дѣдъ его былъ министромъ ,а отецъ по меньшей мѣрѣ губернаторомъ... Всѣ отщепенцы и ренегаты созданы на одинъ образецъ...

Но личность Хрытановича для меня окончательно выяснилась послѣ допроса выставленнаго имъ свидѣтеля *доброй славы*, Янкеля Карповскаго. Вы помните этого свидѣтеля. Это темный человѣкъ въ темныхъ очкахъ. Когда я его спросилъ, чѣмъ онъ занимается, то онъ какъ будто обидѣлся и далъ уклончивый отвѣтъ. Пришлось объ этомъ справиться у другихъ свидѣтелей, и мы узнали, что пріятель Хрытановича, Янкель Карповскій извѣстенъ, какъ профессіональный игрокъ въ карты. Я тогда отчасти понялъ, почему онъ носитъ темныя очки... Но Великіе Луки городъ маленькій, и когда здѣсь узнали, что я заинтересованъ личностью Янкеля Карповскаго, то меня во многое посвятили. Я теперь догадываюсь, какимъ путемъ Хрытановичъ нажилъ свои деньги. Но я узналъ гораздо больше, къ сожалѣнію, слишкомъ поздно, уже при заключеніи слѣдствія. Я не зря разспрашивалъ кое-кого изъ послѣднихъ свидѣтелей объ одномъ инцидентѣ въ клубѣ съ Хрытановичемъ изъ-за картъ, послѣ чего ему туда былъ прегражденъ входъ. Предо мною раскрылось страшное и чудовищное по своему вѣроломству преступленіе.

Я теперь достовѣрно знаю, кто и по какимъ мотивамъ натравлялъ толпу на несчастнаго Петкевича, выдавая его за Булычева... Есть люди, которые не прощаютъ, когда ихъ уличаютъ... Бѣдный Петкевичъ! Онъ провинился въ томъ, что коекого уличилъ... Но пусть знаютъ тѣ, кто повиненъ въ смерти несчастнаго Петкевича, что чѣмъ бы настоящее дѣло ни кончилось, они отвѣтятъ за свое безпримѣрное по своему коварству преступленіе. Невинная кровь Петкевича вопіетъ къ небу, и она будетъ отомщена! Я въ этомъ далъ слово его осиротѣвшей семьѣ, для которой, какъ и для меня, теперь все ясно...

(При этихъ словахъ Хрытановичъ и Булацель поднимаютъ крикъ).

И отъ обвиненія этого-то человѣка—отказывается прокуроръ. Но оправдывая Хрытановича—спрошу я васъ, гг. судьи, рѣшитесь ли вы обвинить хоть одного изъ прочихъ, вовлеченныхъ въ преступленіе всѣми этими Хрытановичами и тѣми, что стоятъ во главѣ ихъ?...

Разбирая затѣмъ характеръ свидѣтельскихъ показаній по этому дѣлу, г. Гиллерсонъ останавливается на показаніи вызванныхъ защитой жандармскихъ унтеръ-офицеровъ:

Зачѣмъ ихъ сюда вызвали? Неужели для того, чтобы демонстрировать передъ нами ихъ развязность и грубость? Или для того, чтобы они цинично похвастали передъ нами, что знаютъ все, даже то, что происходитъ въ частныхъ квартирахъ, но ничего не знаютъ о погромѣ, который въ продолженіе 2-хъ дней открыто происходилъ на улицахъ города? Или, быть можетъ, ихъ вызвали лишь за тѣмъ, чтобы съ ихъ помощью оклеветать лучшихъ представителей мѣстнаго общества, д-ра Рыбинскаго, также мѣстнаго городского голову и присяжнаго повѣреннаго Шишковскаго?

Но прис. повѣренный Шишковскій уважаемый членъ нашего сословія. Ему всѣ мы охотно подаемъ руку... А вотъ, есть нѣкто—въ нашемъ сословіи, стоящій въ сторонѣ одинокій и оплеванный; всѣ отъ него отворачиваются, какъ отъ прокаженнаго... Нѣтъ той честной руки, которую онъ посмѣлъ бы пожать. На своемъ *гнусномъ знамени* онъ начерталъ вмѣсто чести *рубль;* своими слабыми силенками онъ въ сообществѣ съ другими пигмеями силится вредить великой странѣ, его пріютившей... И нѣтъ ему возврата въ общество честныхъ людей. Имя ему—провокаторъ, удѣлъ его—презрѣніе... Я не называю его; вѣдь, дѣло не въ имени его...

Я съ вами прощаюсь, гг. судьи. Вся Россія теперь судится и не только въ лицѣ своихъ худшихъ элементовъ, но, къ несчастью, и въ лицѣ лучшихъ своихъ сыновъ.

Я крайне скорблю, что мнѣ пришлось вамъ представиться въ столь тяжеломъ дѣлѣ и при столь исключительной обстановкѣ. Отъ души желаю, чтобы въ вашей практикѣ это дѣло было не только первымъ, но и послѣднимъ. Я вѣрю, что такъ оно и будетъ. Скоро - скоро взойдетъ солнце надъ нашей измученной родиной, и тогда эти темные голодные люди узнаютъ, кто ихъ враги и кто доброжелатели... Прощаясь съ вами, я еще разъ говорю вамъ: широко используйте, гг. судьи, ваше право сомнѣнія въ отношеніи этихъ несчастныхъ; а гдѣ сомнѣнію нельзя будетъ дать мѣсто, тамъ широко используйте ваше право снисхожденія. Помните, что эти темные люди сами стали жертвой провокаціи и не имъ отвѣчать за чужія преступленія...

Приговоръ былъ объявленъ 24-го ноября. Подсудимые купцы, въ томъ числѣ и Хрытановичъ, оправданы. Изъ остальныхъ подсудимыхъ признаны виновными 25 человѣкъ и присуждены одинъ къ арестантскимъ ротамъ на 1½ года, трое несовершеннолѣтнихъ къ тюремному заключенію на 6 мѣсяцевъ; остальные къ тюремному заключенію на 8 мѣсяцевъ съ лишеніемъ правъ. Прочіе оправданы. Осужденные были немедленно заключены подъ стражу и препровождены въ тюрьму.

По *Высочайшему повелѣнію* всѣ осужденные помилованы.

ЭКСПРОПРІАЦІИ.

Дѣло гимназиста Тульской гимназіи П. Бейера и студентовъ Московскаго университета Архангельскаго и братьевъ Левитскихъ.

Дѣло ученика Тульской гимназіи Бейера и студентовъ Московскаго университета Архангельскаго и братьевъ Левитскихъ слушалось дважды въ Тульскомъ Окружномъ Судѣ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Первый разъ вслѣдствіе обвинительнаго приговора присяжныхъ засѣдателей дѣло кассировано защитникомъ А. Ф. Ледницкимъ и др. Вторично послѣ кассаціи оно слушалось въ засѣданіи Тульскаго Окружнаго Суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей 29-30 Января 1908 года. Гимназиста Бейера, обвинявшагося въ разбойномъ нападеніи на домъ Бабашевыхъ, защищалъ прис. повѣр. А. М. Александровъ. На судѣ неожиданно для защитниковъ выяснилось, что нѣкто Комарницкій сдѣлалъ прокурорскому надзору заявленіе о томъ, что человѣкъ съ накладными усами, нападавшій на домъ Бабашевыхъ, былъ онъ, а не Бейеръ. Послѣ этого заявленія обвинителемъ также неожиданно для защитниковъ, пріобщены къ дѣлу протоколы полицейскаго дознанія, произведеннаго по порученію прокурорской власти полиціймейстеромъ г. Тулы Хлѣбниковымъ. А. М. Александровъ дважды мотивированно ходатайствовалъ о направленіи дѣла къ дослѣдованію, указывая на то, что по дѣлу должно быть произведено предварительное слѣдствіе, что пріобщенные неожиданно къ дѣлу акты дознанія не могутъ быть даже оглашены, во всякомъ случаѣ судъ обязанъ квалифицировать заявленіе Комарницкаго и пріобщенные прокурорскою властью документы, какъ новыя обстоятельства и вызвать находящагося въ Тулѣ Комарницкаго хотя бы въ качествѣ свидѣтеля. Но судъ дважды отказалъ въ этомъ ходатайствѣ. Драматизмъ процесса заключался въ томъ, что онъ окутанъ былъ атмосферой кулуарныхъ и городскихъ слуховъ и сплетенъ и что задолго до открытія засѣданія по дѣлу говорили уже, что «Бейера и Мечислава Левитскаго обязательно осудятъ, а Борисъ Левитскій и Архангельскій будутъ оправданы». Дѣйствительно, приговоромъ присяжныхъ засѣдателей Борисъ Левитскій и Архангельскій оправданы а Мечиславъ Левитскій и Бейеръ были обвинены, причемъ имъ дано снисхожденіе.

Рѣчь присяжнаго повѣреннаго А. М. Александрова.

Г. г. Судьи и г. г. присяжные засѣдатели.

Тяжелое и скорбное чувство испытывалъ я, сидя въ этой залѣ... Два дня я сижу въ ней и нѣсколько разъ въ это время спрашивалъ себя: да что же это такое? И чувствуешь, что дѣло это связано съ чѣмъ-то другимъ, очень большимъ, очень сложнымъ и очень непонятнымъ, и раздвигаешь мысленно стѣны

этой залы и смотришь вдаль, смотришь на всю страну и видишь, что она сплошь покрыта „такими дѣлами“ и жутко и страшно становится... Въ самомъ дѣлѣ, подумайте только: гимназистъ, юноша, почти мальчикъ и три студента университета преданы суду за *разбой*. Что-то кошмарное чувствуется въ этомъ фактѣ, неправда-ли? И здѣсь страшна и непонятна именно самая возможность привлеченія къ суду *такихъ* людей *за такое преступленіе*. Съ понятіемъ воровства, грабежа и разбоя, съ понятіемъ всякаго корыстнаго преступленія у насъ соединяется чувство чего-то ненормальнаго, уродливаго, чего-то совершенно исключительнаго и выходящаго за предѣлы нашихъ обычныхъ нравственныхъ представленій. Нужно перескочить черезъ тысячу нравственныхъ преградъ, нужно освободиться отъ всѣхъ нравственныхъ узъ, чтобы представить себѣ интелигентнаго юношу въ роли разбойника и грабителя... Да, господа, уже въ самомъ сопоставленіи преступленія, въ которомъ обвиняется гимназистъ Тульской гимназіи Бейеръ, съ личностью обвиняемаго заключается, что-то непонятное и нелѣпое, и одного этого сопоставленія достаточно, чтобы подчеркнуть весь ужасъ происходящаго и невѣроятность того, въ чемъ этого юношу обвиняютъ. А если такое несчастіе и имѣло мѣсто въ дѣйствительности, то это несчастіе огромное и несчастье не Бейера только, ни его плачущей матери и умирающаго отъ горя отца, а несчастье всѣхъ насъ, всего русскаго общества и всей русской современности. И такое несчастье должно вызывать и совершенно исключительный интересъ къ этимъ людямъ, и совершенно исключительное къ нимъ отношеніе. Г. г. Присяжные засѣдатели! Сутолока жизни подавляетъ насъ и мы уже не видимъ ея трагизма; нужны исключительныя условія, какое нибудь особенное сильное впечатлѣніе, чтобы мы отвлеклись отъ обыденщины и возвысились до болѣе высокихъ чувствъ и до болѣе тонкаго пониманія дѣйствительности; идешь, иногда, по улицѣ гонимый мелочами жизни и, вдругъ, на встрѣчу гробъ, несутъ покойника и слышится заунывное пѣніе. Обыденщина куда-то исчезаетъ, и душу моментально охватываетъ не то, что горе, а какое-то печальное и въ то же время великое чувство: въ эти минуты и передъ лицомъ смерти душа будто долетаетъ до того невѣдомаго, которое стоитъ на самой границѣ неизвѣстнаго, на границѣ жизни и смерти. Невольно обнажаешь голову и, сосредоточивъ думы на этомъ великомъ, мысленно говоришь умершему брату: ты умеръ, а я живъ, но я также не знаю, для чего я живу, какъ ты не зналъ, для чего ты умеръ. А черезъ минуту опять сутолока жизни и опять мелочные интересы.

Или, иногда, веселый и жизнерадостный приходишь къ друзьямъ, но съ перваго же взгляда замѣчаешь, что въ этомъ домѣ несчастье, что тутъ лежитъ тяжело больной, и тобою сразу овладѣваетъ тяжелое и торжественное чувство сосредоточенности къ чужому горю... Въ этой залѣ, г. г. присяжные засѣдатели, есть также тяжело больные, почти умирающіе люди... Отбросьте же всѣ постороннія чувства и проникнитесь той высокой сосредоточенностью духа; она необходима, чтобы разобраться въ этомъ ужасномъ дѣлѣ. И, вы, отцы не забывайте, что сегодня вы судите дѣтей, и, если они несчастны и даже преступны, то въ этомъ опять-таки виноваты не только они, но и мы. Вы слышали, что г. Прокуроръ держится другого мнѣнія. Онъ находитъ, что русская молодежь какъ-то неожиданно капитулировала передъ здравымъ смысломъ и передъ всѣми нравственными понятіями, что она сдѣлалась легкомысленною, безнравственною и преступной, что она не желаетъ учиться, что она страшно распущена. Правда, Прокуроръ допускаетъ нѣкоторыя изъятья, но повидимому эти изъятья количественно, по крайней мѣрѣ, незначительны. Я не думаю, что Прокуроръ былъ правъ въ оцѣнкѣ молодежи, но допустимъ на минуту, что онъ правъ, но вѣдь и въ такомъ случаѣ становится совершенно непонятнымъ, почему это, вдругъ, ни съ того ни съ сего, молодежь оторвалась отъ своей обычной орбиты, оторвалась и полетѣла въ бездонную пропасть? И можно ли обвинять за это молодежь, или вѣрнѣе, можно ли возлагать на нее *всю* отвѣтственность за тѣ эксцессы, за тѣ ея грѣхи, которые такъ волнуютъ г. Прокурора и которые не могутъ не волновать и Васъ? Молодежь, г. г. присяжные засѣдатели, не съ неба упала; она рождена на землѣ, рождена вами и воспитали ее съ пеленокъ до гимназической или студенческой скамьи, общественныя условія, которыя создавала не она. Да, господа, не она создавала эти условія, а условія были созданы скорѣе нами и всѣми предшествующими поколѣніями; и если на долю современной молодежи пришлось жить въ эпоху подобную той, которую мы переживаемъ послѣдніе полтора-два года и которая, конечно, яркими чертами запечатлѣлась на ея душѣ и выбила ее изъ колеи, то отвѣтственность за это опять-таки лежитъ на всѣхъ предшествующихъ поколѣніяхъ и въ томъ числѣ и на насъ, г. г. присяжные засѣдатели. Время, которое мы переживаемъ еще недостаточно оцѣнено, да и не можетъ быть еще оцѣнено, во всякомъ случаѣ оно таково, что способно выбить изъ колеи не только молодость, но и зрѣлость: мы знаемъ, что самые уравновѣшен-

ные умы и самые спокойные характеры теряли хладнокровіе... Само Государство, г. г. присяжные засѣдатели, дрожало въ своемъ основаніи и пережило такія потрясенія и эксцессы, какихъ оно не помнитъ за предшествующіе полтораста лѣтъ; и если въ такое время наиболѣе чувствительная часть народа, его молодежь, оторвалась отъ обычной орбиты, то ничего удивительнаго тутъ нѣтъ. Но г. г. присяжные засѣдатели, Прокуроръ жестоко заблуждается думая, что молодое поколѣніе можетъ быть преступнымъ; такого несчастья еще не случалось ни съ однимъ народомъ и ни въ одномъ человѣческомъ обществѣ, и если дѣйствительно настанетъ когда-нибудь историческій моментъ, когда можно будетъ констатировать гибель, дѣйствительную моральную гибель молодого поколѣнія, то это будетъ въ то же время и гибелью цѣлаго государства и общества. И я думаю, г. г. присяжные засѣдатели, что къ счастью Россіи, къ счастью всѣхъ насъ, этотъ моментъ еще не наступилъ, да и не наступитъ никогда. Жизнь народа заключается въ смѣнѣ поколѣній. Одно изживается, умираетъ и сходитъ съ исторической сцены, другое заступаетъ его мѣсто и продолжаетъ творческую работу, и если Россіи дѣйствительно предстоитъ совершить еще великія дѣла и жить великимъ будущимъ, то совершатъ ихъ будущія поколѣнія и въ томъ числѣ то, представителей которыхъ вы судите... Правда, г. г. присяжные засѣдатели, молодость часто бываетъ легкомысленна и экспансивна. Она часто хватаетъ черезъ край и часто впадаетъ въ крайности; она бурлива, какъ вешній потокъ, она самонадѣянна и прямолинейна, но зато *это—она* приноситъ въ жизнь энергію и творческую силу, *это—она* рождаетъ новыя идеи. Даже ея крайности и эксцессы поучительны, потому что очень часто представляютъ изъ себя лишь только бурную реакцію противъ другихъ крайностей, узаконенныхъ въ жизни. Да, г. г., молодость есть молодость, вы всѣ пережили ее и хотя я вижу, что многіе изъ васъ порежили ее давно, что лица ваши изрѣзаны морщинами и волоса ваши посеребрились сѣдиной, но все же я думаю, что вы не забыли этой свѣтлой и красивой поры своей жизни. И вотъ, во имя ея я и прошу васъ быть особенно осторожными при разрѣшеніи этого дѣла и помнить, что передъ вами стоитъ тотъ, который едва вступилъ въ жизнь. Прокуроръ подробно пересказывалъ вамъ обстоятельства этого дѣла. Я также коснусь ихъ въ нѣсколькихъ словахъ. Вы знаете, что 2-го февраля прошлаго года около 7 час. вечера на домъ купца Бабашева сдѣлано было разбойное нападеніе четырьмя неизвѣстными. Арестовавъ прислугу, трое изъ

нихъ проникли въ квартиру домохозяина, помѣщающуюся въ верхнемъ этажѣ двухъэтажнаго дома. Одинъ изъ нападавшихъ остался на лѣстницѣ, трое же другихъ проникли въ комнаты и похитили у хозяевъ 600 руб. Суматоха, поднятая пришельцами была услышана изъ нижняго этажа сыномъ Бабашева Владиміромъ, который и открылъ изъ револьвера Смита и Виссона калибра 38 стрѣльбу по убѣгавшимъ. Бабашевымъ было выпущено 5 пуль, изъ которыхъ 3 были найдены, двѣ же по его мнѣнію попали въ убѣжавшихъ. Въ этотъ же день, около 7 час. вечера (показанія докторовъ Мунка и Трофимова) въ больницу Д-ра Мунка былъ доставленъ двумя студентами гимназистъ 7 класса Тульской гимназіи Петръ Бейеръ съ раной въ груди, при чемъ пуля прошла между вторымъ и третьимъ ребромъ почти на вылетъ. Характерно и очень важно въ настоящемъ дѣлѣ, что и д-ръ Трофимовъ, подававшій первоначальную помощь раненому и хирурги Мункъ и Чеканъ сейчасъ же спросили привезшихъ раненнаго студентовъ, какою пулею онъ раненъ, въ оболочкѣ или свинцовою, и револьверомъ какого калибра, и имъ отвѣтили, что Бейеръ раненъ револьверомъ Системы Смита и Виссона, калибра 38. На дальнѣйшіе разспросы врачей студенты объяснили, что Бейеръ раненъ у нихъ на квартирѣ случайно студентомъ Левитскимъ въ то время, когда, одѣвъ штатское платье собирался идти за виномъ. Это обстоятельство подтвердили и другіе свидѣтели, бывшіе въ квартирѣ Астафьевыхъ; хотя они лично и не видѣли момента пораненія, но, находясь въ той же квартирѣ, слышали звукъ выстрѣла. Показали они также, что у Левитскаго дѣйствительно былъ револьверъ системы Смита и Виссона, который онъ послѣ несчастнаго случая съ Бейеромъ забросилъ за Кіевской заставой изъ боязни сѣсть въ тюрьму или заплатить штрафъ за незаконное ношеніе револьвера. Этого показанія держались укрыватели и на судѣ при первомъ разсмотрѣніи дѣла. Послѣ кассаціи приговора они измѣнили свое показаніе и теперь заявили здѣсь на судѣ, что не знаютъ, гдѣ былъ раненъ Бейеръ. Самъ Бейеръ виновнымъ себя не признаетъ. Такимъ образомъ Вы видите, г. г. присяжные засѣдатели, что основной вопросъ, подлежащій нашему разсмотрѣнію, заключается прежде всего въ опредѣленіи относительной силы двухъ вѣроятностей: необходимо рѣшить, гдѣ же былъ раненъ Бейеръ,—въ квартирѣ Бабашевыхъ, или въ квартирѣ Астафьевыхъ? Прокуроръ находитъ, что раненіе имѣло мѣсто въ квартирѣ Бабашевыхъ, я полагаю, что обстоятельство это не доказано и что данныя, на которыхъ построено обвиненіе, представляются крайне шаткими.

Вы слышали, что въ основу обвинительной рѣчи положено указаніе на то, что Бейеръ опознанъ экономкой Бабашевыхъ— Игумновой. Игумнова говоритъ, что въ человѣкѣ съ накладными усами и въ маленькой шапочкѣ она узнаетъ Бейера. Итакъ, прежде всего опознаніе. Но можно ли довѣрять этому опознанію? Вы конечно помните, что человѣка съ накладными усами и въ маленькой шапочкѣ видѣла не одна Игумнова? Его видѣли въ этотъ вечеръ 8 или 9 человѣкъ.

Всѣмъ имъ Бейеръ былъ предъявленъ и всѣ они категорически утверждаютъ, что въ Бейерѣ ни одного изъ лицъ бывшихъ въ квартирѣ Бабашева они признать не могутъ. Не признаетъ дворникъ, который открывалъ калитку, не признаютъ мальчики, не признаетъ кухарка, которая вела ихъ въ квартиру, не признаетъ Владиміръ, Александръ, Николай, старики Бабашевы и только одна Игумнова представляетъ какое-то исключеніе. Всѣ эти лица говорятъ, что не могли узнать этого человѣка потому, что всѣ были крайне взволнованы, а, вотъ, Игумнова замѣтила... Можетъ быть она не была взволнована, такъ какъ „не была заинтересована“,—такъ думаетъ по крайней мѣрѣ г. Прокуроръ? Нѣтъ не то, г.г. присяжные засѣдатели: на мой вопросъ она отвѣтила, что „*была страшно взволнована*“.

Значитъ, и ее охватило то же чувство, помѣшавшее другимъ разсмотрѣть замаскированнаго человѣка? Ну, а если это такъ, то ея опознаніе крайне и крайне сомнительно, и на это есть совершенно опредѣленное указаніе и въ обстоятельствахъ дѣла. Вы, помните, конечно, что на судѣ она показала, что у „человѣка въ шапочкѣ“ были свѣтлые волосы и глаза и хорошій цвѣтъ лица, между тѣмъ на предварительномъ слѣдствіи, она показала, что у него были *черные* волосы, *черные* глаза и *блѣдный* цвѣтъ лица. Въ свое время я возстановилъ это разнорѣчіе и обратилъ на него ваше вниманіе, но и помимо этого есть основаніе сомнѣваться въ ея опознаніи. Наблюдать, г.г., и запоминать можно только въ спокойномъ состояніи: въ спокойномъ состояніи мы имѣемъ возможность разсматривать предметъ нашего наблюденія и болѣе или менѣе запомнить его; говорю „болѣе или менѣе“ потому, что даже при такомъ исключительно благопріятномъ для наблюденія состояніи нашего духа, мы часто ошибаемся. Чтобы запомнить недостаточно видѣть только и смотрѣть, но нужно кромѣ того и *сосредоточить* вниманіе на опредѣленномъ предметѣ, а человѣкъ волнующійся положительно не способенъ сдѣлать этого. Онъ смотритъ, но не видитъ. Люди, охваченные сильнымъ

испугомъ, теряютъ способность наблюдать. Чувство страха, охватывая душу, парализуетъ человѣка и въ страхѣ человѣкъ часто ничего не видитъ и не слышитъ. Всѣмъ извѣстно, что при неожиданномъ пожарѣ люди настолько бываютъ скованы чувствомъ страха, что не могутъ найти выхода изъ собственной квартиры и вмѣсто того, чтобы спасти цѣнную вещь или даже жизнь ребенка, человѣкъ хватаетъ самую не нужную, самую безцѣнную вещь и мечется съ ней, какъ угорѣлый. Свидѣтельница Игумнова говоритъ, что она была *страшно* испугана, что она не помнила себя отъ страха, ну а если это такъ, то можно быть увѣреннымъ въ томъ, что ея показаніе равно нулю.

Кромѣ опознанія Игумновой обвинитель ссылается, какъ на улику, и на экспертизу капитана Каневскаго. Скажу и я о ней нѣсколько словъ; но откровенно говоря, я такъ далеко расхожусь съ обвинителемъ въ оцѣнкѣ ея, что чувствую себя даже нѣсколько неловко, и не потому, что я не правъ, а потому, что г. обвинитель уже слишкомъ, на мой взглядъ, лестно отозвался объ этой экспертизѣ. Онъ находитъ ее „замѣчательной“ и „высокоталантливой“. Я не скажу этого. Скажу больше—я нахожу, что она просто невѣрна. Впрочемъ, если бы она и была дѣйствительно талантлива, то, вѣдь, и таланты ошибаются. Конечно, талантъ прекрасенъ, какъ истинный даръ Божій, какъ живая творческая сила; въ немъ много иниціативы и смѣлости мысли, но онъ иногда, взлетаетъ такъ высоко, что земля скрывается изъ его глазъ; а это и хорошо, и плохо, такъ какъ никогда нельзя утрачивать чувства дѣйствительности безъ ущерба для любого дѣла. Да, г.г. присяжные засѣдатели, смѣлая мысль еще не олицетворяетъ истины, а намъ нужна только она, скромная и простая. Въ экспертизѣ револьвера я, пожалуй, готовъ еще видѣть смѣлость мысли, но не больше этого. Выводы экспертизы я считаю неправильными уже потому, что они построены на неправильномъ методѣ изслѣдованія. Въ самомъ дѣлѣ, что предстояло рѣшить экспертизѣ? А вотъ что: извлеченная изъ груди Бейера пуля была ли выпущена изъ револьвера Владимира Бабашева, или же она могла быть выпущена и изъ другого револьвера той же системы и того же калибра? Какимъ же способомъ экспертъ разрѣшилъ поставленный ему вопросъ? Онъ избралъ какъ разъ такой способъ, который представляется наименѣе подходящимъ для разрѣшенія вопроса. Онъ сравнивалъ *только пули, выпущенныя изъ револьвера Бабашева съ пулею Бейера.* Онъ много стрѣлялъ изъ экспертируемаго револьвера, стрѣлялъ въ снѣгъ, въ доски,

въ стѣны, но стрѣлялъ *только* изъ револьвера Бабашева. Сравнивая выпущенныя пули и сопоставляя ихъ внѣшнюю форму съ дуломъ экспертируемаго револьвера онъ пришелъ къ выводу, что у всѣхъ ихъ имѣется какой-то особый отпечатокъ дула. Что это за „особенность“ и что это за „отпечатокъ“ я откровенно говоря не понялъ и сомнѣваюсь, чтобы это кто-нибудь понялъ изъ сидящихъ здѣсь въ залѣ. Говорю это потому, что самъ экспертъ говорилъ то о трехъ отмѣткахъ на не деформированной сторонѣ экспертируемыхъ пуль, то о четырехъ. Когда я спросилъ эксперта, не можетъ ли быть при фабричномъ производствѣ револьверовъ *одной системы и одного же калибра* такой *особенности* у цѣлой партіи револьверовъ, то онъ отвѣтилъ отрицательно. Но этотъ отвѣтъ также мало понятенъ для меня, какъ мало понятна вся экспертиза. Я не артиллеристъ и не знатокъ нарѣзного оружія, но я не вѣрю не только въ непогрѣшимость, но и въ простую вѣроятность выводовъ этой экспертизы, и не вѣрю, вотъ почему: Вы знаете, что прежде всего рѣчь идетъ здѣсь *о двухъ* револьверахъ: о револьверѣ Бабашева и о револьверѣ того же калибра и той же системы, изъ котораго по словамъ свидѣтелей, находившихся въ квартирѣ Астафьевыхъ, *нечаянно* былъ произведенъ выстрѣлъ въ Бейера. А если это такъ, то экспертиза и должна была бы отвѣтить не только на вопросъ о возможности того, что пуля Бейера была выпущена изъ револьвера Бабашева, но также дать намъ прочныя указанія и относительно того, что пуля не могла быть выпущена изъ другого револьвера той же системы и того же калибра. А для этого эксперту нужно было произвести пробную стрѣльбу не только изъ револьвера Бабашева, но и изъ нѣсколькихъ револьверовъ той же системы и того же калибра. Вы помните, г.г. присяжные засѣдатели, тотъ моментъ судебнаго слѣдствія, когда я предложилъ вопросъ г. эксперту, производилъ ли онъ стрѣльбу при экспертизѣ и *изъ другихъ револьверовъ* той же системы и того же калибра, и когда онъ отвѣтилъ на этотъ вопросъ отрицательно. Мнѣ показалось, что послышался всеобщій шепотъ изумленія, я же, по словамъ г. прокурора, сдѣлалъ „большіе глаза“. Обвинитель нѣсколько разъ съ легкой ироніей повторилъ здѣсь о „большихъ глазахъ“. Но мои глаза не сдѣлались меньше и послѣ соображеній, приведенныхъ здѣсь обвинителемъ.

Я и теперь недоумѣваю, какъ недоумѣвалъ и тогда, когда впервые узналъ, что г. экспертъ не счелъ нужнымъ прибѣгнуть къ методу сравнительной стрѣльбы изъ нѣсколь-

кихъ револьверовъ одной системы и одного и того же калибра. Почему же вы не стрѣляли?—спросилъ я эксперта. Потому, внушительно мнѣ отвѣтилъ г. экспертъ, что въ этомъ не было надобности. Но были ли вы когда нибудь экспертомъ и ставился ли вамъ подобный вопросъ?—спросилъ его другой защитникъ. Нѣтъ, экспертомъ я впервые и подобнаго вопроса себѣ не ставилъ, отвѣтилъ г. Каневскій. Такимъ образомъ, г.г. присяжные засѣдатели, я позволяю себѣ утверждать, что „особенность дула", о которой говоритъ экспертъ, если она только и существуетъ въ дѣйствительности, можетъ и не быть только особенностью дула револьвера Бабашева, а особенностью системы и калибра, а если такъ, то эта особенность теряетъ всякій доказательный смыслъ, и если пуля фигурируетъ здѣсь въ процессѣ, какъ доказательство, и если она вторично угрожаетъ судьбѣ Бейера, то это только потому, что экспертиза основана на совершенно неправильномъ методѣ изслѣдованія. Съ экспертизою думаю можно было бы и покончить, но г.г. присяжные засѣдатели, относительно этого дула возникаетъ и другое не менѣе основательное сомнѣніе. Я сомнѣваюсь, не только въ томъ, что пуля извлеченная изъ груди Бейера была выпущена изъ револьвера Бабашева, но и въ томъ даже, что на столѣ вещественныхъ доказательствъ лежитъ пуля, извлеченная при хирургической операціи докторомъ Мункомъ. Если вѣрить нѣкоторымъ свидѣтелямъ, то „біографія" этой пули представляется въ такомъ видѣ: она побывала въ дулѣ револьвера Бабашева, затѣмъ, искупалась въ человѣческой крови и наконецъ ее хотѣли облечь въ золотую оправу и сдѣлать изъ нея брелокъ. Я не вѣрю въ это жизнеописаніе и сомнѣваюсь въ преемственности событій. Вы помните, что пуля извлеченная при хирургической операціи *не была передана* властямъ сейчасъ же послѣ ея извлеченія, а отдана была нѣкоему Чесскому, тому самому Чесскому, который хотѣлъ сдѣлать изъ нея брелокъ въ золотой оправѣ. У него-то она и пробыла нѣсколько дней: объ этомъ Чесскомъ кто-то сказалъ на Судѣ, что черезъ нѣсколько дней послѣ происшествія онъ былъ въ оружейномъ магазинѣ и взялъ тамъ нѣсколько пуль того же 38 калибра. Вотъ, я и спрашиваю васъ теперь, г.г. присяжные засѣдатели, можетъ ли быть въ настоящемъ случаѣ увѣренность въ томъ, что Чесскій возвратилъ *ту самую пулю*, которая была извлечена при операціи. Ну, а если онъ возвратилъ другую, что вполнѣ допустимо, то вѣдь нужно признать, что г. экспертъ трудился и производилъ свои научные эксперименты надъ пулей, никакого отношенія къ дѣлу не-

имѣющей? А если такое предположеніе допустимо, то можно ли на такой шаткой уликѣ, какъ экспертиза пули, строить обвиненіе человѣка въ одномъ изъ тягчайшихъ преступленій? Нѣтъ, г.г., предлагаю забыть эту экспертизу, забыть потому, что она не только сомнительна, она просто недопустима. Въ этомъ дѣлѣ имѣется и другая экспертиза—медицинская: она выгодно отличается отъ экспертизы г. Каневскаго, она избѣгаетъ категорическихъ утвержденій, болѣе объективна и находится въ большемъ соотвѣтствіи съ обстоятельствами дѣла; эта экспертиза въ своихъ выводахъ болѣе благопріятна защитѣ, нежели обвиненію. Медицинской экспертизѣ, какъ вы помните, поставлены были слѣдующіе капитальные вопросы: могъ ли человѣкъ съ прострѣленною грудью не вскрикнуть, не оставить слѣдовъ крови и дойти или добѣжать отъ дома Бабашева до дома Астафьевыхъ, т. е. разстояніе болѣе версты и при этомъ на гору. Эксперты не отвѣтили на эти вопросы категорически, но болѣе вѣроятнымъ они считаютъ то, что человѣкъ долженъ былъ вскрикнуть и что съ прострѣленнымъ легкимъ человѣкъ не могъ дойти такое пространство пѣшкомъ; и такой отвѣтъ понятенъ и для профана, особенно если вспомнить картину состоянія Бейера въ тотъ моментъ, когда ему была оказана медицинская помощь врачемъ Трофимовымъ: по словамъ доктора Трофимова Бейеръ метался, стоналъ, кричалъ, хрипѣлъ и не могъ произнести ни одного слова; вы видите, господа, что въ медицинской экспертизѣ защита находитъ подкрѣпленіе того взгляда, что Бейеръ не могъ быть раненъ въ квартирѣ Бабашева. Защита увѣрена также, что если бы онъ раненъ былъ въ этомъ домѣ, то при неожиданности выстрѣла онъ вскрикнулъ бы, между тѣмъ этого крика никто изъ присутствующихъ не только не слыхалъ, но свидѣтели положительно удостовѣряютъ, что никакого крика и не было. Не менѣе защита убѣждена и въ томъ, что Бейеръ, у котораго оказалась прострѣлена грудь и повреждено легкое, долженъ былъ бы упасть, какъ подкошенный, тутъ же на мѣстѣ и, въ лучшемъ случаѣ, онъ могъ бы пробѣжать всего нѣсколько шаговъ; между тѣмъ вы знаете, что ничего подобнаго не случилось и по словамъ свидѣтелей, служащихъ Бабашева и стоявшихъ на улицѣ извозчиковъ, нападающіе разошлись и даже разбѣжались въ разныя стороны. Вы видите, г.г. присяжные засѣдатели, что доводы обвиненія крайне шатки, что убѣжденія въ виновности Бейера и его укрывателей они не даютъ, что они безсильны повліять на совѣсть и вѣрьте мнѣ, что каждый непредубѣжденный человѣкъ обязанъ сказать Бейеру: ты не можешь

быть признанъ виновнымъ, такъ какъ уликъ противъ тебя нѣтъ. Но настоящее дѣло, г.г. присяжные засѣдатели, страдаетъ не только несовершенствомъ уликъ, но въ немъ есть нѣчто болѣе поразительное: въ немъ имѣются данныя, говорящія о невиновности этого юноши.

Вы слышали заявленіе одного изъ обвиняемыхъ-студентовъ Вячеслава Левитскаго, скажите не поразило ли оно Васъ, какъ громомъ? Вы слыхали, что нѣкто Комарницкій, узнавъ о томъ, что Бейера обвиняютъ въ разбойномъ нападеніи на домъ Бабашева и признаютъ въ немъ человѣка съ накладными усами, подалъ прокурору Тульскаго суда заявленіе, въ которомъ говоритъ, что въ нападеніи на домъ Бабашева участвовалъ онъ, Комарницкій, и что онъ-то и есть человѣкъ съ накладными усами. Вы слышали, г.г., что я дважды просилъ Окружный Судъ обратить это дѣло къ дослѣдованію и дважды Судъ отказалъ мнѣ въ этомъ. Вы помните также, что Товарищъ Прокурора не только не отрицаетъ этого обстоятельства, но даже неожиданно для защиты пріобщилъ къ дѣлу акты полицейскаго дознанія по дѣлу Комарницкаго, подтвердивъ здѣсь предъ Вами на судѣ, что предварительнаго слѣдствія по этому дѣлу не производилось. Отсутствіе предварительнаго слѣдствія о Комарницкомъ я считаю капитальнымъ упущеніемъ въ этомъ дѣлѣ, настолько капитальнымъ, что не могу говорить объ этомъ безъ волненія. Подумайте только, г.г. присяжные засѣдатели, что такое важное, такое исключительно важное обстоятельство, осталось неразслѣдованнымъ въ томъ порядкѣ, на который я уже нѣсколько разъ указывалъ здѣсь на Судѣ; мало того, здѣсь не осуществленъ былъ даже тотъ минимумъ, который могъ бы быть и который во всякомъ случаѣ долженъ быть осуществленъ: Комарницкій не былъ вызванъ даже къ судебному слѣдствію, ну хотя бы для того, чтобы посмотрѣть на него и услышать его показанія. Вмѣсто Комарницкаго намъ неожиданно даютъ акты полицейскаго дознанія, произведеннаго полиціймейстеромъ г. Хлѣбниковымъ и предлагаютъ даже высказаться по поводу этого новаго обстоятельства. И что же мы могли сказать, кромѣ того, что мы здѣсь сказали, т. е. что мы не можемъ обсуждать этого дознанія, такъ какъ на нашъ взглядъ этотъ матеріалъ и не подлежащій оглашенію, и лишенный судебныхъ гарантій? Мы энергично домогались направленія дѣла къ дослѣдованію, но намъ отказали въ этомъ. Обращаюсь къ Вашей совѣсти и чувству справедливости и опять спрашиваю Васъ, можно ли при наличности признанія Комарницкаго и отсутствія слѣдствія по этому обстоятельству обвинять и осудить Бейера? Нѣтъ, и нѣтъ го-

спода. Подумайте только, что въ то время, когда Вы судите Бейера за тяжкое преступленіе, послѣдствія котораго Вы не можете не сознавать, въ той же самой Тулѣ находится человѣкъ, который въ оффиціальной бумагѣ на имя Прокурора Тульскаго Окружнаго Суда говоритъ: преступникъ не Бейеръ, а я...

Остановитесь здѣсь на минутку, подумайте объ этомъ серьезно, представьте себѣ хоть только на одинъ моментъ, что Комарницкій говоритъ правду и вы поймете, что въ настоящемъ дѣлѣ есть пустое и страшное мѣсто; это мѣсто осталось незаполненнымъ и одно изъ существенныхъ и одно изъ самыхъ важныхъ обстоятельствъ,—если не самое важное, оказалось неразъясненнымъ; и неужели же, г. г. присяжные, Ваша совѣсть не прошепчетъ вамъ, что при такихъ условіяхъ Бейера и другихъ обвинить нельзя? Укоры совѣсти –тяжелая кара для человѣка, и обвинивъ Бейера и другихъ, судьба которыхъ съ нимъ связана, у васъ можетъ явиться тревожный вопросъ: а что если Комарницкій правъ и мы осудили невиннаго? И такой вопросъ долженъ явиться вамъ, какъ бы суровы и строги вы ни были; и не опустится рука ваша на этого юношу и не рѣшитесь вы вычеркнуть его изъ жизни...

Вы слышали, г. г. присяжные засѣдатели, что г. прокуроръ, въ отсутствіи Комарницкаго, не вѣритъ Комарницкому. Допросомъ полиціймейстера г. Тулы онъ пытался здѣсь на судѣ, и крайне нудачно, установить ложность заявленія Комарницкаго, но мнѣ думается, что г. Хлѣбниковъ взгляда г. прокурора не подтвердилъ, или по крайней мѣрѣ не подтвердилъ его во всей полнотѣ: полиціймейстръ *допускаетъ возможность* присутствія Комарницкаго во дворѣ Бабашевыхъ. Но развѣ *это* обстоятельство не важно? Если Комарницкій былъ во дворѣ Бабашевыхъ вмѣстѣ съ другими нападающими, то почему же прокуроръ не произвелъ объ этомъ предварительнаго слѣдствія? Почему не былъ составленъ обвинительный актъ и почему Комарницкаго нѣтъ здѣсь на скамьѣ подсудимыхъ? Вѣдь, сидятъ же здѣсь люди въ качествѣ укрывателей только за то, что они оказали помощь раненому? Почему же здѣсь нѣтъ Комарницкаго? Спросите объ этомъ слѣдственную власть и прокурорскій надзоръ, мы же безсильны отвѣтить вамъ на этотъ вопросъ...

Прокуроръ не вѣритъ Комарницкому и считаетъ, что „вся эта исторія создана съ цѣлью затянуть дѣло“... Затянуть дѣло... это звучитъ... сильно, но неудачно... Вы понимаете, что такихъ любителей-спортмэновъ, изъ любви къ искуству принимающихъ на себя тягчайшія преступленія, нельзя найти даже и въ наше поражающее своими странностями время; до такого

любительства мы еще не дожили, да думаю и не доживемъ... Подсудимымъ также, конечно, нѣтъ выгоды „затягивать“ дѣло, такъ какъ для нихъ это значило бы прежде всего обречь себя на безконечное сидѣніе въ тюрьмѣ,—прокуроръ повидимому забылъ, что они сидятъ въ тюрьмѣ, а не гуляютъ на свободѣ,—и нужно быть большимъ любителемъ тюремнаго заключенія, чтобы затягивать это дѣло, ну а такихъ любителей кажется не бываетъ. Прокуроръ забылъ даже, что въ то время какъ мы, защитники, нѣсколько разъ просили отложить это дѣло по причинамъ процессуальнаго свойства, наши подзащитные шли съ нами въ разрѣзъ и настаивали на слушаніи дѣла. Гдѣ же тутъ затягиваніе г. прокуроръ и какое отношеніе оно имѣетъ къ признанію Комарницкаго?.. Итакъ разсмотрѣніе всѣхъ обстоятельствъ этого дѣла: показаніе свидѣтелей, бывшихъ у Астафьевыхъ и слышавшихъ выстрѣлъ, первоначальное показаніе обвиняемыхъ студентовъ—приводитъ меня къ убѣжденію, что Бейеръ раненъ былъ въ квартирѣ Астафьевыхъ. Но допустимъ, что прокуроръ правъ, что преступленіе доказано, что Бейеръ былъ у Бабашевыхъ и участвовалъ въ этомъ нападеніи, но и въ такомъ случаѣ, можно ли и должно махнуть на него рукой? Нужно ли вычеркнуть его изъ жизни и перевести въ разрядъ людей, для которыхъ будущее не представляетъ ничего, кромѣ тьмы? Вглядитесь пристальнѣе въ него, вѣдь вы его судите... Посмотрите, похожъ ли этотъ тихій, застѣнчивый и скромный юноша на закоренѣлаго злодѣя? За внѣшностью человѣка скрывается внутренній міръ, міръ мыслей и чувствъ, вы ихъ не видите и не слышите, но о нихъ всетаки можно догадаться и, судя по внѣшности, эти догадки должны быть въ пользу Бейера; но къ счастью для Бейера въ дѣлѣ имѣются указанія, всесторонне выясняющія личность этого юноши.

Кромѣ настоящаго, у Бейера было прошлое и хорошее прошлое, г. г. Въ этомъ прошломъ изо дня въ день проявлялась его личность, его характеръ, его наклонности и поступки. Мы слушали здѣсь отзывы людей, наблюдавшихъ его не днями и недѣлями, а годами.Они знали Бейера-ребенка и Бейера-юношу. И повѣрьте, если бы у него были задатки преступника, то они обнаружились бы гораздо раньше; на нихъ давно бы обратили вниманіе и они не скрылись бы отъ глазъ наблюдавшихъ его людей. Ребенокъ и юноша не можетъ вѣчно таить себя: у него не хватитъ на это характера и выдержки. Въ дѣтствѣ и юности гораздо больше соотвѣтствія между мыслями и поступками людей. Взрослый человѣкъ всегда немного

хитрецъ и лицемѣръ и всегда немножко играетъ роль. Дѣтству и юности несвойственны эти сценическія дарованія и утаивать мысли и чувства отъ посторонняго глаза и утаивать ихъ систематически изо дня въ день они не могутъ. Въ раннемъ дѣтствѣ Петръ Бейеръ поступилъ въ Тульскую гимназію, онъ выросъ въ ней и дошелъ до 7 класса. День за днемъ, годъ за годомъ его наблюдали здѣсь учителя и ни одного проступка онъ не совершилъ за это время. Онъ былъ скроменъ и тихъ, учился прекрасно. Даже въ то время, когда во всѣхъ среднеучебныхъ заведеніяхъ стояло все верхъ дномъ, даже въ это время Бейеръ не проявилъ себя никакими рѣзкостями. По отзывамъ директора, говорившаго со словъ коллегіи учителей, Петръ Бейеръ былъ не только скромнымъ и хорошимъ ученикомъ, но гораздо больше этого: прекрасными качествами своего характера и способностями онъ несомнѣнно выдѣлялся изъ общей ученической массы и это, г. г., не преувеличеніе достоинства Бейера, а мнѣніе коллегіи воспитателей. Вы слышали, что говорилъ директоръ? Онъ достаточно ярко подчеркнулъ мнѣніе коллегіи. Онъ сказалъ вамъ, что и до сихъ поръ, до настоящаго времени, вся безъ исключенія коллегія учителей отказывается вѣрить, что Бейеръ совершилъ преступленіе! Неужели это неважно и неужели Вы не обратите на это вниманія? Вы судите, г. г. не преступленіе только и не отвлеченнаго человѣка, вы судите его, живого Бейера, юношу и ученика Тульской гимназіи, и вы должны признать, что вы судите хорошаго человѣка и быть можетъ даже очень хорошаго человѣка... Мы знаемъ, чѣмъ былъ Бейеръ въ школѣ, но знаемъ также, чѣмъ онъ былъ и въ семьѣ. Родители Бейера проживали въ деревнѣ, а самъ онъ въ въ послѣдніе три года жилъ у того почтеннаго старика, подробный разсказъ котораго о домашней жизни Бейера вы вѣроятно не забыли? Здѣсь дома, на квартирѣ онъ былъ также скроменъ и тихъ, какъ и въ школѣ. Онъ рѣдко отлучался изъ дому и рѣдко его навѣщали товарищи; бывалъ онъ всего у трехъ-четырехъ семей, вамъ называли эти семьи, и вы, вѣроятно, какъ мѣстные жители, не откажетесь подтвердить, что эти семьи дѣйствительно почтенныя и уважаемыя.

Но можетъ быть Бейеръ былъ великій лицемѣръ и лицемѣръ съ пеленокъ. Можетъ быть въ теченіе всей своей жизни онъ обманывалъ всѣхъ, обманывалъ семью и школу. Можетъ быть, кромѣ внѣшней показной жизни, у него была и другая жизнь? Можетъ быть онъ конспирировалъ и устраивалъ разбойныя нападенія? Послушаемъ компетентнаго въ этихъ дѣлахъ судью—Тульское Губернское Жандармское Управленіе; оно также было запро-

шено о жизни Бейера и также дало свой отзывъ. Что же отвѣтило намъ это учрежденіе? Оно положительно удостовѣрило, что Бейеръ ни въ какихъ организаціяхъ и ни въ какихъ, такъ называемыхъ, экспропріаціяхъ по свѣдѣніямъ управленія участія не принималъ. И такъ, г. г., всѣ сходятся въ одномъ, всѣ говорятъ вамъ одно и то же, всѣ утверждаютъ, что Бейеръ былъ юноша безукоризненнаго поведенія: и частныя лица, и оффиціальныя учрежденія говорятъ вамъ объ этомъ. Вѣдь, не могло же быть тутъ всеобщаго сговора,—вы понимаете это прекрасно,—и самое названіе этихъ учрежденій и лицъ вполнѣ гарантируетъ вамъ достовѣрность того, что они говорятъ, такъ какъ ихъ трудно заподозрить въ пристрастіи къ Бейеру? И не даетъ ли все это право защитѣ сказать, что если Бейеръ, наконецъ, и совершилъ грѣхъ, что я положительно отрицаю, то этотъ грѣхъ могъ быть только случайнымъ и вынужденнымъ, этотъ грѣхъ находился бы въ полномъ противорѣчіи со всѣмъ прошлымъ Бейера со всѣми основными чертами его характера? И если допустить на минуту, что тутъ было дѣйствительно преступленіе, то Петръ Бейеръ могъ быть только жертвой, несчастной жертвой, но не вдохновителемъ и организаторомъ дѣянія. И если, наконецъ, это дѣло было дѣйствительно совершено, то Бейеръ искупилъ его годичнымъ тюремнымъ заключеніемъ, страшными физическими страданіями и не поддающимся описанію горемъ его несчастныхъ родителей, и не повторится этотъ грѣхъ, г. г., никогда и будетъ Петръ Бейеръ прежнимъ Бейеромъ, тихимъ и скромнымъ юношей, а въ будущемъ честнымъ и порядочнымъ человѣкомъ. И если у васъ, вопреки всѣмъ обстоятельствамъ дѣла, сложится убѣжденіе въ виновности Бейера, то я прошу у васъ снихожденія и милосердія: будьте милосердны, г. г. присяжные засѣдатели, это иногда такъ необходимо... Въ нашей странѣ сейчасъ такъ много жестокостей, что намъ именно недостаетъ милосердія... Оглядитесь кругомъ, посмотрите, какъ все перепуталось, какъ все переоцѣнено и все перевернулось вверхъ дномъ... Око за око, зубъ за зубъ царствуетъ во всей первобытной наготѣ .. Вцѣпившись другъ въ друга, люди кричатъ и стонутъ отъ боли, но продолжаютъ наносить другъ другу раны. Человѣкъ человѣку звѣремъ сталъ, убійства чередуются вездѣ, во всѣхъ концахъ... Въ одномъ изъ музеевъ я видѣлъ картину, г. г. присяжные засѣдатели, страшную и прекрасную въ то же время; обширное поле усѣяно трупами безвременно павшихъ людей; лежатъ они въ самыхъ разнообразныхъ позахъ, застывшіе въ предсмертныхъ конвульсивныхъ судоргахъ, а кругомъ ихъ лежатъ орудія смерти, а на

востокѣ на лучезарномъ экранѣ голубыхъ облаковъ виднѣется Тотъ, Кто заповѣдалъ намъ любовь и всепрощеніе; лицо его озарено кроткой и скорбной улыбкой... Не представляется ли вамъ иногда, г. г., наша страна покрытой грудами труповъ безвременно павшихъ людей и моремъ несчастья, и не согласитесь ли вы со мной, что намъ сейчасъ очень и очень недостаетъ милосердія и прощенія? Я прошу васъ о немъ, г. г. присяжные засѣдатели, во всякомъ случаѣ, прошу его у васъ, какъ у судей, гражданъ и христіанъ.

Дѣло анархистовъ-коммунистовъ.

Суду были преданы 17 человѣкъ, обвиняемыхъ въ цѣломъ рядѣ экспропріацій, какъ напр. въ ограбленіи казначея Портовой Конторы Касперовича на 23 тыс. рублей, въ нападеніи на почтовую контору въ г. Вязьмѣ, на Окуловскую мѣшочную фабрику, на ксендза Чечота и др., при чемъ они всегда дѣйствовали съ оружіемъ въ рукахъ и многимъ нанесли смертельныя раны. Во главѣ организаціи стояли студенты Александровъ и Потапьевъ, по прозвищу Бандитъ. Кромѣ того въ организаціи участвовали еще нѣсколько студентовъ разныхъ учебныхъ заведеній, двое рабочихъ, конторщики, одинъ гимназистъ и курсистка Мордасова, которая считалась невѣстой одного изъ организаторовъ. На судѣ выяснилось, что большинство подсудимыхъ проводили время въ кутежахъ и другъ у друга похищали деньги.

По обвинительному акту Мордасова трактовалась, какъ хозяйка конспиративной квартиры; кромѣ того на ея имя получалась конспиративная переписка и она же провозила изъ Финляндіи оружіе для цѣлей организаціи. Къ дѣлу былъ также пріобщенъ извѣстный идейный анархистъ Венинъ-Алейниковъ, уже осужденный по такому же дѣлу военнымъ судомъ къ каторжнымъ работамъ на 8 лѣтъ; но за нѣсколько дней до суда онъ бѣжалъ отъ сопровождавшаго его конвоя и розысканъ не былъ. Алейниковъ трактовался, какъ идейный вдохновитель прочихъ подсудимыхъ.

Обвиненіе было предъявлено къ подсудимымъ по 2 ч. 126 ст. Нов. Уголов. Улож. и по 2 ч. 924 ст. Улож. о Наказ., т. е. въ принадлежности къ сообществу съ цѣлью ниспроверженія существующаго строя, для чего въ ихъ распоряженіи былъ складъ оружія,—и въ принадлежности къ шайкѣ разбойниковъ.

Такъ какъ дѣянія подсудимыхъ относились къ тому времени, когда Петербургъ еще не былъ объявленъ на положеніи чрезвычайной охраны, то всѣ они были преданы не военному суду, а Особому Присутствію Судебной Палаты съ участіемъ сословныхъ представителей.

Дѣло это было главнымъ образомъ раскрыто, благодаря сознанію и оговору одного изъ обвиняемыхъ—Мацкайтиса, который на судѣ не фигурировалъ, такъ какъ былъ признанъ психически больнымъ.

Рѣчь присяжнаго повѣреннаго А. И. Гиллерсона.

Г.г. судьи и г.г. сословные представители.

Я попытаюсь нѣсколько шире взглянуть на это дѣло, дабы надлежащимъ образомъ его съузить и поставить въ соотвѣтствующія рамки.

Я утверждаю, что бѣгство Алейникова совершенно оголило это дѣло и лишило его всякой идейности.

Мы знаемъ, что Алейниковъ былъ пришитъ къ этому дѣлу на основаніи нѣсколькихъ путанныхъ словъ, сказанныхъ по его адресу, не то сумасшедшимъ, не то просто плутомъ и симулянтомъ Мацкайтисомъ.

Это дало поводъ сейчасъ говорившему защитнику высказать предположеніе, что Алейниковъ взятъ въ это дѣло на прокатъ изъ другого дѣла, гдѣ онъ уже осужденъ. Я считаю своимъ долгомъ заявить, что я защищалъ и въ томъ дѣлѣ, гдѣ Алейниковъ былъ осужденъ, и тамъ мы всѣ были увѣрены, что онъ взятъ на прокатъ именно изъ настоящаго дѣла...

Я имѣю основаніе думать, что Алейниковъ искусственно втиснутъ сюда съ исключительной цѣлью придать дѣлу подобіе идейности. Вѣдь, безъ идейности и безъ опредѣленной программы, которой мы у этихъ людей не находимъ, трудно было бы предъявить обвиненіе по 126 ст. Угол. Улож., а безъ 126 ст. дѣло это оказалось бы подсуднымъ не Палатѣ съ сословными представителями, а Окружному Суду съ присяжными засѣдателями. Но присяжные засѣдатели у насъ не въ почетѣ.

И такъ, я отрицаю за этимъ дѣломъ всякую идейность, и то, что я сейчасъ скажу по адресу здѣсь сидящихъ подсудимыхъ будетъ для нихъ, молодыхъ, быть можетъ еще чуткихъ людей, звучать не менѣе сурово, чѣмъ рѣчь прокурора. А я скажу, что страна ихъ своими не признаетъ! Общество въ нихъ видитъ накипь революціи, дѣянія же ихъ никогда за подвигъ не сойдутъ! Защита-же въ этомъ дѣлѣ выполняетъ свой обычный долгъ и вовсе не одухотворена тѣми чувствами, которыя ее одушевляютъ, когда на этой скамьѣ сидятъ дѣйствительно люди идейные, борцы за лучшую долю родины. И если они свои дѣянія прикрывали идейными лозунгами, то это съ ихъ стороны была такая же незаконная экспропріація идейности, какъ незаконны были всѣ ихъ прочія экспропріаціи... Но если отсюда прокуроръ сдѣлаетъ выводъ, что его дѣло безусловно правое, и что всѣ они подлежатъ строгой карѣ, то я скажу: подождите; объ этомъ мы еще поговоримъ.

И такъ, я еще разъ повторяю, что ничего идейнаго въ этомъ дѣлѣ нѣтъ, и только грубое невѣжество могло привести къ смѣшенію этой вульгарной анархіи съ тѣмъ идейнымъ анархизмомъ, представителемъ котораго является благополучно бѣжавшій Венинъ-Алейниковъ.

И когда бы мы обратились къ учителямъ научно-философскаго анархизма и, указавъ на скамью подсудимыхъ, сказали бы имъ, что здѣсь сидятъ ихъ ученики, то всѣ они, начиная

съ англійскаго пастора Годвина или португальца Мартинеса Паскалиса и кончая Львомъ Толстымъ, котораго также причисляютъ къ идейнымъ анархистамъ, отвѣтили бы намъ: „Въ той анархіи, которая у васъ происходитъ, вы сами виноваты; мы къ ней не причастны“... Они бы намъ объяснили, что ихъ ученіе основано на глубокой вѣрѣ въ человѣка и его способность къ усовершенствованію и любви.

Они бы намъ указали, что ученіе ихъ сводится къ лозунгу: „дай“, а не къ требованію: „бери“, а въ этомъ глубокая разница. Они бы насъ убѣдили, что идейное отрицаніе собственности и государства вовсе не сводится къ праву грабить и убивать. Смѣло и убѣжденно сказали бы они намъ, что ихъ соціально-научная доктрина основана на библейскомъ и евангельскомъ завѣтѣ: „люби ближняго какъ самого себя“.

Они могли бы прибавить, что, если бы всѣ матери согласились воспитать своихъ дѣтей въ духѣ этого евангельскаго ученія и если бы всѣ дѣти оказались способными воспринять это ученіе, то всѣ соціальныя проблемы сами собою бы разрѣшились...

Научный анархизмъ такимъ образомъ является одной изъ наиболѣе благожелательныхъ человѣческихъ утопій. Это утопія старая, и у современныхъ идейныхъ анархистовъ были предшественники еще въ давно прошедшія времена. Библейское общество іесеевъ, ушедшее отъ Кесаря, Ирода и первосвященниковъ, было въ сущности обществомъ анархистовъ, но іесеи не только никого не грабили, а сами отдавали послѣднее.

И у Льва Толстого были предшественники среди представителей русскаго сектантства въ лучшей его части. Полковникъ Ильинъ, впослѣдствіи заточенный въ монастырь, создавшій свою секту въ Пермской губерніи и свое евангеліе, которое сводилось къ положенію, что всякій человѣкъ самъ себѣ „царь и іерей“,—несомнѣнно былъ анархистомъ.

И такъ, я ставлю это дѣло въ соотвѣтствующія рамки и отрицаю всякую связь между этой вульгарной анархіей и тѣмъ идейнымъ анархизмомъ, о которомъ я сейчасъ говорилъ.

Но когда мы имѣемъ дѣло съ такимъ повседневнымъ явленіемъ, какъ та анархія, которая разлилась по странѣ, то вполнѣ естественно наше желаніе уяснить себѣ, откуда это зло пошло. Я именно подчеркиваю, что такъ называемыя экспропріаціи, какъ проявленіе анархіи, стали у насъ повседневнымъ зломъ.

Во время судебнаго слѣдствія г. предсѣдатель, допрашивая свидѣтельницу Мошкову объ обстоятельствахъ разбойничь-

яго нападенія на ея отца, между прочимъ сказалъ ей: „вспомните подробности этого событія, *къ счастью не повседневнаго*". Увы! подъ этими словами я не могъ бы подписаться Не съ облегченіемъ—„къ счастью, *не* повседневнаго" а съ горестью—„къ несчастью повседневнаго"—сказалъ бы я. Да, эти событія стали у насъ къ несчастью повседневными. Но несчастье наше еще въ томъ, что мы всегда ищемъ корень зла не тамъ, гдѣ онъ дѣйствительно лежитъ. Не въ тѣхъ ненормальныхъ условіяхъ, среди которыхъ обречены мы жить, ищемъ мы этотъ корень, а въ какихъ-то отдѣльныхъ личностяхъ, въ научныхъ напр. лекціяхъ Алейникова или въ чемъ-либо въ этомъ родѣ.. Тяжелые уроки насъ ничему не научили. Тюрьмы переполнены, тайги заселены, а мы все продолжаемъ наивно вѣрить, что вотъ еще одного казнимъ, еще кое-кого выловимъ и зло, какъ рукою сниметъ... Въ этомъ недомысліи страшная и безъисходная трагедія нашей жизни...

И такъ, откуда пошла анархія на Руси?

Я знаю, что въ этомъ залѣ и въ этой обстановкѣ невозможно было-бы отвѣтить на этотъ вопросъ со всей полнотой, и я лишь немногое скажу.

Что такое анархія? Въ буквальномъ смыслѣ это слово обозначаетъ: *безначаліе*. Но какъ надо понимать *безначаліе?* Конечно, не въ буквальномъ смыслѣ, что начальство куда-то уходитъ, а населеніе бродитъ въ пространствѣ.

Но когда начальство или *власть* теряетъ свой авторитетъ, когда населеніе утрачиваетъ всякое довѣріе къ власти—то это начало анархіи.

Когда—скажемъ для примѣра—страна превращается въ федерацію отдѣльныхъ областей не во имя свободы и культуры, а во имя началъ противоположныхъ, когда законность упраздняется и замѣняется усмотрѣніемъ отдѣльныхъ правителей,—то это уже анархія.—Когда—скажемъ для примѣра—все хищное и безчестное выплываетъ на верхъ, когда *истинно-гнусные* люди страны объявляютъ себя солью земли, когда они экспропріируютъ всѣ тѣ принципы и образы, съ которыми народъ соединялъ представленіе о любви, безконечномъ милосердіи и т. д., и кощунственно ими прикрываясь, проповѣдуютъ злобу, преступленіе и человѣконенавистничество; когда эти истинно-гнусные ли достигаютъ такого вліянія, что, благодаря имъ, не только законы отмѣняются, но даже вступившіе въ законную силу судебные приговоры, подчасъ не приводятся въ исполненіе, то это есть анархія...

Бездна призываетъ бездну, и та анархія сверху призвала эту анархію снизу.

Населеніе очутилось между двумя анархіями, и мы теперь знаемъ, откуда есть и пошла анархія на Руси.

Я такимъ образомъ утверждаю, что въ той анархіи, которую мы переживаемъ, тѣ, кого вы судите, быть можетъ наименѣе виновные. И если мы будемъ логичны, то признаемъ, что не въ ихъ интересахъ ниспроверженіе того создавшагося у насъ своеобразнаго общественнаго строя, при которомъ мыслимы эти экспропріаціи. Отсюда еще болѣе ясно мое категорическое утвержденіе, что 126 ст. Уг. Улож., предусматривающая ниспроверженіе существующаго общественнаго строя, непримѣнима къ этимъ лицамъ. А между тѣмъ къ нимъ предъявлено обвиненіе даже не по 1-й, а по 2-ой части 126 ст. Ихъ обвиняютъ въ принадлежности къ сообществу, имѣвшему въ своемъ распоряженіи для цѣлей ниспроверженія *складъ оружія*.

Прокуроръ указываетъ на то, что лица эти перевозили оружіе изъ Финляндіи, а при арестѣ у многихъ изъ нихъ это оружіе и было отобрано; такое положеніе—по его словамъ—и равносильно понятію „складъ оружія".

Я долженъ напомнить, что, по общимъ принципамъ права и даже по духу нашихъ законовъ, тѣ признаки, которые отягчаютъ вину подсудимыхъ, ни въ коемъ случаѣ не подлежатъ распространительному толкованію; они всегда должны толковаться *строго ограничительно*. Понятіе-же „складъ"—слишкомъ элементарное понятіе, никакихъ толкованій не требующее. *Складъ оружія*—это мѣсто, гдѣ хранится оружіе даннаго сообщества, куда каждый членъ сообщества можетъ явиться и вооружиться.

Исходя изъ этого положенія, я утверждаю, что если бы вы судили не 17, а 100 человѣкъ, при чемъ у каждаго изъ нихъ оказалось бы по револьверу, то и тогда вы не могли бы признать наличности *склада* оружія, какъ это слѣдуетъ понимать по закону. А съ другой стороны, если бы вы судили только 3-хъ человѣкъ и у нихъ оказалось бы 17 револьверовъ, составляющихъ ихъ общую собственность и находящихся въ одномъ опредѣленномъ мѣстѣ, то вы имѣли бы всѣ основанія признать наличность того признака, который именуется *складомъ оружія*.

Я утверждаю, что 2 ч. 126 ст. указана здѣсь по недоразумѣнію.

Но я все время отрицаю въ этомъ дѣлѣ наличность и 1-й части 126 ст. Я до сихъ поръ доказывалъ непримѣнимость этой статьи на основаніи анализа и характеристики дѣла вообще. Но я заявляю, что и по чисто юридическимъ основаніямъ статьѣ этой нѣтъ мѣста въ данномъ процессѣ. Мой товарищъ

по защитѣ уже разбиралъ эти вопросы и мнѣ остается немногое добавить.

Къ подсудимымъ одновременно предъявлено обвиненіе въ принадлежности къ 2-мъ преступнымъ организаціямъ: къ сообществу съ цѣлью ниспроверженія существующаго строя, что предусматривается 126 ст. Новаго Угол. Уложенія, и къ шайкѣ, составившейся съ цѣлью открытаго похищенія съ оружіемъ въ рукахъ чужого имущества, что предусмотрѣно 924 ст. стараго Улож о Наказаніяхъ. Противъ такого своеобразнаго сочетанія я безусловно протестую. Къ одной и той же группѣ людей на основаніи однихъ и тѣхъ же данныхъ нельзя въ одно и то же время предъявлять обвиненіе въ принадлежности къ двумъ различнымъ организаціямъ.

Законъ знаетъ преступленія родовыя и видовыя. Принадлежность къ сообществу или къ шайкѣ есть преступленіе родовое. Конкретныя проявленія дѣятельности отдѣльныхъ членовъ той или иной преступной организаціи, какъ напр., разбой, убійство и т. п. являются преступленіями видовыми. Возможно соединеніе отдѣльныхъ видовыхъ преступленій, напр. убійства и поджога. Возможно также соединеніе родоваго преступленія съ отдѣльными видовыми преступленіями; напримѣръ: лицо, принадлежащее къ сообществу съ цѣлью ниспроверженія существующаго строя можетъ, въ качествѣ члена этого сообщества, совершить убійство, поджогъ или разбой; наказаніе тогда опредѣляется по совокупности. Но я категорически отрицаю возможность соединенія въ одномъ субъектѣ на основаніи однихъ и тѣхъ же конкретныхъ данныхъ двухъ родовыхъ преступленій.

И я утверждаю, что одна и та же организація не можетъ быть въ одно и то же время и политическимъ сообществомъ и разбойническою шайкою. Такое соединеніе является юридическимъ nonsens'омъ; тутъ немыслимъ союзъ *и*, тутъ возможенъ лишь союзъ *или*. Это было *или* сообщество *или* шайка. А изъ того, что прокуроръ утверждаетъ, что тутъ было и то и другое, я вправѣ дѣлать тотъ выводъ, что здѣсь *не было ни того, ни другого*. Для меня ясно, что въ дѣлѣ нѣтъ рельефныхъ признаковъ для безошибочнаго признанія не только сообщества, по 126 ст. Уг. Улож., но и шайки по 924 ст. Улож. о Наказ.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое шайка? Наше старое Уложеніе на этотъ вопросъ отвѣта не даетъ. 922 и слѣдующія за нею статьи говорятъ о шайкѣ, какъ о чемъ-то обще-извѣстномъ. Правительствующій Сенатъ неоднократно пытался установить признаки шайки, но нельзя сказать, чтобы это было сдѣлано съ

надлежащей точностью и опредѣленностью. Такимъ образомъ юридическаго опредѣленія шайки мы не имѣемъ.

Но одинъ признакъ для признанія шайки является неизбѣжнымъ—это имущественная заинтересованность въ каждомъ отдѣльномъ предпріятіи всѣхъ ея членовъ. Плоды преступленія, добытые отдѣльными участниками, въ опредѣленныхъ доляхъ принадлежатъ всѣмъ членамъ шайки. Въ этомъ смыслѣ я отлично понимаю тотъ настойчиво-повторенный вопросъ, который г. предсѣдатель предложилъ свидѣтелю, чиновнику охраны Статковскому. Когда свидѣтель Статковскій со словъ Мацкайтиса разсказалъ, что послѣдній, узнавъ объ экспропріаціи у ксендза Чечота и предполагая, что ее совершили лица, ему извѣстныя, отправился къ нимъ, чтобы попросить немного денегъ, то предсѣдатель его спросилъ: „значитъ, онъ пошелъ просить своей доли?“ Но свидѣтель Статковскій, очевидно не понявъ значенія вопроса, далъ уклончивый отвѣтъ, и вышло такимъ образомъ, что Мацкайтисъ просто пошелъ просить взаймы. Вотъ, еслибы было установлено, что всѣ подсудимые участвовали въ дѣлежѣ добычи отъ каждой отдѣльной экспропріаціи, тогда можно было бы говорить о шайкѣ. Но здѣсь мы видимъ какъ разъ обратное.

Участники отдѣльныхъ экспропріацій добычу распредѣляютъ исключительно между собою. Мы знаемъ, что они не только своего другимъ не отдаютъ, но даже другъ у друга добытыя деньги воруютъ. У нихъ такимъ образомъ не оказывается даже той *воровской честности*, которая для каждой шайки обязательна. При такихъ условіяхъ надо признать, что шайки здѣсь не было, а были лишь отдѣльныя экспропріаціи, совершенныя отдѣльными лицами *по предварительному между собою уговору*. И лишь въ смыслѣ этой юридической конструкціи могутъ отвѣчать подсудимые въ предѣлахъ своего непосредственнаго участія въ отдѣльныхъ экспропріаціяхъ.

И такъ, я отрицаю въ данномъ дѣлѣ какъ признаки сообщества съ цѣлью ниспроверженія существующаго строя, такъ и признаки шайки съ цѣлью разбойныхъ нападеній.

Переходя засимъ къ защитѣ Мордасовой, я долженъ сказать, что для нея разобранный мною вопросъ является безразличнымъ. И если бы вы признали здѣсь даже не одно, а нѣсколько сообществъ, не одну, а много шаекъ, то въ отношеніи нея вы должны были бы признать, что ни къ одному изъ сообществъ, ни къ одной изъ шаекъ она не принадлежала.

Что собою представляетъ эта Мордасова?

Вотъ она передъ вами, больная, разбитая, насильно сюда приведенная.

Свидѣтельствовавшіе ее врачи установили у нея глубокую неврастенію. Прокуроръ не признаетъ неврастенію болѣзнью. Но я думаю, что неврастенія тяжелая и притомъ коварная болѣзнь. Она коварна потому, что неврастеники дѣйствительно весьма часто производятъ впечатлѣніе людей вполнѣ здоровыхъ.—между тѣмъ они глубоко страдаютъ. Вѣдь, жизнь имѣетъ значеніе лишь по стольку, по скольку она не тяготитъ; оправданіе жизни въ жизнерадостности. Этой-то жизнерадостности неврастеники лишены; собственная ихъ жизнь имъ въ глубокую тягость; хочется постоянно лежать, ничего не дѣлать, ни о чемъ не думать, такъ какъ всякое движеніе не только физическое, но и психическое мучительно. Неврастенія для отдѣльнаго человѣка въ нѣкоторомъ родѣ то же, что анархія для государства: пораженный организмъ перестаетъ подчиняться головѣ, а ослабѣвшая голова въ свою очередь теряетъ способность управлять организмомъ. Отличательное свойство неврастениковъ это ихъ пассивность. Благодаря этой ихъ пассивности они легко поддаются чужой волѣ. И если такая неврастеническая дѣвушка, какъ Мордасова, попала въ среду людей такой настойчивой и бодрой воли, какъ Потапьевъ и Александровъ, то она неизбѣжно должна была подпасть подъ ихъ вліяніе, и она дѣйствительно подпала, но—замѣтьте—безъ всякаго сочувствія къ нимъ, даже противъ своей воли, но и безъ протеста, потому что всякій протестъ, какъ активное проявленіе воли, сопряженъ съ мучительными усиліями для всякой неврастенической натуры.

Я ссылаюсь на ея переписку съ Новицкой. Когда Новицкая сообщаетъ ей изъ Севастополя, что она попала въ организацію, гдѣ много и плодотворно работаетъ, Мордасова ей пишетъ: „Какая ты счастливая! Ты нашла для себя цѣль въ жизни; ты будешь работать для человѣчества... А я несчастная! Я ни на что не способна; я натура пассивная, я никуда негодна; мнѣ остается прозябать...“ Согласитесь, гг. судьи, что такъ не пишутъ партійныя женщины, такъ не пишутъ и разбойницы.

Мордасовой ставится въ вину передача партійной переписки, которая на ея имя получалась, и провозъ оружія изъ Финляндіи. Въ отношеніи переписки я ставлю вопросъ: знала-ли она содержаніе и значеніе тѣхъ писемъ и телеграммъ, которыя на ея имя адресовались? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, я прошу васъ вспомнить тѣ 3 даты, объ оглашеніи которыхъ я просилъ при заключеніи судебнаго слѣдствія. Эти даты: 24-ое Іюля, когда въ Смоленскѣ были арестованы Александровъ и Потапьевъ, о чемъ она была извѣщена найденнымъ

у нея при обыскѣ письмомъ; 25-ое іюля, когда по телеграфному требованію изъ Смоленска произведены были аресты въ квартирѣ Кузнецова, о чемъ она не могла не знать, такъ какъ въ этой квартирѣ бывала, и наконецъ 9-ое августа, когда по прошествіи двухъ съ лишнимъ недѣль, она сама была арестована, при чемъ при обыскѣ у нея были найдены всѣ эти письма, телеграммы и записки. Я спрашиваю, если бы она считала себя членомъ этой организаціи, если бы она знала, что эти письма могутъ ее погубить, то развѣ стала бы она ихъ держать у себя въ продолженіи двухъ съ лишнимъ недѣль. Вѣдь, для уничтоженія такихъ слѣдовъ преступленія не надо быть особенно активнымъ человѣкомъ; это сдѣлаетъ любой неврастеникъ изъ естественнаго чувства самосохраненія. Очевидно, что ей даже въ голову не приходило, что на нее можетъ пасть подозрѣніе; настолько она считала себя непричастною къ ихъ махинаціямъ.

Перехожу засимъ къ вопросу о провозѣ оружія. Въ этомъ отношеніи я прошу васъ вспомнить разсказъ Мацкайтиса, какъ это началось.

Рѣшивъ ѣхать въ Финляндію за оружіемъ, они всѣ согласились, что для отвода глазъ необходимо, чтобы съ нимъ поѣхала какая-нибудь дама. Они стали искать среди своихъ знакомыхъ барышень, но всѣ оказались въ разъѣздахъ по случаю лѣтняго времени. Тогда обратились къ Александрову; послѣдній и повелъ Мацкайтиса на квартиру Мордасовой и въ его присутствіи сказалъ ей буквально слѣдующее: „Толя, завтра будьте готовы ѣхать въ Финляндію“. Толя ни о чемъ не разспрашивала, а на слѣдующій день въ назначенный часъ была уже на Финляндскомъ вокзалѣ. Что же она дѣлаетъ въ Финляндіи? Дѣйствительно покупаетъ для нихъ оружіе? Въ этомъ отношеніи на помощь намъ опять приходитъ ея переписка съ Новицкой. Описывая эту поѣздку, Мордасова сообщаетъ: „Обошлись безъ меня, все сами сдѣлали, только даромъ на меня потратились“. Въ отвѣтъ на это Новицкая ей пишетъ: „ты напрасно думаешь, что ты имъ безполезна; ты имъ нужна для того, чтобы легализоваться“.

Новицкая въ данномъ случаѣ правильно разсуждала: она имъ дѣйствительно нужна была, чтобы *легализоваться*, другими словами она для нихъ служила ширмой. Но съ ширмой гг. судьи, не совѣтуются и ширму въ свои планы не посвящаютъ.

Была ли она, дѣйствительно, по своимъ убѣжденіямъ анархистка, считала ли она сама себя такой?

Въ этомъ отношеніи прошу вспомнить другое мѣсто изъ той же переписки. Описывая свою вторую поѣздку въ Финляндію, когда она подъ накидкой провезла черезъ Бѣлоостровъ 50 патроновъ и револьверы, она вышучиваетъ своихъ попутчиковъ за ихъ трусость и, вспоминая объ Александровѣ, говоритъ, что если кое-что „случится", то она этого ему никогда не проститъ: „вѣдь, онъ знаетъ—пишетъ она—что я имъ не сочувствую и что я не анархистка"... Эти письма, гг. судьи, предназначались не для васъ, а для ея подруги Новицкой, у которой они были случайно захвачены. Въ этихъ письмахъ она несомнѣнно была искренна. А если такъ, то кому же лучше знать, чѣмъ ей, анархистка-ли она, или нѣтъ.

Но если она не анархистка, то быть можетъ она разбойница? Разберемъ. Прежде всего, что такое разбой? Разбой—это вооруженное нападеніе *на личность*, но съ какой цѣлью?—*Съ цѣлью похищенія имущества.* Корысть—это основной признакъ разбоя. Безъ корысти нѣтъ разбоя; безкорыстный разбойникъ—это такая диковина, какой не знаетъ ни одно уложеніе въ мірѣ. А если такъ, то получала-ли она отъ нихъ что либо, деньги или хотя-бы подарки? Въ этомъ отношеніи намъ опять приходитъ на помощь та же переписка. Описывая свою вторую поѣздку въ Финляндію, она пишетъ той же Новицкой: „они хотѣли мнѣ купить перчатки, ботинки и проч., но я отказалась, считая это унизительнымъ". Въ свою очередь Новицкая ей пишетъ: „Напрасно ты отказываешься отъ денегъ. Я на твоемъ мѣстѣ взяла бы смѣясь. Все равно не ихнее; все равно пропьютъ". Такіе совѣты Мордасова могла получать только потому, что она дѣйствительно отъ нихъ ничего не брала: ни денегъ, ни подарковъ. И мы знаемъ изъ обстоятельствъ дѣла, что для того, чтобы существовать, она вынуждена была отъ какого-то дѣльца получать по 40 рублей въ мѣсяцъ. А когда она разсталась съ нимъ, такъ какъ онъ былъ ей противенъ, то она, какъ вы это помните изъ оглашеннаго по моему ходатайству протокола осмотра ломбардныхъ квитанцій, была вынуждена закладывать свои послѣднія вещи, въ томъ числѣ и свой сакъ за 5 рублей. А, вѣдь, все это происходило въ то именно время, къ которому относится ея знакомство съ этими людьми.

Я такимъ образомъ прихожу къ выводу, что къ Мордасовой нельзя предъявлять обвиненія ни въ принадлежности къ сообществу, ни въ принадлежности къ шайкѣ. Единственное обвиненіе, которое возможно было бы къ ней предъявить на основаніи подробнаго анализа обстоятельствъ дѣла,—это *недонесе-*

ніе о составившейся шайкѣ. Я, быть можетъ, въ этомъ смыслѣ буду просить о постановкѣ дополнительнаго вопроса. Но и тутъ я долженъ указать, что недонесеніе врядъ-ли можетъ быть поставлено ей въ вину. *Доносить*, когда имѣешь дѣло съ людьми, готовыми *на все*, — это значитъ идти къ собственной гибели. Я къ тому же утверждаю, что объ отдѣльныхъ конкретныхъ ихъ выступленіяхъ она и не знала. Въ этой компаніи она была съ завязанными глазами. И эти „завязанные глаза“ — по моему убѣжденію — составляютъ сущность защиты Мордасовой.

Заканчивая свою рѣчь, я выражу пожеланіе, чтобы и Ѳемида, которую вы здѣсь, гг. судьи представляете, оставалась въ этомъ дѣлѣ также съ завязанными глазами, какъ ей, Ѳемидѣ, и подобаетъ.

Завязанные глаза Ѳемиды — гарантія ея безпристрастія.

По ходатайству защитника Особое Присутствіе поставило въ отношеніи Мордасовой дополнительный вопросъ по признакамъ недонесенія.

Приговоромъ Особаго Присутствія присуждены 5 человѣкъ къ каторжнымъ работамъ на срокъ отъ 6 до 15 лѣтъ; одинъ къ ссылкѣ на поселеніе; нѣсколько человѣкъ къ заключенію въ крѣпость на разные сроки; двое присуждены къ арестантскимъ ротамъ; одинъ—къ тюремному заключенію на $3^1/_2$ года.

Мордасова признана виновной въ недонесеніи и присуждена къ тюремному заключенію на 1 годъ.

Дѣло по обв. Московскаго присяжн. повѣр. В. А. Жданова, студента Биланова и др. въ „экспропріаціи“.

По даннымъ обвинительнаго акта дѣло сводится къ слѣдующему. На секретаря сельско-хоз. института с. с. Э. А. Реша, ѣхавшаго въ саняхъ по Новому Петровско-Разумовскому шоссе, произведено было 20 Февраля 1907 г. около 2 часовъ дня разбойное нападеніе 5 вооруженными злоумышленниками. Угрожая револьверами, они силой отняли у Реша 6 290 р., которые онъ везъ изъ Московскаго губ. казначейства для раздачи жалованья служащимъ въ институтѣ. Трое изъ грабителей, ѣхавшихъ на рыжей лошади были задержаны. Одинъ изъ нихъ назвался кр. Василіемъ Куколевымъ; при обыскѣ у него было найдено 33 патрона отъ револьвера системы браунингъ. Спрошенный въ качествѣ обвиняемаго, Куколевъ призналъ себя виновнымъ. Дѣло слушалось въ Московскомъ военномъ окружномъ судѣ въ Августѣ 1907 г.

Рѣчь присяжнаго повѣреннаго М. И. Коссовскаго.

Къ густымъ краскамъ привыкъ, вѣроятно, обвинитель! Какъ теменъ долженъ быть общій фонъ жизни для того, чтобы четыре смертныя казни представлялись лишь трагическими оттѣнками, полутонами, деталями дѣла. Казни теперь насчитываются тысячами... Тюрьма, ссылка, каторга, самая смерть заглянули въ каждый домъ, почти въ каждую семью. Вокругъ царятъ ужасы, передъ которыми блѣднѣетъ самая богатая фантазія. Но есть нѣчто ужаснѣе самихъ ужасовъ—это то, что мы къ нимъ начинаемъ привыкать. Передъ лицомъ смерти прокуроръ способенъ даже шутить о „соціалъ-демократической лошади“. Я понимаю смѣхъ и въ серьезномъ дѣлѣ; но лишь тотъ, о которомъ сказано: „горькимъ смѣхомъ моимъ посмѣюся“.

Но смѣхъ веселый, не вызванный существенными требованіями самаго процесса, смѣхъ ради краснаго слова, въ дѣлѣ столь серьезномъ, какъ настоящее, врядъ ли можетъ быть признанъ достойнымъ пріемомъ судебнаго краснорѣчія.

Не для развлеченія явились мы сюда. Мы пришли вырывать жизнь человѣческую изъ рукъ смерти противоестественной, отвратительной, отъ липкихъ рукъ палача.

Эти люди, ввѣрившіе намъ свою судьбу, стоятъ передъ разрѣшеніемъ великой проблемы жизни и смерти, передъ разгадкою тайны бытія. А въ комнатѣ умирающаго, г. прокуроръ, только смертоносныя начала чувствуютъ себя развязно, люди же... люди ходятъ на цыпочкахъ, говорятъ шопотомъ, потому что это страшно, это очень страшно... Три обвиненія предъявлены Куколеву, и два изъ нихъ грозятъ ему смертью. Противъ третьяго—въ принадлежности къ противозаконному сообществу Куколевъ не уполномочилъ меня защищать его. Нѣтъ ничего легче, какъ опровергнуть подобное обвиненіе по отношенію къ человѣку, который, по тонкому выраженію помощника прокурора, „лыка не вяжетъ“. Но такъ какъ нѣтъ никакой надежды на оправданіе Куколева по 1627 ст. ул. о нак. и 279 ст. в. у. о нак., и, такимъ образомъ, каторга ужъ во всякомъ случаѣ пріуготовлена для него, то съ полной откровенностью мы просимъ васъ признать его виновнымъ и по 126 ст. уг. улож. въ знакъ особаго вашего къ нему снисхожденія, ибо этимъ вы облегчите его участь, пріобщивъ его къ категоріи „политическихъ каторжанъ“...

Ждановъ и другіе участники процесса—совершенно постороннія этому дѣлу лица, истинные виновники скрылись, и среди нихъ главный виновникъ „выдающійся организаторъ, маленькій человѣкъ съ большою волей, таинственный, но несомнѣнно реальный Петръ“. Овладѣвъ всецѣло душою Куколева, Петръ съ большимъ знаніемъ психологіи безработнаго, не торопясь, исподволь пріучаетъ его къ мысли о необходимости принять участіе въ какой-либо экспропріаціи этого юношу, почти ребенка, выбитаго изъ колеи революціонной волною и наступившимъ вслѣдъ за ея паденіемъ промышленнымъ кризисомъ. Съ реальнымъ предложеніемъ Петръ выступаетъ только наканунѣ нападенія на Решей, но почва уже подготовлена. Петру недолго приходится убѣждать Куколева, котораго останавливаетъ только одна мысль: какой я экспропріаторъ, если у меня нѣтъ револьвера?!“ Но и это послѣднее сомнѣніе Петръ быстро успокаиваетъ тѣмъ соображеніемъ, что при экспропріаціи далеко не всѣ нападаютъ съ револьверами въ рукахъ, нужны и другія дѣйствующія лица для весьма существенныхъ побочныхъ услугъ. Тутъ же устанавливается роль Куколева въ грядущемъ нападеніи на Решей, и на другой день задуманный планъ въ точности приводится въ исполненіе: Куколевъ пріѣзжаетъ на „Тузѣ“ изъ Ново-Гирѣева къ Бутырской заставѣ, гдѣ его уже ждутъ Петръ съ неизвѣстнымъ товарищемъ, отвозитъ ихъ къ сельскохозяйственному инсти-

туту, и здѣсь застаютъ еще двухъ товарищей Петра; отсюда всѣ вмѣстѣ возвращаются къ перекрестку между старымъ и новымъ шоссе и поджидаютъ Решей, но въ самомъ нападеніи на Решей Куколевъ не участвуетъ, потому что въ это время онъ съ лошадью поджидаетъ за угломъ, чтобъ увезти своихъ товарищей съ добычей, и, дѣйствительно, послѣ нападенія увозитъ ихъ.

Какъ видите, только въ оцѣнкѣ личности Куколева и его отношеній къ другимъ участникамъ процесса мы расходимся съ представителемъ обвиненія, причастности же Куколева къ экспропріаціи защита не оспариваетъ. Другой вопросъ: какъ квалифицировать содѣянное Куколевымъ, какова юридическая мѣра его участія въ преступленіи? Исходя изъ того, что Куколевъ по собственному сознанію участвовалъ въ предварительномъ соглашеніи, помощникъ прокурора хочетъ видѣть въ его дѣйствіяхъ сообщничество и потому требуетъ для него наказанія, равнаго съ физическими виновниками, совершенно забывая, что сообщниками нашъ законъ именуетъ тѣхъ участниковъ преступленія, которые свою преступную волю или свою физическую дѣятельность влагаютъ въ самое содѣяніе преступленія. Тѣ же соучастники, чья дѣятельность является только дополнительною и не входитъ въ самый составъ преступнаго дѣянія, лица, не принимавшія участія въ самомъ выполненіи, а только помогавшія выполнявшимъ, тѣ, кто, говоря словами уголовнаго уложенія, „доставляли средства, или устраняли препятствія или оказали помощь учиненію преступнаго дѣянія совѣтомъ, указаніемъ, либо обѣщаніемъ не препятствовать его учиненію и скрывать оное“,—всѣ эти участники караются ужъ не какъ сообщники преступленія, а какъ пособники его. Изъ самаго законодательнаго опредѣленія видно, что пособникомъ можетъ быть и тотъ, кто примкнулъ къ соучастію еще въ моментъ первоначальнаго соглашенія, еще въ то время давалъ свои совѣты, указанія, обѣщанія. Такимъ образомъ, участіе Куколева въ предварительномъ соглашеніи, вопреки мнѣнію прокурора, не исключаетъ возможности причисленія его къ категоріи пособниковъ экспропріаціи, разъ установлено, что онъ давалъ свое согласіе лишь на подобныя дѣянія. Но одно признаніе Куколева пособникомъ, а не сообщникомъ, не можетъ еще удовлетворить его защиту, ибо при извѣстныхъ условіяхъ и пособничество влечетъ за собою наказаніе, равное съ наказаніемъ главнаго виновника, а въ данномъ дѣлѣ это наказаніе—смертная казнь—таково, что оно не можетъ быть, даже при вашемъ снисхожденіи, уменьшено въ мѣрѣ. Въ пре-

ступной дѣятельности Куколева имѣются однако моменты, которые даютъ намъ право утверждать, что наказаніе ему должно быть уменьшено въ степени. Ст. 121 ул. о нак. наказываетъ одною степенью ниже тѣхъ изъ пособниковъ, коихъ дѣйствіе не было необходимо для совершенія преступленія.

На это выраженіе закона: „для совершенія преступленія“,—я, гг. судьи, обращаю ваше сугубое вниманіе: услуги, оказанныя пособникомъ главному виновнику преступленія, могутъ быть чрезвычайно важны и существенны, но если эти услуги не были необходимы для самаго преступнаго дѣйствія, а понадобились лишь для сокрытія его слѣдовъ или плодовъ, или для караула „на всякій случай“ и т. п., то участіе такого пособника не можетъ быть признано необходимымъ для самаго совершенія преступленія, и въ этомъ случаѣ наказаніе соучастнику должно быть понижено на одну степень. Я утверждаю, что даже умыслившій быть сообщникомъ можетъ по обстоятельствамъ дѣла превратиться въ не необходимаго пособника: такъ, сообщникъ поджигателей, обѣщавшій принять участіе въ самомъ поджогѣ, превращается въ не необходимаго пособника, если онъ принесъ охапку горючаго матеріала съ существеннымъ опозданіемъ, послѣ того какъ подожженное его товарищами строеніе уже пылало и, такимъ образомъ, его помощь оказалась излишней. Тѣмъ паче этотъ пособникъ не можетъ быть признанъ необходимымъ, если и во время предварительнаго соглашенія онъ не давалъ своего обѣщанія на участіе въ самомъ поджогѣ. Только тотъ пособникъ, безъ чьего участія самое преступленіе осталось бы не содѣяннымъ, будетъ пособникомъ необходимымъ. Такого же взгляда на вопросъ о сообщничествѣ и пособничествѣ придерживается въ самыхъ позднихъ своихъ рѣшеніяхъ и главный военный судъ. Я имѣю въ виду неопубликованныя еще рѣшенія отъ 22-го февраля 1907 года по дѣлу Алипенкова и полученное только сегодня рѣшеніе по дѣлу Переплетчикова, Брелуцкаго и др. Эти рѣшенія должны стать руководящими, и потому я считаю необходимымъ процитировать ихъ въ главнѣйшихъ частяхъ. Алипенковъ былъ признанъ московскимъ военно-окружнымъ судомъ виновнымъ въ томъ, что, согласившись помочь другимъ лицамъ въ ограбленіи сборщика денегъ изъ казенныхъ винныхъ лавокъ и сокрытіи похищеннаго, онъ далъ грабителямъ для этой цѣли револьверъ, во время самаго нападенія стоялъ невдалекѣ отъ мѣста совершенія преступленія, а послѣ окончанія его присоединился къ похитителямъ и помогъ имъ скрыть похищенныя деньги. Судъ усмотрѣлъ въ дѣяніи Алипенкова пособни-

чество, необходимое для совершенія преступленія. По протесту военнаго прокурора дѣло перешло въ главный военный судъ, который оставилъ протестъ безъ послѣдствій. „По точному смыслу 13 ст. улож. о нак., — говорится въ рѣшеніи по этому дѣлу,—разъясненной, между прочимъ, въ рѣшеніяхъ главнаго военнаго суда 1877 года № 233 и 1881 года № 9, сообщниками считаются тѣ, которые согласились съ зачинщиками или другими виновниками совершить совокупное, силами или дѣйствіями предумышленное преступленіе, т. е. согласились на самое совершеніе преступленія, хотя бы затѣмъ и не принимали непосредственнаго участія въ совершеніи преднамѣреннаго; лица же, которыя не принимали прямого участія въ совершеніи преступленія и, кромѣ того, не были въ числѣ умыслившихъ и согласившихся на самое совершеніе преступленія, а только помогали или обязывались помогать умыслившимъ оное разными способами и въ томъ числѣ доставленіемъ средствъ для совершенія преступленія или обѣщали содѣйствовать сокрытію преступниковъ или преступленія, признаются пособниками. Поэтому судъ правильно призналъ Алипенкова пособникомъ въ разбоѣ, учиненномъ нѣсколькими лицами по предварительному соглашенію. Статья же 121 улож. о нак., опредѣляющая отвѣтственность пособниковъ, не дѣлаетъ различія между пособниками, бывшими и не бывшими на мѣстѣ преступленія.

Буквально ту же мотивировку повторяетъ главный военный судъ и въ рѣшеніи по дѣлу Переплетчикова, Брелуцкаго и др., признанныхъ виновными въ томъ, что, организовавъ шайку для совершенія экспропріацій, одни изъ нихъ входили въ магазины, чтобы посмотрѣть, нѣтъ-ли тамъ постороннихъ лицъ, другіе во время совершенія экспропріаціи стояли на стражѣ у входа въ магазины, третьи, въ помощь экспропріаторамъ, нанимали извозчиковъ и увозили деньги, причемъ каждый изъ виновныхъ предварительно согласился только на содѣянное имъ впослѣдствіи, а не на участіе въ самомъ разбойномъ нападеніи; въ этихъ преступныхъ дѣйствіяхъ московскій военно-окружный судъ также усмотрѣлъ не необходимое пособничество, и опять-таки главный военный судъ оставилъ протестъ военнаго прокурора безъ послѣдствій. Вполнѣ согласно съ этими толкованіями главнаго военнаго суда я полагаю, что участіе Куколева въ разбойномъ нападеніи на гг. Решей должно быть признано пособничествомъ, а не сообщничествомъ. И притомъ онъ являлся пособникомъ, участіе коего не было необходимо для самаго совершенія преступленія, ибо, если вы

исключите Куколева изъ цѣпи событій, бывшихъ предметомъ судебнаго слѣдствія, то и безъ участія Куколева въ дѣяніи другихъ соучастниковъ разбойнаго нападенія будетъ заключаться полный составъ преступленія: Куколевъ во время самаго разбойнаго нападенія оставался въ сторонѣ, оно было совершено полностью безъ его непосредственнаго участія, стало быть, для его совершенія Куколевъ былъ излишенъ, и помощь его понадобилась лишь для сокрытія преступниковъ и плодовъ преступленія. Поэтому, опредѣляя Куколеву наказаніе, вы должны отъ смертной казни по 121 ст. улож. о нак. перейти къ безсрочной каторгѣ и таковую, въ виду несовершеннолѣтія Куколева, понизить до 20-ти лѣтней каторги.

Все, гг. судьи, можно забыть и простить, но никогда и ничѣмъ не искупить вамъ слезъ матерей. И вы, гг. судьи, рождены женщинами, которыя также носили святое имя „мать“. Пусть образъ вашихъ матерей будетъ неотступно съ вами въ вашей совѣщательной комнатѣ; да оградитъ онъ сердца ваши отъ ожесточенія и да не изрекутъ смерти уста ваши.

ПЕЧАТЬ ПЕРЕДЪ СУДОМЪ.

Дѣло Л. В. Ходскаго.

4-го апрѣля 1907 г. петербургская судебная палата подъ предсѣдательствомъ г. Гредингера слушала дѣло по обвиненію редактора «Нашей Жизни» проф. Л. В. Ходскаго и А. Н. Котельникова по 1 и 3 п.п. 129 ст. за напечатаніе манифеста совѣта рабочихъ депутатовъ. Три раза слушавшееся палатою и дважды восходившее въ сенатъ дѣло это заключается въ слѣдующемъ:

2 декабря 1905 г. совѣтъ рабочихъ депутатовъ выпустилъ воззваніе къ народу, названное имъ «манифестомъ». На другой же день редакторы восьми газетъ, въ которыхъ появилось это сообщеніе, были арестованы и выпущены подъ залогъ въ 10.000 рублей каждый. Черезъ мѣсяцъ дѣло это разбиралось впервые петербургской судебной палатой; она признала виновнымъ профессора Л. В. Ходскаго только въ неосмотрительности и приговорила его къ штрафу въ 500 рублей, а А. Н. Котельникова оправдала. По протесту прокурора сенатъ кассировалъ приговоръ, найдя, что «для состава преступнаго дѣянія, предусмотрѣннаго ст. 129 уг. ул., совершенно безразлично, раздѣлялъ ли виновный убѣжденія, которыя выразились въ распространяемомъ имъ произведеніи» и «имѣлъ ли намѣреніе пропагандировать сужденія, изложенныя въ манифестѣ». Другими словами для того, чтобы кассировать оправдательный приговоръ, высшая судебная инстанція создала совершенно новую теорію состава уголовно наказуемаго дѣянія безъ существеннѣйшаго изъ элементовъ его, безъ преступнаго умысла. Что же касается А. Н Котельникова, то приговоръ въ отношеніи его отмѣненъ былъ сенатомъ на томъ основаніи, что подписывая газету въ качествѣ одного изъ редакторовъ, онъ будто бы обязанъ отвѣчать за каждую его строчку, даже и тогда, когда на лицо имѣется другой редакторъ. Дѣло поступило снова въ палату. За это время палатѣ было дано право выносить приговоры безъ мотивировки ихъ по существу дѣла.

Разсмотрѣвъ дѣло вторично, новый составъ палаты попрежнему отказался признать въ лицѣ Л. В. Ходскаго и А. Н. Котельникова тяжкихъ уголовныхъ преступниковъ и вновь оправдалъ обоихъ, на основаніи п. 1 ст. 771 уст. уг. судопроизводства.

Вновь послѣдовалъ протестъ прокурора, и вновь сенатъ отмѣнилъ оправдательный приговоръ, создавъ спеціально для него новое принципіальное рѣшеніе: до этого дѣла считалось совершенно достаточною ссылка на упомянутый 1 п. 771 ст., по этому же дѣлу сенатъ призналъ необходимымъ, чтобы палата точно указала по какому именно изъ приведенныхъ въ 1-омъ пунктѣ основаній она вынесла оправдательный приговоръ: по недоказанности, за отсутствіемъ состава преступленія, или какъ за дѣяніе, не подлежащее вмѣненію по законнымъ причинамъ.

Дѣло предстало передъ третьимъ составомъ палаты въ засѣданіи 4 апрѣля, обремененное уже двумя сенатскими указами.

Рѣчь М. Л. Гольдштейна.

Г. г. судьи! Обвинитель такъ неудержимо увлекся очной ставкой „системы проф. Ходскаго“ съ предыдущими разбирательствами этого процесса, что совершенно упустилъ изъ виду обстоятельства дѣла, которыя прошли передъ вами сегодня. Между тѣмъ только эти, вами провѣренные, факты должны лечь въ основу вашего приговора. По дѣлу несомнѣнно установлено, что въ концѣ ноября и начала декабря 1905 г. проф. Ходскій былъ боленъ; объ этомъ имѣется медицинское свидѣтельство, представленное судебному слѣдователю, совершенно по другому дѣлу. Л. В. Ходскій зналъ, что въ типографіи находится, въ качествѣ матеріала „манифестъ“; онъ распорядился не печатать этого документа безъ своей статьи; статьи онъ не написалъ, такъ какъ былъ нездоровъ; слѣдовательно, онъ могъ думать, что манифестъ не будетъ напечатанъ, ибо ключъ, такъ сказать, былъ у него въ карманѣ. Завѣдующій выпускомъ номера распорядился напечатать „манифестъ“, сдѣлавъ оговорку, но „воли и завѣдомости“ на это г. Ходскаго, т. е. того, что требуетъ указъ сената по настоящему дѣлу,—не было. Обвинитель игнорируя эту часть указа, полагаетъ, что если хозяинъ лавки отвѣчаетъ за отпущенный приказчикомъ гнилой товаръ, то и редакторъ долженъ быть обвиненъ за дѣяніе своего сотрудника. Прежде всего, если тов. прокуроръ суд. палаты до сегодняшняго дня не зналъ, то пусть онъ узнаетъ что и хозяинъ лавки не отвѣчаетъ за преступленіе своего приказчика, ибо въ силу 15 ст. у. у. с., каждый несетъ отвѣтственность лично за себя. Пусть онъ узнаетъ во вторыхъ, что газета „Наша Жизнь“ не лавка и ея сотрудники не „молодцы“, которыхъ нельзя спускать съ хозяйскаго глаза. Это люди—идейно объединенные на одной общественной работѣ. И въ третьихъ,—что въ „Нашей Жизни“ гнилымъ товаромъ не торгуютъ. Вообще сравненіе не есть доказательство; но это сравненіе есть несомнѣнное доказательство, что г. прокуроръ знакомъ съ газетами только извѣстнаго пошиба, а „Нашей Жизни“ никогда не читалъ,—что впрочемъ и не обидно, разъ онъ также мало удѣлилъ вниманія и уставу угол. суд. Проф. Ходскій не соглашался печатать „манифестъ“ безъ своей статьи вовсе не потому, что онъ считалъ этотъ товаръ „гнилымъ“ или боялся цензурныхъ или прокурорскихъ громовъ, а потому, что только 10 и 27 ноября въ статьяхъ за своей подписью высказалъ взгляды, совершенно противоположные идеямъ авторовъ „манифеста“, и не могъ, вдругъ, 2 декабря, отказаться отъ своихъ убѣжде-

ній. Это на прокурорской трибунѣ то отказываются отъ обвиненія въ напечатаніи „манифеста“, то требуютъ за это суровыхъ каръ, а въ „Нашей Жизни“ не торгуютъ модными новинками сезона.

И такъ по фактическимъ обстоятельствамъ настоящаго дѣла вы должны вынести обоимъ обвиняемымъ оправдательный приговоръ.

Но дѣло имѣетъ свою исторію, къ которой такъ охотно обращается представитель обвиненія, причемъ онъ неизмѣнно цитируетъ лишь первый указъ сената, совершенно игнорируя второй. Между тѣмъ вся особенность процесса въ надлежащемъ его положеніи въ томъ именно и состоитъ что послѣ „рѣшающаго“ (если бы обвинитель былъ откровеннѣе то онъ прямо сказалъ бы: *предрѣшающаго)* сенатскаго указа уже состоялся приговоръ—и онъ былъ оправдательный!

Позвольте же и мнѣ обратиться къ исторіи дѣла и сдѣлать это съ тѣмъ большимъ правомъ, что во всѣхъ ея стадіяхъ я неизмѣнно былъ на посту защиты.

7 января 1906 г. слушалось дѣло „Руси“, редакторъ которой былъ признанъ виновнымъ въ напечатаніи всѣхъ резолюцій и манифестовъ, которые сегодня оглашены по настоящему дѣлу. Это былъ первый литературный процессъ, исхода котораго напряженно ждали обѣ стороны — правительство и оппозиція. И что же? За все это А. А. Суворинъ былъ приговоренъ къ шести недѣлямъ ареста! и лишь за резолюцію „союза союзовъ“, въ которой палата усмотрѣла призывъ къ вооруженному возстанію, послѣдовало наказаніе по 1 п. 129 ст. угол. улож., сведенному однако на нѣтъ собственнымъ ходатайствомъ палаты. Самого изданія приговоръ не коснулся вовсе—и „Русь“ не была пріостановлена ни на одинъ день.

Черезъ недѣлю — 13 января — слушалось дѣло „Нашей Жизни“. Смѣю увѣрить нашего противника, что ни въ наукѣ, ни въ практикѣ никакой „системы проф. Ходскаго“ не существуетъ.

Свидѣтели и документы показывали 13 января 1906 г. то же, что и сегодня. Даже прокуроръ съ такой же яростью требовалъ обвинительнаго приговора. Но палата обоихъ подсудимыхъ оправдала по 129 ст., а г. Ходскаго оштрафовала за „неосмотрительность“.

Сенатъ 14 марта отмѣнилъ этотъ приговоръ, указавъ, что въ тѣхъ фактическихъ обстоятельствахъ, которыя установлены въ приговорѣ заключается полный составъ преступленія, предусмотрѣннаго 129 ст. угол. ул. *Послѣ* этого палата 24 мая

вновь разсматривала дѣло. Предъ ней лежалъ указъ сената, столь цѣнимый г. прокуроромъ. Въ немъ императивно указывалось, что если фактическія обстоятельства и были таковы, что проф. Ходскій зналъ и допустилъ напечатаніе „манифеста", то онъ виновенъ по 129 ст. И что же? Палата отвѣтила: „нѣтъ, не виновенъ". Я не скажу какое право, но — какое основаніе имѣете вы подозрѣвать вашихъ товарищей въ томъ, что они не подчиняются указу сената? Никакого! И если же судьи отвѣтили „не виновенъ", то это нельзя понимать иначе, какъ въ томъ смыслѣ, что они не признали *фактической* стороны дѣла; что проф. Ходскій и тогда и сегодня утверждалъ одно и то же и что въ этомъ именно—въ правдѣ—заключается вся его „система". 3 октября сенатъ отмѣнилъ и этотъ приговоръ, указавъ что если не доказана фактическая сторона, то это и нужно указать въ отвѣтахъ на вопросы; нужно сказать не просто „не виновенъ", а „не виновенъ по недоказанности". Сенатъ какъ бы сказалъ: „вашъ приговоръ написанъ неясно,— перепишите его". Въ этомъ весь смыслъ второго указа.

Толковать его иначе, значитъ предположить, что сенатъ самъ желаетъ разрѣшить настоящее дѣло по существу, устранивъ васъ, лишивъ васъ свободы судейскаго сужденія, превративъ сегодняшнее засѣданіе въ пустую и позорную комедію. По уставу с.-американскаго угол. суд., дѣло послѣ кассаціи переходитъ на разсмотрѣніе не новыхъ, а тѣхъ же судей. Тамъ никакого антагонизма между кассаціоннымъ судомъ и судомъ, рѣшающимъ дѣло по существу не предполагается, и новое разсмотрѣніе имѣетъ смыслъ исправленія добросовѣстной ошибки по указанію высшаго суда. Представьте, что и у насъ былъ бы такой же порядокъ. Предыдущій составъ суда, признавшій проф. Ходскаго невиновнымъ, но не написавшій: „По недоказанности", разсматривалъ бы сегодня дѣло вторично. Что сдѣлалъ бы онъ? Да ничего иного, кромѣ исправленія приговора; онъ написалъ бы: „Невиновенъ по недоказанности"; онъ исправилъ бы свой приговоръ, а не сломалъ бы его. Но, вѣдь, вы, г.г. судьи, только замѣняете вашихъ товарищей. Неужели, пользуясь тѣмъ, что они не могутъ открыто отстоять свой приговоръ, вы вынесли и имъ обвинительный приговоръ, признавая, что они хотѣли подъ полой,—чтобы сенатъ не примѣтилъ,— пронести контрабандное оправданіе?

Не забудьте и того, что со времени напечатанія „манифеста" прошло уже полтора года—цѣлая вѣчность въ смыслѣ смѣны политическихъ явленій въ странѣ. За это время собрались уже двѣ думы, исчезли и народились десятки газетъ. За

это время уже былъ осужденъ самъ авторъ манифеста—совѣтъ рабочихъ депутатовъ,—при чемъ ни одинъ изъ нихъ не понесъ наказанія по 129 ст. за составленіе манифеста. Развѣ вамъ не кажется, что трупомъ пахнетъ отъ настоящаго дѣла? Что въ эту залу, гдѣ мы привыкли къ живому дѣлу борьбы за такъ или иначе понимаемые интересы государственные, общественные, индивидуальные—вдругъ внесли покойника, за которымъ г. прокуроръ ухаживаетъ, какъ за живымъ человѣкомъ?

Достоинство суда и дѣйствительные интересы правосудія властно требуютъ отъ васъ оправдательнаго приговора!

На этотъ разъ палата измѣнила свое первоначальное рѣшеніе и руководясь сенатскими указами приговорила Л. В. Ходскаго къ заключенію въ тюрьмѣ на 6 мѣсяцевъ, а А. Н. Котельникова къ штрафу въ 200 руб.

Дѣло редактора-издателя „Рязянскаго Вѣстника“ В. Н. Розанова и публициста А. К. Дживелегова.

В. Н. Розановъ обвинялся въ напечатаніи въ своей газетѣ статьи: «Опора власти», разсчитанной, по мнѣнію обвинительной власти, на возбужденіе въ населеніи вражды къ дворянскому сословію, а Дживелеговъ—въ составленіи ея.

Въ числѣ свидѣтелей вызывался кн. Пав. Д. Долгоруковъ.

Кн. Долгоруковъ показалъ, что онъ узналъ отъ нѣкоторыхъ губернскихъ предводителей дворянства о существованіи «совѣта объединенныхъ дворянскихъ обществъ», что эта организація ставила себѣ не только сословныя, но и политическія цѣли: «совѣтъ» въ своихъ постановленіяхъ отрицательно высказался о Государственной Думѣ, желалъ ея роспуска, указывалъ на необходимость репрессій и военно-полевыхъ судовъ, высказывался противъ приглашенія въ составъ министерства общественныхъ дѣятелей. Онъ предполагалъ также и принять активное участіе въ избирательной кампаніи и съ этой цѣлью призывалъ дворянъ къ объединенію.

О постановленіяхъ совѣта князь знаетъ изъ бывшихъ у него въ рукахъ протоколовъ совѣщанія губернскихъ предводителей дворянства, высказавшихъ недовольство по поводу того, что «совѣтъ» сдѣлалъ постановленіе якобы отъ имени всего дворянства, тогда какъ онъ является организаціей, дворянствомъ, какъ цѣлое, не уполномоченной.

Между тѣмъ, эти постановленія могли дать поводъ къ осужденію всего дворянства.

Защита ходатайствовала о пріобщеніи къ дѣлу доклада «совѣта» дворянству, но палата въ этомъ ходатайствѣ отказала.

Рѣчь М. Л. Мандельштама.

Я остановлюсь, главнымъ образомъ, на анализѣ п. 6-го ст. 129. Эта статья предусматриваетъ возбужденіе вражды между отдѣльными частями населенія, сословіями, классами. Но что такое возбужденіе вражды, возбужденіе любви или ненависти? Здѣсь все условно, все неопредѣленно. Каждый газетный листъ,—больше—каждая газетная замѣтка,—въ однихъ сердцахъ вызываетъ чувства любви, въ другихъ—ненависти. Если вы своимъ приговоромъ установите такое толкованіе закона, вы сдѣлаете его безбрежнымъ, какъ море, но и какъ море непостояннымъ. Такимъ рѣшеніемъ можно запечатать всѣ станки, наглухо закрыть всѣ типографіи, сломать всѣ перья. Теперь судъ по дѣламъ печати—только красивое архитектур-

ное украшеніе, механически прикрѣпленное къ чуждому ему зданію исключительныхъ положеній, итальянскія фрески на строеніяхъ каменнаго вѣка. Но придетъ,—будемъ надѣяться—придетъ, наконецъ, время, когда между печатью и ея свободой встанетъ только судъ, когда судъ и законъ будутъ единственными полновластными редакторами дѣятельности печати. Пусть дѣятельность русской литературы протекаетъ въ узкихъ, крутыхъ берегахъ, но пусть эти берега будутъ тверды, какъ гранитъ. Ни произволъ, ни усмотрѣніе, ни симпатіи и антипатіи не въ правѣ суживать или расширять этихъ береговъ! А попробуйте, г. обвинитель, предъявить обвиненіе въ возбужденіи враждебныхъ чувствъ не только по отношенію къ оскорбителямъ дворянства, но ко всѣмъ, кто обрушивается на купечество, крестьянство, еврейство, поляковъ,— и вы увидите, что этотъ залъ будетъ слишкомъ малъ, чтобы вмѣстить всѣ вещественныя доказательства, даже всѣ обвинительные акты. Или вы хотите установить практику „дреманнаго и недреманнаго ока“? А если нѣтъ, то очевидно, что составъ 6 п. 129 ст. долженъ быть пополненъ признакомъ, вытекающимъ изъ разсмотрѣнія всей статьи въ ея совокупности. Этотъ признакъ—дѣйствіе. Не неуловимое, какъ тѣнь, чувство, а чувственно осязаемое дѣйствіе преслѣдуетъ законъ. Возбужденіе враждебнаго чувства наказуемо только тогда, когда оно, въ свою очередь, связывается съ опредѣленнымъ поступкомъ. Дѣйствіе, поступокъ—вотъ что придаетъ опредѣленныя очертанія тому, я бы выразился, безкостному студню, который хочетъ г. обвинитель сдѣлать изъ 6 п. 129 ст. уг. улож.

Но развѣ статья Дживелегова разсчитываетъ бросить одну часть населенія на другую? Развѣ она призываетъ къ насилію, крови, враждебнымъ дѣйствіямъ?

Нѣтъ, вся статья написана въ духѣ партіи, которая признаетъ равноправіе всѣхъ національностей и не преслѣдуетъ ни одной изъ нихъ, признаетъ равенство всѣхъ сословій и не сѣетъ вражды ни къ одному изъ нихъ. Ея цѣль, ея задача — избирательная урна.

Палата приговорила г. Дживелегова къ мѣсяцу тюрьмы, а г. Розанова къ штрафу въ 100 р. съ замѣной, въ случаѣ несостоятельности, мѣсячнымъ арестомъ на гауптвахтѣ.

Дѣло Гросмана.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1905 года въ № 96 выходившей въ Кременчугѣ газ. «Южное Слово» были напечатаны статьи: «Требованіе женъ запасныхъ солдатъ», «И еще одна свобода» и «Наши дни».

Въ статьѣ: «Требованіе женъ запасныхъ солдатъ», помѣщена между прочимъ фраза: «Высочайшіе Манифесты стали мобилизовать народныя силы для отправки ихъ на театръ военныхъ дѣйствій на убой».

Въ статьѣ: «И еще одна свобода», авторъ, обсуждая Высочайше утвержденныя 2 декабря 1905 года правила о повременныхъ изданіяхъ, говоритъ: «Правительство Витте-Дурново вполнѣ основательно сознало всю важность предоставленія печати полной свободы.

И съ іезуитской жестокостью инквизитора, братски лобызающаго свою жертву во имя Христа, оно доброжелательно открыло для печати двери тюрьмы и направило ее по узкой тернистой дорожкѣ, ведущей къ безднѣ. Авторъ заканчиваетъ статью такимъ призывомъ: «Очнись же народъ русскій. Кто не умѣетъ защищать своихъ правъ, тотъ ихъ не достоинъ».

Въ статьѣ: «Наши дни», редакторъ Гросманъ, касаясь положенія печати съ изданіемъ правилъ 2 Декабря, между прочимъ, говоритъ: «Лучшія, честнѣйшія изданія, геройски стоявшія во главѣ освободительнаго движенія, мужественно выступавшія на защиту обманутаго полузамученнаго народа—диктаторской властью распорядительнаго собранія палаты пріостановлены. «Заканчивается статья слѣдующими словами: «Но буря народнаго гнѣва уже бушуетъ надъ океаномъ. Гнѣвно грохочутъ волны возмущенной стихіи, и часъ освобожденія уже недалекъ».

Въ статьѣ: «Наши дни», помѣщенной въ № 99 той же газеты, напечатано слѣдующее воззваніе къ крестьянамъ: «Къ вамъ, братья крестьяне, мое теперь слово. Вы были недавно очевидцами неслыханныхъ звѣрствъ. Вы видѣли ужасы, отъ которыхъ закоренѣлый злодѣй содрогнется. Съ царскимъ портретомъ въ рукахъ подъ предводительствомъ и подъ охраной полиціи шла шайка грабителей и безпрепятственно громила дома, избивала ни въ чемъ неповинныхъ людей, грабила и уничтожала ихъ имущество. Полиція не препятствовала, никто не мѣшалъ. Шла безчеловѣчная бойня и это было подъ знаменемъ Царя. Съ его портретомъ, при пѣніи гимна, беззащитныхъ людей побивали темные люди, которыхъ уговорили творить зло, грѣшить противъ Бога и Царя. Не мало было среди громилъ и крестьянъ, которые по легковѣрію своему слѣпо шли на грѣшное противное дѣло, полагая, что они творятъ волю Царя. Обманомъ, самой подлой ложью двинули ихъ на грѣхъ. Они не вѣдали, что творятъ. Теперь мало по малу начинаетъ разсѣиваться тяжелый угаръ. Туманъ рѣдѣетъ, и правда начинаетъ выходить предъ всѣмъ міромъ. Маска срывается съ лица клятвопреступниковъ и кровопійцъ, и передъ глазами всего народа раскрывается та бездна лжи, подлости и гнусности, въ которой до сихъ поръ погибала наша несчастная родина». «Когда вы теперь услышите, что бастуютъ дороги, что бастуютъ рабочіе, такъ знайте, что это возстали всѣ, кто можетъ, на борьбу съ произволомъ, съ подлостью, съ обманомъ,

знайте, что это идутъ не противъ Царя и не противъ родины, а за Царя и за родину, за васъ обманутые ограбленные братья, за дорогую отчизну. Поддерживайте же святое дѣло. И въ молитвахъ своихъ вспоминайте честныхъ борцовъ, возставшихъ на защиту земли русской и русскаго народа».

Привлеченный къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемаго, Гросманъ непризналъ себя виновнымъ и заявилъ, что инкриминируемыя ему статьи онъ написалъ съ цѣлью предотвратить погромъ интеллигенціи и евреевъ, подготовлявшійся прокламаціями черной сотни и что фраза «Высочайшіе Манифесты стали мобилизовать народныя силы для отправки ихъ на театръ военныхъ дѣйствій на убой» не заключаетъ въ себѣ, по его мнѣнію, дерзостнаго неуваженія, такъ какъ ею, констатировался фактъ, истекающій не изъ манифеста, а изъ послѣдовавшихъ событій. Обв. было предъявлено по 128 ст. и 2 и 3 п. 129 ст. Уг. Улож.

Рѣчь прис. пов. О. Я. Пергамента.

Принято думать, что задача юриста сводится къ двумъ моментамъ: установленію фактической стороны дѣла и подведенію фактическихъ признаковъ подъ норму закона,—совершенію той работы, которую мы, юристы, называемъ субсумпціей. Такъ, по крайней мѣрѣ взглянулъ на свою задачу представитель обвиненія. Думаю и надѣюсь, что вы, гг. судьи, согласитесь со мною, что такая точка зрѣнія отличается чрезмѣрной простотой. Но прежде чѣмъ ввести въ разсмотрѣнія дѣла моменты, оставленные безъ вниманія представителемъ обвиненія, я хотѣлъ-бы остановиться на предметѣ вашего обсужденія, оставаясь въ предѣлахъ постановки вопроса обвинительной властью.

Установленіе фактической стороны дѣла не представляетъ въ данномъ случаѣ никакой трудности. Въ буквальномъ смыслѣ „чернымъ на бѣломъ“ передъ вами corpus delicti. Вамъ прочитаны статьи, инкримируемыя подсудимому. О фактахъ мы не споримъ, мы разойдемся только въ оцѣнкѣ.

На основаніи этихъ статей къ моему подзащитному предъявлены три обвиненія—по 128 и по 2 и 3 пп. 129 ст. Угол. Ул. Первое основывается на томъ, что въ одной изъ статей своихъ подсудимый сказалъ, что „Высочайшимъ манифестомъ мобилизованы войска на убой...“ Въ этомъ обвинительная власть усматриваетъ дерзостное неуважительное отношеніе къ Верховной Власти.

Я привыкъ думать, что такое отношеніе способно проявиться *въ оцѣнкѣ*, въ *критикѣ* извѣстныхъ дѣйствій, но никакъ не *въ оглашеніи фактовъ*. Врядъ-ли кто-либо станетъ спорить противъ того, что войска мобилизовались и что они шли на убой. И то, и другое—непреложные факты. Если ихъ сопоставленіе способно навязать то или другое заключеніе, то это вина фактовъ, а не вина подсудимаго. Во всякой войнѣ, гг.

судьи, солдаты идутъ на убой. Но бываютъ минуты высокаго патріотическаго подъема, минуты глубокаго, проникновеннаго сознанія, что война ведется за достояніе народа, за честь, свободу и благо отчизны; когда моменты человѣческаго трагизма блѣднѣютъ передъ величіемъ государственной или общественной идеи. Но когда война не находитъ себѣ нравственнаго обоснованія въ значеніи преслѣдуемой ею задачи или вызвавшей ее причины, тогда выпукло и ярко, ничѣмъ не смягчаемая, выступаетъ на первый планъ сторона ея общечеловѣческаго трагизма. Тогда въ войнѣ видно лишь движеніе людей на убой... А что такова была война наша, лишенная національной причины, цѣли и смысла,—врядъ-ли приходится доказывать. Взять на себя защиту этой войны, злосчастной по замыслу, исполненію и результатамъ—задача неблагодарная, непосильная и не для моихъ только слабыхъ силъ.

Что же удивительнаго въ томъ, что въ посвященныхъ ей статьяхъ эта реальная правда нашла себѣ выраженіе? Гдѣ здѣсь неуважительное отношеніе къ Верховной Власти?

Переходя къ обвиненіямъ, предъявленнымъ къ подсудимому по 2 и 3 пп. 129 ст. я не могу отрѣшиться отъ впечатлѣнія, что здѣсь происходитъ какое-то недоразумѣніе. Вчитайтесь въ эти статьи! Независимо отъ того, что въ нихъ нѣтъ призыва къ какимъ бы то ни было конкретнымъ дѣйствіямъ.— въ чемъ усматриваетъ обвинительная власть стремленіе къ ниспроверженію существующаго строя? Авторъ говоритъ о казнокрадахъ, насильникахъ, о преступныхъ представителяхъ власти, именемъ Царя обманывающихъ народъ, влекущихъ его на путь преступленій, о людяхъ, которые, прикрываясь именемъ Царя, являются врагами Его и народа. Красной нитью черезъ всю статью проходитъ мысль, что, пользуясь темнотой и невѣжествомъ народа, кучка преступныхъ людей заставляетъ его дѣйствовать противъ Царя и родины. Авторъ призываетъ народъ къ сознательной борьбѣ съ этимъ источникомъ зла, съ этимъ развратомъ, широкой волной разлившимся по лицу русской земли.

Гдѣ же здѣсь колебаніе строя?

Развѣ этотъ послѣдній дѣйствительно отождествляется съ грабежемъ, насиліемъ, казнокрадствомъ, корыстолюбіемъ и своеволіемъ? Развѣ въ призывѣ, обращенномъ къ народу не идти съ чинами полиціи для учиненія погромовъ—неисполненіе законныхъ требованій власти?..

Мнѣ казалось бы, что и оставаясь въ предѣлахъ узкой задачи, намѣченной представителемъ обвиненія, нельзя прійти

къ тѣмъ выводамъ, которыми онъ закончилъ свое обвинительное слово. Но въ этихъ предѣлахъ оставаться нельзя. Кромѣ намѣченныхъ выше задачъ, довлѣютъ всякому юристу еще требованія о соблюденіи судебной перспективы.

Требованія эти, практически незначительныя въ такъ называемыхъ общихъ уголовныхъ преступленіяхъ, пріобрѣтаютъ большое значеніе въ дѣлахъ политическихъ и становятся первенствующими въ дѣлахъ о политическихъ преступленіяхъ въ ежедневной прессѣ. И это по многимъ причинамъ.

Давно принято говорить, что въ мірѣ все относительно. Но относительность нѣкоторыхъ явленій понятна только съ философской точки зрѣнія. Изъ подъ угла обывательскаго сужденія нѣкоторыя явленія, напротивъ того, представляются намъ надѣленными характеромъ предвѣчности. Кража была, есть и будетъ кражей; убійство останется убійствомъ, и запретъ этихъ предвѣчныхъ преступленій обывательская мораль относитъ къ божественному происхожденію. Мы вѣримъ, что „не укради, не убій“ завѣщано намъ съ высоты дымящагося Синая. Таковы ли политическія преступленія?

По тѣмъ или инымъ моментамъ цѣлесообразности правительство переводитъ въ разрядъ дѣяній преступныхъ, а стало быть и караемыхъ, дѣйствія безразличныя съ точки зрѣнія нашей человѣческой морали. Запрещая раньше храненіе такъ называемой нелегальной литературы and un für sich, независимо отъ цѣли распространенія, правительство съ изданіемъ новаго уголовнаго уложенія перестало карать такое храненіе. Почему? Измѣнилось ли нравственное правосознаніе народа? Конечно, нѣтъ, но правительство по соображеніямъ цѣлесообразности мѣняетъ то въ ту, то въ другую сторону свою репрессивную дѣятельность.

Отказываясь здѣсь отъ оцѣнки такой политики цѣлесообразности, я выскажу только твердую увѣренность, что такой политикѣ нѣтъ мѣста въ судѣ. Эта относительность понятія политическаго преступленія становится сугубой въ частномъ случаѣ дѣянія, предусмотрѣннаго 128 ст. угол. ул.

Неуважительное отношеніе—понятіе столь эластичное, что содержаніе его при дѣйствіи одного и того же закона подвержено колебаніямъ, и сегодня одна и та же власть бичами и скорпіонами преслѣдуетъ, какъ неуважительно-дерзостную, такую критику, которая вчера не вызывала со стороны этой власти никакой репрессіи. Вся сила во времени.—и вотъ почему. Вы должны мысленно перенестись въ то время, когда совершено то дѣяніе, которое нынѣ составляетъ предметъ вашего разсмотрѣ-

нія. Время имѣетъ значеніе не съ обывательской только точки зрѣнія. Время — введено въ наше право какъ институтъ юридическій. Вы возразите мнѣ, что въ данномъ случаѣ между совершеніемъ событія и его обсужденіемъ прошелъ только годъ съ небольшимъ. Я отвѣчу вамъ: да, формально, одинъ только годъ, а по существу во внѣшнія рамки истекшаго года могутъ по содержанію уложиться десятилѣтія. Каково-же было то время, къ которому относятся дѣйствія подсудимаго? Это было то время, когда свыше и снизу всѣ въ одинъ голосъ говорили, что такъ дальше жить нельзя и наивно вѣрили, что такъ дальше жить не будутъ; когда несостоятельность прошлаго была засвидѣтельствована свыше и доказана самою жизнью; когда общественный разладъ обѣщалъ стать источникомъ строительства новой жизни; когда пламень священнаго негодованія за прошлое умѣрялся одной лишь надеждой на будущее. Это былъ періодъ нашей исторической бури и натиска, періодъ стихійно поднявшагося движенія, передъ которымъ можно было отступать въ благовѣйномъ страхѣ, но которое остановить было дерзновенно и невозможно. И вы хотите, чтобы ежедневная пресса, это постоянное отраженіе жизни, ея вѣрное зеркало, не отразило этихъ бурныхъ явленій. Вините весеннюю воду за то, что она въ дни половодья затопляетъ луга и нивы. Требуйте отъ опавшихъ листьевъ пребыванія въ мертвомъ покоѣ, когда сорвавшійся вихрь закружитъ ихъ въ пляскѣ своей. Требуйте отъ прессы спокойнаго и сдержаннаго тона, когда въ бурныхъ и пламенныхъ рѣчахъ изливается возставшій отъ долгаго сна, возродившійся къ новой жизни духъ великаго и мощнаго народа.

Гг. Судьи! Когда вы въ отвлеченныя рамки закона вложите, какъ конкретное содержаніе, элементы права, справедливости и жизни, то въ рамкахъ этихъ не останется мѣста для карательнаго приговора.

Послѣ часового совѣщанія палата вынесла резолюцію, въ которой отвергла 128 и 2 п. 129 ст. и признала г. Гросмана виновнымъ только по 3 п. 129 ст. угол. ул., приговоривъ его къ заключенію въ тюрьмѣ на 6 мѣс.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ УБІЙСТВА.

Дѣло объ убійствѣ студента Томашевскаго.

19-го августа 1903 года въ Москвѣ на вокзалѣ Моск.-Бр. жел. дороги была обнаружена корзина, прибывшая изъ Минска съ трупомъ, какъ впослѣдствіи оказалось—убитаго въ Вильнѣ Томашевскаго. Слѣдствіе установило, что къ убійству причастны студенты С-Петербускаго Университета: Р. Малецкій (двоюродный братъ Томашевскаго), У. Винклеръ, Э. Гульбинъ и рабочій С. Даукша. У. Винклеръ скрылся; Малецкій сознался въ совершеніи убійства и объяснилъ, что зналъ Томашевскаго давно. Послѣдній его всегда поражалъ своимъ безсердечіемъ къ политическимъ заключеннымъ, никогда не помогая имъ хотя бы незначительнымъ пожертвованіемъ. Будучи самъ членомъ партіи, поставившей цѣлью борьбу съ существующимъ строемъ и зная, что у Томашевскаго имѣются деньги, онъ рѣшилъ его убить. Убійство было совершено въ Вильнѣ при содѣйствіи Винклера и Даукши. Послѣ совершенія убійства Даукша, по указанію Малецкаго, отвезъ трупъ въ корзинѣ на вокзалъ, вмѣстѣ съ нимъ уѣхалъ въ Минскъ и оттуда отправился въ Москву.

Дѣло слушалось въ Виленскомъ Окружномъ Судѣ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей при открытыхъ дверяхъ въ Апрѣлѣ 1905 г.

Обвиненіе было предъявлено въ совершеніи убійства, съ цѣлью грабежа. Защита отвергала грабежъ и доказывала что убійство совершено на политической почвѣ. Малецкаго защищалъ прис. пов. Врублевскій, Гульбина прис. пов. Козловскій.

Малецкій признанъ виновнымъ въ совершеніи убійства не изъ корыстныхъ цѣлей и приговоренъ къ 15 годамъ каторги. Гульбинъ былъ оправданъ. Даукшу защищалъ пр. пов. М. С. Маргуліесъ.

Рѣчь прис. пов. М. С. Маргуліеса.

На мою долю выпала неблагодарная задача говорить послѣднимъ, но я не ропщу, такъ какъ я дѣлю участь свою съ Даукшей. Дѣлю ее потому, что и Даукша въ этомъ дѣлѣ—послѣдній; послѣдній въ такой мѣрѣ, что если бы не показанія двухъ послѣднихъ свидѣтелей изъ числа чуть ли не 70 и при томъ только двухъ—въ то время какъ даже объ отсутствую-

щемъ Винклерѣ показывали десятки лицъ—то можно было бы подумать, что Даукша здѣсь, на скамьѣ подсудимыхъ, только для того, чтобы звономъ кандаловъ служить панихиду по покойномъ Томашевскомъ. Я бы не протестовалъ противъ этого забвенія, если бы участіе Даукши въ убійствѣ Томашевскаго внушало сомнѣніе; но Даукша сознался, а молчать и забывать въ этихъ условіяхъ—для защиты значитъ отдавать подсудимаго связаннаго по рукамъ и ногамъ. Вотъ почему я вынужденъ злоупотребить вашимъ утомленнымъ вниманіемъ.

Какова роль Даукши въ дѣлѣ убійства Томашевскаго?

Во второмъ часу дня 17 августа 1903 г. на квартирѣ Ядвиги Малецкой военнымъ совѣтомъ былъ вынесенъ смертный приговоръ Томашевскому. Причины, обусловившія такой приговоръ были чрезвычайно серьезны, ибо судьи—Малецкій и Винклеръ—люди высшей культуры—и безъ глубокихъ основаній не посягнули бы на человѣческую жизнь. Приговоръ вынесенъ—надо его исполнить. Винклеръ и Малецкій конечно готовы принять на себя самую тяжкую часть работы. И когда наступилъ для Томашевскаго моментъ сведенія счетовъ съ бренной жизнью, баре-Винклеръ и Малецкій втыкаютъ въ щеку жертвы длинную изящную иглу правацовскаго шприца съ парализующимъ растворомъ curare, растворомъ слишкомъ слабымъ для умерщвленія,—а слуга Даукша сильною рукою рабочаго затягиваетъ грубую веревочную петлю на шеѣ—и Томашевскаго не стало! Когда послѣ убійства—баре-Винклеръ и Малецкій стараясь создать въ будущемъ благопріятнѣйшихъ свидѣтелей, справляли карточную тризну по Томашевскомъ—слуга Даукша разъѣзжалъ съ вокзала на вокзалъ, изъ города въ городъ, съ трупомъ Томашевскаго, рискуя каждый часъ, каждую минуту быть схваченнымъ съ поличнымъ. Наконецъ, когда Винклеръ, предупрежденный Малецкимъ, бѣжалъ отъ полиціи—слуга Даукша, вернувшись въ Вильну и сдавши барамъ отчетъ въ исполненномъ порученіи, остался, покорно ожидая своей участи, остался потому, что не имѣлъ денегъ! И эта, указанная имъ самимъ, причина—настоящая; своихъ денегъ у него не было, занять у другихъ—когда бы онъ отдалъ? Денегъ партіи, онъ не хотѣлъ просить—это для него святыня.

И Даукша былъ взятъ.

Даукша—слуга. Жестокій, грубый—говоритъ обвинитель. Такъ-ли? При поверхностномъ наблюденіи легко смѣшать грубость работы съ грубостью работника, а отъ грубости его перейти и къ его жестокости. „Посмотрите—говоритъ обвинитель—

какъ жестокъ и черствъ Даукша. Онъ волочитъ за веревочную петлю трупъ только что убитаго имъ человѣка, онъ разъѣзжаетъ съ этимъ трупомъ, а черезъ два дня послѣ убійства, встрѣтившись съ Юхно, спокойно говоритъ объ убійствѣ, ничѣмъ не подавая вида, что онъ близкій и непосредственный его участникъ". Да, вынести трупъ изъ комнаты, гдѣ происходило убійство, возить его по городамъ—это грубая работа. Но развѣ рабочій, покрытый копотью фабричнаго очага и бьющій тяжелымъ молотомъ по куску желѣза уже по этому одному грубъ и грубѣе своего хозяина, изящнаго инженера, управляющаго фабрикой? Развѣ слуга, исполняющій тяжелую и неприглядную домашнюю работу, уже по этому одному грубъ и жестокъ и грубѣе тѣхъ, кто ему ее поручилъ?

Да, Даукша слуга: въ дѣлѣ самосуда надъ Томашевскимъ, на немъ лежала самая черная работа. Но Даукша не только слуга. Въ немъ есть нѣчто такое, что вырываетъ его изъ рядовъ грубыхъ работниковъ, нѣчто такое, что подымаетъ его на высоту, на которой не устоять культурнымъ издерганнымъ нервамъ Малецкаго—это его рабская преданность идеѣ долга...

Даукша—патріотъ. У Даукши два отечества—одно изъ нихъ уже, другое шире его оффиціальной родины. Первое, болѣе узкое, это его родная Польша. Не та прусско-австрійско-русская Польша, о которой съ такой усмѣшкой говорилъ прокуроръ, а та, на языкѣ которой мать ему пѣла колыбельныя пѣсни, та, языкъ которой слился съ его первыми мыслями и желаніями, та Польша, на языкѣ которой онъ слышалъ первыя слова любви. Другая родина его много шире его оффиціальнаго отечества. Она необъятна и широка, какъ міръ, она не знаетъ физическихъ границъ, она переходитъ черезъ рѣки и горы, перекинула мосты черезъ Атлантическій и Великій океаны, сплотила воедино людей различныхъ національностей, языковъ, вѣръ и нравовъ, покрыла всю землю сѣтью могучихъ организацій—эта родина Даукши—рабочій пролетаріатъ. И Даукша всѣми силами молодой крѣпкой души любитъ обѣ свои родины—Польшу и рабочихъ.

17-ти лѣтнимъ юношей, почти дикаремъ, съ легкими, привыкшими вдыхать сильную волну бодрящаго чистаго воздуха полей, съ умомъ, широко открытымъ для воспріятія широкихъ идей, прибылъ Даукша въ Вильну. Ему посчастливилось встрѣтиться здѣсь съ людьми, преданными дѣлу развитія и образованія малыхъ сихъ—и Даукша прошелъ быстро всѣ ступени той школы, которую на западѣ проходитъ каждый культурный человѣкъ. Даукша познакомился сперва съ исторіей своей

Польши и, научившись уважать ее, научился уважать и свое достоинство. Отъ исторіи онъ перешелъ къ знакомству съ расширяющими умственные горизонты и окрыляющими мысль теоріями міровыхъ геніевъ—Лапласа, Дарвина; подготовленный къ воспріятію широкихъ идей умъ перешелъ къ соціальнымъ и политическимъ ученіямъ — и предварительная подготовка Даукши была закончена.

Я не буду останавливаться на доктринахъ тѣхъ революціонныхъ организацій, съ которыми Даукша пришелъ въ соприкосновеніе, ни той польской соціалистической партіи, въ ряды которой онъ вступилъ. Онъ самъ съ замѣчательной отчетливостью изложилъ въ своихъ объясненіяхъ доктрину и цѣли всѣхъ этихъ партій—я ничего не имѣю прибавить къ его словамъ.

Представитель обвиненія не вѣритъ ни въ твердость политическихъ убѣжденій Даукши, ни въ принадлежность его къ политической организаціи; ясное и отчетливое объясненіе Даукши на судѣ, свидѣтельствующее о полномъ и близкомъ знакомствѣ его съ политическими организаціями, прокуроръ считаетъ результатомъ полутора-годичныхъ размышленій Даукши въ стѣнахъ тюрьмы. Но мыслящій человѣкъ оперируетъ лишь надъ тѣмъ матеріаломъ, который уже есть у него въ мозгу, и чтобы быть послѣдовательнымъ, г обвинитель долженъ былъ бы признать, что Даукша познакомился съ политическими ученіями не до тюрьмы, а послѣ того, какъ попалъ въ нее.

Значитъ, по мнѣнію прокурора, виленская тюрьма,—ничто иное какъ академія политико-соціальныхъ наукъ. Осмѣлится-ли обвинитель настаивать на этомъ? Въ подтвержденіе своего мнѣнія обвинитель ссылается на отзывъ жандармскаго управленія, удостовѣрившаго, что Даукша политически чистъ. Правда, обвинитель допускаетъ, что не всегда слѣдуетъ довѣрять отзыву жандармеріи о политической неблагонадежности даннаго лица, но пусть онъ будетъ послѣдовательнымъ и допуститъ и обратное.

Если-бы жандармеріи знала о всѣхъ политическихъ партіяхъ и кружкахъ, которые у насъ существуютъ, обо всѣхъ лицахъ къ нимъ принадлежащихъ—развѣ были бы возможны тѣ террористическіе акты, которыми такъ богата политическая хроника послѣднихъ четырехъ лѣтъ? И теперь вѣроятно не разъ приходится жандармскимъ властямъ припоминать французскихъ жандармовъ первой половины прошлаго столѣтія съ ихъ грустнымъ припѣвомъ nous arrivons toujours trop tard. Наконецъ я позволяю себѣ спросить обвинителя, чтобы онъ сдѣ-

лалъ, если бы къ нему явились свидѣтели и сообщили, что нѣкій рабочій якшается съ студентами, образовывающими просвѣтительные кружки для пролетаріата, хранящими и раздающими нелегальную литературу пудами, посылающими статьи въ нелегальную прессу, проповѣдующими вооруженное возстаніе противъ правительства, что этотъ человѣкъ служитъ посредникомъ между интеллигентами и рабочими въ распространеніи нелегальной печати, что этотъ рабочій охотно поетъ на собраніяхъ революціонныя пѣсни—развѣ онъ обвинитель отказался бы отъ привлеченія этого рабочаго къ отвѣтственности по 126 ст. Уложенія, т. е. по обвиненію въ принадлежности къ противоправительственной организаціи? Вѣдь многочисленны примѣры—и это знаетъ прокуроръ—когда при несравненно болѣе слабомъ матеріалѣ предъявлялись и поддерживались такія обвиненія.

Я говорилъ до сихъ поръ объ убѣжденіяхъ Даукши. Скажу теперь объ его душѣ. Даукша—солдатъ, ставящій выше всего партійную дисциплину. Вы, можетъ быть, скажете: дисциплина, ведущая къ убійству, порокъ, а не добродѣтель?

Представьте себѣ вмѣсто Даукши средняго честнаго двадцатилѣтняго парня. Правительство призываетъ его на войну съ врагомъ, котораго онъ не знаетъ, который ему безразличенъ. Призываемый долженъ идти и убивать. Онъ это дѣлаетъ, повинуясь требованіямъ желѣзной дисциплины, нарушеніе которой безпощадно карается закономъ. И если этотъ солдатъ выйдетъ живымъ изъ боя, мужественно выполнивши все, чего отъ него требуютъ, вы его назовете героемъ. Да, это герой.

Но чтобы вы сказали о солдатѣ, который шелъ бы убивать не потому, что подъ угрозой наказанія его къ тому принуждала дисциплина, а потому, что онъ твердо вѣрилъ, что это нужно для блага его родины, его близкихъ? И развѣ нравственную красоту повиновенія Даукши можетъ измѣнить то, что онъ слѣпо служилъ ложной идеѣ Малецкаго и Винклера?

Подчиненіе Малецкому Даукши прокуроръ объясняетъ увлеченіемъ Даукши красотою рѣчи Малецкаго и сцену привлеченія Даукши къ убійству Томашевскаго обвинитель принимаетъ такъ. Малецкій призвалъ Даукшу 17 августа и въ красивыхъ выраженіяхъ сказалъ ему: завтра пріѣзжаетъ моя мать, у меня нѣтъ и никогда не было ея денегъ. Тѣмъ не менѣе она можетъ потребовать отчетъ въ израсходованіи мной въ ея отсутствіе моихъ собственныхъ денегъ. А у меня никакихъ денегъ нѣтъ. Такъ нельзя ли убить Томашевскаго? Даукша пошелъ и убилъ.

Чувствуя всю шаткость своего построенія, прокуроръ ищетъ поддержки и находитъ ее у извощика Ломовскаго. Ломовскій показалъ, что Даукша, сидя на дрожкахъ, въ то время, какъ неизвѣстный его товарищъ покупалъ корзину, воскликнулъ: какъ тяжело жить на свѣтѣ бѣднымъ людямъ. На что извощикъ отвѣтилъ: а я вотъ на десять рублей съ семействомъ живу и не жалуюсь. „Намъ бѣднымъ людямъ"! воскликнулъ прокуроръ. „Почему Даукша въ такую минуту сказалъ „бѣднымъ" людямъ. Очевидно въ этотъ моментъ Даукша вслухъ резюмировалъ всѣ впечатлѣнія ужаснаго дня. И въ этомъ крикѣ души мы должны прочитать признаніе, что мотивъ убійства былъ корыстный и что Даукша объ этомъ зналъ". Если бы у обвинителя было только это доказательство корысти Даукши, мнѣ бы не пришлось готовить защитительной рѣчи. Очевидно, что прокуроръ пошелъ дальше извощика Ломовскаго и, что, называя себя бѣднымъ человѣкомъ въ эту тяжелую минуту, Даукша думалъ не о своемъ карманѣ, не о карманѣ Малецкаго, а о томъ, что служа дѣлу бѣдняковъ въ нынѣшнихъ условіяхъ, приходится, питая отвращеніе къ насилію, скрѣпя сердце, подчасъ совершать его. Мнѣ можетъ сказать обвинитель, что я строю предположенія относительно истиннаго значенія восклицанія Даукши. Я готовъ согласиться. Такъ зачтемъ же наши противоположныя предположенія и выбросимъ совсѣмъ восклицаніе Даукши изъ ряда уликъ.

Я не остановлюсь и на предположеніи о магическомъ вліяніи внѣшней красоты рѣчи Малецкаго на Даукшу. Только театральныя дамочки способны впадать въ истерическій экстазъ, толкающій ихъ на безпорядочные поступки, при звукахъ голоса моднаго тенора. Но вѣдь Даукша не истерическая дамочка.

Вотъ все, что указало обвиненіе для того, чтобы убѣдить васъ, что Даукша убивалъ съ корыстной цѣлью. Правдоподобно ли это? Не безуменъ ли Даукша? Не безуменъ ли этотъ честный, скромный трудолюбивый, почтительный къ родителямъ рабочій, трудящійся съ пилой и топоромъ въ рукахъ, имѣющій все, что ему нужно, и всегда довольствовавшійся малымъ, который неизвѣстно почему вдругъ становится обуреваемымъ жаждой наживы, жаждою настолько сильной, что она толкаетъ его на тяжкое преступленіе; да, наконецъ, гдѣ же плоды этого преступленія, гдѣ же тысячи, найденныя у Томашевскаго, почему Даукша не потребовалъ своей части; вѣдь получивъ хоть 100—200 рублей онъ былъ бы свободенъ какъ вѣтеръ полевой, а на такую ничтожную сумму, онъ, надѣюсь, имѣлъ

право? Нѣтъ, г. прокуроръ, корысти Даукши никто не повѣритъ.

Я кончилъ о Даукшѣ, я увѣренъ, что вы его поняли, и я былъ бы увѣренъ, въ милосердномъ приговорѣ вашемъ, если бы не тѣ формальныя сѣти, которыми законъ опутываетъ вашъ судейскій отвѣтъ. Отвѣчая на вопросъ о виновности Даукши, вы наткнетесь на четыре подводныхъ камня. Убійство — самое тяжкое изъ извѣстныхъ нашему закону преступленій; и изъ всѣхъ видовъ убійствъ наиболѣе тяжкое то, которое совершается по предварительному соглашенію между убійцами. Еще болѣе тяжела отвѣтственность убійцы, если убійство совершено съ цѣлью грабежа и путемъ отравленія или истязаній и мученій. Даукша и товарищи его обвиняются въ убійствѣ по предварительному соглашенію, съ цѣлью грабежа, путемъ отравленія и при наличности особой жестокости. Вамъ нужно разсмотрѣть въ отдѣльности каждый изъ этихъ признаковъ, отягчающихъ участь Даукши. Предварительное соглашеніе въ данномъ дѣлѣ было, это утверждаетъ Малецкій, но принималъ ли въ немъ участіе Даукша? Формально—да, такъ какъ онъ былъ предупрежденъ о предстоящемъ убійствѣ за нѣсколько часовъ до его совершенія и ему было поручено купить корзину. Но вы, судьи жизни, имѣете право пойти дальше формы, проникнуть въ глубь дѣла, и если вы вспомните отношенія Даукши къ Малецкому и къ партійной дисциплинѣ, то вы поймете, что о соглашеніи между Даукшей и его вождемъ и рѣчи быть не могло. Я не буду останавливаться на вопросѣ о корыстной цѣли — этотъ вопросъ исчерпанъ моими товарищами по защитѣ. Я только напоминаю вамъ, что если у Малецкаго и Винклера и была корыстная цѣль, то у Даукши ее во всякомъ случаѣ не было. Отъ обвиненія въ убійствѣ путемъ отравленія прокуроръ отказался, иначе онъ и не могъ поступить, такъ какъ экспертъ профессоръ Косоротовъ, измѣнивъ свой взглядъ на судебномъ слѣдствіи, отвергъ возможность смерти Томашевскаго отъ кураре. Остается мнѣ сказать два слова о жестокости при совершеніи убійства, которое усматривается обвиненіемъ въ томъ, что при вскрытіи трупа Томашевскаго оказалась поломанною подъязычная кость; но вспомните, что сказалъ проф. Косоротовъ: при удушеніи путемъ повѣшенія всегда ломается подъязычная кость, причемъ это происходитъ отнюдь не отъ силы, съ которой затягивается петля, а отъ того, что натягиваются мышцы шеи, прикрѣпленныя къ хрупкимъ концамъ костей.

Вы должны будете, гг. присяжные засѣдатели, все это обсудить, и, если вы хотите свести преступленіе, совершенное Даукшей къ

его истиннымъ размѣрамъ, то вы отвергнете всѣ четыре указанныхъ мною особо увеличивающихъ вину обстоятельства.

Я кончилъ. Я не знаю васъ, гг. присяжные засѣдатели, я не умѣю читать въ вашей совѣсти, но я знаю только одно: съ тѣхъ поръ, какъ законъ передалъ дѣло суда представителямъ общественной совѣсти, ни одинъ изъ обвиняемыхъ не раскаивался въ томъ, что показалъ судьямъ свою душу. И Даукша вамъ показалъ свою душу: правда, на ней написано кровью тяжкое заблужденіе тѣхъ, кому онъ вѣрилъ, но зато на ней глубокими буквами выгравированы и слѣпое подчиненіе долгу, и вѣра въ широкій общественный идеалъ. Буйные вихри могутъ занести на плодородную почву сорныя травы, но если почва богата жизненными соками—опасности нѣтъ: вырастутъ хлѣбные злаки и заглушатъ сорную траву. Дѣло правосудія не дѣло умерщвленія, а дѣло обновленія и возрожденія. Вы вынесете неправосудный приговоръ, если вы это забудете.

Присяжные засѣдатели признали Даукшу виновнымъ въ предумышленномъ убійствѣ и заслуживающимъ снисхожденія; предварительное соглашеніе, корыстная цѣль, отравленіе, жестокость и мученія были отвергнуты.

Судъ приговорилъ Даукшу къ 4 годамъ каторжныхъ работъ.

Политическое убійство передъ судомъ присяжныхъ засѣдателей.

22-го Марта 1907 года передъ русскими присяжными засѣдателями впервые предстало дѣло о политическомъ убійствѣ.

Кореецъ Кимъ-Ханъ-Ченгъ обвинялся въ покушеніи на убійство корейскаго министра Іи-Іонъ Ика. Случилось это 23-го Декабря 1905 г. въ гостинницѣ «Франція» на Морской ул. Корейскій генералъ Іонъ-Икъ прибылъ въ Петербургъ въ Ноябрѣ того же года, съ полномочнымъ письмомъ корейскаго Императора и съ Императорской печатью. Онъ явился въ М-во Иностранныхъ Дѣлъ, сталъ добиваться ауденціи у Государя Императора и завелъ переговоры о продажѣ Русскому Правительству корейскихъ земель и лѣсовъ. Кимъ-Ханъ-Ченгъ проживалъ тогда въ Петербургѣ и поступилъ къ Іонъ-Ику переводчикомъ. Такимъ образомъ всѣ планы Іонъ-Ика стали извѣстны Кимъ-Ханъ-Ченгу. Кимъ зналъ, что письмо корейскаго Императора подложное, а императорская печать уворована. Кимъ зналъ Іонъ-Ика давно, цѣлыхъ 20 лѣтъ. Это былъ всесильный въ Кореѣ министръ,—сначала финансовъ, потомъ военный, потомъ начальникъ монетнаго двора и, наконецъ, начальникъ жандармскаго корпуса. Въ послѣдніе годы власть его въ Кореѣ была безгранична. Корейскій Императоръ слѣпо довѣрялъ Іонъ-Ику, но народъ считалъ его разбойникомъ. Онъ замѣнилъ серебряную монету никелевой и разстроилъ государственные финансы. Онъ въ неурожайный годъ скупилъ по всей странѣ цѣлебный корень джень-сенъ, обѣщавъ населенію уплатить по 8 доллар. за фунтъ, а потомъ уплатилъ по одному доллару. Въ немъ народъ видѣлъ главнаго виновника потери Кореей самостоятельности. На него производились неоднократныя покушенія, въ которыхъ принимали участіе и высшіе сановники, и армія, и народныя массы. Въ послѣднее время глаза Императора раскрылись. Іонъ-Икъ долженъ былъ быть арестованъ и преданъ суду, но скрылся въ спальнѣ Императрицы, неприкосновенной для всѣхъ, и бѣжалъ въ Портъ-Артуръ.

Кимъ-Ханъ Ченгъ былъ инженеромъ. Его отецъ и братья—были министрами и губернаторами. Онъ путешествовалъ по Сибири, потомъ сдѣлался народнымъ учителемъ. Японцы преслѣдовали Кима, и нашъ посланникъ въ Сеулѣ, Павловъ, отправилъ его въ Россію. Здѣсь Кимъ бѣдствовалъ, набивалъ папиросы и продавалъ ихъ по гостинницамъ.

Узнавъ планы Іонъ-Ика и видя, что тотъ продолжаетъ губить родину, Кимъ рѣшилъ его убить. Но Іонъ-Икъ привезъ съ собой два сундука съ золотомъ, и Кимъ не хотѣлъ убивать его въ его квартирѣ, чтобы не возникло подозрѣніе въ корыстныхъ цѣляхъ убійства. Случай представился, когда оба они были приглашены въ гостинницу «Франція» къ пріѣзжему корейскому офицеру.

Здѣсь Кимъ выстрѣлилъ въ Іонъ-Ика изъ «браунинга», бросился на него съ ножемъ, но Іонъ-Икъ былъ сильнѣе, повалилъ Кима и отдѣлался легкими ранами. Послѣ этого Іонъ-Икъ исчезъ изъ Петербурга. Кима предали суду, а изъ Кореи отъ частныхъ лицъ и сановниковъ ему слали поздравительныя и прославляющія привѣтствія, какъ герою и патріоту.

Защищали его прис. пов. Ф. А. Волькенштейнъ и пр. пов. Генкенъ. Обвинялъ тов. прокур. Абрашкевичъ.

Обвинитель отрицалъ за Кимомъ и фанатизмъ, и патріотизмъ, т. к. онъ здѣсь принялъ православіе. Онъ много говорилъ о террорѣ и террористахъ и предлагалъ присяжнымъ засѣдателямъ осудить политическія убійства.

Рѣчь прис. пов. Ф. А. Волькенштейна.

Господа судьи совѣсти! Въ Кореѣ говорятъ: „Этотъ человѣкъ видитъ кончикъ тончайшаго волоска и не видитъ телѣги съ дровами“.

Намъ кричатъ: „Политическое убійство! Террористъ“! Но во имя чего и ради кого убивалъ этотъ „террористъ“?! Онъ намъ самъ сказалъ. Убійствъ мы видѣли не мало. Террористовъ мы знаемъ. Но... *предки, о предкахъ* Вы слышали когда-нибудь отъ террористовъ?!

Такъ послушайте-же Кима!

„Преступленіе государственнаго преступника Іи-Іонъ-Ика я не могу оставить безнаказаннымъ на небѣ и на землѣ, прежде всего, чтобы утолить гнѣвъ *предковъ*, жившихъ 5000 лѣтъ назадъ“.

Нѣтъ, слушайте дальше! „Съ кровью въ глазахъ думаю я о томъ, съ какимъ лицомъ жители Великой Корейской Державы будутъ поклоняться и приносить жертвы своимъ *предкамъ*“.

„Предками“ Кимъ начинаетъ, „предками“ онъ кончаетъ. Какъ перезвономъ, этими призывами къ „предкамъ“ полны его рѣчи.

За обиды предковъ мстилъ Кимъ-Ханъ-Ченгъ Іи-Іонъ-Ику.

„Предки“! „Пять тысячъ лѣтъ назадъ“! О прогрессѣ, о движеніи страны впередъ мечтаетъ человѣкъ, а самъ все время оглядывается назадъ, въ недвижимую старину. Глаза жадно глядятъ въ грядущіе вѣка, а душа полна сѣдыхъ воспоминаній объ истлѣвшихъ праотцахъ. Не дико-ли это? Террористъ, онъ палитъ изъ „браунинга“, а мечтаетъ о какомъ-то „демонскомъ ножѣ и адскомъ топорѣ“. Дичь какая-то!

Нѣтъ! Чѣмъ-то не нашимъ вѣетъ, здѣсь, чѣмъ-то нездѣшнимъ, невѣдомымъ и чужедальнимъ.

Да, онъ не нашъ, этотъ маленькій Кимъ! Онъ — чужой, невѣдомый намъ и непонятный. Онъ изъ страны драконовъ и горныхъ духовъ, изъ страны, гдѣ обитаетъ тысячелѣтняя лисица, тигръ, дышащій огнемъ, и ядовитая птица, одна тѣнь которой отравляетъ человѣка.

Забудьте же, что Вы русскіе люди, что судъ свой Вы творите у насъ въ Россіи. Забудьте свои, русскіе, бѣды и счеты. Забудьте о той крови, которой пугали Васъ здѣсь. Я могъ бы Вамъ сказать, что иною кровью намокла подъ нашими ногами земля. Но кровь—не совѣтчикъ въ дѣлѣ правосудія: кровь слѣпитъ глаза, туманитъ разсудокъ.

Не русское, не наше,—*чужое* дѣло мы разбираемъ. Не русскаго, не европейца, не христіанина судимъ мы. Не Вашихъ церквей колокола звучатъ ему, не Вашихъ иконъ лампады мерцаютъ передъ нимъ. Онъ видитъ передъ собой поминальныя дощечки предковъ, священные кувшины, въ которыхъ обитаютъ духи. Онъ слышитъ громъ цимбаловъ и барабановъ. Онъ слышитъ завыванія шамановъ и колдуновъ. Онъ—сынъ Востока. Онъ—ученикъ Конфуція. Онъ—Кореецъ.

Скажите Конфуціанцу: „На твоей совѣсти смерть человѣка“. Онъ отвѣтитъ Вамъ: „что такое смерть, когда мы не знаемъ, что такое жизнь“?

Скажите Корейцу: „Ты загубилъ человѣческую душу“. А онъ отвѣтитъ: „У человѣка нѣтъ души: душа рождается тогда, когда человѣкъ умираетъ. Ее убить нельзя: душа живетъ, ѣсть и пьетъ, любитъ водку и ѣздитъ верхомъ“.

Вы скажете Киму: „Ты заглушилъ въ себѣ голосъ совѣсти“. Онъ отвѣтитъ Вамъ: „Нѣтъ, то нашепталъ мнѣ горный духъ, духъ моихъ предковъ“.

Скажите ему: „Ты согрѣшилъ“. А онъ скажетъ: „Нѣтъ, ядовитая птица Кинъ-Су отравила меня своею тѣнью“.

Но намъ говорятъ: „Кимъ не фанатикъ. Онъ принялъ христіанство“. Да, но, вѣдь, этому—всего полгода! А до того въ жизни Кима не было минуты, когда бы Конфуцій не поучалъ-бы его, не бесѣдовалъ-бы съ нимъ. Въ колыбельной пѣснѣ, въ бабушкиной сказкѣ, въ материнской ласкѣ, въ отцовскомъ наставленіи, въ школьномъ поученіи, въ законодательномъ велѣніи—Конфуцій всегда около него, Конфуцій всегда былъ съ нимъ.

„Конфуціанецъ“! Это—больше, чѣмъ сказать о человѣкѣ: „христіанинъ“, „магометанинъ“. Ибо нѣтъ шага въ его жизни,

нѣтъ жеста, нѣтъ движенія, о которомъ не подумалъ бы за него Конфуцій тысячи лѣтъ назадъ.

Мы говоримъ: „Китайскія церемоніи“. Для насъ это—смѣхъ. Напрасно! Это — не церемоніи, это—обряды. Это—не правила приличія, это—символы вѣры. Это—не этикетъ, это—религія. Да, религія—для человѣка Востока. Ибо внѣ Конфуція нѣтъ у него ничего—ни Бога, ни пророка, ни апостола, — ни Евангелія, ни Библіи, ни Корана.

Здѣсь взывали къ завѣтамъ Судебныхъ Уставовъ. Хорошо! Но зачѣмъ же, такъ торжественно раскрывая прекрасныя страницы, одну половину трусливо закрывать рукой? Читать, такъ читать ужъ все! Судьи совѣсти судятъ не дѣяніе, а человѣка, не голый фактъ, а душу человѣка. Судите-же эту душу во всей пестротѣ и богатствѣ ея одѣянія. Человѣкъ не гильотина. Для политическихъ убійствъ еще не изобрѣтенъ автоматъ.

Такъ не забывайте-же! У Кима есть *своя религія*. И знаете-ли Вы, что въ этой религіи нѣтъ даже самаго слова „Богъ“, и ученые запада восклицаютъ: „Да религія-ли это“?

А знаете-ли Вы, что тамъ самъ Императоръ колдунъ! Онъ тратитъ десятки тысячъ ежегодно на колдуновъ и шамановъ. Онъ самъ колдуетъ. *Императоръ* приноситъ жертвоприношенія. Даетъ чины и ордена сановникамъ за колдованіе. Это—колдовская страна! Колдуны и шаманы, „пань-су“ и „му-дань“ тамъ платятъ пошлину въ казну, какъ у насъ купцы за гильдію. Это узаконенныя корпораціи. У нихъ роскошные клубы. Ихъ строитъ имъ само правительство. Тамъ заколдовываютъ оспу, заколдовываютъ бездождіе, чуму, холеру, голодъ. Колдовство тамъ—правительственное мѣропріятіе.

Господа! Религія, которая держится на суевѣріи, на поклоненіи духамъ, сильнѣе, чѣмъ религія, сила которой въ вѣрѣ и почитаніи Бога. Сильнѣе! Она ближе, она страшнѣе. Ея Немезида тутъ, возлѣ самого человѣка. Ея кара слѣдуетъ за нимъ по пятамъ, неотступно и настигаетъ его мгновенно, въ *этой* жизни, сейчасъ-же, сегодня.

Суевѣріе сильнѣе вѣры. Суевѣріе не прикраса жизни, не праздникъ мысли. Суевѣріе—повседневныя будни жизни, это—манера мыслить. Она проникаетъ весь обиходъ человѣка.

Среди таинственныхъ, намъ невѣдомыхъ, шороховъ и шопотовъ живетъ Кимъ. Среди духовъ живетъ Восточный человѣкъ. Вы знаете, сколько тамъ ихъ, этихъ духовъ? Однихъ „Синъ-Цзанъ“ восемьдесятъ тысячъ. А у каждаго Синъ-цзана цѣлыя полчища подчиненныхъ духовъ. Они рѣютъ надъ Кимомъ, кишмя-кишатъ вокругъ него, за каждымъ его шагомъ и сло-

вомъ слѣдятъ, ежеминутно вмѣшиваются въ его жизнь. На горахъ, въ водѣ, въ воздухѣ, въ звѣряхъ, въ каждомъ камнѣ, въ сучьяхъ деревьевъ, въ каждомъ горшкѣ, въ кровельномъ конькѣ—всюду сидятъ духи. Духи неба, духи земли, духи горъ и холмовъ, духи утвари, духи кухни, духи оспы, духи семи звѣздъ, духи, давящіе людей, духи, убивающіе родильницъ, духи, потопляющіе людей, духи, вызывающіе самоубійство, духи чумы, духи холеры, духи, убивающіе людей побоями, духи, убивающіе людей огнемъ. Сонмы злыхъ, вѣчно голодныхъ, полныхъ мести духовъ,—„сагенъ“, оборванные, злобствующіе, гоняются за людьми всюду, крадутъ у нихъ рисъ, водку, срываютъ платья. Ихъ миріады этихъ духовъ. Кимъ ни на минуту не забываетъ о нихъ: они мстятъ ему за всякую обиду, за всякое, не такъ сказанное слово, за всякій, не такъ отвѣшенный поклонъ. Они зашептали, заворожили, заколдовали душу Кима. Ихъ сонмы, тучи надъ головою Кима. Они закрываютъ отъ его взора самое небо.

Онъ не знаетъ, что такое „небо“. *Его* пророкъ ему этого не объяснилъ. *Его* пророкъ питалъ отвращеніе къ разговорамъ „о духовныхъ вещахъ“. Его учитель жизни съ презрѣніемъ отмахивался отъ вопроса: „Что такое смерть?“

Въ этомъ и сила его: онъ—учитель жизни, и только! Въ томъ и сила Востока, что нѣтъ у него своей *священной книги*, но есть у него *книга на всѣ случаи жизни*. Нѣтъ тамъ яснаго понятія о небѣ, но земная-то жизнь растолкована вся и расписана до мелочей.

Это—сила не наша. Она—чужая намъ. Эта сила въ томъ, что тамъ на Востокѣ *ничего не ждутъ*. Для нихъ все уже было, все уже свершилось. И не „свершилось“, а—произошло. Произошло просто, безъ чуда. *Чудесъ* тамъ много, но *чуда* тамъ не знаютъ, *чуда* тамъ не ждутъ.

А мы всѣ—*ждемъ*. Ждемъ Мессіи, ждемъ Второго Пришествія. Мы ждемъ обновленія, ждемъ возрожденія.

У насъ былъ Спаситель, былъ Магометъ. Для всякаго изъ насъ приходилъ отъ Бога сынъ Божій, посланникъ Неба. У насъ были—*пророки*. А тамъ? Тамъ былъ *умный человѣкъ*, самый умный изъ всѣхъ, жившихъ на землѣ. И—только!

Тамъ во тьмѣ прошедшаго не знали Откровенія. Тамъ во мглѣ грядущаго никто ужъ не грядетъ.

Не наша эта сила. Она—чужая. Она—враждебна намъ. И есть уже пророчество, что пойдетъ на насъ эта сила, и больно намъ будетъ. И было ужъ больно...

Но, господа! „Когда ребенокъ упадетъ въ колодецъ, мы

спасаемъ его и не спрашиваемъ, чье это дитя—друга нашего или врага". Такъ говорятъ корейцы.

Человѣкъ впалъ въ грѣхъ. Пожалѣйте-же его, поймите его—и не думайте о томъ, врагъ-ли онъ намъ или другъ.

Онъ—чужой намъ, этотъ Кимъ. Но не будете-же Вы на немъ сводить счеты съ Востокомъ, счеты прошлаго и счеты будущаго. Этотъ человѣкъ съ чужой и чудной для насъ душой,— онъ теперь на Вашихъ рукахъ. Не судите его, какъ врага. Но не судите его и какъ своего.

Намъ говорятъ: „Кимъ не фанатикъ." Господа! Востокъ фанатиченъ не только волей, но и мыслью. Тысячелѣтія миновали съ тѣхъ поръ, какъ тамъ жилъ Конфуцій, а Востокъ и по сію пору ни на мигъ не отводитъ отъ него своихъ косыхъ глазъ. Вѣками, неотступно разглядываетъ онъ священныя строки, роется, толкуетъ, каждую фразу и каждое слово разжевываетъ. Вы думаете, изъ камней—Китайская Стѣна, что отдѣляетъ Востокъ отъ остального міра? Нѣтъ, то—фоліанты Конфуціанской учености. Знаете, что говорили нѣмецкіе ученые китайцамъ: „мы мальчишки, школьники легкомысленные передъ Вами." Эти Gelehrter'ы, эти книгоѣды въ священномъ изумленіи руками разводили предъ грудами книжности, нагроможденной въ теченіе вѣковъ надъ Конфуціанствомъ.

Вамъ говорили здѣсь, что Кимъ на одну чашку вѣсовъ положилъ „уваженіе къ человѣческой жизни", а на другую „жажду убійства". Странная „жажда"! И ужасно любятъ „вѣсы" наши господа прокуроры. Но я имъ отвѣчу: у Кима на вѣсахъ была на одной чашѣ заповѣдь новой его вѣры: „не убій", а на другой сторонѣ—весь, вѣками скопившійся, конфуціанскій грузъ.

Какъ могильными глыбами, придавили Востокъ эти священныя книжныя груды. Какъ младенца, спеленалъ мысль Востока его учитель своими повседневными поученіями. Какъ паутиной, опуталъ онъ съ ногъ до головы Восточнаго человѣка мелочной прозой своихъ назиданій.

Что-жъ! Судите Кима, какъ христіанина! На его душѣ—мертвые пласты вѣковыхъ наслоеній, а Вы, г. обвинитель, думаете, что въ какой-нибудь мѣсяцъ ихъ проросли юные ростки его новой религіи? Судите его, какъ христіанина! На его душѣ—тысячелѣтняя паутина, и Вы полагаете, что она не глушитъ весеннихъ почекъ его новой вѣры?..

Первая заповѣдь этой новой вѣры: „Азъ есмь Господь Богъ твой". А знаете, какая первая заповѣдь, съ младенчества претворившаяся въ кровь Кима и плоть его? „Чти отца и мать твою".

И Кимъ чтитъ ихъ. Когда у него умерли отецъ и мать, онъ съ братьями три года трауръ носилъ, въ гости не ходилъ и къ себѣ не звалъ. Три года они на своихъ женъ не глядѣли, и жены имъ отъ ложа своего отказывали. Они волосъ и ногтей не стригли, не причесывались и не мылись. И Боже упаси, чтобы въ эти годы дѣти родились: въ траурѣ зачатые, то будутъ—дѣти грѣха, паріи незаконнорожденные.

И до четвертаго колѣна будетъ Кимъ чтить—не память, а—*душу* отца своего. Умершій, отецъ—съ нимъ, Кимомъ *живетъ*, тутъ, возлѣ него, въ домѣ его. Дома Кимъ поитъ эту душу и кормитъ ее. Она, душа, въ поминальной дощечкѣ живетъ, и дома у Кима передъ этой дощечкой всегда священные кувшины стоятъ, полные отборнѣйшихъ яствъ. А на горѣ, въ могилѣ, подъ дубомъ—другая душа отца Кимова обитаетъ. А третья его душа отправилась въ таинственный край, къ „десяти судьямъ".

Вотъ, теперь Киму круто приходится. Видно, разгнѣвались предки. Будь это дома, созвалъ-бы Кимъ колдуновъ и колдуній, пошелъ бы съ ними въ горы къ священнымъ могиламъ, выкопалъ-бы своихъ предковъ и отнесъ бы на новое мѣсто получше:—повыше на горѣ и подъ буки, что подревнѣе и потѣнистѣе.

А здѣсь ему говорятъ, что онъ не послушался *„голоса совѣсти"*, покусился убить человѣка. Думаете, легко ему это далось? Да, вѣдь, онъ мучался, Кимъ! Вспомните только: „Я, Романъ Сергѣевичъ Кимъ, по своей низости бросилъ драгоцѣнное общество... Вслѣдствіе низменныхъ прежнихъ обычаевъ (*прежнихъ обычаевъ*, господа!) я получилъ гнусное имя убійцы. Я загрязнилъ пути добродѣтели и общество образованныхъ. Двоилась душа у Кима,—*Сергѣя Романовича Кимъ Хань-Ченга*. Но „оставить безнаказанными на небѣ и на землѣ обиды „предковъ" онъ не могъ, онъ *не посмѣлъ*. Внѣ этихъ предковъ не зналъ онъ святыни. Но эта святыня была для него—всюду, во всемъ и всегда. Отъ нихъ, отъ этихъ предковъ—все хорошее и все дурное, что съ нимъ въ жизни приключалось: отъ ихъ гнѣва и милости! Всю жизнь Кимъ съ этими предками совѣтовался, угождалъ имъ, умилостивлялъ. Онъ мучался: „убить или не убить?" И сильнѣе, страшнѣе былъ для Кима голосъ предковъ объ ихъ обидахъ чѣмъ голосъ его новой, христіанской совѣсти...

Господа! И вѣрующіе христіане разрѣшаютъ себя подчасъ отъ заповѣди: „Не убій". И Вы милуете ихъ. А знаете ли Вы что творитъ съ этой заповѣдью Конфуціанскій Востокъ?!

Убійцѣ тамъ нѣтъ пощады. Тамъ смерть за смерть. Но— не для всякаго убійцы и не за всякое убійство! За убійство... хорошаго человѣка—смертная казнь, а за убійство человѣка, защищающаго проститутку—наказаніе, какъ за... воровство.

Вы понимаете, что это значитъ? Это значитъ, что Конфуціанскій законъ *принципа безусловной цѣнности человѣческой жизни* не признаетъ. Тамъ люди расцѣниваются, какъ товаръ: всякому—своя цѣна. Цѣлая уголовная такса!

И эта такса на человѣческую жизнь — священна. Въ одинъ прекрасный день самъ императоръ возмутился и потребовалъ, чтобы законъ для всѣхъ былъ одинъ. Годъ цѣлый Синъ—бу, Китайскій сенатъ, ломалъ голову надъ этимъ казусомъ съ проституткой, рылся въ Конфуціанской учености и кончилъ тѣмъ, что „сей случай надлежитъ признать безвыходнымъ". Вѣками освященный взглядъ на убійство, на разноцѣнность человѣческой жизни измѣнить не подъ силу даже и самому Сыну Неба.

Вотъ гдѣ сказалась житейская, будничная религія, отмахнувшаяся отъ „духовныхъ вещей", отъ общихъ принциповъ и отвлеченныхъ началъ! Вотъ гдѣ отозвалась священная „книга на всѣ случаи!"

Конфуцій научилъ ихъ распылять каменные устои морали въ угоду мелочному разнообразію повседневной жизни. И вы посмотрите, какъ изворачивается, какъ извивается мысль Востока. Вы посмотрите только на эту филигранную, паутинную казуистику китайско-корейскаго закона. Всякая, самая мелкая, самая ничтожная подробность въ обстановкѣ создаетъ отдѣльный видъ убійства, родитъ новый законъ, особое наказаніе. Видовъ убійства тамъ десятки. А разъ въ законѣ — казуистика, ему не избѣжать софизмовъ. За убійство отца, старшаго брата — смертная казнь. А убійство своихъ дѣтей, или младшаго брата ненаказуемо. Закопать человѣка въ землю живьемъ—не преступленіе; человѣкъ, видите-ли, самъ задохся, а не отъ руки убійцы умеръ. А вотъ, если должникъ, изъ страха предъ кредиторомъ, возьметъ съ отчаянія да утопится, кредитору—смертная казнь—за „предумышленное убійство".

Софистъ — Конфуціанскій законъ. Ну, а человѣкъ, для укрощенія котораго этотъ законъ написанъ, — какимъ-же онъ долженъ сдѣлаться софистомъ! Какой просторъ для изворотовъ колеблящейся мысли! Сколько лазеекъ для человѣческой совѣсти, этого величайшаго изъ іезуитовъ! Въ этой паутинѣ противорѣчій вязнетъ карающій мечъ самого закона Какъ же не запутаться въ ней слабому человѣку?

Вы скажете: „Но Кимъ, вѣдь, не юристъ“. Да! Но онъ Конфуціанецъ. Этого довольно: липкая паутина конфуціанскихъ софизмовъ обволакиваетъ и его мозгъ. Это у насъ богословіе—особая профессія. А тамъ, у нихъ — нѣтъ непосвященныхъ. Вся ихъ ученость, вся образованность — одинъ Конфуцій. Но за то его знаютъ всѣ. Послѣдній телеграфистъ въ захолустной провинціи тамъ — готовый профессоръ на каѳедру Конфуціанства. Самый захудалый изъ сыновей Востока,—какъ у себя дома, въ дремучемъ лѣсу Конфуціанской учености. И въ этомъ еще одна сила этой религіи, — еще одна сила, невѣдомая намъ, послѣдователямъ Христа, Моисея, Магомета.

Они—*фанатики мысли*, эти люди Востока. Это—мономанія какая-то, Конфуціанство—для Восточнаго человѣка. Онъ до дыръ прогрызаетъ священныя страницы, до умопомраченія въѣдается въ эти строки. Какое-нибудь „Ахъ“, „Увы“ Конфуція, „Охъ“, „Ага“ Мынъ-Цзы для него — цѣлый катехизисъ нравственнаго поведенія, цѣлая программа политической дѣятельности. Въ такихъ фанатическихъ рукахъ софизмы религіи, софизмы закона—страшное оружіе!

Такъ не одна же мѣрка для корейца, конфуціанца, Кимъ-Ханъ-Чанга, и для европейца, христіанина, которому и законъ и религія всегда говорили и говорятъ просто, ясно и непреложно: „Не убій“...

Но говорятъ: *„политическое убійство“*. Ну, такъ я скажу: разъ убійство — политическое, тогда Кимъ-Хенъ-Чангу нечего было и изворачиваться въ софизмахъ, незачѣмъ было искать лазеекъ. Іи-Іонъ-Икъ для него — измѣнникъ, „государственный разбойникъ“, и потому, занося надъ нимъ свою руку, Кимъ не лгалъ ни передъ своею совѣстью, ни передъ религіей, *ни даже передъ закономъ*.

Господа! Я утверждаю: передъ нами не политическое, а... *религіозное убійство*.

Да, религіозное,—именно потому, что здѣсь корейскій подданный убивалъ представителя своего, корейскаго, правительства.

Почитайте Мынъ-Цзы. Это—апостолъ Конфуція, ученикъ его внука. Двѣ трети его поученій—правитель и народъ. Это основной, чуть-ли не исчерпывающій вопросъ Конфуціанской религіи.

Вы знаете, что такое для Конфуціанства народъ? „Народъ есть то, что благороднѣе всего на свѣтѣ; послѣ него идутъ сильные міра сего и послѣдній изъ нихъ есть государь“.

А „правительство есть то, что справедливо и согласно съ правомъ".

Сначала народъ, потомъ правитель. Вся религія Востока— права народа и обязанности правителя, а не наоборотъ!

Самодержавнѣйшее изъ самодержавныхъ государствъ — Китай! Императоръ — особа священная, неприкосновенная. А вотъ послушайте, на какомъ принципѣ построено тамъ законодательство о государственныхъ преступленіяхъ: „Власть его величества покоится не на божественномъ правѣ; она можетъ осуществляться только до тѣхъ поръ, пока верховное правленіе явно благодѣтельно для цѣлаго общества".

Ибо такъ говорилъ апостолъ Конфуція, Мынъ-Цзы: „Повелѣніе неба, дающее человѣку власть, даетъ ему ее не навсегда. Поступая дурно или несправедливо, теряютъ власть". И еще: „Если сынъ Неба нечеловѣколюбивъ, то онъ не сохранитъ имперіи; если удѣльный князь нечеловѣколюбивъ, то ему не сохранить своего княжества; если вельможа и сановникъ нечеловѣколюбивъ, то ему не сохранить храма своихъ предковъ".

Кимъ-Ханъ-Ченгъ убивалъ вельможу и сановника — Іи-Іонъ-Ика. Это уже шестое покушеніе на него. Его смерти искали и сановники, и армія, и народъ. *Народу* служитъ правитель. *Народъ ему и судья.* Ибо сказано Киму: „Небо видитъ, но видитъ оно глазами народа. Небо слышитъ, но слышитъ оно ушами народа".

Народъ пухъ и гибъ отъ голода, а Іи-Іонъ-Икъ богатѣлъ и жирѣлъ. А Мынъ-Цзы говоритъ: „На княжеской конюшнѣ— тучные кони, а на пустыряхъ и въ канавахъ трупы умершихъ отъ голода людей. Это значитъ отдавать своихъ подданныхъ на съѣденіе звѣрямъ".

И для Кима Іи-Іонъ-Икъ — *убійца* Ибо сказано Киму: „Убійство человѣка ножомъ или посредствомъ жестокаго правленія, въ этомъ разницы нѣтъ".

Для Кима Іи-Іонъ-Икъ—*вовсе не человѣкъ.* Ибо сказано Киму: „Не имѣющій чувства состраданія — не человѣкъ; неимѣющій стыда и отвращенія ко злу — не человѣкъ; не имѣющій чувства самоотреченія—не человѣкъ".

Кимъ отъ грѣха уходилъ, убивая Іи-Іонъ-Ика. Ибо „Конфуціемъ были отвержены тѣ, которые обогащаютъ своего князя, когда онъ не осуществляетъ человѣколюбиваго управленія".

Кимъ грѣхъ убивалъ, а не человѣка. Ибо такой грѣшникъ, какъ Икъ, отравляетъ людей, самый воздухъ вокругъ зара-

жаетъ. Къ нему и подходить близко нельзя: „Развѣ можно разговаривать съ нечеловѣколюбивымъ княземъ?“

Чиновникъ Кимъ, убивая министра своего государя, *этому государю и служилъ*, служилъ по завѣтамъ предковъ. „Увы, древніе люди говорятъ: сына, не увѣщевающаго своего отца, можно назвать непочтительнымъ; чиновника, не увѣщевающаго своего государя, можно назвать измѣнникомъ“.

Измѣной своему государю было бы для Кима оставить Іи-Іонъ-Ика въ живыхъ. Кимъ спасалъ своего Императора, отводилъ отъ него кару и мщеніе. Ибо сказано Киму: „Управленіе недостойныхъ слугъ навлечетъ на правительство божественное наказаніе и мщеніе народа“.

И не могъ Кимъ не убить. Его рукой двигала сила, которая сильнѣе его. Онъ творилъ волю высшей силы. Ибо эта смерть, это убійство предопредѣлено было въ книгахъ судебъ. Сказано тамъ: „Если правитель сильно угнетаетъ свой народъ, то онъ самъ будетъ убитъ и династія погибнетъ“.

Іи-Іонъ-Икъ самъ виноватъ. Не Кимъ его убилъ. Іи-Іонъ-Икъ самъ себя убилъ:

„У рѣки сидѣлъ мальчикъ и пѣлъ:
„Когда въ рѣкѣ Цанъ-Лань вода чиста,
„Она годится для мытья кистей на моей шапкѣ.
„Когда въ рѣкѣ Цанъ-Лань вода грязна,
„Она годится для мытья моихъ ногъ.

Конфуцій сказалъ своимъ ученикамъ: „Дѣтки, послушайте, что поетъ мальчикъ: вода сама виновата въ томъ употребленіи, которое ей даютъ. Такъ и съ правителемъ!..“

Это—не убійство. Это не преступленіе:

Король Ци спросилъ Мынъ-Цзы: „Правда-ли, что У-ванъ сразилъ Чжоу?—„Да, такъ говоритъ преданіе“.—„А развѣ можно, чтобы подданный убивалъ своего государя?“ — „Кто убиваетъ гуманность, тотъ называется разбойникомъ; кто посягаетъ на справедливость, тотъ называется злодѣемъ; а злодѣя и разбойника называютъ отверженнымъ человѣкомъ. И я слышалъ, что убили *отверженнаго человѣка, по имени Чжоу*, но чтобы убили *государя Чжоу* этого я не знаю“.

И еще сказалъ Мынъ-Цзы королю Ци: „Народъ поквитался съ жестокими и несправедливыми правителями. Государь! Не вини его“.

Такъ вотъ что, господа, нашептали Кимъ-Ханъ-Ченгу горные духи! Вотъ чего требовали отъ него его предки! Вотъ чему его училъ *его* Учитель! И не повѣритъ Вамъ Кимъ, если вы скажете ему, что онъ „террористъ“!

„Кимъ не фанатикъ“?! Семь лѣтъ подрядъ выслѣживаетъ онъ Іи-Іонъ-Ика. Семь лѣтъ подъ рядъ крадется за нимъ по пятамъ. Ради него онъ забылъ семью, дѣтей, свой домъ, свои цвѣты и священные кувшины. Семь лѣтъ онъ носитъ на груди эти истлѣвшія страницы, исповѣдь своей наболѣвшей души. Семь лѣтъ онъ выжидаетъ своего часа и думаетъ только о томъ, чтобы эта исповѣдь сразу попала въ руки людямъ, которые вырвутъ у него окровавленный ножъ, чтобы ни одинъ человѣкъ, ни на одинъ мигъ, не подумалъ, что Кимъ — простой убійца, разбойникъ, грабитель. Кимъ, инженеръ, обладатель прекрасныхъ цвѣтовъ, сынъ и внукъ министровъ и генераловъ, знатный сынъ цвѣтущей Кореи, подъ угрюмымъ чужимъ небомъ, промышляетъ папиросами по гостинницамъ, ждетъ и ищетъ роковой встрѣчи. Сто разъ онъ могъ поразить Ика вѣрнымъ ударомъ, жилъ съ нимъ въ одной комнатѣ, былъ съ нимъ, спящимъ, одинъ на одинъ. Но Икъ спалъ на сундукѣ съ наворованнымъ у народа золотомъ. И Кимъ удерживалъ свою руку, дрожавшую жаждой священной мести: блескъ золота могъ ослѣпить людей, и они не повѣрили-бы Киму, зачѣмъ пролилась кровь Іонъ-Ика.

Господа! Это какое-то благоговѣйное омовеніе своей души. Такъ идутъ только на религіозный подвигъ.

„Кимъ не фанатикъ“?!

Господа судьи! Кимъ видѣлъ враговъ въ столицѣ своей страны, во дворцѣ своего императора. Самое сердце его родины придушено вражеской пятой. Она родная вамъ, эта Корея. Одной болѣзнью съ Россіей настигнута была она. Гигантъ выдержалъ болѣзнь, а маленькая сосѣдка погибла.

И не такихъ еще, какъ этотъ маленькій Кимъ, перетираетъ исторія своими жерновами. Вотъ онъ сидитъ здѣсь, этотъ маленькій Кимъ. Какъ снѣгъ на голову, свалился онъ къ намъ, чужой, ненужный, непонятный. Такой чужой, что и не понять и намъ по этому лицу, старый онъ или молодой, умный или глупый, злой или добрый. Такой маленькій, затерявшійся въ своемъ углу за рѣшеткой, что даже скамья эта ему не по росту.

А тамъ, въ своей Кореѣ, онъ — понятенъ, онъ — великъ. Ему шлютъ привѣты, его прославляютъ — и простые люди, и воины, и вельможи.

Вы его накажете рудниками, чтобы онъ искупилъ свой грѣхъ. А для него это новый, страшный грѣхъ, ибо драконъ стережетъ подземныя богатства, и рука человѣка да не дерзнетъ ихъ коснуться.

Такъ поймите же этого маленькаго, чужого Кима! Отдайте народу его героя! Это—все, что осталось у несчастной страны...

Присяжные засѣдатели послѣ 5-минутнаго совѣщанія вынесли Кимъ-Ханъ-Ченгу оправдательный вердиктъ.

ПРОПАГАНДА

Дѣло Борманъ и Аничкова.

Рѣчь М. Л. Мандельштама.

Гг. Сенаторы!

Наши возраженія противъ приговора Петербургской судебной палаты мы раздѣляемъ на двѣ части. Одни касаются мотивировки приговора, другіе будутъ направлены на самую сущность правовыхъ положеній, на которыхъ построено объясненіе г-жи Борманъ.

Начнемъ съ первыхъ.

Судебная палата, установивъ, что обвиняемые Борманъ и Аничковъ провезли черезъ границу до 400 экземпляровъ нѣсколькихъ №№ „Освобожденія“, перешла затѣмъ къ выясненію программы этого органа. Придя къ убѣжденію въ преступности его программы, палата по какому-то странному недоразумѣнію обвиняла за эту программу не Петра Струве, а Аріадну Борманъ. Но г-жа Борманъ ни издательницей, ни редакторомъ „Освобожденія“ не состоитъ; въ принадлежности къ какому либо редакціонному кружку она не обвинялась. Она отвѣтственна только за тѣ №№ и тѣ экземпляры журнала, которые провозила черезъ границу, и судебная палата обязана была въ своемъ приговорѣ точно установить, въ какихъ именно, изъ отобранныхъ у подсудимыхъ №№ журнала, заключалось дерзостное порицаніе существующей формы правленія. Палата не только не установила этого, но даже не дала себѣ труда указать, въ какихъ статьяхъ она усматриваетъ составъ преступленія. По дѣламъ гораздо меньшей важности, по дѣламъ о простой клеветѣ или обидѣ, Сенатъ строго разграничиваетъ область существа дѣла отъ области права, подлежащей кассаціонной провѣркѣ. Установленіе тѣхъ или иныхъ выраженій—дѣло существа; здѣсь совѣсть судьи, область судейскаго усмотрѣнія; преступность этихъ выраженій, ихъ юридическая квалификація—здѣсь область права, здѣсь—Сенатъ со своей кассаціонной провѣркой.

Что же сказать о приговорѣ, который на вопросъ, въ какихъ именно статьяхъ усматривается составъ преступленія отвѣчаетъ въ . . . „многочисленныхъ“?

Я понимаю учителя грамматики, ставящаго двойку ученику за „многочисленныя ошибки“, понимаю бойкаго фельетониста газеты, говорящаго о „многочисленныхъ холмахъ и оврагахъ, придающихъ живописный видъ мѣстности“; но чего я никакъ не могу понять: какимъ образомъ судебный приговоръ, вторгающійся въ чужую жизнь и навсегда ее калѣчащій, можетъ отдѣлываться подобными неопредѣленными выраженіями!

Развѣ нельзя себѣ представить администратора, который критику дѣятельности своего городового бляха № 2753 склоненъ разсматривать, какъ потрясеніе основъ, какъ „дерзостное порицаніе существующаго образа правленія“. Гдѣ у насъ гарантія въ томъ, что „многочисленныя статьи“, на которыя ссылается приговоръ, не плодъ черезъ-чуръ охранительно настроенныхъ взглядовъ судебной палаты?

Увы, при подобной мотивировкѣ приговора верховный судъ Имперіи лишенъ возможности войти въ провѣрку его законности.

Но я пойду дальше. Я утверждаю, что въ незначительное время, посвященное совѣщанію, судебная палата не имѣла времени ознакомиться не только съ „многочисленными статьями Освобожденія“, но даже съ какой-нибудь одной. А вѣдь въ составъ особаго присутствія входятъ сословные представители, для которыхъ до момента открытія засѣданія вещественныя доказательства—запрещенный плодъ. Когда же, спрашиваю я Васъ, успѣли они вкусить отъ древа познанія добра и зла? И не скрываетъ ли ссылка на многочисленность статей невозможность указать хотя бы одну изъ нихъ.

Вотъ почему защита находитъ, что палата нарушила 797 ст. уст. уг. суд. Утвердите этотъ приговоръ, и тогда, рядомъ съ обвиненіемъ въ распространеніи многочисленныхъ статей, мы, юристы Имперіи, начнемъ предъявлять обвиненія въ многочисленныхъ кражахъ, многочисленныхъ подлогахъ и пр. А судебные приговоры будутъ отправлять людей въ тюрьмы и арестантскія роты, ссылаясь на виновность ихъ въ многочисленныхъ преступленіяхъ безъ всякой попытки указать на какое-либо индивидуальное дѣяніе.

Вмѣсто того, чтобы указать какія-либо опредѣленныя статьи Освобожденія, приговоръ прямо и дословно переписываетъ характеристику органа Струве, сдѣланную въ исторической части обвинительнаго акта.

Журналъ признанъ виновнымъ въ томъ, что онъ направленъ къ возбужденію русскаго населенія къ низверженію установленнаго законами самодержавнаго образа правленія для замѣны такового конституціоннымъ строемъ и что, „не выдвигая какой-либо опредѣленной организаціи или программы противоправительственной борьбы и способовъ достиженія указанныхъ преступныхъ цѣлей, „Освобожденіе“ путемъ упорнаго дискредитированія дѣйствій верховной власти и органовъ управленія, а равно выраженіемъ явнаго неуваженія къ личности Монарха стремится оказать поддержку революціонному движенію“.

Къ этой характеристикѣ „Освобожденія“, взятой дословно на прокатъ изъ обвинительнаго акта, приговоръ добавляетъ лишь одну черту: органъ Струве даетъ тенденціозную оцѣнку общественному и правительственному строю Россіи.

Но тенденціозность въ лучшемъ смыслѣ этого слова есть кровь, которой окрашиваетъ каждый публицистъ свои творенія. Здѣсь его святая-святыхъ, его убѣжденія, „мозги костей его и соки его нервовъ“.

Тенденціозенъ „Вѣстникъ Европы“ и еще больше, чѣмъ „Вѣстникъ Европы“, чѣмъ „Освобожденіе“, тенденціозенъ „Гражданинъ“ въ своихъ нападкахъ на тѣ стороны правительственной и общественной жизни, которыя не соотвѣтствуютъ его идеаламъ. Развѣ нападки кн. Мещерскаго на земства, на суды, на Сенатъ, какъ на высшаго хранителя законности, не заставляютъ блѣднѣть рѣзкости обличеній Струве. Нѣтъ, тенденція, даже когда она переходитъ въ явное извращеніе фактовъ, что относительно Освобожденія приговоромъ не установлено, въ произвольность выводовъ, въ легкомыслiе обобщеній—является нарушеніемъ законовъ эстетики, правилъ литературной этики, но не уложенія о наказаніяхъ, и я въ первый разъ узнаю изъ приговора Петербургской судебной палаты, что тенденціозность карается по 252 ст. ул. о нак.

Далѣе, составъ 252 ст. Особое Присутствіе усмотрѣло въ возбужденіи населенія къ низверженію самодержавія и въ стремленіи оказать поддержку революціонному движенію.

Но низверженіе самодержавія и замѣна его конституціоннымъ строемъ составляетъ преступленіе, которое всецѣло зависитъ отъ средствъ, для этого употребляемыхъ. Распространеніе произведеній, стремящихся низвергнуть самодержавный образъ правленія путемъ бунта—это преступленіе чрезвычайно тяжелое. Оно предусмотрѣно 251 ст. ул. о нак., но по 251 ст. подсудимые не обвиняются.

Попытка замѣны самодержавія конституціоннымъ правленіемъ путемъ подачи прошенія на Высочайшее имя или путемъ горячей мольбы, обращенной къ Господу Богу—совсѣмъ ненаказуема. Между двумя крайними пунктами цѣлая лѣстница. Все зависитъ отъ средствъ, которыя собой окрашиваютъ самую цѣль. Мало того, 252 ст. ул. о нак., по которой предъявлено обвиненіе, совершенно не интересуется цѣлями преступленія. Она караетъ само „дерзостное порицаніе образа правленія", совершенно независимо отъ цѣлей, преслѣдуемыхъ авторомъ. Важно самое порицаніе, а не стремленіе путемъ его оказать поддержку революціонному движенію. Съ этимъ очевидно согласна и палата. Установивъ цѣли, преслѣдуемыя Освобожденіемъ, которыя для состава преступленія не имѣютъ никакого значенія, палата переходитъ къ средствамъ для ихъ достиженія. Такихъ средствъ установлено два. Статьи, упорно дискредитирующія дѣйствія и распоряженія Верховной Власти и органовъ управленія — во-первыхъ. Но то, что одному кажется дискредитированіемъ—для другого только законная критика. Тамъ, гдѣ нѣтъ критики, не можетъ быть движенія, тамъ застой, китайщина. Наша печать имѣетъ право критики законовъ, а законъ—самое полное выраженіе Верховной Власти. 252 ст. говоритъ о порицаніи самодержавія, а не о дискредитированіи дѣйствій Верховной Власти. Палата пошла дальше. Она подвела подъ 252 ст. даже дискредитированіе дѣйствій органовъ управленія!

При подобныхъ взглядахъ палаты высказанное мной подозрѣніе—не приняла ли она критику какого-нибудь распоряженія урядника за дерзостное порицаніе существующей формы правленія, — получаетъ еще новое подтвержденіе: вѣдь никто не станетъ отрицать, что урядникъ есть органъ управленія. И при подобныхъ взглядахъ палаты Сенатъ безсиленъ провѣрить, что именно она считаетъ дерзостнымъ порицаніемъ формы правленія.

Критика или не составляетъ никакого преступленія, а стѣснена административными мѣрами главнаго управленія по дѣламъ печати, или же, если она является въ дерзкой и оскорбительной формѣ, предусмотрѣна не 252, а 1035 ст. улож., которая гласитъ!

„Напечатавшій оскорбительные и направленные къ колебанію общественнаго довѣрія отзывы о дѣйствующихъ въ Имперіи законахъ, или о постановленіяхъ и распоряженіяхъ правительственныхъ и судебныхъ установленій, также дозволившій себѣ оспаривать въ печати обязательную силу законовъ и одо-

брять или оправдывать воспрещенныя имъ дѣйствія, съ цѣлью возбудить къ нимъ неуваженіе, подвергается...“

Характеръ преступленій, предусмотрѣнныхъ 1035 ст., нисколько не измѣнится отъ того, что авторъ статей будетъ преслѣдовать цѣль оказать ими поддержку революціонному движенію.

Второе изъ указанныхъ приговоромъ средствъ ниспроверженія самодержавія—неуваженіе къ личности монарха—составляетъ точно также совершенно самостоятельное преступленіе—оскорбленіе Величества.

И такъ, палата въ своемъ приговорѣ установила цѣлый рядъ преступленій, предусмотрѣнныхъ самыми различными раздѣлами и статьями улож. о нак. и не нашла, чтобы „многочисленныя“ статьи „Освобожденія“ дерзостно порицали существующую форму правленія или оспаривали неприкосновенность правъ Верховной Власти, т. е. признаковъ именно того преступленія, въ которомъ обвиняются подсудимые.

Мы не говоримъ о дѣйствительномъ характерѣ журнала „Освобожденіе“. Если обвинительный актъ утверждаетъ, что только „изъ пріобщенныхъ къ дѣлу №№ журнала „Освобожденіе“, взятыхъ при обыскахъ у Борманъ усматривается, что означенный органъ издается за границей въ Штутгартѣ подъ редакціей П. Б. Струве“, то и мы вправѣ говорить о характерѣ и направленіи „Освобожденія“ лишь въ тѣхъ границахъ, которыя установлены приговоромъ.

И защита утверждаетъ, что Петербургская судебная палата, примѣняя къ ею же самою установленнымъ признакамъ—252 статью улож. о нак., совершила явное нарушеніе этой статьи.

Вотъ почему мы ходатайствуемъ объ отмѣнѣ приговора за нарушеніемъ 252 ст. улож. о нак.

Впрочемъ генеральное сраженіе, которое защита дала обвинительной власти, произошло не на этой почвѣ. Мы со всей силой глубоко убѣжденныхъ людей и со всей энергіей юристовъ, отстаивающихъ самое драгоцѣнное свое достояніе—законъ и право, доказывали, что въ перевозѣ черезъ границу запрещенныхъ произведеній заключается не покушеніе, а лишь приготовленіе къ преступленію. И здѣсь на главной линіи боя, палата проявила необыкновенную сдержанность и молчаливость. Изъ приговора намъ такъ и не удалось узнать, почему мы разбиты, а наши аргументы отвергнуты. Дѣлать нечего,—начнемъ сначала.

9 статья опредѣляетъ покушеніе на преступленіе, какъ

„всякое участіе, коимъ начинается или продолжается приведеніе злого намѣренія въ исполненіе“. Опредѣленіе настолько широкое, что самъ Сенатъ нашелъ, что „оно не разрѣшаетъ всѣхъ спорныхъ вопросовъ о границахъ приготовленія отъ покушенія“. Дѣйствительно, „пріобрѣтеніе средствъ для совершенія преступленія“, которое по 8-й статьѣ составляетъ лишь приготовленіе, въ строгомъ смыслѣ слова, есть уже „приведеніе злого намѣренія въ исполненіе“, т. е. согласно 9-й статьѣ покушеніе на преступленіе. Поэтому вопросъ объ отдѣленіи приготовленія отъ покушенія представляется и самымъ труднымъ, и въ то же время и самымъ важнымъ вопросомъ уголовнаго права. Приготовленіе по общему правилу ненаказуемо, двери суда широко раскрываются для того, чтобы дать дорогу освобожденному подсудимому. Покушеніе по общему правилу карается почти такъ же тяжко, какъ и самое преступленіе. Приготовленіе въ нашемъ процессѣ можетъ быть наказано maximum 3 мѣсяца ареста, какъ простое храненіе. Вполнѣ понятны усилія выдающихся умовъ юриспруденціи, затраченныя на опредѣленіе тонкой грани, отдѣляющей приготовленіе отъ покушеній, которую съ легкимъ сердцемъ перешагнула палата. Наиболѣе видный представитель господствующихъ взглядовъ Цахаріе, опредѣляетъ покушеніе, какъ дѣйствіе, которое можетъ разсматриваться, какъ составная часть запрещеннаго закономъ поступка. Совершенно согласно съ наукой и нашъ Сенатъ въ своемъ рѣшеніи по дѣлу Айзенберговъ (88 г. 20 №) говоритъ: „Дѣяніе, чтобы стать покушеніемъ, должно находиться въ непосредственной связи съ самымъ совершеніемъ преступленія и быть прямо на совершеніе онаго направлено, входить въ составъ законныхъ признаковъ преступленія“.

Поясню ходячимъ примѣромъ, который, какъ мячикъ, перепрыгиваетъ изъ книги въ книгу и, пройдя черезъ учебникъ Таганцева, находитъ оффиціозную санкцію въ объяснительной запискѣ уголовнаго уложенія.—Воръ взламываетъ замокъ жилища, этимъ онъ совершаетъ покушеніе на кражу. Онъ осуществляетъ квалифицирующій признакъ состава преступленія, который, по выраженію объяснительной записки, „дѣлаетъ возможнымъ совершеніе главнаго акта“, т. е. кражи. Но вотъ тотъ же человѣкъ взламываетъ дверь жилища не для кражи, а для убійства; преступленіе неизмѣримо болѣе тяжелое. Интересы, на которые онъ посягаетъ, самые священные —жизнь человѣка, и все-таки здѣсь только приготовленіе. Взломъ двери не входитъ признакомъ въ составъ преступленія убійства.

Перейдемъ отъ этихъ общихъ положеній къ преступленію, составляющему предметъ нашего процесса. Я нахожу, что до тѣхъ поръ, пока я пріобрѣтаю запрещенныя книги, я еще только въ области приготовленія. Совершенно безразлично, какъ, гдѣ и какимъ способомъ я ихъ пріобрѣтаю: покупаю ли я ихъ внутри Имперіи, провожу ли я изъ за границы, выписываю ли я ихъ хотя бы изъ Индіи. Для состава преступленія это безразлично. Пока я стягиваю къ себѣ нелегальныя произведенія, пока я ихъ храню у себя, я еще только приготовляюсь къ преступленію ихъ распространенія. Другое дѣло, когда я направилъ эти сочиненія уже отъ себя къ другимъ лицамъ, когда я бросилъ ихъ въ почтовый ящикъ, сдалъ заказной корреспонденціей или разослалъ съ посыльными по разнымъ адресамъ. Здѣсь я уже не стягиваю къ себѣ, а распространяю между другими лицами. И если правительственная власть остановитъ пакеты на почтѣ, захватитъ ихъ у разсыльныхъ прежде, чѣмъ они попали къ адресатамъ, мы будемъ имѣть дѣло съ покушеніемъ на распространеніе.

Эти положенія настолько ясны, примѣры такъ кричащи, рѣшенія Сената столь опредѣленны, что я невольно съ изумленіемъ останавливаюсь передъ вопросомъ: какимъ же образомъ Сенатъ могъ въ области государственныхъ преступленій потрясти тѣ устои права, которые онъ съ такимъ неподражаемымъ искусствомъ самъ создалъ въ преступленіяхъ общеуголовнаго характера. Я съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ ждалъ этого момента; я ждалъ того момента, когда я заговорю по данному вопросу передъ судилищемъ единственно компетентнымъ отмѣнить свои прежнія рѣшенія и направить судебную практику по новому руслу. Меня не смущаетъ то, что трактуемый вопросъ два раза восходилъ на разсмотрѣніе Правительствующаго Сената.

30 лѣтъ отдѣляютъ насъ отъ прежнихъ рѣшеній. А развѣ мы не были свидѣтелями того, какъ Сенатъ имѣлъ благородное мужество отказаться отъ опредѣленія о правахъ защиты, на которомъ еще не успѣли засохнуть чернила. Вотъ почему съ глубокой вѣрой въ правоту своихъ убѣжденій и въ возможность поколебать взгляды Сената я приступаю къ критикѣ сенатскихъ рѣшеній.

Сенатъ по дѣлу Александровской еще въ 1871 г. за № 1434 нашелъ, что „провозъ изъ за границы возмутительныхъ воззваній въ предѣлы Россіи съ цѣлью ихъ распространенія долженъ быть признаваемъ покушеніемъ на ихъ распространеніе въ Россіи“, такъ какъ Сенатъ видитъ здѣсь „перевозку озна-

ченныхъ сочиненій въ мѣста, гдѣ они должны быть распространяемы".

Прежде всего насъ поражаетъ широта опредѣленія мѣста распространенія возмутительныхъ произведеній. Вся Россійская Имперія „отъ хладныхъ финскихъ скалъ до пламенной Колхиды", отъ береговъ Балтійскаго моря до Тихаго океана. Почему же тогда мѣстомъ распространенія называть всю Россію, зачѣмъ безъ нужды суживать юридическія опредѣленія; не лучше ли подъ этимъ мѣстомъ понимать весь земной шаръ весь космосъ, наконецъ. А вѣдь обвиненіе ничѣмъ не установило болѣе опредѣленнаго мѣста: „Освобожденіе" перевозилось въ Петербургъ, но тамъ ли его предполагалось распространять или гдѣ-нибудь за десятки тысячъ верстъ отъ столицы—остается неизвѣстнымъ. Допустимъ однако, что Россійская Имперія можетъ быть названа мѣстомъ совершенія преступленія въ юридическомъ смыслѣ слова, и прислушаемся къ аргументаціи Сената. Что касается до перевозки означенныхъ сочиненій и произведеній въ мѣста, гдѣ они должны быть распространяемы,—говоритъ Сенатъ—то какъ на основаніи общихъ началъ уголовнаго смысла закона, предусматривающаго преступленія государственныя, дѣяніе это должно быть признаваемо не приготовленіемъ, а покушеніемъ на распространеніе".

Общія начала уголовнаго права,—мы ихъ уже знаемъ,—но здѣсь Сенатъ выдвигаетъ совершенно новое, подысканное ad hoc „общее начало". Покушеніе на распространеніе уже не предполагаетъ осуществленія одного изъ элементовъ состава преступленія; нѣтъ, покушеніе начинается съ того момента, „когда обвиняемый дастъ уже пріобрѣтеннымъ имъ средствамъ направленіе по пути исполненія задуманнаго имъ зла, когда притомъ дѣяніе это, находясь въ непосредственной связи съ самымъ совершеніемъ преступленія, выразило твердое намѣреніе привести задуманное въ исполненіе и даже представляло извѣстную долю опасности для лица или общества, противъ коихъ преступленіе направлено, то такое дѣяніе подсудимаго должно быть признаваемо за покушеніе на преступленіе".

Борманъ, перевозя „Освобожденіе" черезъ границу, дала пріобрѣтеннымъ ею средствамъ направленіе по пути исполненія задуманнаго ею зла, и при томъ дѣяніе это находится въ непосредственной связи съ самымъ совершеніемъ преступленія;—таковъ первый аргументъ. Я являюсь въ прокурорскій надзоръ и скажу: „мнѣ достовѣрно извѣстно, что въ тотъ моментъ, когда мы пледируемъ въ Сенатѣ, черезъ границу провозятся отмычки и другія орудія совершенія взлома, они уже пріо-

брѣтены злоумышленниками и теперь имъ дается направленіе по пути исполненія задуманнаго зла; мнѣ извѣстно и мѣсто, гдѣ предполагается совершить преступленіе, это мѣсто—Россійская Имперія; составляйте же, составляйте скорѣе обвинительный актъ въ покушеніи на кражу. Вы, господа Сенаторы, легко можете себѣ представить недоумѣніе прокурорскаго надзора. Это недоумѣніе превратится въ живѣйшее изумленіе, когда они замѣтятъ мой знакъ присяжнаго повѣреннаго, гарантирующій знаніе „основныхъ началъ уголовнаго права". Почему же теорія „основныхъ началъ", такъ блестяще взрощенная Сенатомъ на нивѣ государственныхъ преступленій, вянетъ и блекнетъ при первой попыткѣ пересадить ее въ обычныя условія общеуголовныхъ преступленій? „Если виновный—говоритъ объяснительная записка къ проекту уголовнаго уложенія—пріобрѣлъ ядъ, приготовилъ его, подмѣшалъ его въ тотъ составъ, въ которомъ онъ намѣренъ былъ ввести его въ организмъ, намазалъ ядомъ оружіе, отправился на то мѣсто, гдѣ долженъ былъ встрѣтить жертву, и наконецъ прибылъ туда,—онъ совершилъ тѣмъ только приготовительныя къ отравленію дѣйствія. Прибылъ на мѣсто, не въ Россійскую Имперію, а въ тотъ домъ, въ ту комнату, гдѣ живетъ намѣченная имъ жертва, — и все таки онъ совершаетъ не покушеніе, а только приготовленіе. Только съ того момента, когда преступникъ бросается съ отравленнымъ кинжаломъ на свою жертву, онъ переступаетъ завѣтную черту. Если злоумышленникъ желаетъ отравить свою жертву, виновный пріобрѣлъ и приготовилъ ядъ, влилъ его въ чашку съ кофе, отнесъ чашку жертвѣ — всѣ эти дѣйствія несомнѣнно входятъ въ область приготовленія". Покушеніе начинается тамъ, гдѣ происходитъ актъ передачи отравы подъ видомъ питья, или когда виновный „не передалъ непосредственно чашку съ отравой въ руки жертвы, а поставилъ ее въ то мѣсто, съ котораго возьметъ и выпьетъ ее намѣченная жертва: моментъ постановки чашки на столъ, графина въ шкафъ и будетъ отдѣлять приготовленіе отъ покушенія. Я взялъ этотъ примѣръ не потому, что онъ помѣщенъ въ учебникѣ Таганцева, не потому что объяснительная записка придала ему офиціозное значеніе; нѣтъ,—сама судебная практика освятила его. При старыхъ судебныхъ учрежденіяхъ этотъ случай восходилъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта и разрѣшенъ въ приведенномъ смыслѣ. Вотъ почему я имѣлъ право, обращаясь къ палатѣ, сказать ей: забудьте, что передъ вами честные интеллигентные люди; забудьте, что преступленіе ихъ не обагрено кровью и не испачкано кровью, забудьте, что личные мотивы были имъ чужды. У насъ

къ вамъ одна мольба: судите ихъ такъ, какъ вы судили бы отравителей, поджигателей и разбойниковъ!

Второй аргументъ Сената, почерпнутый имъ изъ „общихъ началъ", заключается въ томъ, что перевозъ черезъ границу выражаетъ твердое намѣреніе совершить преступленіе. Здѣсь Сенатъ вспоминаетъ давно отжившую эпоху субъективныхъ теорій покушенія. Давно, очень давно и въ нашей литературѣ загорался споръ между субъективной и объективной школой. Еще въ шестидесятыхъ годахъ Чебышевъ-Дмитріевъ отстаивалъ субъективное начало, но воззрѣнія и его, и его школы никогда не были господствующими въ юридической литературѣ. Что же касается до нашего законодательства, то въ немъ субъективное воззрѣніе было погребено еще раньше, и на каменныхъ плитахъ, подъ которыми покоится прахъ его, красуются надписи: „сводъ законовъ", „уложеніе о наказаніяхъ", „уголовное уложеніе".

Статья 9 свода, по изданію 42 года, говорила: „покушеніемъ къ преступленію почитается намѣреніе учинить оное, когда намѣреніе сіе обнаружено такимъ дѣйствіемъ, коего необходимымъ послѣдствіемъ было бы совершеніе преступленія".

И дѣйствительно, намѣреніе, а тѣмъ болѣе твердость или нетвердость его, являются на столько тонкими субъективными признаками, что, по совершенно вѣрному замѣчанію Таганцева, неуловимы для законодателя. Предоставленные же судьбѣ, они вносятъ въ твердую систему права элементъ произвола и не сдерживаемаго ничѣмъ усмотрѣнія.

Потревоживъ затѣмъ давно развѣянный временемъ прахъ субъективныхъ теорій, Сенатъ ищетъ въ опасности для общества перевоза черезъ границу нелегальныхъ брошюръ оправданіе своей точки зрѣнія.

Мы не смѣемъ спорить: ввозъ 400 экземпляровъ „Освобожденія" представляетъ необыкновенную опасность для общества. Они опаснѣе отравленнаго кинжала или горючаго матеріала, подложеннаго, но еще не зажженнаго, что составляетъ только приготовленіе.

Пусть будетъ такъ! Но мы рѣшаемся утверждать, что общеопасность никогда не составляла критеріума при отдѣленіи понятія „приготовленіе" отъ „покушенія". Приготовленіе динамита гораздо опаснѣе, чѣмъ покушеніе на кражу. А во-вторыхъ Финляндская граница не имѣетъ ничего общаго съ той границей, о которой говоритъ рѣшеніе Сената.

Тамъ идетъ рѣчь о границѣ, раздѣляющей не только территоріи, но даже fas и nefas. Шагъ назадъ, — всѣ произведенія мысли свободны, можно дерзостно порицать всякія суще-

ствующія и несуществующія формы правленія, критика находитъ свои естественные предѣлы только въ границахъ человѣческаго мышленія; шагъ впередъ—и право критики стиснуто уложеніемъ о наказаніяхъ, надъ мыслью цензура, надъ цензурой уголовный законъ. Тамъ все разрѣшено, здѣсь все запрещено. Перевозъ черезъ такую границу съ точки зрѣнія политики можетъ представляться опаснымъ; и я, какъ юристъ, протестую, но всетаки могу понять желаніе бросить право подъ ноги политикѣ. Въ нашемъ процессѣ рѣчь идетъ о границѣ, отдѣляющей Россію отъ Финляндіи. И въ той, и въ другой „Освобожденіе“ одинаково запрещено. И слѣдовательно перевозъ черезъ нее есть такой же безразличный моментъ, какъ и перевозъ, напримѣръ, изъ Петербурга въ Москву и обратно.

Вотъ и всѣ „общія начала“ уголовнаго права, выдвинутыя Сенатомъ въ защиту поддерживаемой имъ точки зрѣнія. Чувствуя ихъ шаткость, самъ Сенатъ, повидимому, отъ нихъ отступился. По крайней мѣрѣ общее собраніе Сената въ рѣшеніи по дѣлу Бардиной (77 г. № 41) уже не дѣлаетъ попытки найти въ „общихъ началахъ“ уголовнаго права положенія ихъ прямо опровергающія. Тѣмъ съ большей настойчивостью общее собраніе поддерживаетъ мнѣніе кассаціоннаго департамента, что въ преступленіяхъ государственныхъ наше положительное законодательство указываетъ отчасти границы, отдѣляющія приготовленіе отъ покушенія. Такъ напр., въ 251 статьѣ ул. о нак. составленіе письменныхъ или печатныхъ воззваній признается приготовленіемъ и началомъ покушенія къ ихъ распространенію. Употребленное въ этой статьѣ выраженіе „начало покушенія“ должно быть понимаемо въ смыслѣ такого дѣянія, которое, хотя и не составляетъ еще въ полномъ смыслѣ покушенія, но уже весьма близко граничитъ съ нимъ. Въ виду сего Правительствующій Сенатъ, по дѣлу Александровской (1871 г. № 438), уже высказалъ, что по духу нашего положительнаго законодательства въ преступленіяхъ этого рода приготовленіе къ преступленію заканчивается отпечатаніемъ, литографированіемъ и т. п. сочиненія или воззванія, всѣ же послѣдующія дѣянія, коими этимъ сочиненіямъ или воззваніямъ дается дальнѣйшее движеніе по пути къ распространенію ихъ, въ томъ числѣ и перевозка въ мѣсто, назначенное для ихъ распространенія, составляетъ покушеніе на это преступленіе“.

Аргументація Сената такова: составленіе есть начало покушенія; всякое дальнѣйшее дѣйствіе есть потому уже покушеніе дѣйствительное. Подобное толкованіе возможно было только потому, что Сенатъ съ необыкновеннымъ искусствомъ

сумѣлъ во время поставить точку и оборвать цитату. Въ литературномъ спорѣ подобное искусство вызвало бы чрезвычайно острую и оживленную полемику. Я позволю себѣ возстановить текстъ закона. 3-я часть 251 статьи, на которую ссылается Сенатъ, гласитъ:

„Виновные въ составленіи такихъ объявленій, воззваній или же сочиненій, или изображеній, хотя и не изобличенные въ злоумышленномъ распространеніи оныхъ, подвергаются за сіе, какъ за приготовленіе и начало покушенія *къ возбужденію бунта*“...

Вы видите, что весь сыръ-боръ загорѣлся изъ за неоконченной цитаты. Законъ говоритъ о „началѣ покушенія“ на *возбужденіе къ бунту*, а Сенатъ передѣлываетъ въ „начало покушенія“ *на распространеніе*. Какъ будто это одно и то же. Вотъ что значитъ не кончить цитаты. На самомъ дѣлѣ законодатель хотѣлъ лишь объяснить, почему онъ считаетъ себя вправѣ вторгаться въ такую интимную область, какъ составленіе сочиненій; и это ratio legis, включенное въ самый текстъ закона, дало возможность Сенату построить свое зданіе на пескѣ.

Но нашъ споръ въ Сенатѣ въ этомъ пунктѣ чисто академическій. Допустимъ, что 251 статья говоритъ о началѣ покушенія на распространеніе, — развѣ Борманъ обвиняется по 251 ст.? Обвиненіе къ ней предъявлено по 252 ст. ул. о нак. Мы готовы признать, что Сенатъ правъ въ своемъ толкованіи закона; больше того, — мы жадно хватаемся за его аргументы и, основываясь на нихъ, мы легко и свободно беремся доказать, что въ нашемъ процессѣ можно говорить только о приготовленіи. 3-я часть 252 ст., по которой предъявлено обвиненіе, гласитъ: „виновные въ составленіи сочиненій сего рода, не изобличенные въ злоумышленномъ распространеніи оныхъ, приговариваются за сіе, какъ за преступный умыселъ“. Если при толкованіи 257 ст. Сенатъ изъ опредѣленія составленія, какъ начала покушенія вывелъ, что перевозка ихъ, какъ дальнѣйшій шагъ, есть уже дѣйствительное покушеніе, то оставайтесь же, по крайней мѣрѣ, послѣдовательными; вамъ остается признать, что такъ какъ составленіе произведеній, предусмотрѣнное 252 ст. ул. о нак., есть, по тексту закона, „преступный умыселъ“, то слѣдующій шагъ, т. е. перевозка есть только приготовленіе. Мы видимъ, что экскурсія въ область спеціальныхъ постановленій о государственныхъ преступленіяхъ потерпѣла такое же крушеніе, какъ и „общія начала“ уголовнаго права. Положеніе, что приготовленіе составляетъ по-

кушеніе, несмотря на всю эрудицію и остроуміе, осталось висѣть въ воздухѣ.

Впрочемъ сами гг. сенаторы, когда они собираются не въ этомъ зданіи, высказываютъ такой же взглядъ. Предо мной объяснительная записка къ проекту уголовнаго уложенія. — Здѣсь законодатель счелъ нужнымъ карать спеціальнымъ постановленіемъ провозъ нелегальныхъ произведеній черезъ границу. И объяснительная записка, ни минуты не колеблясь и не стѣсняясь кассаціонными рѣшеніями, называетъ провозъ изъ-за границы на ряду съ составленіемъ лишь подготовительной дѣятельностью. Подъ этой запиской красуются имена Фриша, Неклюдова, Розина, Случевскаго, Таганцева, Фойницкаго.

И такъ, я думаю, что мнѣ удалось доказать, что приготовленіе есть приготовленіе и ничего больше. Я такъ глубоко убѣжденъ въ правотѣ этого положенія, что рѣшаюсь просить Правительствующій Сенатъ отмѣнить приговоръ Петербургской Судебной Палаты не только за нарушеніемъ 797 статьи у. уг. судопроизв., 8-й, 9-й, 252-й статей ул. о нак.; но также и за нарушеніемъ 47 ст. I тома свода законовъ, которая гласитъ: „Россійская Имперія управляется на точномъ основаніи законовъ, отъ Верховной Власти исходящихъ“.

Сенатъ оставилъ кассаціонную жалобу безъ уваженія.

ДѢЛО 44.

1 декабря 1906 года С.-Петербургская Судебная Палата приступила къ разсмотрѣнію дѣла о 44 лицахъ, преданныхъ суду по обвиненію въ томъ, что въ концѣ 1905 г. въ гор. С.-Петербургѣ дворяне Константинъ Ермолаевъ, Зинаида Боголюбова и др. вступили въ различныя организаціи преступнаго сообщества, присвоившаго себѣ наименованіе «Петербургской группы Россійской соціалъ-демократической рабочей партіи», завѣдомо для нихъ поставившаго цѣлью своей дѣятельности ниспроверженіе существующаго въ Россійскомъ государствѣ общественнаго строя и имѣвшаго въ своемъ распоряженіи взрывчатыя вещества и разрывные снаряды, при чемъ, въ видахъ осуществленія задачъ этого сообщества, Ганжа и Платоновъ хранили въ Декабрѣ мѣсяцѣ того-же года въ занимаемой ими комнатѣ въ кв. № 9, д. № 19 по Саратовской улицѣ, 2370 грам. пороха, 8 килограммовъ динамита, 29 пироксилиновыхъ шашекъ и оболочку разрывного снаряда, фонъ Шульманъ, Иванъ Петровъ Смирновъ, Кравченко и Мясоѣдовъ тогда-же хранили на чердакѣ квартиры, въ коей проживали, въ д. № 27 по Оренбургской улицѣ, два вполнѣ снаряженныхъ разрывныхъ снаряда. Данненбаумъ и Крыловъ тогда-же устроили въ своихъ квартирахъ типографіи, въ которыхъ размножали преступныя партійныя воззванія, призывающія къ вооруженному возстанію.

Дѣяніе это было обвинительной властью квалифицировано по ст. 126 ч. 2 уг. ул.

Обстоятельства настоящаго дѣла согласно обвинительному акту заключаются въ слѣдующемъ:

Въ декабрѣ 1905 года въ С.-Петербургѣ Охранное Отдѣленіе произвело рядъ обысковъ и арестовъ.

Были найдены уставы с.-д. партіи, отчеты о ея съѣздахъ, свѣдѣнія о дѣятельности ея организацій и отдѣльныхъ членовъ.

По этимъ даннымъ оказалось, что начало образованія соціалъ-демократической партіи относится къ девяностымъ годамъ минувшаго столѣтія.

Въ 1903 году состоялся 2-й съѣздъ партіи, который выработалъ партійную программу.

Конечной цѣлью партіи согласно этой программы является замѣна капиталистическихъ производственныхъ отношеній соціалистическими; ближайшая-же ея задача — это учрежденіе демократической республики, конституція которой обезпечивала-бы полное народоправство.

Въ 1903 году на третьемъ съѣздѣ, самой главной и неотложной задачей момента была признана организація пролетаріата для непосредственной борьбы путемъ вооруженнаго возстанія.

Для осуществленія этой задачи съѣздъ поручилъ всѣмъ партійнымъ организаціямъ: 1) выяснить пролетаріату путемъ пропаганды и агитаціи какъ политическое значеніе, такъ и практически-организаціонную сторону предстоящаго вооруженнаго возстанія, 2) выяснить при этой пропагандѣ и агитаціи роль массовыхъ стачекъ, которыя могутъ имѣть важное значеніе въ началѣ и въ самомъ

ходѣ возстанія и 3) принять самыя энергичныя мѣры къ вооруженію пролетаріата, къ выработкѣ плана возстанія и непосредственнаго руководства таковымъ, создавая для этого, по мѣрѣ надобности, особыя группы изъ партійныхъ работниковъ.

Партійная организація въ С.-Петербургѣ въ концѣ 1905 года, распадалась на раіонные и подраіонные союзы, причемъ раіонныхъ союзовъ было шесть. Во главѣ этихъ союзовъ стояли комитеты. Раіонный комитетъ выбирался раіоннымъ союзомъ, а подраіонный — подраіоннымъ союзомъ. Всѣ раіонные комитеты составляли общегородской комитетъ, который организовалъ всю работу въ С.-Петербургѣ и руководилъ ею. Въ составъ послѣдняго входили отвѣтственные пропагандистъ и агитаторъ, черезъ посредство которыхъ комитетъ организовалъ коллегію отвѣтственныхъ раіонныхъ пропагандистовъ и агитаторовъ.

Членомъ С.-Петербургской организаціи считался всякій: 1) признававшій программу партіи, 2) обязавшійся подчиняться рѣшеніямъ партійныхъ организацій и 3) дѣлавшій опредѣленные взносы въ кассы организацій.

Осуществленіе постановленія третьяго съѣзда о подготовкѣ вооруженнаго возстанія началось въ столицѣ приблизительно въ Октябрѣ мѣсяцѣ того-же 1905 года. На фабрикахъ и заводахъ стали появляться ораторы, убѣждавшіе рабочихъ вооружаться и организовать боевыя дружины подъ предлогомъ самообороны для борьбы съ «черной сотней». Въ то-же время на многочисленныхъ митингахъ раздавался призывъ къ борьбѣ съ правительствомъ, къ стачкамъ и забастовкамъ и доказывалась необходимость вооруженнаго возстанія, какъ единственнаго средства достигнуть цѣли освободительнаго движенія — демократической республики. Въ октябрѣ и частью въ ноябрѣ мѣсяцахъ въ Петербургской группѣ партіи шло только обсужденіе вопроса объ организаціи боевыхъ дружинъ, формированіе же ихъ началось въ концѣ ноября или началѣ декабря мѣсяца. Каждый фабричный раіонъ организовалъ свою боевую дружину, которая дѣлилась на десятки съ выборнымъ десятскимъ во главѣ и на сотни съ такимъ-же сотскимъ. Огнестрѣльное оружіе должно было выдаваться организаціей, но наряду съ этимъ каждому дружиннику предоставлялось вооружаться своими средствами. Наконецъ былъ выработанъ уставъ боевой дружины, изъ котораго видно, что во главѣ этой организаціи стоялъ «комитетъ боевыхъ дружинъ», руководившій всей работой центральной боевой дружины и рабочихъ другихъ дружинъ. Стоявшіе во главѣ отдѣльныхъ дружинъ входили вмѣстѣ съ тѣмъ въ составъ центральной боевой дружины въ качествѣ членовъ ея.

Въ дальнѣйшемъ обвинительный актъ подробно излагаетъ обстоятельства, при которыхъ арестованъ каждый изъ подсудимыхъ, и какія вещественныя доказательства были у нихъ найдены. Въ зависимости отъ свѣдѣній охраннаго отдѣленія и результатовъ обыска подсудимые обвинительной властью раздѣлены на группы боевиковъ, организаторовъ, пропагандистовъ, техниковъ (типографовъ) и друг.

На столѣ вещественныхъ доказательствъ находятся нѣсколько бомбъ, револьверовъ, масса литературы и принадлежности двухъ нелегальныхъ типографій. Дѣло слушалось съ 1 по 12 декабря 1905 года подъ предсѣд. Старш. Предсѣд. С.-Петербургской Суд. Палаты Н. С. Крашенникова; обвинялъ тов. прокур. А. А. Крыловъ; защищали: Б. Г. Бартъ, В. В. и М. В. Беренштамы, Э. Г. Гинзбергъ, М. Л. Гольдштейнъ, А. С. Зарудный, А. А. Леонтьевъ, В. Н. Новиковъ, В. А. Плансонъ и др.

На присяжн. повѣрен. В. Н. Новикова была возложена критика всего доказательнаго матеріала и защита подсудимыхъ Данненбаума и Бѣлецкаго, владѣльцевъ нелегальныхъ типографій.

Рѣчь прис. пов. В. Н. Новикова.

Давно уже передъ Особымъ Присутствіемъ Судебной Палаты не проходилъ процессъ съ такимъ широковѣщательнымъ заглавіемъ. Ликвидація Россійской соціалъ-демократической партіи! Такъ называетъ охранное отдѣленіе настоящее дѣло. Руководствуясь этимъ заглавіемъ и текстомъ ст. 126 уг. ул. всякій имѣлъ право ожидать, что по этому процессу зало засѣданія переполнено сотнями членовъ громаднаго сообщества, охватившаго своею дѣятельностью всю Россію, выработавшаго планъ вооруженнаго переворота и располагающаго складами бомбъ и другого оружія. Но позвольте мнѣ сказать, что, какъ это часто бываетъ, гора родила мышь. Намъ говорили — ликвидація соціалъ-демократической партіи — а на скамьѣ подсудимыхъ 44 человѣка, арестованныхъ въ четырехъ квартирахъ г. С.-Петербурга; намъ говорили — вооруженное возстаніе и взрывчатыя вещества, а на столѣ вещественныхъ доказательствъ три бомбы, пара браунинговъ и гора нелегальныхъ листковъ. Даже тотъ цементъ, которымъ г. Прокуроръ хотѣлъ сковать въ одну партію всѣхъ подсудимыхъ, оказался простой глиной. Вѣдь у обвиненія нѣтъ никакихъ доказательствъ, что всѣ эти студенты, курсистки и рабочіе—члены одной, тѣсно сплоченной организаціи.

Что касается самаго обвиненія, предъявленнаго здѣсь г. Прокуроромъ, то ему нужно въ одномъ отдать справедливость и сказать, что обвинитель очень широко использовалъ акты предварительнаго дознанія. Вся послѣдняя заключительная часть его рѣчи была повтореніемъ обвинительнаго акта, который въ свою очередь былъ повтореніемъ актовъ дознанія. Поэтому защитѣ ставится обязанность представить Вамъ критику не только данныхъ судебнаго слѣдствія, но и матеріала предварительнаго дознанія.

Гг. Судьи! Вѣдь это не новый фактъ, что жандармское дознаніе, хотя бы и произведенное въ порядкѣ устава уголовнаго судопроизводства, не обладаетъ достовѣрностью. Фактъ этотъ тѣмъ болѣе не новъ, что еще такъ недавно сенаторъ Кузминскій въ своемъ знаменитомъ докладѣ открыто заявилъ, что наша политическая полиція не стоитъ на высотѣ своего назначенія, и что дознанія, производимыя ею, не имѣютъ никакой цѣны. Но по настоящему дѣлу на немъ приходится остановиться, въ виду нѣкоторыхъ особенностей постановки обвиненія.

Достаточно заглянуть въ обвинительный актъ, чтобы убѣдиться въ правильности моихъ утвержденій. Почти на каждой

страницѣ обвинительнаго акта имѣется фраза: „По полученнымъ охраннымъ отдѣленіемъ свѣдѣніямъ“, „до свѣдѣнія охраннаго отдѣленія дошло“. Что это за фразы? Что это за свѣдѣнія? Агенты власти, производившіе дознаніе, должны дать Вамъ глаза и уши, чтобы вы сами могли провѣрить достовѣрность матеріала, собраннаго до суда. Раньше, въ старое время, для этой цѣли передъ судомъ появлялись агенты охраннаго отдѣленія, приходили филеры и повѣствовали о своихъ открытіяхъ, какъ студентъ передалъ кому-либо бумажку, или какъ барышня пришла на квартиру съ подозрительнымъ кулечкомъ. Но за то этимъ же незамѣнимымъ свидѣтелямъ обвиненія приходилось противоустоять ударамъ защиты, и какъ часто ажурно построенное обвиненіе рушилось подъ безпощадной критикой гласнаго и публичнаго суда! Поэтому теперь агенты охраны на судъ не являются; охранное отдѣленіе стало осторожнѣе и жалѣетъ своихъ помощниковъ. Оно надѣется на прокурорскую власть, которая и безъ свидѣтелей пропишетъ въ обвинительномъ актѣ все, что найдетъ въ жандармскихъ протоколахъ. И вотъ, когда не оказывается на лицо данныхъ, достойныхъ вниманія суда, тогда появляются подобныя приведеннымъ выше фразы. Но развѣ для васъ, какъ судей, это подходящій матеріалъ? Развѣ можете повѣрить вы тому, что дошло до свѣдѣнія охраны, безъ всякой повѣрки, безъ всякой критики?

Но Царица среди судебныхъ доказательствъ это свидѣтельское показаніе. Какихъ свидѣтелей представилъ вамъ г. Прокуроръ? Вы выслушали длинный рядъ одѣтыхъ въ полицейскіе мундиры свидѣтелей и ихъ помощниковъ дворниковъ, которые вамъ всѣ показали: „произвелъ обыскъ, арестовалъ, составилъ протоколъ, былъ понятымъ, и больше ничего не помню“. Такъ неужели эти никому ненужныя сообщенія устанавливаютъ участіе каждаго изъ подсудимыхъ въ партіи; неужели эти безсвязныя заявленія даютъ право г. Прокурору говорить о цементной связи между обвиняемыми? Но среди свидѣтелей нашелся одинъ, который знакомъ съ положеніемъ соціалъ-демократической партіи, который даетъ вамъ яркое и отчетливое показаніе, когда его допрашиваетъ г. Прокуроръ. Это свидѣтель г. Михайловъ. Михайловъ съ точки зрѣнія своего начальства, можетъ быть, заслуживаетъ высшей похвалы: онъ стойко выдержалъ баталію, устроенную ему здѣсь защитой, онъ храбро удерживалъ позицію подъ перекрестнымъ допросомъ. Но, гг. Судьи, съ вашей судейской точки зрѣнія, развѣ это свидѣтель, который сообщаетъ лишь, то, что слышалъ и видѣлъ въ дѣйствительности? Къ свидѣтельскому показанію

Михайлова примыкаютъ показанія характерныхъ свидѣтелей всякаго политическаго процесса Малишевскаго и Вейса. Малишевскій былъ арестованъ жандармской властью, какъ членъ преступнаго сообщества, онъ далъ исчерпывающее показаніе, всѣхъ уличилъ, все выдалъ, а затѣмъ былъ освобожденъ и скрылся для того, конечно, чтобы его показаніе осталось въ полной неприкосновенности для Вашего Суда. Свидѣтель же Вейсъ, хотя и явился въ судъ, но только для того, чтобы заявить вамъ, что все его показаніе на жандармскомъ дознаніи ложно.

Итакъ, вотъ вамъ свидѣтельскія показанія, которыя должны вамъ помочь провѣрить свѣдѣнія охраннаго отдѣленія. Эти показанія сами не заслуживаютъ никакого вниманія!

Въ такомъ процессѣ какъ настоящій, гдѣ все основано на письменныхъ документахъ, громадную роль играютъ вещественныя доказательства.

Поэтому защита вправѣ спросить г. Прокурора, въ какомъ видѣ онъ представляетъ Суду это доказательство. По уставу уголовнаго судопроизводства, если слѣдователь считаетъ предметъ имѣющимъ значеніе для дѣла, онъ его осматриваетъ, записываетъ въ протоколъ, опечатываетъ и пріобщаетъ къ дѣлу. Ну, а какъ попали сюда всѣ эти бумажки? Объ этомъ намъ говоритъ самъ Михайловъ. При обыскѣ на квартирѣ подсудимаго Сѣрова онъ отбиралъ документы отъ цѣлаго ряда подсудимыхъ, и вмѣсто протокола, вручалъ ихъ городовымъ, которые въ рукахъ несли бумаги въ участокъ и тамъ складывали все на столѣ въ одну кучу. Гг. Судьи, неужели этотъ странный порядокъ собиранія доказательствъ въ кучу соотвѣтствуетъ требованіямъ устава? Вѣдь пока это—куча простыхъ листковъ бумаги она безопасна, но если она превращается въ кучу вещественныхъ доказательствъ, изъ котораго для каждаго подсудимаго можно выбрать документъ по усмотрѣнію или памяти городового, тогда это не куча, а опаснѣйшій вулканъ, который можетъ взорвать все правосудіе.

Но и этого мало. Листки бумаги съ непонятными подписями нѣмы до тѣхъ поръ, пока не разгаданъ почеркъ писавшаго эти листки.

Но мнѣ не нужно разбирать передъ вами каллиграфическую экспертизу, когда у всѣхъ на памяти безпомощные отвѣты экспертовъ на самые простые вопросы сторонъ.

Итакъ, вотъ какой большой и негодный матеріалъ предлагается вамъ, гг. Судьи, въ качествѣ судебныхъ доказательствъ. Опираться на него вы не можете, а поэтому вамъ остается

только выбросить весь этотъ излишній хламъ за бортъ и руководствоваться оставшимися въ вашемъ распоряженіи уликами.

На этомъ исчерпывается моя задача, возложенная на меня коллективной защитой и я перехожу къ защитѣ моихъ подзащитныхъ Данненбаума и Бѣлецкаго.

Присутствіе рабочаго Данненбаума на скамьѣ подсудимыхъ, когда судятъ соціалъ-демократическую партію, вполнѣ естественно. Когда въ ряды соц.-демократ. вступаетъ интеллигентъ, то его интересуетъ въ этомъ движеніи концепція теоретическихъ построеній, отдаленный идеалъ. Не то у рабочаго; соціалъ-демократическая программа тѣмъ и сильна, что она реальна, что она говоритъ уму рабочаго и въ его обыденной жизни; и близкія и отдаленныя требованія ея — все соотвѣтствуетъ его запросамъ. Въ этой программѣ столько хорошаго, столько благородно-увлекательнаго, а въ жизни рабочаго столько мрачнаго и жестокаго, что во время наибольшаго оживленія партійной жизни присутствіе рабочаго въ рядахъ соціалъ-демократіи было вполнѣ естественно. Тѣмъ болѣе естественно это для Данненбаума, такъ какъ онъ могъ духовно причислять себя къ составу партіи, исполняя только свою обыденную работу наборщика. Оставаясь за своей типографской кассой и печатая партійную литературу, онъ вкладывалъ свой кирпичъ въ строющіяся стѣны храма будущаго счастья. Вы видите, гг. Судьи, что Данненбаумъ не отрицаетъ своей принадлежности къ соціалъ-демократической партіи. Но скажите сами, можно-ли человѣка за печатаніе партійныхъ листковъ дѣлать отвѣтственнымъ за дѣятельность всѣхъ партійныхъ организацій? Понятіе партіи не равнозначуще съ понятіемъ преступнаго сообщества. Подъ сводами громаднаго шатра соціалъ-демократической партіи помѣщается масса отдѣльныхъ очаговъ, партійныхъ организацій. Послѣднія по своимъ задачамъ могутъ противорѣчить требованіямъ закона, но партія, какъ таковая, не связана съ ними неразрывно. За дѣятельность же въ качествѣ члена отдѣльной организаціи необходимо судить сообразно мѣры содѣяннаго. Доказано, что Данненбаумъ печаталъ партійныя изданія; сомнительно, чтобы онъ самъ ихъ распространялъ,—поэтому обвинить Данненбаума можно лишь по 132 ст. уг. ул.

Еще проще положеніе Бѣлецкаго. У него, по словамъ прокурора, найденъ адресъ Бѣлкина, будто-бы подсудимаго по этому дѣлу. Почему г. Прокуроръ не нашелъ въ С.-Петербургѣ другого Бѣлкина, не всякому ясно. У Бѣлецкаго найде-

ны компрометирующія бумаги, но никто даже не потрудился провѣрить, писаны ли они рукой Бѣлецкаго.

Бѣлецкій человѣкъ легальный, раньше никогда не судился. Можно ли его обвинять, судите сами.

Я кончилъ гг. Судьи, и уступаю мѣсто для вашего слова.

Идите въ совѣщательную комнату и въ моментъ подписанія приговора не забывайте словъ великаго судьи: на пескѣ дома вашего не стройте.

Палата признала составъ 1 ч. 126 ст. уг. ул. и приговорила Бѣлецкаго на 2 года крѣпости, и Данненбаума на 1 годъ крѣпости съ зачетомъ предвар. заключенія.

ЯКУТСКІЙ ПРОЦЕССЪ.

Якутскій процессъ.

По даннымъ обв. акта дѣло заключается въ слѣдующемъ. Въ г. Якутскѣ, въ усадьбѣ инородца Романова снималъ квартиру въ 1904 г. политическій ссыльный Василій Пріютовъ. У него останавливались до выѣзда къ мѣстамъ причисленія, прибывающіе изъ Иркутска политическіе ссыльные. 18 Февраля въ квартиру эту съѣхалось много политическихъ ссыльныхъ, которые нанесли въ квартиру льда и дровъ и заколотили заднюю дверь квартиры. Романовъ, убѣдившись, что ссыльные замышляютъ что-то неладное, заявилъ объ этомъ полиціи. Переговоры съ и. д. Якутскаго губ. Чаплинымъ, требовавшимъ разъѣзда политическихъ, самовольно оставившихъ мѣсто своего причисленія, ни къ чему не привели. 19-го утромъ, по словамъ городового Свидановича, въ квартиру политическихъ было привезено пуда 4 хлѣба, столько-же мяса, 7 топоровъ, 2 круга проволоки. Всего забаррикадировалось 55 человѣкъ. Домъ былъ оцѣпленъ казаками и городовыми. 4-го Марта политическіе открыли стрѣльбу въ солдатъ, при чемъ убили 2-хъ рядовыхъ. 6-го Марта, по требованію и. д. губернатора, осажденные сдались. Во время обстрѣловъ дома Романова солдатами былъ убитъ полит. ссыльный Юрій Матлаховъ. 55 «Романовцевъ» обвинялись по ст. 13, 263[1] и 368 Ул. о Нак., Левъ Никифоровъ, Виленкинъ, Марта Зеликманъ и Софія Померанецъ по ст. 13, 263 и 266 Ул. о Нак. Съ 30 Іюля по 8 Августа 1905 г. дѣло слушалось въ Якутскомъ окружномъ судѣ. Предсѣдательствовалъ І. Будзилевичъ. Обвинялъ прокуроръ Л. Гречинъ. Защищали Пр. повѣренные В. В. Беренштамъ и А. С. Зарудный. На судѣ говорили изъ подсудимыхъ Виленкинъ, Каганъ, Израильсонъ, Хацкелевичъ, Залкиндъ, Розенталь, Бройдо, Законъ, Бодневскій, Ольга Викеръ, Габронидзе, Костюшко, Курнатовскій, Лурье, Екат.Ройзманъ, Тепловъ, Фриде.

Рѣчь В. В. Беренштама.

Господа судьи! Когда я прочелъ обвинительный актъ по этому дѣлу и самое дѣло, меня поразила безысходная путаница всего. Съ одной стороны, цѣлый рядъ свидѣтелей твердилъ, что политическіе производили въ мирный городъ безъ всякаго вызова какую-то пальбу, какую-то нелѣпую, никому ненужную пальбу и залпами и „пачками“,—съ другой стороны, въ дѣлѣ стояли особнякомъ письменныя заявленія, требованія самихъ политическихъ, и по содержанію, и по тону совершенно не вязавшіяся съ разсказомъ этихъ свидѣтелей... Я искалъ отвѣтъ на возникшія сомнѣнія въ показаніяхъ обвиняемыхъ и не

находилъ этихъ показаній... И все событіе рисовалось мнѣ въ непонятныхъ и странныхъ краскахъ. Но, когда я внимательно перечитывалъ дѣло, я натолкнулся на одну едва замѣтную строчку, затерявшуюся среди безчисленнаго множества другихъ. Она занесена и въ обвинительный актъ.—„*Обвиняемые отказались дать какія-либо показанія по дѣлу*“... Эти слова сказали мнѣ многое. Я зналъ, что такое — предварительное слѣдствіе, зналъ, что даже самый опытный слѣдователь станетъ втупикъ и не сумѣетъ выяснить истины въ большомъ и сложномъ дѣлѣ, гдѣ 60 человѣкъ подсудимыхъ и около 100 свидѣтелей, наполовину неграмотныхъ, если у него не будетъ руководящей нити—показаній обвиняемыхъ. И тогда я началъ сопоставлять факты... Вамъ случалось, навѣрное, плыть на почтовой лодкѣ по Ленѣ—помните обычный предразсвѣтный туманъ, густой, непроницаемый, какъ тьма... Вотъ онъ всколыхнулся, тамъ и сямъ прорвался,—и на берегу Лены стоятъ не скалы, а какія-то вычурные разбойничьи притоны, грозные форты съ бойницами, стоитъ не угрюмая тайга съ разбросанными, обгорѣлыми деревьями, а цѣлый рядъ безобразно сказочныхъ чудовищъ съ поднятыми лапами, расползающимися щупальцами... Но туманъ разсѣивается, отходитъ, черезъ него блеснули лучи солнца и среди тумана уже вырисовываются ближайшія деревья, скалы и сама рѣка... И тогда достаточно солнцу подняться надъ рѣкой, освѣтить ее, какъ, вмѣсто грозныхъ чудовищъ, крѣпостей, вы видите дивной красоты природу...

Переговоривъ съ подсудимыми, выслушавъ ихъ горькій, правдивый разсказъ, я сразу понялъ все. То страшное, непонятное, что такъ давило,—отошло въ сторону вмѣстѣ съ туманомъ... Я понялъ, что произошло нѣчто безконечно нелѣпое, противозаконное, ужасное, но совсѣмъ не то, что рисовалось мнѣ... Мы, адвокаты,—люди маленькіе, и задача наша—выяснять истину. Но иногда мы бываемъ „большими“ людьми. Это случается, когда мы входимъ въ тюрьму къ подсудимымъ, — тогда передъ нами открываются не только двери камеры, но и души подсудимыхъ. И то, что вы, судьи, можете узнать, лишь продѣлавъ тяжелый трудъ, мы узнаемъ сразу, ибо мы скорѣе подходимъ къ истинѣ... Когда перетолковавъ съ подсудимыми, узнавъ все, что произошло въ дѣйствительности, я мучительно думалъ объ этомъ дѣлѣ, мнѣ вспоминалась знаменитая картинная галлерея Третьякова въ Москвѣ... Въ ея громадномъ домѣ можно поселить и размѣстить весь Якутскъ, а въ нѣкоторыхъ залахъ можно построить по нѣ-

сколько якутскихъ домовъ. И все это помѣщеніе наполнено картинами. Онѣ также разнообразны и многообразны, какъ сама наша жизнь... Вы медленно двигаетесь изъ залы въ залу, отъ картины къ картинѣ... Вотъ онъ—Шишкинъ съ его стройными сосновыми лѣсами, Левитанъ съ безконечными долинами, равнинами, полями и степями, Орловъ съ величавымъ Днѣпромъ, Айвазовскій съ южнымъ Чернымъ моремъ... Какъ прекрасна, безконечно велика и разнообразна наша родина, и какъ безконечно трудно закричать на ней такъ громко, чтобы съ этого конца ея—услышали на томъ!..

Но вотъ и Рѣпинъ—знаменитый психологъ-художникъ. Это прославившая его картина: „Не ждали“.—Изъ далекой ссылки нежданно, негаданно возвратился „онъ“... Небольшая скромная, трудовая комната... По стѣнамъ развѣшаны портреты Достоевскаго, Некрасова, Шевченко. Вся семья въ сборѣ. Старушка мать съ чулкомъ, маленькая дѣвочка и гимназистикъ за книгами. Старшая сестра ушла въ музыку рояля... И вдругъ—„онъ“ вошелъ: его никто не ждалъ! Какъ безконечно давно не было отъ него вѣстей, какими долгими, томительными мѣсяцами шли его письма... Мать приподнялась и застыла, и вотъ уже готова ринуться къ сыну... А эти дѣти, забывшія, а, быть можетъ, не знавшія родного брата... Далѣе, далѣе... Бурлаки, стонущіе надъ Волгою, Іоаннъ Грозный, только что убившій своего сына и самъ такой-же *мертвенно-блѣдный*, какъ и онъ... „Христосъ и грѣшница“ Полѣнова... Христосъ—простой, спокойный, полный мысли, какъ божественное правосудіе, чертитъ, глубоко задумавшись... Успокоенный отходишь отъ картины... Но что-же это? Почему передъ этой картиной толпится публика?.. Громкое имя художника?—Нѣтъ. Именемъ никто даже не интересуется...—никогда не забываемое впечатлѣніе!

Большая деревянная изба, посреди на полу сложены дрова. Они горятъ, и внутренность комнаты уже наполняется дымомъ и огнемъ, и на этомъ кострѣ стоитъ цѣлая толпа людей. Они всѣ въ бѣлыхъ одеждахъ. Прекрасныя, честныя лица одухотворены святой вѣрой. Они сами горятъ, какъ лампада, и молитва ихъ такъ-же чиста, какъ ея огонь. Это—секта самосожигателей. Заблудившіеся въ исканіи правды, отчаявшіеся въ настоящемъ—раскольники! И всѣ, кто подходитъ впервые къ этой картинѣ, всѣ полны недоумѣнія и страха. Что такое?! Кто они? Гдѣ, когда?! Ничего подобнаго никто не слышалъ и не видѣлъ, неужели это возможно? Неужели возможно, чтобъ нашлось столько людей съ такими хорошими

лицами, которые рѣшились-бы одновременно и добровольно на самоубійство?! Какой ужасъ! Скорѣе въ каталогъ! Какъ вы рады, что можете найти страницу, поясняющую, что это—странная секта, о которой сохранилось только далекое преданіе, но что ея больше, конечно, нѣтъ, что такое массовое самоубійство уже невозможно, немыслимо, что это стало сказкой миновавшихъ лѣтъ...

И вотъ сейчасъ, думая объ этомъ дѣлѣ, я вспоминаю ту страшную картину... Да, черезъ нѣсколько столѣтій, въ далекомъ, заброшенномъ углу нашей обширной родины снова нашелся деревянный домъ, куда вошли 57 человѣкъ и безповоротно рѣшили въ немъ погибнуть... Но кто-же они?!—Изувѣры-раскольники?! Нѣтъ, нѣтъ!—Это все развитые, интеллигентные люди.—Шесть изъ нихъ окончили высшія учебныя заведенія, половина либо училась въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, либо имѣетъ право на ученіе въ нихъ, остальные—офицеры, зубные врачи или съ домашнимъ образованіемъ или низшимъ... Только два грузина—неграмотны и не говорятъ по-русски... Но посмотрите на умныя, рѣдко интеллигентныя лица этихъ стариковъ... И значитъ-ли, что не получившіе образованія—не сознательны?! Вы слышали объясненія подсудимыхъ, то, какъ ставили они вопросы, и теперь вамъ понятенъ сдержанный смѣхъ, раздавшійся, когда одинъ изъ обвиняемыхъ, быть можетъ, читающій по-англійски, французски и нѣмецки, быть можетъ, европейски-образованный человѣкъ, такъ неожиданно для всѣхъ товарищей, сообщилъ суду, что получилъ только „низшее“ образованіе... Итакъ, не невѣжество погнало ихъ на гибель. Не молодость привела ихъ сюда,—среди нихъ нѣтъ даже несовершеннолѣтнихъ...

Такъ кто-же они?—Разбойники, воры, грабители, убійцы, святотатцы, которымъ, какъ татямъ—некуда было укрыться?! Нѣтъ, они—честные, хорошіе люди, ихъ прислали сюда безъ суда; вы слышали правдивыя заявленія нѣкоторыхъ, что они сами не знаютъ, за что очутились въ далекой Сибири...—Они только политическіе, они были недовольны существующими порядками... Почему-же они рѣшились на такой ужасный шагъ?..—Отвѣтъ содержится въ ихъ заявленіи...—Они требовали отмѣны полнаго запрещенія совершать какія-бы то ни было отлучки изъ назначенныхъ имъ наслеговъ, примѣненія къ нимъ за эти самовольныя отлучки установленныхъ въ законѣ наказаній, а не ссылки въ отдаленнѣйшія мѣста отдаленнѣйшей области, отмѣны запрещенія видѣть вновь прибывающихъ товарищей и, наконецъ, возвращенія, согласно за-

кону, отбывшихъ срокъ наказанія на казенный счетъ, однимъ словомъ, они требовали возврата къ существовавшему до послѣдняго времени режиму.—Ничего *новаго* они не просили, и, по существу, требованія ихъ были консервативными... Я не стану говорить о томъ, что эти требованія подсудимыхъ были совершенно законны, а циркуляры генералъ-губернатора, отмѣны которыхъ они добивались,—противозаконны! На юридической сторонѣ возникающихъ по дѣлу вопросовъ остановится мой товарищъ по защитѣ; я только напомню вамъ, что требованіе обратной отправки на казенный счетъ было удовлетворено самими властями, по словамъ полицеймейстера Березкина, тогда, когда подсудимые сидѣли уже въ домѣ Романова; точно также ясно, что требованіе относительно отлучекъ—„*пусть дѣйствуетъ законъ*“—уже въ силу одной такой формулировки было законно... Нужно-ли говорить о свиданіяхъ?.. Вспомните, что при самомъ строгомъ, келейномъ заключеніи, даже и во время предварительнаго слѣдствія, даютъ свиданія. Лишеннымъ всѣхъ правъ состоянія, каторжникамъ — разрѣшаютъ видѣть близкихъ людей. А вѣдь они не были лишены правъ!.. Когда губернаторъ Чаплинъ объяснилъ имъ, что не отъ него зависитъ отмѣна циркуляра, запрещающаго подходить ко вновь прибывающимъ, грозящаго за это тяжелой ссылкой, они просили губернатора дать высшему начальству относительно этого ихъ требованія свое заключеніе, указать на насущность ихъ требованій, всецѣло исходящихъ изъ мѣстныхъ условій. И эта просьба подсудимыхъ была согласна съ 517 статьей Общ. учр. губ. А развѣ губернаторъ самъ не призналъ здѣсь, на судѣ, что безъ отлучекъ имъ невозможно обойтись?—Есть наслеги, гдѣ якуты не говорятъ ни слова, гдѣ нельзя достать корки хлѣба. Безъ покупки въ городѣ припасовъ ссыльнаго ждетъ неизбѣжная голодная смерть. Мнѣ нѣтъ нужды доказывать вамъ, насколько циркуляры генералъ-губернатора не соотвѣтствуютъ мѣстнымъ условіямъ. Если изъ Иркутской и Енисейской губерній возможны побѣги, благодаря желѣзной дорогѣ массѣ переполненныхъ поѣздовъ, то изъ Якутской области они почти немыслимы,—путь здѣсь только одинъ и открытый—по рѣкѣ Ленѣ, противъ быстро бѣгущей воды, по берегу-же дорога непроходима. Обвиняемый, докторъ Розенталь, указалъ вамъ, съ цифровыми данными въ рукахъ, какъ мало было отсюда побѣговъ, насколько трудны они для ссыльнаго, хотя-бы благодаря страшной дороговизнѣ далекой дороги, и какъ мало возможность побѣговъ зависитъ отъ запрещенія отлучекъ. Чѣмъ-же здѣсь опасны отлучки?! А вѣдь за эти отлучки, вызываемыя

крайней нуждой, совершаемыя безъ утайки, политическихъ ссылали въ Верхоянскъ безъ суда, безъ простого хотя-бы запроса о причинахъ, по одному голословному доносу полуграмотнаго урядника! Изъ учебниковъ географіи вы всѣ знаете, что такое этотъ страшный и для Якутска—Верхоянскъ! Зимой тамъ полтора мѣсяца стоитъ непрерывная ночь, другіе мѣсяцы слабый дневной свѣтъ бываетъ только одинъ—два часа въ сутки, морозы доходятъ до 60°, краткимъ лѣтомъ солнце совершенно не заходитъ за горизонтъ, по казенной, самой дешевой цѣнѣ, ржаная мука тамъ продается за 16 рублей пудъ, а почта вся идетъ туда единственнымъ путемъ изъ Якутска, медленно двигаясь только отсюда мѣсяцъ—два, телеграфа нѣтъ. Но вѣдь имъ нужно было подавать прошенія, жаловаться!—Вы слышали ихъ разсказы... На телеграммы—не отвѣчали, а телеграммы поглощали всѣ рессурсы, прошенія оставались либо безъ отвѣта, либо на нихъ систематически приходили запоздалые отказы. Во все это, въ возможность жалобъ на почвѣ закона, они совершенно извѣрились... А между тѣмъ такъ существовать было невозможно: они погибали... Нужно было рѣшить, какъ подать о себѣ голосъ, чтобы его, наконецъ, услышали... Господа судьи! Родину постоянно сравниваютъ съ матерью... Не о комъ, какъ о ней, гласитъ народная мудрость: „дитя не заплачетъ,—мать не разумѣетъ!“ И притомъ, какая мать не разумѣетъ?.. Помню, какъ-то я услышалъ одну народную пѣсенку о томъ, что такое настоящая „мать“... Эта пѣсенка была всего изъ нѣсколькихъ словъ...—Онъ любилъ ее... И она сказала ему: „пойди, принеси мнѣ сердце твоей матери, я брошу его собакамъ“. Онъ пошелъ, зарѣзалъ свою мать, вынулъ сердце и побѣжалъ... И когда онъ бѣжалъ, то споткнулся, упалъ, и сердце, вывалившись изъ рукъ его, покатилось въ сторону... И вдругъ онъ услыхалъ тревожный человѣческій голосъ. Сердце заговорило: „Мое бѣдное дитя, не ушиблось-ли ты?!“...—Такова, и именно такова—любящая, всепрощающая чуткая мать: она можетъ не понять своего дитяти, пока оно не заплачетъ!... Полицеймейстеръ господинъ Березкинъ, уговаривая подсудимыхъ покинуть баррикады, обнадеживалъ ихъ, что достаточно имъ было запереться, съ оружіемъ въ рукахъ, и заявить свои требованія, чтобы этого факта не замолчали, чтобы ихъ услышали... Они думали иначе и вошли въ домъ, чтобы хотя своею гибелью закричать о безвыходномъ положеніи ссылки... И они стали ждать отвѣтъ на телеграмму, тотъ отвѣтъ, котораго не получили по сію пору.. Господинъ прокуроръ выразился, что домъ Романова былъ

„фортъ“... Онъ ошибся: это былъ не „фортъ“, а гробъ, громадный, страшный гробъ съ заживо погребенными, которые такъ страстно рвались жить...

Было-ли тутъ возстаніе? Конечно—нѣтъ! Помните, я спросилъ начальника мѣстной команды Кудельскаго, сколько въ Якутскѣ солдатъ. Оказалось—150, изъ которыхъ только 80 человѣкъ онъ могъ вывести въ городъ, такъ какъ остальные должны нести разный обязательный караулъ. Это подсудимые, конечно, могли знать черезъ обвиняемаго Виленкина... Если-бы они пожелали возстать, они легко захватили бы городъ и тогда, перерѣзавъ телеграфную проволоку, сдѣлались бы полными хозяевами области... А они просто засѣли, навезли провизіи, дабы имѣть возможность ждать, и приготовились къ самооборонѣ, чтобы не такъ скоро умереть... Но они знали, что ихъ ждутъ 865 пуль, не считая казацкихъ и полицейскихъ... Въ дѣлѣ промелкнулъ разсказъ, будто они обобрали квартиранта дома Романова—Слѣпцова, но вы слышали показаніе послѣдняго... Никакого взлома они не дѣлали, за все, что брали, тотчасъ-же торопились заплатить, и Слѣпцовъ объявилъ вамъ, что никакихъ претензій противъ обвиняемыхъ у него нѣтъ и не было, что еще въ маѣ мѣсяцѣ онъ получилъ съ нихъ послѣдній платежъ... Полицеймейстеръ Березкинъ, и. д. губернатора Чаплинъ оба показали, что, во время ихъ объясненій съ подсудимыми, послѣдніе держались вѣжливо, корректно... И только одинъ разъ одинъ Тепловъ говорилъ „вызывающе“, но вы помните его разсказъ, простой и искренній, о томъ, что онъ говорилъ тогда тотчасъ послѣ убійства Юрія Матлахова, о чемъ свидѣтели не знали... Подсудимые не желали „скандаловъ“, и заявленіе г. Никифорова — лучшая тому порука: не желая уличнаго скандала, онъ пошелъ за городовыми, когда они того потребовали.

Певые два дня на столѣ вещественныхъ доказательствъ лежали топоры съ длинными рукоятками... Жутко было смотрѣть на нихъ, мысль не мирилась съ такою изобрѣтательностью подсудимыхъ... И что-жъ—свидѣтель Слѣпцовъ показалъ, что именно съ такими готовыми ручками продалъ онъ американскіе топоры подсудимымъ... Не они изобрѣли эти топорища, назначеніе ихъ было—простая рукопашная самооборона, при которой обвиняемые сами шли на смерть... Тонъ корректности былъ выдержанъ ими до конца: „никакія демонстративныя дѣйствія, какъ таковыя, для насъ при данныхъ обстоятельствахъ значенія не имѣютъ“—утверждалъ въ своемъ заявленіи отъ 27 февраля 1904 года Никифоровъ... Имъ нужно было

только разрѣшеніе больныхъ вопросовъ ссылки. Правда, самое послѣднее заявленіе на имя губернатора было крайне рѣзко лично по отношенію къ нему и, скажу искренно, несправедливо-рѣзко. Но обвиняемые были убѣждены, что губернаторъ ихъ обманываетъ, и не подозрѣвали, что въ дѣйствительности губернаторъ грубо введенъ въ заблужденіе своими же подчиненными. Такъ относились къ протекавшимъ событіямъ политическіе все время, за исключеніемъ 4-го, 5-го и 6-го марта, о которыхъ я буду говорить особо. Какъ же относилась мѣстная администрація къ разыгравшимся событіямъ?... Всѣ стремленія ея сводились къ желанію во что бы ни стало замолчать эту исторію. Вопреки 517 ст. Общ. учр. генералъ-губернаторъ не считалъ нужнымъ донести объ этомъ въ Петербургъ. Онъ самъ показалъ, что разрѣшилъ г. Никифорову послать министру внутреннихъ дѣлъ *такую* важную телеграмму, едва взглянувъ на нее и не прочтя... Полицеймейстеръ, какъ я уже сказалъ, лишь обнадеживалъ обвиняемыхъ, что шила въ мѣшкѣ не утаишь... Г-нъ прокуроръ успокаиваетъ насъ указаніемъ на то, что обвиняемые обратились не по адресу, что циркуляры генералъ-губернатора „*большей частью*“ относились не къ Якутской области; что губернаторъ и полицеймейстеръ просили политическихъ обдумать свой поступокъ... Я не знаю, что разумѣетъ г. прокуроръ подъ словами „большей частью“, но вѣдь всѣ почти подсудимые пересылались въ отдаленнѣйшія мѣста на основаніи этихъ циркуляровъ, они цѣликомъ были примѣнены и къ Якутской области; свиданія запрещались и въ Олекмѣ.. Нѣтъ, не все было такъ благополучно, какъ думаетъ г. прокуроръ... Г-нъ губернаторъ на вопросъ мой о томъ, зналъ-ли онъ, что солдаты одновременно стрѣляли и съ Мало-Базарной, и съ Поротовской улицы, т. е. стрѣляли одни въ другихъ, отвѣтилъ, что услышать это было бы для него полнѣйшею неожиданностью. А между тѣмъ это теперь абсолютно установленный фактъ.. Губернаторъ сообщилъ намъ, что ни разу не говорилъ ни съ кѣмъ изъ солдатъ и городовыхъ и сносился со всѣми только черезъ непосредственно подчиненныхъ ему лицъ, что къ дому Романова, съ параднаго крыльца, не подъѣзжалъ...

А что дѣлалъ мѣстный начальникъ команды г. Кудельскій? Когда я задалъ ему вопросъ, могли-ли солдаты съ Мало-Базарной улицы стрѣлять по направленію дома Кондакова, онъ категорически объявилъ, что это было совершенно невозможно, такъ какъ онъ лично разставилъ посты, и солдаты съ Мало-Базарной улицы стрѣляли по направленію къ Ленѣ и монастырю, а съ Поротовской по направленію къ Ленѣ. Мы осмат-

ривали домъ Романова, видѣли прострѣлы, узнавали ихъ направленіе стальными спицами, и я ни на минуту не сомнѣваюсь, что вы точно такъ же, какъ и экспертъ, пришли къ убѣжденію, что выстрѣлы съ Мало-Базарной шли по направленію къ воротамъ дома Кондакова.

Нужно-ли говорить о той страшной опасности, которой подвергалось все населеніе Якутска при такой пальбѣ... Я задалъ г. Кудельскому вопросъ, разъяснялъ-ли онъ солдатамъ ихъ обязанности, говорилъ-ли караульнымъ, прежде чѣмъ отправить ихъ на посты, когда именно и какъ они имѣютъ право стрѣлять. И я получилъ отъ г. Кудельскаго неожиданный отвѣтъ, что онъ не считалъ нужнымъ дѣлать это, такъ какъ съ солдатами отправлялись караульные начальники—унтеръ-офицеры, которые прекрасно знали свои обязанности... Такъ соблюдалъ г. Кудельскій уставъ о караульной службѣ, предписывающій офицеру дважды разъяснить каждому постовому солдату его права и обязанности, прежде чѣмъ отпустить караулъ... Къ чему же приводила эта оригинальная система отношеній высшихъ къ низшимъ?! Дѣло даетъ тому лучшія иллюстраціи... Въ обвинительномъ актѣ сказано, что подсудимый Никифоровъ былъ арестованъ въ полицейскомъ управленіи; на судѣ выяснилось, что онъ былъ арестованъ на улицѣ полицейскимъ надзирателемъ Олесовымъ, даже безъ вѣдома г. полицеймейстера... Губернаторъ разсказалъ намъ, какъ онъ приказалъ арестовать г. Никифорова, узнавъ, что выйдя изъ дома Романова, тотъ напился до пьяна и лежитъ пьяный дома; отъ кого онъ узналъ это,—г. губернаторъ никакъ вспомнить не могъ.. Мнѣ нечего доказывать вамъ, что разсказъ „кого-то“, будто Никифоровъ напился пьянымъ—былъ чистѣйшимъ вымысломъ, или, какъ выразился г. Никифоровъ, „неизвѣстно, чьего сочиненія басней“... Впрочемъ, насколько источникъ агентурныхъ свѣдѣній о г. Никифоровѣ—полицейскій надзиратель Олесовъ—былъ точенъ, видно изъ разсказа его о времяпрепровожденіи г. Никифорова на волѣ: Олесовъ утверждалъ, будтобы г. Никифоровъ заходилъ въ лавку Николая Попова, покупалъ тамъ селитру для посолки мяса; Олесовъ передалъ даже бывшій между г. Никифоровымъ и Поповымъ разговоръ объ этой селитрѣ... И что-же? Мы спросили г. Попова... Оказалось, что у него никогда никакого разговора съ Никифоровымъ не было, что селитру у него дѣйствительно покупалъ какой-то политическій, имени котораго онъ не знаетъ, повидимому—это пріѣзжій изъ улуса, Никифоровъ же покупалъ только спички и папиросы, притомъ заявилъ, что это онъ помнитъ твердо, ибо

Никифоровъ его постоянный покупатель, почему онъ хорошо знаетъ его въ лицо. Попову было предложено узнать среди подсудимыхъ г. Никифорова, и онъ немедля указалъ его. И вмѣсто подробнаго показанія о пьянствѣ г. Никифорова мы въ концѣ концовъ освѣдомились, что когда онъ шелъ по улицѣ, то Олесову показалось, будто онъ слегка выпивши... Но это все пустяки,—было нѣчто гораздо болѣе серьезное.

Вспомните, какъ категорически утверждалъ полицейскій надзиратель Олесовъ, будто г. губернаторомъ было приказано солдатамъ стрѣлять, если со стороны политическихъ раздастся болѣе одного выстрѣла. И только теперь уже на судѣ его *поправляетъ* г. губернаторъ, не менѣе категорически заявляя, что такого распоряженія никогда не отдавалъ, что, наоборотъ, онъ все время запрещалъ стрѣлять! Подумайте, сколько зла могъ причинить одинъ только полицейскій надзиратель Олесовъ, такъ „*точно*“ понимавшій и передававшій солдатамъ, отданнымъ въ его безконтрольное распоряженіе, приказанія свыше...

Таково было поведеніе администраціи... А что дѣлали солдаты, какъ реагировали они на протекавшія событія?... Вы слышали разсказъ подсудимаго Виленкина о томъ, что онъ испыталъ, сидя въ больницѣ, видя возбужденіе окружающихъ солдатъ, переживая ихъ ненависть къ политическимъ... Солдатъ заставили несть обширный караулъ на лютомъ морозѣ; благодаря этому, они лишились отпусковъ, томились службой... А тутъ еще въ ихъ среду вошли только что прибывшіе съ партіей политическихъ иркутскіе солдаты, у которыхъ были постоянныя столкновенія съ административно ссылаемыми, закончившіяся избіеніемъ послѣднихъ въ Усть-Кутѣ... Недовольство, раздраженіе солдатъ подогрѣвалось общимъ недовольствомъ, раздраженіемъ противъ политическихъ и всего населенія Якутска: въ этомъ смыслѣ очень характерно показаніе Ленькова: „якуты думали, что въ городѣ объявлена война, подвозъ провизіи совершенно прекратился, цѣны на все поднялись“... Я не говорю о томъ, какъ было стѣснено движеніе по улицамъ, благодаря рогаткамъ, какъ многіе боялись выходить изъ дома... Всѣмъ хотѣлось поскорѣе ликвидировать исторію. Солдаты не могли не знать этого... Вотъ почему разсказъ подсудимыхъ—искренній и простой—о тѣхъ безобразіяхъ, о тѣхъ вызовахъ, которые продѣлывали солдаты, не можетъ возбуждать сомнѣнія. Это все было такъ естественно.

Таковы были обстоятельства, при которыхъ разыгрались печальныя событія 4-го марта. Политическіе мирно и спокойно сидѣли въ домѣ Романова и ждали отвѣта на свою телеграмму

министру. Губернаторъ предлагалъ имъ выйти изъ дома Романова, гарантируя, что эта исторія ни для кого изъ нихъ не будетъ имѣть вредныхъ послѣдствій, что никто изъ нихъ не будетъ арестованъ. Очевидно, если-бы въ дѣйствіяхъ подсудимыхъ до 4-го марта было бы какое-нибудь уголовно-наказуемое преступленіе, губернаторъ не давалъ-бы имъ такого обѣщанія... Перехожу къ 4 му марта.

Объ этомъ событіи вы выслушали здѣсь простой, искренній и истинный разсказъ подсудимаго Теплова. Этотъ разсказъ совершенно совпадаетъ съ тѣмъ, что записано въ дневникѣ обвиняемыхъ отъ 4-го марта. Тутъ нѣтъ и тѣни юмора „объ эскадрѣ", тутъ дневникъ—правдивый и серьезный. Солдаты закрывали ставни, политическіе ихъ предупреждали не дѣлать этого. Тогда одинъ изъ солдатъ бросилъ камнемъ, вѣроятно мерзлымъ конскимъ навозомъ, въ руку политическаго, высунувшаго ее въ окно, чтобы сбросить ставень. Политическій предупредилъ, что будетъ стрѣлять. „Стрѣляй!"—послѣдовалъ отвѣтъ. Въ это время раздались два выстрѣла изъ бойницы надъ окномъ. Подсудимый Тепловъ вамъ заявилъ, что за все время нахожденія политическихъ въ домѣ Романова со стороны ихъ только и были эти два выстрѣла. Послѣ этого они не отвѣчали ни на одинъ выстрѣлъ, ни на одинъ залпъ солдатъ. Говоря объ этихъ двухъ выстрѣлахъ, Тепловъ все время выражался: „наши два выстрѣла, съ нашей стороны два выстрѣла"... Онъ не сказалъ вамъ даже, что эти два выстрѣла одного товарища раздались совершенно *неожиданно* для остальныхъ. Объ этомъ мы имѣемъ только показаніе полицеймейстера Березкина. Когда тотчасъ-же послѣ убійства двухъ солдатъ, Тепловъ вышелъ къ губернатору, крича и волнуясь, онъ заявилъ, что они, выстрѣлы, раздались *неожиданно* для нихъ. Уходить изъ дома тогда не собирались, они готовы были тамъ погибнуть, процесса никто не ожидалъ. И, конечно, Тепловъ говорилъ правду... Господинъ прокуроръ утверждаетъ, что эти выстрѣлы нужны были политическимъ для достиженія „своей цѣли", что имъ нужно было бросить вызовъ, добиться стрѣльбы солдатъ, такъ какъ они уже испытывали голодъ... Нѣтъ, у нихъ еще не было голода. Вы помните актъ осмотра дома. Тамъ были найдены кадка, полная заготовленнымъ тѣстомъ, головы сахару, большіе куски мяса, мука, три съ половиною пуда карасей, много соленой рыбы, 20 ф. масла, глыбы льда и дрова. Нѣтъ, имъ было еще что ѣсть... Г-нъ прокуроръ утверждаетъ, что будто-бы солдаты спокойно стояли и смотрѣли, а политическіе начали стрѣлять. Дѣло вашей судейской совѣсти повѣрить обвиняемымъ или нѣтъ...

Такъ что-же въ такомъ случаѣ вызвало ихъ выстрѣлы? Благодаря чему имъ, политическимъ, закрытіе ставенъ казалось такимъ невыносимымъ, ужаснымъ? Необходимость отворять ихъ, разбивая стекла, смерть отъ мороза?! Нѣтъ, не замерзаніе было имъ страшно. Ихъ не пугала сама смерть... Вѣдь въ домъ Романова они пришли съ тѣмъ, чтобы умереть... И не та смерть, которой всѣ мы, остальные такъ боимся, представляла для нихъ *смертельную опасность*. Для нихъ было ужасомъ безслѣдно, никому невѣдомо быть взятыми изъ дома Романова... А ставни все ликвидировали... При закрытыхъ ставняхъ они не могли защищаться... Господинъ прокуроръ говоритъ, что эти два выстрѣла могли произвести одинъ или нѣсколько человѣкъ. Нѣтъ, два выстрѣла произвести могутъ не болѣе двухъ человѣкъ, а обвиняемыхъ въ домѣ было 55 человѣкъ...

Господинъ прокуроръ утверждаетъ, что кромѣ двухъ выстрѣловъ было еще много, но что онъ не желаетъ останавливать на нихъ вашего вмиманія. Я, напротивъ, прошу васъ обратить на нихъ вниманіе. Дѣйствительно, приказный Березкинъ показалъ суду, что когда послѣ перваго выстрѣла онъ и другіе выскакивали въ окно караульнаго дома (со стороны, противоположной дома Романова), то были слышны еще выстрѣлы, очевидно, политическихъ. Городовой-же Хлѣбниковъ утверждаетъ, что до общей стрѣльбы по командѣ никто, кромѣ политическихъ не стрѣлялъ. Мнѣ нечего доказывать вамъ, что эти свидѣтели и довѣрящій ихъ мнѣнію г. прокуроръ безусловно ошибаются. Свидѣтель городовой Хромовъ показалъ вамъ, что тотчасъ-же послѣ того, какъ первымъ выстрѣломъ былъ убитъ Кирилловъ, онъ сдѣлалъ одинъ выстрѣлъ изъ револьвера, но откуда—не помнитъ. То, что Хромовъ выстрѣлилъ, подтвердилъ и рядовой Семенъ Федоровъ. Степанъ Тихоновъ сдѣлалъ 4 выстрѣла изъ револьвера. Самъ рядовой С. Федоровъ сдѣлалъ 6 выстрѣловъ съ поста во дворѣ. Итого, мы знаемъ 11 выстрѣловъ, раздавшихся до общей команды. Эти выстрѣлы и были тѣ, которые приказный Березкинъ и другіе, слыша ихъ съ другого двора, принимали за выстрѣлы политическихъ. Еще и еще разъ повторяю: вѣдь иначе мы нашли-бы слѣды пуль на стѣнѣ караульнаго дома.

Вотъ и всѣ улики по дѣлу. Повторяю: хотя г. прокуроръ и говоритъ, будто *многими* свидѣтелями установлено, что и кромѣ 4 марта первые начинали стрѣлять политическіе,—это никѣмъ не установлено. Чтобы повѣрить г. прокурору, намъ не нужно многихъ свидѣтелей, пусть онъ укажетъ хоть одного Ихъ нѣтъ и быть не можетъ... Я убѣжденъ, что болѣе вы не

вѣрите голосовной клеветѣ нѣкоторыхъ свидѣтелей, будто подсудимые производили нелѣпую пальбу въ мирныхъ жителей.

Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ, вообразите всей силой своей фантазіи то, что говорятъ вамъ эти свидѣтели: въ городѣ, на открытой площади, стоитъ открыто одинокій домъ; онъ на виду у всѣхъ. Кругомъ ни души. И вотъ изъ этого дома слышны залпы; на улицу падаютъ пули, а дыма и огня у оконъ нѣтъ!.. Довольно, когда вы были маленькими мальчиками, вы и тогда не вѣрили подобнымъ сказкамъ...

Нѣтъ, подсудимые вошли въ домъ Романова не съ тѣмъ, чтобы убивать беззащитныхъ обывателей. Они вошли съ тѣмъ, чтобы погибнуть. И не смерть испугала ихъ, понудила уйти отъ баррикадъ... Тотчасъ же послѣ самыхъ жестокихъ обстрѣловъ они выходили по вызову губернатора и категорически повторяли, что останутся въ домѣ. Среди нихъ былъ уже убитый, были раненые, но не это остановило ихъ протестъ, ихъ вопль...

Изъ объясненій съ губернаторомъ они убѣдились, что все дѣло окружила безысходная клевета... Они готовы были умереть, защищаясь отъ нападенія, боясь за свою неприкосновенность, но быть перестрѣляными, какъ куропатки, они не желали, такъ какъ ничто не возстановило бы затѣмъ правды... И они вышли, чтобы добиться этой правды... Когда они сидѣли въ домѣ Романова, со всѣхъ сторонъ губернатору посыпались телеграммы, заявленія, протесты разныхъ ссыльныхъ съ полными подписями о присоединеніи ими своего голоса къ голосу подсудимыхъ... И эти заявленія, прочтенныя на судѣ,—лучшее доказательство того, какъ насущны были требованія обвиняемыхъ, какъ жизненны были они и какъ неисполненіе ихъ было равносильно смертному приговору... И протесты эти противъ тѣхъ циркуляровъ генералъ-губернатора, за отмѣну которыхъ они рѣшились пожертвовать своей жизнью, будутъ повторяться, ибо они такъ же неизбѣжны, какъ крикъ погибающаго, какъ вопль о помощи задыхающагося...

Господа судьи! Въ своей ссылкѣ подсудимые пережили много страданій и вырваться отсюда было ихъ страстной мечтой. Нѣкоторымъ оставалось до срока нѣсколько мѣсяцевъ, другимъ только сосчитанные дни... Цукеру 6 марта окончился срокъ, у Никифорова впереди было меньше года... И тѣмъ не менѣе всѣ они пошли въ домъ Романова на вѣрную гибель, понесли туда не только свою молодость, но и старость и всю свою жизнь...

Господа судьи! Пребываніе въ Якутскѣ томитъ васъ.— Страшная оторванность отъ всего, заброшенность, унылое однообразіе домовъ, лѣтомъ пыль, грязь, зимою—дикій холодъ, темнота и туманы, отсутствіе людей, примитивнаго комфорта... И вы рветесь отсюда, точно такъ же, какъ они рвутся изъ наслеговъ—подумайте—только *сюда*!

Ахъ, въ этомъ дѣлѣ черезчуръ много самоотверженія. черезчуръ много страданій, для того, чтобы честный судья могъ пойти на компромиссъ. И я вѣрю, хочу вѣрить въ вашъ честный приговоръ. хочу, чтобы онъ былъ продиктованъ не милостью,—ея подсудимымъ не нужно, а только правдой, одной правдой! *).

*) Въ дополнительной своей рѣчи В. В. Беренштамъ касался спеціально вопроса о виновности четырехъ лицъ: Виленкина, Никифорова, Зеликманъ и Померанцъ, выдѣленныхъ изъ общей массы подсудимыхъ слѣдствіемъ и обвиненіемъ. Ея мы не приводимъ, такъ какъ она носитъ слишкомъ частный характеръ.

Рѣчь А. С. Заруднаго.

Манифестація, устроенная нѣсколькими десятками политическихъ ссыльныхъ ради облегченія ставшихъ въ послѣднее время невозможными условій ихъ существованія, окончившаяся, къ несчастью, убійствомъ трехъ людей, породила цѣлую легенду. Какъ удостовѣрилъ свидѣтель Юшмановъ, въ Якутскѣ говорили, что „политическіе“ объявили войну и хотятъ завоевать Якутскую область, а за предѣлами города ходили даже слухи о томъ, что „политическіе“ одержали побѣду, и всѣ жители города перебиты. Подобные легендарные слухи о настоящемъ дѣлѣ доходили и до насъ на западъ Россіи, но, что гораздо удивительнѣе и печальнѣе, это то, что даже предварительное слѣдствіе по винѣ самихъ же подсудимыхъ, отказавшихся давать какія-либо объясненія, не могло дать точной и правдивой картины происшествія и породило легенду о томъ, будто запершіеся въ д. Романова ссыльные въ теченіи трехъ дней залпами стрѣляли въ окружавшихъ ихъ солдатъ и полицію. Эта послѣдняя легенда въ достаточной степени опровергнута предшествующимъ защитникомъ. На моей обязанности лежитъ опроверженіе другой легенды, которую я назвалъ бы юридической и которая является наиболѣе опасной, такъ какъ имѣетъ за собой кажущійся авторитетъ закона.

Г. прокуроръ, предлагая вамъ произнести приговоръ о нѣсколькихъ столѣтіяхъ, если не тысячелѣтіяхъ каторги, поставить крестъ на столькихъ прекрасныхъ жизняхъ, выбросить за бортъ человѣческаго общенія столько хорошихъ и выдающихся людей, не далъ достаточнаго, по моему мнѣнію, юридическаго обоснованія тому тяжкому обвиненію, которое онъ предъявляетъ подсудимымъ. Подсудимые обвиняются въ вооруженномъ сопротивленіи администраціи и войскамъ. Дѣйствующее уложеніе о наказаніяхъ знаетъ два рода сопротивленія властямъ: во-первыхъ, болѣе тяжкую форму сопротивленія — возстаніе, предусмотрѣнное ст. 263—269 и, во вторыхъ, менѣе тяжкую — простое сопротивленіе, предусмотрѣнное ст. 270 и слѣд. Не-

зависимо отъ этого, вооруженное сопротивленіе, оказанное скопищемъ военному караулу, предусмотрѣно ст. 123 Новаго Угол. Улож., которая, въ силу закона 30-го іюня 1904 года, получила уже силу дѣйствующаго закона. Такимъ образомъ, суду необходимо сдѣлать то, чего не сдѣлалъ г. прокуроръ: опредѣлить съ точностью, какимъ именно изъ трехъ названныхъ законовъ предусматривается дѣяніе, въ которомъ обвиняются подсудимые.

Можетъ-ли это дѣяніе считаться возстаніемъ, предусмотрѣннымъ ст. 263? Для правильнаго толкованія закона необходимо прежде всего обратиться къ лучшему для этой цѣли средству— русскому языку. Что означаетъ на обыкновенномъ разговорномъ языкѣ слово возстаніе? Ясно, какъ день, что возстаніе— это сопротивленіе особой, большой важности, затрагивающее основныя общія условія всего государства или цѣлаго края: это — актъ революціоннаго движенія. Никто на разговорномъ языкѣ не назоветъ возстаніемъ столкновенія, происшедшаго между нѣсколькими крестьянами или рабочими и полицейскимъ приставомъ, вслѣдствіе нежеланія подчиняться требованіямъ власти, касающимся какихъ-нибудь частныхъ и мѣстныхъ условій. Если таково понятіе „возстаніе“ на языкѣ разговорномъ, то спрашивается, нужно-ли иначе понимать это выраженіе, когда оно встрѣчается въ уголовномъ законѣ? Думаю, что нѣтъ. По крайней мѣрѣ, правительствующій сенатъ всегда строго различалъ вышеуказанныя два рода сопротивленія властямъ. Позволю себѣ сослаться на рѣшеніе сената отъ 30 іюня 1893 года по весьма аналогичному съ настоящимъ дѣломъ: о майкопскихъ безпорядкахъ. Сущность этого дѣла заключалась въ сопротивленіи, оказанномъ майкопскими мѣщанами приведенію въ дѣйствіе закона 3 іюля 1879 года объ убоѣ зачумленнаго скота. Двѣ судебныя инстанціи примѣнили къ подсудимымъ 263 ст. Ул., но сенатъ отмѣнилъ приговоръ судебной палаты, признавая эту статью въ данномъ случаѣ не примѣнимой. При этомъ правительствующій сенатъ разсуждалъ такъ: „согласно нашимъ законамъ (ст. 263 и слѣд. Улож.) и разъясненіямъ. преподаннымъ по сему предмету сенатомъ (рѣш. 1877, № 40 по общ. собр.), неповиновеніе распоряженіямъ правительства и установленнымъ отъ онаго властямъ распадается на два различные вида: на неповиновеніе общее, которое собственно и именуется въ законѣ явнымъ противъ правительственныхъ властей, правительствомъ установленныхъ, возстаніемъ (ст. 263— 269 Ул.) и неповиновеніе частное, соотвѣтствующее понятію сопротивленія властямъ (ст. 270 — 273). Изъ самого законнаго

опредѣленія отдѣльныхъ случаевъ сихъ видовъ неповиновенія существеннымъ признакомъ ихъ различія является не степень оказаннаго виновными сопротивленія и соотвѣтствующій сему сопротивленію родъ принятыхъ для прекращенія безпорядковъ мѣръ — такъ при простомъ нарушеніи общественнаго порядка толпой, если даже для прекращенія безпорядковъ была потребована военная сила (рѣш. 1888 г., № 14) — виновные отвѣчаютъ не по правиламъ о возстаніи, а только по 3-й части 38 ст. Устава о наказаніяхъ, — не число лицъ, оказавшихъ неповиновеніе, такъ какъ отдѣльныя распоряженія власти могутъ имѣть прямое отношеніе не къ одному, а къ нѣсколькимъ лицамъ (85 г., № 11), — но оно всецѣло зависитъ отъ рода и значенія той власти, проявленію коей было оказано неповиновеніе. Такимъ образомъ явное возстаніе противъ властей предполагаетъ неповиновеніе велѣніямъ, непосредственно отъ верховной власти исходящимъ, законамъ, ихъ обнародованію или приведенію ихъ въ дѣйствіе, или тѣмъ общимъ распоряженіямъ и мѣрамъ властей, правительствомъ установленныхъ, кои относятся къ общему порядку управленія краемъ или мѣстностью, почему и отвѣтственность за возстаніе сего рода, столь близко соприкасающееся съ возстаніемъ противъ основаній государственнаго правленія, съ бунтомъ, полагается особенно тяжкая; сопротивленіе же частное имѣетъ въ виду неповиновеніе отдѣльнымъ мѣрамъ и постановленіямъ правительственныхъ властей, относящимся или къ исполненію судебныхъ рѣшеній, или къ охранѣ общественнаго порядка или спокойствія, къ предупрежденію опасности для народнаго здравія или благосостоянія и т. д., все равно, относятся-ли такія требованія или распоряженія къ отдѣльному лицу, или они налагаютъ извѣстныя обязанности на всѣхъ обывателей селенія, мѣстечка или города, все равно основываются-ли сіи требованія или распоряженія на прямомъ указаніи закона, или же принимаются извѣстными властями по ихъ усмотрѣнію, въ силу правъ, имъ закономъ предоставленныхъ. Сіе различіе сопротивленія частнаго и общаго подтверждается въ отношеніи тяжести „опредѣляемыхъ за сіе наказаній“ ст. 269 Ул. (по закону 9 декабря 91). По этимъ соображеніямъ правительствующій сенатъ призналъ неправильнымъ признаніе судебной палатой, что оказанное майкопцами сопротивленіе приведенію въ дѣйствіе закона 3 іюля 1879 года объ убоѣ зачумленнаго скота является явнымъ противъ правительства возстаніемъ, и указалъ, что дѣянія осужденныхъ соотвѣтствуетъ не 263 ст., а 271 ст. Улож. о наказ.

Примѣняя приведенныя соображенія указаннаго рѣшенія сената къ настоящему дѣлу, нельзя не признать, что циркуляры, касавшіеся порядка отбытія ссылки административно-ссыльными иркутскаго генералъ-губернаторства, не могутъ считаться имѣющими болѣе общее значеніе и болѣе затрагивающими интересы всего населенія, чѣмъ законъ объ убоѣ зачумленнаго скота, и что поэтому сопротивленіе, оказанное примѣненію этихъ циркуляровъ, должно считаться сопротивленіемъ частнымъ, предусмотрѣннымъ ст. 270 Улож., а не общимъ, предусмотрѣннымъ ст. 263.

Я долженъ, впрочемъ, пойти навстрѣчу обвиненію и указать на существующее или, по крайней мѣрѣ, существовавшее въ нашей практикѣ мнѣніе о примѣненіи ст. 263 къ одному случаю частнаго сопротивленія: именно къ тому, когда сопротивленіе было оказано болѣе, чѣмъ тремя лицами. Мнѣніе это, выводимое изъ одного выраженія ст. 270, высказано было, кажется, впервые въ извѣстномъ рѣшеніи сената 1877 года по дѣлу Боголюбова. Но съ тѣхъ поръ много времени прошло и много воды утекло, и практика нашихъ судебныхъ учрежденій въ значительной степени уклонилась отъ теоріи, проведенной сенатомъ въ этомъ рѣшеніи... Въ памяти всякаго опытнаго судебнаго дѣятеля, навѣрно, сохраняется длинный рядъ дѣлъ о вооруженномъ сопротивленіи нѣсколькихъ лицъ, къ которымъ суды примѣняли не 263, а 270 ст. Улож. Укажу, напр., на рѣшеніе сената отъ 17 октября 1903 г. по дѣлу Хагеразовыхъ и др. По дѣлу этому нѣсколькими лицами, въ числѣ болѣе трехъ, оказано было вооруженное сопротивленіе судебному слѣдователю, и, однако, судебною палатою примѣнены были къ нимъ ст. 270 и 271, а не 263, и изъ указа сената (копію котораго, равно какъ и копію названнаго выше рѣшенія по майкопскому дѣлу, я представляю суду) не видно, чтобы сенатъ призналъ непримѣненіе къ подсудимымъ 263 ст. неправильнымъ.

Въ лежащемъ предо мной номерѣ журнала „Право“, который, между прочимъ, принесъ намъ текстъ новаго закона о производствѣ политическихъ дѣлъ, напечатанъ отчетъ о производившемся въ одномъ изъ сибирскихъ судовъ дѣлѣ о сопротивленіи властямъ. По дѣлу этому были преданы суду 5, а осуждены 4 лица, за вооруженное сопротивленіе и тѣмъ не менѣе къ осужденнымъ была примѣнена 270, а не 263 ст.

Итакъ, судебная практика по вопросу о значеніи для квалификаціи преступнаго дѣянія участія въ сопротивленіи болѣе трехъ лицъ значительно измѣнилась за послѣднюю четверть столѣтія подъ вліяніемъ, отчасти, того же самаго сената, кото-

рый во многихъ рѣшеніяхъ (напр., рѣшеніе 85 г., № 11 по дѣлу Пачковскихъ и указанное рѣшеніе 93 г. по майкопскому дѣлу) значительно смягчилъ суровыя требованія рѣшенія 77 г. по дѣлу Боголюбова. Иначе и быть не могло. Уголовный законъ, гг. судьи, нельзя примѣнять къ дѣянію такимъ способомъ, какимъ бумажнымъ колпакомъ покрываютъ какой-либо предметъ, не озабочиваясь тѣмъ, плотно ли прилегаетъ колпакъ къ предмету, или онъ значительно больше его, лишь-бы онъ накрылъ предметъ, лишь-бы наказаніе было достаточно, съ той или другой точки зрѣнія, строго. Уголовный законъ, напротивъ того, долженъ примѣняться къ дѣянію правильно и точно, какъ перчатка къ рукѣ, палецъ къ пальцу, признакъ къ признаку, и гораздо правильнѣе и согласнѣе съ истиннымъ смысломъ законовъ примѣнять къ случаю вооруженнаго сопротивленія второго рода, то есть частнаго, оказаннаго нѣсколькими лицами, ст. 270, чѣмъ прилагать къ нимъ законъ, предусматривающій, по истинному его смыслу, дѣяніе совсѣмъ другого, значительно болѣе важнаго характера.

Но если, затѣмъ, не согласиться съ этими моими соображеніями и признавать, что въ случаяхъ участія въ частномъ вооруженномъ сопротивленіи болѣе 3-хъ лицъ, въ силу рѣшенія по дѣлу Боголюбова, должно опредѣляться наказаніе, указанное въ ст. 263, то и тогда необходимымъ условіемъ для примѣненія въ подобныхъ случаяхъ этой послѣдней статьи является наличность всѣхъ тѣхъ признаковъ, которые указаны въ ст. 270, въ томъ числѣ законности распоряженій, которымъ оказано неповиновеніе, и явной насильственности сопротивленія: поэтому, при отсутствіи явнаго насилія, ст. 263, по точному смыслу Боголюбовскаго рѣшенія (ср. также рѣшеніе 1885 г., № 11), въ указанныхъ случаяхъ примѣнена быть не можетъ.

Наконецъ, суду необходимо разрѣшить вопросъ, какой изъ двухъ дѣйствующихъ нынѣ уголовныхъ кодексовъ — Уложеніе о наказаніяхъ или Новое уложеніе—должны быть примѣнены къ настоящему дѣлу, ибо ст. 123 Новаго улож., предусматривающая вооруженное нападеніе скопища на военный караулъ, то есть такое именно дѣяніе, въ которомъ обвиняются подсудимые, въ настоящую минуту является уже дѣйствующимъ закономъ...

Предсѣдатель (прерывая). Вы не можете говорить о Новомъ уголовномъ уложеніи, потому что преступленія, предусмотрѣнныя имъ, подсудны судебной палатѣ, и окружные суды не въ правѣ примѣнять Новое уложеніе.

Зарудный. Я совершенно съ этимъ согласенъ и хотѣлъ-бы сказать, какой отсюда надо сдѣлать практическій выводъ для настоящаго дѣла...

Предсѣдатель (прерывая). Вы не можете касаться этого, я вамъ запрещаю говорить о Новомъ уложеніи.

Зарудный проситъ отмѣтить это въ протоколѣ и продолжаетъ.

Но было-ли по настоящему дѣлу сопротивленіе общее—возстаніе (ст. 263), или сопротивленіе частное (ст. 270), во всякомъ случаѣ, суду необходимо разрѣшить вопросъ, были-ли законны тѣ требованія или распоряженія властей, которымъ оказано неповиновеніе. Преступленіе возстанія или простого сопротивленія заключаетъ въ себѣ два момента: моментъ неповиновенія закону или административному распоряженію и моментъ насильственнаго или, во всякомъ случаѣ, активнаго ему сопротивленія. Для установленія судомъ наличности перваго момента необходимо признаніе судомъ законности тѣхъ распоряженій, которымъ оказано сопротивленіе, и, напротивъ того, незаконными тѣхъ предъявленныхъ къ властямъ требованій, которыя виновными были поддержаны путемъ возстанія или сопротивленія. При признаніи судомъ распоряженій властей незаконными, первый моментъ будетъ отсутствовать, и послѣдующія за неповиновеніемъ насильственныя дѣйствія частныхъ лицъ могутъ, при извѣстныхъ условіяхъ, оказаться преступнымъ дѣяніемъ другого рода, напримѣръ убійствомъ, насиліемъ и т. п., но ни въ какомъ случаѣ не могутъ считаться сопротивленіемъ властямъ.

Не буду приводить ни мнѣній нашихъ лучшихъ юристовъ, ни многочисленныхъ рѣшеній правительствующаго сената по вопросу о значеніи для состава преступленія сопротивленія властямъ законности тѣхъ распоряженій, которымъ оказывается сопротивленіе. Позволю себѣ сослаться лишь на одно изъ послѣднихъ и наиболѣе характерныхъ рѣшеній сената въ этомъ отношеніи. Я говорю объ упомянутомъ уже мною рѣшеніи 17 октября 903 года по дѣлу Хагеразовыхъ и другихъ. Судебный слѣдователь, производя предварительное слѣдствіе о похищеніи дѣвицы, явился въ квартиру, въ которой она была скрыта, и распорядился о задержаніи дѣвицы для возвращенія ея отцу. Дѣло происходило на Кавказѣ, и находившіеся въ той квартирѣ похитители дѣвицы оказали слѣдователю вооруженное сопротивленіе и ранили нѣсколькихъ лицъ изъ сопровождавшей слѣдователя стражи. Судебная палата примѣнила къ этому случаю 270 ст., но сенатъ, признавая указанныя

дѣйствія судебнаго слѣдователя незаконными, отмѣнилъ приговоръ палаты за неправильнымъ примѣненіемъ 270 статьи и предписалъ разсмотрѣть вновь дѣло въ отношеніи обвиненія подсудимыхъ по ст. 1483 (нанесеніе ранъ). Если, такимъ образомъ, сенатъ призналъ ненаказуемымъ неповиновеніе незаконнымъ распоряженіямъ судебной власти при производствѣ ею судебныхъ дѣйствій, то можно-ли сомнѣваться въ ненаказуемости неповиновенія незаконнымъ административнымъ распоряженіямъ, устанавливающимъ порядокъ и подробности отбытія административнаго наказанія. Такимъ именно распоряженіямъ оказали неповиновеніе подсудимые.

По обвинительному акту подсудимые обвинялись въ томъ, „что съ цѣлью принудить правительственныя власти къ отмѣнѣ изданныхъ послѣдними распоряженій, касающихся политическихъ ссыльныхъ въ Сибири, предъявили якутскому губернатору рядъ требованій объ этомъ“ и затѣмъ для поддержки этихъ требованій оказали вооруженное сопротивленіе. Были-ли эти, предъявленныя подсудимыми, требованія законны или нѣтъ, вотъ вопросъ, который прежде всего долженъ разрѣшить вашъ приговоръ. Если эти требованія были законны, то предъявленіе ихъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться тѣмъ неповиновеніемъ власти, которое, какъ я указалъ выше, является первымъ моментомъ въ составѣ преступленія возстанія и сопротивленія властямъ. Всѣ послѣдующія дѣйствія подсудимыхъ, если-бы даже они и заключали въ себѣ составъ какихъ-либо другихъ преступленій, не будутъ, во всякомъ случаѣ, указаннымъ вторымъ моментомъ преступленія сопротивленія властямъ, ибо необходимый для состава этого преступнаго дѣянія первый моментъ будетъ отсутствовать.

Итакъ, были-ли предъявленныя подсудимыми якутскому губернатору 18 февраля требованія, по содержанію ихъ, незаконными? Замѣчательно, что самъ и. д. якутскаго губернатора Чаплинъ, ни при личныхъ объясненіяхъ его съ подсудимыми во время происшествій, составляющихъ предметъ настоящаго дѣла, ни здѣсь, на судѣ, при допросѣ его въ качествѣ свидѣтеля, не утверждалъ, чтобы требованія подсудимыхъ, по существу ихъ, были незаконны. Основываясь на показаніяхъ свидѣтеля Чаплина, г. прокуроръ, въ своей рѣчи, указалъ лишь на одинъ признакъ незаконности требованій подсудимыхъ, именно на то, что они были направлены „не по адресу“. Но если-бы даже это было такъ, то и въ такомъ случаѣ неужели законность или незаконность требованій, подобныхъ заключавшимся въ заявленіи подсудимыхъ отъ 18 февраля, зависитъ

отъ адреса, по которому заявленія были направлены? Отъ губернатора зависѣло переслать ходатайства частныхъ лицъ по надлежащему адресу, и очевидно, что невѣрный адресъ не можетъ играть указанной г. прокуроромъ роли, при разрѣшеніи вопроса о степени законности дѣйствій подсудимыхъ. Что губернаторъ, при объясненіи его съ подсудимыми, не ссылался на то, что требованія послѣднихъ, по существу ихъ, являются незаконными, доказывается и тѣмъ, что, какъ мы слышали отъ свидѣтеля Чаплина, онъ одобрилъ представленный ему подсудимымъ Никифоровымъ и имѣвшійся въ его рукахъ проектъ телеграммы на имя министра внутреннихъ дѣлъ, по содержанію своему аналогичный съ заявленіемъ, поданнымъ подсудимыми губернатору, и обѣщалъ, съ своей стороны, оказать содѣйствіе, чтобы эта телеграмма была принята на телеграфѣ. Могъ-ли поступить такимъ образомъ губернаторъ, если-бы онъ признавалъ, что ходатайство подсудимыхъ, по самому содержанію своему, являлось незаконнымъ?

Посмотримъ-же теперь, какія именно требованія заключало въ себѣ заявленіе отъ 18 февраля. Подсудимые требовали:

1) „Гарантіи немедленной отправки всѣхъ окончившихъ срокъ ссыльныхъ на казенный счетъ". Было-ли такое требованіе основано на законѣ? Обратимся къ Высочайше утвержд. 12 марта 1882 года положенію о полицейскомъ надзорѣ, учреждаемомъ по распоряженію административныхъ властей (прилож. II къ ст. 1, примѣч. 2, Уст. пред. и пресѣч. прест.), и въ 40 ст. означеннаго положенія мы найдемъ правило о томъ, что „освобожденное отъ надзора лицо, въ случаѣ неимѣнія своихъ средствъ для отъѣзда изъ мѣста водворенія, имѣетъ право на пособіе отъ казны". Итакъ, требованіе, заключающееся въ первомъ пунктѣ подсудимыхъ, было вполнѣ и безусловно законно. Свидѣтель Чаплинъ удостовѣрилъ намъ, будто случаевъ отказа окончившимъ срокъ ссыльнымъ въ возвращеніи на казенный счетъ въ якутской области не было, на что онъ и указалъ подсудимымъ при его личныхъ объясненіяхъ съ ними. Но этому заявленію свидѣтеля противорѣчитъ содержаніе представленнаго нами суду, въ частной копіи, отношенія якутскаго губернатора на имя якутскаго полицеймейстера отъ 16 декабря 1903 года за № 1095-мъ. Изъ отношенія этого, сущность котораго была, по оглашеніи его, подтверждена на судѣ свидѣтелемъ Чаплинымъ, усматривается, что въ концѣ прошлаго года тремъ ссыльнымъ: Бѣлову, Смирнову и Долинину было отказано въ отправкѣ ихъ до Иркутска на казенный счетъ, не въ качествѣ арестантовъ, и въ выдачѣ имъ кормовыхъ денегъ.

Такимъ образомъ, подсудимые имѣли фактическое основаніе опасаться, что подобный-же отказъ послѣдуетъ въ свое время и для нихъ, и для другихъ ихъ товарищей. Но если-бы заявленія свидѣтеля Чаплина о томъ, что окончившіе срокъ ссылки всегда возвращаются на казенный счетъ, и соотвѣтствовали дѣйствительности, то отсюда слѣдовало бы лишь то, что первое изъ требованій подсудимыхъ было излишнимъ, но ни въ коемъ случаѣ не то, чтобы оно было противозаконнымъ.

2) Второе требованіе подсудимыхъ было слѣдующее: „Отмѣна всѣхъ изданныхъ въ послѣднее время распоряженій о стѣсненіи и почти полномъ запрещеніи отлучекъ". Изъ содержанія представленныхъ нами копій циркуляровъ, показаній свидѣтелей и объясненій подсудимыхъ вы могли убѣдиться, что подъ самовольной отлучкой въ послѣднее время администрація здѣшней мѣстности разумѣла всякое, хотя-бы и кратковременное удаленіе ссыльнаго отъ мѣста, назначеннаго ему на жительство наслега, уединенной юрты. Такое ограниченіе правъ поднадзорнаго не можетъ быть признано согласнымъ съ истиннымъ смысломъ закона о полицейскомъ надзорѣ 12 марта 1882 г. Учрежденный этимъ закономъ полицейскій надзоръ, являясь мѣрой не карательною, а лишь предупредительною, ограничиваетъ въ точно указанной въ законѣ степени его права, лишь настолько, насколько это необходимо для предупрежденія его противозаконной политической или агитаціонной дѣятельности. Внѣ этихъ, точно указанныхъ въ положеніи, ограниченій, поднадзорный является полноправнымъ гражданиномъ, и правила закона о стѣсненіи его правъ ни въ коемъ случаѣ не должны толковаться распространительно. Изъ того, что съ одной стороны низшимъ полицейскимъ чиномъ, имѣющимъ право надзора за поднадзорными, является становой приставъ и что, съ другой стороны, ст. 8-ой положен. 12 марта 1882 года устанавливается обязательство для поднадзорныхъ просить о разрѣшеніи отлучки у начальника уѣздной полиціи, у мѣстнаго губернатора, у министра внутреннихъ дѣлъ лишь въ случаяхъ отлучекъ, въ первомъ случаѣ, въ предѣлахъ уѣзда, во второмъ— въ предѣлахъ губерніи и въ третьемъ — въ другія губерніи,— первый департаментъ правительствующаго сената заключилъ, что для отлучекъ въ предѣлахъ стана особыхъ разрѣшеній не требуется. Вы слышали изъ объясненій подсудимыхъ, что еще не такъ давно такимъ образомъ толковалось право поднадзорныхъ на отлучки въ предѣлахъ стана и администраціей иркутскаго генералъ-губернаторства. Вы слышали также, что нѣкоторые изъ подсудимыхъ, при предъявленіи имъ полиціей обви-

ненія за подобныя отлучки, были оштрафованы судебными учрежденіями. Наша повсемѣстная судебная практика, въ большинствѣ случаевъ, толковала законъ о правѣ поднадзорныхъ на кратковременныя отлучки именно въ указанномъ мною смыслѣ. Чтобы не быть голословнымъ, укажу, напримѣръ, на появившуюся въ 88 или 89 годахъ въ „Юридическомъ Вѣстникѣ“ статью о правѣ поднадзорныхъ на кратковременныя отлучки, заключающую въ себѣ свѣдѣнія изъ практики мировыхъ учрежденій. По этимъ соображеніямъ я не могу признать законнымъ то безусловное воспрещеніе поднадзорному удаляться отъ того наслега, отъ той юрты, гдѣ онъ водворенъ, которое въ послѣднее время примѣнялось въ Якутской области. Должности станового пристава здѣсь соотвѣтствуетъ земскій засѣдатель, въ предѣлахъ участка котораго поднадзорный по закону имѣетъ право отлучаться на короткое время безъ особыхъ на то разрѣшеній. Не можетъ служить оправданіемъ для подобныхъ воспрещеній обширность участковъ земскихъ засѣдателей, затрудняющая для послѣднихъ постоянный надзоръ за ссыльными. Если по мѣстнымъ условіямъ надлежащій надзоръ надъ ссыльными дѣлается почему-либо затруднительнымъ или невозможнымъ, то отсюда можно сдѣлать только одинъ выводъ, а именно, что ссылку надо перенести въ другую, болѣе соотвѣтствующую ея цѣли, мѣстность, а никакъ не тотъ, чтобы въ виду мѣстныхъ условій слѣдовало нарушать установленный закономъ порядокъ и стѣснять частныхъ лицъ въ ихъ законныхъ правахъ.

Но изданные въ послѣднее время циркуляры не только ограничивали въ указанномъ мною смыслѣ права поднадзорныхъ по отношенію къ кратковременнымъ отлучкамъ, они устанавливали еще за нарушеніе правилъ этихъ циркуляровъ объ отлучкахъ новое, непредусмотрѣнное въ законѣ и страшное по своей тяжести, наказаніе. Полиція объявила подсудимымъ, подъ требовавшіяся отъ нихъ подписки, что за самовольныя отлучки изъ назначенныхъ имъ мѣстъ водворенія они будутъ переводимы „въ отдаленнѣйшія мѣстности Якутской области“. Имѣла-ли администрація право дѣлать подобныя распоряженія и объявлять о томъ поднадзорнымъ? Ясный отвѣтъ на этотъ вопросъ заключается въ законѣ. Согласно ст. 32 полож. о полицейскомъ надзорѣ, администрація имѣетъ право подвергать поднадзорныхъ, за неисполненіе правилъ положенія, наказанію не свыше ареста на 1 мѣсяцъ, а въ силу примѣчанія къ этой статьѣ „за самовольную отлучку поднадзорныхъ изъ мѣста, назначеннаго имъ для жительства, они подвергаются суду и на-

казанію, опредѣленному въ ст. 63 Уст. о наказ.". Правда, свидѣтель Чаплинъ ссылается на то, что назначеніе мѣста отбытія надзора зависитъ отъ губернатора, который въ правѣ поэтому и перемѣнять мѣсто водворенія поднадзорнаго. Это совершенно вѣрно. Но если, такимъ образомъ, администраторъ имѣетъ огромную и почти безконтрольную власть при опредѣленіи мѣста водворенія поднадзорнаго, то слѣдуетъ-ли изъ этого, что онъ можетъ употреблять эту власть не съ той цѣлью, для которой она предоставлена ему закономъ, а съ цѣлью совершенно другого характера? Да, губернаторъ можетъ перемѣнить мѣсто водворенія ссыльнаго, но, по смыслу закона и разъясненій перваго департамента сената, онъ можетъ это сдѣлать лишь тогда, когда въ силу мѣстныхъ условій продолженіе надзора въ данной мѣстности является невозможнымъ и для успѣха надзора оказывается необходимымъ перевести его въ другое мѣсто. Но можетъ-ли администрація установить для поднадзорныхъ особое уложеніе о наказаніяхъ, карающее проступки, въ общихъ уголовныхъ законахъ, вовсе непредусмотрѣнные, или же назначающее за дѣяніе, указанное въ общихъ уголовныхъ законахъ, наказаніе, своею тяжестью неизмѣримо превышающее тѣ кары, которыя установлены означеннымъ закономъ? Можетъ-ли мѣстная администрація объявить поднадзорнымъ, что за одни проступки она безъ суда будетъ назначать ссылку въ Верхоянскъ, а за другіе въ Нижне-Колымскъ? Очевидно, нѣтъ. Перемѣщеніе поднадзорнаго изъ одного мѣста водворенія въ другое можетъ быть предпринято лишь при признаніи администраціей въ каждомъ данномъ случаѣ необходимости такого перемѣщенія въ цѣляхъ болѣе успѣшнаго надзора. Но подобное перемѣщеніе поднадзорнаго не можетъ, безъ всякаго сомнѣнія, совершаться въ видѣ общей кары за нарушеніе какихъ-либо установленныхъ администраціей правилъ. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что воспрепятствованіе администраціей поднадзорнымъ самовольныхъ отлучекъ изъ какого-нибудь Нижне-Колымска является болѣе затруднительнымъ, чѣмъ въ Якутскомъ округѣ. Отсюда ясно, что объявленная администраціею всѣмъ поднадзорнымъ общая мѣра — высылка за самовольныя отлучки въ отдаленнѣйшія мѣстности Якутской области — является не средствомъ воспрепятствовать данному поднадзорному совершать въ дальнѣйшемъ самовольныя отлучки, а лишь карою за проступокъ, за который въ законѣ назначается арестъ не свыше 3 мѣсяцевъ. Въ заявленіи 18 февраля подсудимые не требовали ни полной отмѣны ссылки или полицейскаго надзора, ни полной безнаказанности за самоволь-

ныя отлучки. Они просили лишь о непримѣненіи изданныхъ въ послѣднее время распоряженій по этому поводу, и эта просьба ихъ была законна, такъ какъ означенныя распоряженія не могутъ считаться законными.

3) Въ-третьихъ, подсудимые требовали и „отмѣны всякихъ, кромѣ точно указанныхъ въ Положеніи о гласномъ надзорѣ, репрессій за нарушеніе этого положенія". Я уже упомянулъ о томъ, что ст. 32 названнаго положенія точно перечисляетъ тѣ наказанія, которыя администрація въ правѣ налагать на поднадзорныхъ, и что наложеніе въ административномъ порядкѣ на поднадзорныхъ наказаній внѣ случаевъ, указанныхъ въ этой статьѣ, не можетъ считаться законнымъ. Можно-ли, въ такомъ случаѣ, вмѣнять подсудимымъ въ преступленіе ихъ обращеніе къ властямъ съ просьбой о соблюденіи дѣйствующаго закона?

4) Подсудимые просили также объ отмѣнѣ циркуляра, запрещающаго свиданія мѣстныхъ поднадзорныхъ съ проѣзжающими въ пересылаемой партіи товарищами ихъ. Изъ оглашенной на судѣ представленной нами частной копіи этого циркуляра, сущность которой была подтверждена свидѣтелемъ Чаплинымъ, усматривается, что, по мнѣнію администраціи, ссыльные имѣютъ полную возможность сношеній съ пересыльными товарищами ихъ и, „узнавъ о проѣздѣ вновь высланныхъ, являются на мѣста остановокъ, получаютъ и передаютъ корреспонденцію и деньги и вообще входятъ съ ними въ нежелательныя сношенія". Для прекращенія этого означеннымъ циркуляромъ объявлялось, что „тѣ административно-ссыльные, которые будутъ изобличены въ противозаконныхъ сношеніяхъ съ вновь высылаемыми поднадзорными, будутъ переводиться на водвореніе въ отдаленнѣйшія мѣстности Якутской области", о чемъ циркуляръ „предписывалъ поставить въ извѣстность всѣхъ поднадзорныхъ".

Если вы согласились со мною, что поднадзорные, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ ограниченія ихъ правъ, которые точно указаны въ законѣ, должны быть признаны полноправными гражданами, то вы должны признать, что администрація не въ правѣ налагать на ихъ поступки какіе-нибудь запреты, кромѣ указанныхъ въ положеніи о надзорѣ. Всякій гражданинъ имѣетъ право искать свиданія съ арестантомъ, заключеннымъ въ тюрьмѣ или пересылаемымъ по этапу. Отъ администраціи зависитъ разрѣшить или нѣтъ эти свиданія, принять тѣ или иныя мѣры къ охраненію арестантовъ отъ вліянія постороннихъ лицъ, но она не можетъ признавать незаконнымъ и преступнымъ самый

фактъ требованія посторонними лицами свиданій съ заключенными. Между тѣмъ, указанный циркуляръ не только объявлялъ воспрещеннымъ для поднадзорныхъ домогаться свиданій съ ссылаемыми ихъ товарищами, но и грозилъ имъ за это все той же ужасной карой, ссылкой къ Ледовитому океану. Вполнѣ естественна, правильна и законна была заключающаяся въ 4-мъ пунктѣ ихъ заявленія отъ 18-го февраля просьба о непримѣненіи означеннаго циркуляра.

5) Наконецъ, пятое и послѣднее требованіе подсудимыхъ заключалось въ томъ, „чтобы никакихъ репрессалій по отношенію къ лицамъ, подписавшимъ заявленіе, примѣнено не было“. Если въ предшествующихъ требованіяхъ, по содержанію ихъ, не заключалось ничего противозаконнаго, то, очевидно, что не можетъ считаться незаконною и просьба о непримѣненіи къ лицамъ, заявившимъ эти требованія, какихъ-либо репрессалій. — Вотъ и всѣ требованія, предъявленныя подсудимыми администраціи.

Мнѣ кажется, что, разобравъ ихъ, я уже взялъ первый фортъ обвиненія и доказалъ, что въ фактѣ подачи подсудимыми заявленія отъ 18 февраля, заключавшаго въ себѣ лишь вполнѣ законныя ходатайства, нельзя усматривать того неповиновенія властямъ, наличность котораго необходима для установленія перваго изъ указанныхъ мною моментовъ преступленія сопротивленія властямъ. Но г. прокуроръ, какъ опытный противникъ, можетъ отступить нѣсколько шаговъ и признать, что если даже въ означенномъ заявленіи не заключалось этого момента, то послѣдній можетъ быть найденъ въ послѣдующихъ дѣйствіяхъ подсудимыхъ. Необходимо, вслѣдъ за прокуроромъ, разсмотрѣть эти послѣдующія дѣйствія.

Обвинитель указываетъ на заявленіе подсудимыхъ отъ 28 февраля, въ которомъ они требовали прекращенія предпринятой по отношенію къ нимъ блокады. Но вѣдь заявленіе это, въ сущности, является лишь повтореніемъ той же угрозы, которая заключалась въ первомъ ихъ заявленіи; угроза же сама по себѣ, какъ бы преступна она ни была, не является еще неповиновеніемъ законнымъ дѣйствіямъ властей. Во всякомъ случаѣ, если и усматривать въ заявленіи 26 февраля моментъ неповиновенія, то это было неповиновеніе распоряженіямъ полиціи о надзорѣ за домомъ, въ которомъ находились подсудимые, то есть неповиновеніе административнымъ распоряженіямъ частнаго, а не общаго характера; поэтому, если-бы такое неповиновеніе повлекло за собою сопротивленіе властямъ, то это

послѣднее дѣяніе соотвѣтствовало бы, конечно, преступленію, указанному въ ст. 270, а не 263.

Г. прокуроръ ссылается далѣе на заявленіе, поданное подсудимыми губернатору 4 марта. Въ заявленіи этомъ подсудимые указываютъ, что „администрація держится крайне вызывающаго образа дѣйствій, выразившагося въ цѣломъ рядѣ поступковъ: занятіи двора солдатами, бросаніи часовыми камней, площадной ругани, прицѣливаніи и угрозахъ стрѣлять или арестовать, закрываніи часовыми ставенъ и т. п.“ Заявленіе заканчивается угрозой, что подсудимые, въ случаѣ продолженія полиціей подобныхъ дѣйствій, „будутъ считать себя въ правѣ приступить къ вооруженной самозащитѣ“. Если вспомнить ту обстановку, при которой писалось это заявленіе, то какъ бы вы ни осуждали его формы и рѣзкость выраженій, вы въ содержаніи его едва-ли усмотрите моментъ караемаго неповиновенія властямъ. Въ своихъ неоднократныхъ объясненіяхъ съ подсудимыми губернаторъ, какъ онъ самъ удостовѣрилъ на судѣ, завѣрялъ подсудимыхъ, что никакихъ насилій или другихъ агрессивныхъ дѣйствій со стороны полиціи или солдатъ по отношенію къ нимъ предпринято не будетъ, пока они, подсудимые, сами не позволятъ себѣ какого-либо насилія по отношенію властей. Губернаторъ объявилъ имъ, что, по его выраженію, онъ не „доставитъ имъ удовольствія“ вооруженнаго столкновенія съ властями и „возьметъ ихъ живыми“. Наконецъ, свидѣтель Чаплинъ удостовѣрилъ намъ, что онъ не только не давалъ какихъ-либо приказаній о приготовленіи къ нападенію на домъ Романова, какъ-то: къ занятію нижняго этажа, закрыванію ставенъ, а тѣмъ болѣе къ отдѣльнымъ нападеніямъ на политическихъ, вродѣ бросанія въ нихъ камнями и т. п., но, напротивъ того, строго запретилъ всякія подобныя агрессивныя со стороны полиціи дѣйствія, не желая, чтобы таковыя вызвали насильственное сопротивленіе ссыльныхъ. При такомъ извѣстномъ подсудимымъ распоряженіи начальника области, подсудимые имѣли полное право считать указанныя насильственныя и оскорбительныя для нихъ дѣйствія полиціи и войскъ, на которыя они жаловались въ заявленіи отъ 4 марта, незаконными, почему и угроза ихъ прибѣгнуть, въ случаѣ продолженія подобныхъ незаконныхъ насильственныхъ дѣйствій, къ „вооруженной самозащитѣ“, не должна считаться преступной. Правда, заявленіе написано въ рѣзкомъ тонѣ и заключаетъ въ себѣ брошенные по отношенію къ губернатору упреки, которые, по убѣжденію защиты, не могутъ считаться справедливыми. Но можно-ли винить за это подсудимыхъ? То, что намъ стало ясно теперь, на

судѣ, могло-ли быть извѣстно подсудимымъ въ то время, когда они находились въ домѣ Романова, лишенные свободы? Двое изъ подсудимыхъ заявили вамъ на судѣ, что нынѣ они пришли къ убѣжденію въ неосновательности ихъ прежнихъ подозрѣній въ томъ, что указанныя агрессивныя дѣйствія полиціи и солдатъ дѣлались съ вѣдома губернатора Чаплина. Но могли-ли у нихъ не быть этихъ подозрѣній въ злосчастные дни 3 и 4 марта? По закону (правилъ „о призваніи войскъ къ содѣйствію гражданскимъ властямъ“— прилож. къ ст. 316 (примѣч.) Общ. учр. губ., т. II) администрація въ правѣ употребить силу противъ частныхъ лицъ лишь при соблюденіи установленнаго для этого порядка и послѣ надлежащаго объ этомъ предупрежденія. Подсудимые знали объ этомъ. По отношенію къ нимъ властями не только не было сдѣлано подобнаго предупрежденія, но, напротивъ того, начальникъ области объявилъ имъ, что продолженіе ихъ пребыванія въ домѣ Романова вызоветъ лишь воспрепятствованіе имъ выхода изъ дома для добыванія жизненныхъ продуктовъ, но не повлечетъ за собою употребленія властями по отношенію къ нимъ силы, если только они сами не позволятъ себѣ нападенія. При такихъ условіяхъ подсудимые въ правѣ были требовать, чтобы городовые и солдаты не позволяли себѣ насилій и оскорбленій. И вотъ въ теченіе ряда дней разнузданные и, по употребленному на судебномъ слѣдствіи выраженію, „озвѣрѣлые“ нижніе полицейскіе и военные чины позволяли себѣ тотъ рядъ насильственныхъ дѣйствій, который не могъ не возмутить и не обезпокоить подсудимыхъ. Чему должны были они приписать эти возмутительныя дѣйствія властей? Если таковыя происходили безъ вѣдома губернатора, то подсудимые не могли не протестовать противъ того, что мѣстнымъ начальствомъ не приняты надлежащія мѣры для предохраненія ихъ отъ опасности, грозившей имъ отъ самовольныхъ и незаконныхъ дѣйствій нижнихъ чиновъ. Если-же указанныя наступательныя дѣйствія совершались съ вѣдома и по приказанію губернатора, то поведеніе послѣдняго, послѣ того, что онъ объявилъ имъ, не могло не считаться подсудимыми незаконнымъ и неправильнымъ. Поэтому понятенъ тотъ рѣзкій и возбужденный тонъ, которымъ написано заявленіе 4-го марта.

Повторяю, эта ошибочность подозрѣнія подсудимыхъ по отношенію къ свидѣтелю Чаплину, тактичному поведенію котораго мы обязаны сохраненіемъ многихъ драгоцѣнныхъ жизней,—стала теперь очевидной, но эту ошибку подсудимыхъ, эту неудачную форму ихъ заявленія въ виду тѣхъ условій, въ ко-

торыхъ они находились, и тѣхъ свѣдѣній, которыя они имѣли, вы не можете поставить имъ въ вину!

Мы установили, что, если даже стоять на точкѣ зрѣнія рѣшенія сената по дѣлу Боголюбова, для обвиненія подсудимыхъ по 263 или 270 ст. Улож. необходимо признаніе наличности двухъ моментовъ, во-первыхъ, неповиновенія властямъ и, во-вторыхъ, оказанія имъ насильственнаго сопротивленія. О первомъ моментѣ я уже сказалъ, перехожу къ обсужденію второго.

Въ какихъ дѣйствіяхъ подсудимыхъ можно было усматривать моментъ насилія? Подсудимые демонстративно собрались въ частномъ домѣ и послали властямъ заявленіе съ своими требованіями, съ угрозой оказать насильственное сопротивленіе въ томъ случаѣ, если власти попытаются силой арестовать ихъ. О томъ, что подобная демонстрація сама по себѣ не заключаетъ въ себѣ признака какого-либо караемаго уложеніемъ о наказаніяхъ преступленія, — сказалъ вамъ самъ прокуроръ. Что заключала въ себѣ угроза сопротивленіемъ? Можно-ли считать ее началомъ сопротивленія, предусмотрѣннымъ ст. 270 или 271 Ул? Очевидно, нѣтъ. Это было обнаруженіе умысла и больше ничего, а обнаруженіе умысла, какъ извѣстно, карается лишь при преступныхъ дѣяніяхъ, совершенныхъ противъ главы государства. Г. прокуроръ видитъ элементъ насилія въ томъ, что подсудимые устроили, по его выраженію „укрѣпленный фортъ, извѣстную боевую единицу“. Но можно-ли придавать такое значеніе тому обстоятельству, что подсудимые въ своей частной квартирѣ заколотили двери и устроили вдоль стѣнъ блиндажи? Да простятъ мнѣ подсудимые мое критическое отношеніе къ ихъ сооруженіямъ! Быть можетъ, ихъ баррикады и блиндажи были прекрасно сдѣланы въ техническомъ отношеніи и хорошо защищали отъ ружейныхъ залповъ, но въ смыслѣ юридическомъ, для установленія состава преступленія, они не стоятъ ровно ничего и разлетаются въ прахъ отъ прикосновенія строгой юридической критики. Подобныя сооруженія, сдѣланныя въ частной квартирѣ, сами по себѣ, могутъ считаться лишь приготовленіемъ къ сопротивленію властямъ и не являются не только оконченнымъ преступленіемъ сопротивленія или возстанія, но даже и покушеніемъ на таковое. Г. прокуроръ обвиняетъ подсудимыхъ въ томъ, что они устроили „фортъ“. Но нашъ уголовный законъ такого преступленія не знаетъ. Приготовленіе же къ сопротивленію или возстанію не можетъ считаться наказуемымъ.

Въ обвинительномъ актѣ, далѣе, заключаются намеки на

то, что подсудимые силою не пустили къ себѣ въ квартиру губернатора и полиціймейстера. Но на судѣ, послѣ показаній свидѣтелей Чаплина и Березкина, всякое подозрѣніе въ этомъ отношеніи разсѣялось! Свидѣтели Чаплинъ и Березкинъ удостовѣрили, что при посѣщеніяхъ ими дома Романова подсудимые не позволили себѣ по отношенію къ нимъ и тѣни насилія. Если губернаторъ не захотѣлъ войти въ первую дверь, то только потому, что ранѣе его прихода эта дверь была заложена доскою (половинкой двери), но подсудимые при этомъ не только не препятствовали г. Чаплину войти въ ихъ квартиру, но, напротивъ того, по объясненію свидѣтеля Чаплина, подали ему стулъ, чтобы онъ перелѣзъ черезъ означенное препятствіе, отъ чего онъ самъ отказался.

Передъ судомъ прошло, затѣмъ, показаніе свидѣтеля пятидесятника Попова о томъ, какъ нѣкто Кацъ прорвался во дворъ Романова, причемъ для содѣйствія этому подсудимый Лаговскій, будто-бы угрожалъ ему, Попову револьверомъ. Но лучшимъ доказательствомъ, что показаніе этого свидѣтеля не можетъ служить достаточнымъ для обвиненія кого-либо въ насильственномъ сопротивленіи пятидесятнику Попову, является то обстоятельство, что названный Кацъ въ качествѣ обвиняемаго привлеченъ вовсе не былъ. Если принять во вниманіе то душевное состояніе, въ которомъ находился въ тотъ моментъ Поповъ, испугавшійся угрозы Каца, спустившаго руку въ карманъ будто за револьверомъ, котораго на самомъ дѣлѣ у него не было, и если сопоставить съ этимъ показаніемъ объясненія подсудимыхъ Лаговскаго и Теплова, каждому слову которыхъ трудно не повѣрить, то нельзя не прійти къ заключенію о вполнѣ возможной со стороны свидѣтеля Попова ошибкѣ и объ отсутствіи достаточныхъ основаній для признанія доказаннымъ факта имѣнія въ рукахъ Лаговскаго револьвера. Но еслибы даже это было такъ, то и въ такомъ случаѣ, съ одной стороны, Лаговскаго правильнѣе было бы обвинять не въ сопротивленіи съ насиліемъ (ст. 270 и 271), а въ удержаніи чиновника угрозою (ст. 272), а съ другой стороны, это дѣяніе Лаговскаго не можетъ быть связано съ другими подсудимыми путемъ установленія предварительнаго между ними на сопротивленіе Попову соглашенія. Такимъ образомъ, во всѣхъ дѣйствіяхъ подсудимыхъ вплоть до двухъ несчастныхъ выстрѣловъ 4-го марта, нельзя усмотрѣть элемента насилія.

Перехожу къ разсмотрѣнію того юридическаго значенія, которое слѣдуетъ придавать означеннымъ двумъ выстрѣламъ. Если эти выстрѣлы могутъ быть поставлены въ прямую и не-

разрывную связь съ требованіями, предъявленными подсудимыми губернатору 18-го февраля, если они были сдѣланы ради поддержанія этихъ требованій, то, конечно, они должны быть признаны тѣмъ насиліемъ, которое въ такомъ случаѣ и явилось бы вторымъ моментомъ разсматриваемаго преступленія. Но было-ли это такъ? Подсудимые объясняютъ, что выстрѣлы эти были сдѣланы для защиты отъ самовольныхъ и незаконныхъ дѣйствій, которые имъ грозили отъ нижнихъ военныхъ и полицейскихъ чиновъ, отъ того противозаконнаго нападенія на нихъ, котораго въ ту минуту они ожидали. Правда, съ другой стороны, рядъ свидѣтелей—солдаты и чины полиціи удостовѣрили передъ вами, что никакихъ указанныхъ подсудимыми агрессивныхъ дѣйствій со стороны солдатъ или полиціи предпринимаемо не было. Вамъ предстоитъ разрѣшить, гдѣ-же правда, кому больше вѣрить—подсудимымъ или названнымъ солдатамъ?

Вашъ судъ называется коронным, гг. судьи, но слѣдуетъ-ли отсюда, что вы безусловно не должны въ извѣстной степени безотчетно подчиняться голосу вашего внутренняго убѣжденія? Можете-ли вы формѣ придавать большее значеніе, чѣмъ сущности дѣла? Должны-ли вы отказывать въ довѣріи человѣку только потому, что онъ сидитъ на скамьѣ подсудимыхъ, и вѣрить другому только потому, что онъ принесъ передъ вами присягу? Мнѣ кажется, что на всѣ эти вопросы надо отвѣтить отрицательно, что вы должны стремиться быть такимъ-же „судомъ совѣсти“, какъ и судъ присяжныхъ, что правъ нашъ извѣстный юристъ Муравьевъ („Изъ прошлой дѣятельности“, томъ I, стр, 230), когда онъ говоритъ, что „общія характеристическія черты репрессій“ обѣихъ формъ суда — коронаго и присяжнаго—должны быть тождественны. И вотъ, если вы при оцѣнкѣ степени довѣрія, которое вы должны оказать словамъ подсудимыхъ, прислушаетесь къ внутреннему голосу вашей совѣсти, то я убѣжденъ, что вы не усомнитесь въ правдивости этихъ объясненій. Послѣ того, какъ трое изъ подсудимыхъ подробно разсказали вамъ весь ходъ дѣла и искренностью своего тона тронули многихъ изъ насъ до слезъ,—у меня пропала всякая охота собирать дальнѣйшія доказательства къ подтвержденію правдивости ихъ словъ. Я сказалъ товарищу, сказалъ подсудимымъ,—что данныя ими объясненія для этой цѣли совершенно достаточны; что если судъ не повѣритъ этимъ объясненіямъ, то никакіе доказательства и доводы не убѣдятъ его. И въ самомъ дѣлѣ: неужели подсудимые, по личности ихъ, по всей обстановкѣ происшествія, по всему ихъ поведенію, не внушаютъ къ себѣ полнаго довѣрія? Неужели

они стали бы ложно наговаривать на солдатъ и низшихъ агентовъ полиціи, неужели они, признавая, что изъ ихъ среды раздались два выстрѣла, убившіе двухъ солдатъ, стали бы скрывать остальные ихъ выстрѣлы, никому никакого вреда не причинившіе? Напротивъ того, вполнѣ естественно, что городовые и солдаты, если только они, несмотря на запрещеніе начальства, позволяли себѣ агрессивныя и произвольныя дѣйствія по отношенію къ ссыльнымъ, находившимся въ домѣ Романова,—здѣсь на судѣ, изъ страха предъ могущей имъ угрожать отвѣтственностью, эти свои поступки отрицаютъ. Недаромъ 722 ст. Уст. уг. суд. разрѣшаетъ свидѣтелю въ подобныхъ случаяхъ умолчаніе объ его дѣйствіяхъ, недаромъ рядовой Соловьевъ на мой вопросъ, не затворялъ-ли онъ ставни штыкомъ, отвѣтилъ: „часовому не полагается ставни штыкомъ закрывать“. Вы не можете-же, наконецъ, не принять во вниманіе и неоднократныхъ измѣненій многими изъ такихъ свидѣтелей своихъ показаній, какъ на предварительномъ, такъ и на судебномъ слѣдствіяхъ, и уклончивости объясненій нѣкоторыхъ изъ нихъ и того очевиднаго смущенія, которое здѣсь, на судѣ постигло другихъ. Неужели, при такихъ условіяхъ, показанія свидѣтелей этой категоріи могутъ имѣть для насъ значеніе безусловнаго доказательства и опровергать объясненія подсудимыхъ?.. Думаю, что нѣтъ, и что приведенныя первымъ защитникомъ данныя убѣдили васъ въ томъ, что сторожившіе домъ Романова городовые и солдаты, дѣйствительно, позволяли себѣ по отношенію къ подсудимымъ рядъ насильственныхъ и оскорбительныхъ дѣйствій, которыя окончились несчастьемъ 4-го марта.

Очевидно, что возбужденные и оскорбленные солдаты не получившіе, несмотря на требованіе закона, достаточнаго руководства и точныхъ указаній о порядкѣ исполненія возложенныхъ на нихъ обязанностей, тяготившіеся тяжелымъ, несеннымъ ими въ суровыхъ условіяхъ, трудомъ, а, быть можетъ, подстрекаемые нѣкоторыми полицейскими чинами, добивавшимися тѣхъ или другихъ своихъ цѣлей или сводившими съ политическими свои счеты,—очевидно, что солдаты рѣшились добиться того, чтобы политическіе пошли на крайнія мѣры, съ той цѣлью, чтобы получить затѣмъ возможность расправиться съ ними. Если это было такъ, то должны-ли были подсудимые безропотно выносить всѣ подобныя насилія и оскорбленія, не реагировать на нихъ и не защищаться? Да, подсудимые были административно ссыльные и поднадзорные, да, они заперлись въ своей частной квартирѣ и не выходили оттуда по требова-

нію губернатора, но потеряли-ли они вслѣдствіе этого право защиты своей личности отъ насилія и оскорбленія? И когда они увидѣли прямыя приготовленія къ нападенію на нихъ, готовившіяся внѣ законнаго порядка и въ противность объявленныхъ имъ распоряженій начальника мѣстной администраціи, когда это нападеніе началось и одинъ изъ нихъ получилъ ударъ камнемъ, брошеннымъ солдатомъ, когда предупрежденія о томъ, что они будутъ защищаться и стрѣлять, не подѣйствовали,—что имъ оставалось дѣлать?

Правильный судъ, гг. судьи, возможенъ только тогда, когда судящій мысленно ставитъ себя на мѣсто подсудимаго и задается вопросомъ о томъ, какъ онъ, судья, поступилъ-бы въ его положеніи. Задаваясь по отношенію къ себѣ этимъ вопросомъ, я по совѣсти отвѣчу на него слѣдующимъ образомъ: не знаю, если-бъ я былъ въ положеніи ссыльнаго въ Якутскѣ, заперся-ли бы я вмѣстѣ съ подсудимыми въ домѣ Романова. Быть можетъ, мои понятія и привычки, мой темпераментъ, воля и присущій мнѣ культъ законности помѣшали бы мнѣ это сдѣлать. Но мнѣ достаточно только вспомнить то страшное оскорбленіе, которое нанесъ солдатъ одной изъ находившихся въ домѣ Романова женщинъ для того, чтобы сказать съ увѣренностью, что если-бы я очутился въ домѣ Романова, то выстрѣлъ оттуда раздался бы раньше.

И въ самомъ дѣлѣ, что было-бы, если-бы со стороны политическихъ не раздались эти выстрѣлы? Возбужденные, озвѣрѣлые, и, есть полное основаніе это думать, въ значительной степени пьяные солдаты рѣшили, во что бы то ни стало, вызвать столкновеніе съ политическими съ тѣмъ, чтобы получить возможность убивать ихъ. Закрытіе ставень, съ цѣлью облегчить себѣ неожиданный входъ въ домъ, бросаніе камней, вызывающій и оскорбительный отвѣтъ на предупрежденіе ссыльныхъ, что они будутъ стрѣлять,—все это было лишь первымъ шагомъ нападенія, за которымъ несомнѣнно послѣдовалъ бы и второй, если бы со стороны ссыльныхъ не дано было отпора. И если вы признаете установленнымъ, что эти вызывающія и агрессивныя дѣйствія солдатъ были предприняты ими безъ вѣдома ихъ начальства и, во всякомъ случаѣ, противно распоряженію начальника области, то вы не можете не признать вмѣстѣ съ тѣмъ, что противъ подобныхъ незаконныхъ дѣйствій солдатъ и полиціи, подсудимые имѣли право защищаться. И если вы придаете значеніе той воинской дисциплинѣ, въ силу которой вы, г. предсѣдатель, во время судебнаго засѣданія требовали отъ находившихся въ залѣ солдатъ, чтобы

они вставали при входѣ въ залъ офицера-свидѣтеля или эксперта, то вы должны согласиться, что, именно въ силу этой воинской дисциплины, на солдатѣ болѣе, чѣмъ на комъ-либо другомъ, лежитъ обязанность безпрекословнаго подчиненія велѣніямъ закона и уваженія къ охраняемымъ закономъ правамъ личности и что, въ случаѣ противозаконнаго нарушенія воинскими чинами этихъ правъ, частное лицо можетъ защищаться противъ воинскихъ чиновъ такъ же, какъ и противъ всякого другого насильника. Одинъ изъ подсудимыхъ сдѣлалъ два выстрѣла, защищая свою жизнь, свою личность, свое человѣческое достоинство. Это было не сопротивленіе властямъ, это была необходимая личная оборона. Но если-бы вы, признавъ, что подсудимые подверглись незаконному нападенію солдатъ, противъ котораго они могли обороняться, въ то же время сочли бы, что самые выстрѣлы послѣдовали уже послѣ отвращенія непосредственной опасности, безъ крайней нужды, то и тогда у насъ еще не будетъ законнаго основанія для признанія въ данномъ случаѣ наказуемаго умышленнаго убійства. Въ такомъ случаѣ, на лицо будетъ лишь превышеніе предѣловъ необходимой обороны, т. е. преступленіе, предусмотрѣнное ст. 1467 Улож. о наказ. Мы просимъ васъ, чтобы при обсужденіи, имѣло-ли по настоящему дѣлу мѣсто какое-либо преступное дѣяніе, вы вошли въ обсужденіе вопроса о примѣнимости въ данномъ случаѣ ст. 101 и 1467 Улож.

При такихъ условіяхъ произошелъ самый фактъ преступнаго дѣянія, какъ я его понимаю. Но, каково бы ни было юридическое значеніе этого дѣянія, можетъ-ли оно быть приписано всѣмъ подсудимымъ?

Тяжелая сторона защиты по настоящему дѣлу заключается въ томъ, что она лишена возможности назвать лицо, сдѣлавшее два выстрѣла 4-го марта. Вамъ ясно, насколько легче была бы задача защиты, если-бы мы могли это сдѣлать. Мы понимаемъ, что отказъ подсудимыхъ назвать товарища, сдѣлавшаго эти выстрѣлы, дающій поводъ обвинителю смѣшивать „солидарность", несомнѣнно существующую между подсудимыми, съ соучастіемъ ихъ въ преступленіи, можетъ и въ васъ зародить сомнѣніе въ фактической виновности всѣхъ подсудимыхъ въ убійствѣ. Мы боимся, что поставленные передъ дилеммой: или всѣхъ оправдать, или всѣхъ обвинить, вы скорѣе склонитесь къ послѣднему рѣшенію, чѣмъ въ томъ случаѣ, если-бы вы имѣли средній выходъ—возможность обвинить одного фактическаго виновника и — покаюсь передъ всѣми — при всемъ нашемъ убѣжденіи въ томъ, что этотъ фактическій

виновникъ, защищавшій жизнь свою и жизнь своихъ товарищей, не долженъ нести кару за поступокъ, который на его мѣстѣ совершилъ бы всякій человѣкъ, — мы, защитники, невольно желали бы предоставить вамъ полную возможность осужденія одного изъ подсудимыхъ, мы, съ болью въ сердцѣ, но согласились бы на жертву одного, хотя бы и невиннаго, ради спасенія другихъ 58 невиновныхъ! Я извиняюсь, что говорю такъ передъ вами, но я знаю, по собственному опыту знаю тяжкую обязанность судьи; я знаю, что судебный приговоръ является столько же результатомъ работы ума, сколько и актомъ воли, знаю естественное стремленіе судьи, чтобы приговоръ принесъ извѣстное общественное удовлетвореніе и боязнь, чтобы приговоръ этотъ не вызвалъ извѣстныхъ нареканій. Какой честный судебный дѣятель будетъ утверждать, что подобныя соображенія никогда не зарождались въ его умѣ, что въ тайникѣ его души не появлялись подобныя побужденія, вызываемыя преданностью нашему суду и желаніемъ ему блага, но порою приводившія къ тому, что въ судебномъ приговорѣ сказывалась не вся истина, а только часть ея?

Итакъ, мы, защитники, имѣли основаніе желать, чтобы вы знали имя лица, сдѣлавшаго два выстрѣла. Намъ это не удалось; подсудимые съ той солидарностью, которую подчеркнулъ г. прокуроръ, отказались выдать своего товарища; вы можете такъ или иначе отнестись къ этой рѣшимости подсудимыхъ, но, конечно, вы не припишете ее малодушному желанію избѣжать отвѣтственности за свои поступки. Люди, которые шли на смерть, которые дали передъ вами столь прямыя и правдивыя объясненія, которые отказываются назвать стрѣлявшаго товарища, несмотря на убѣжденія ихъ защитниковъ въ томъ, что обнаруженіе этого лица послужило бы лишь въ пользу дѣла защиты ихъ всѣхъ, въ томъ числѣ и самого стрѣлявшаго, — очевидно, такъ поступаютъ не изъ страха передъ наказаніемъ, и если вы вникнете въ душевное состояніе подсудимыхъ, если вы поймете ихъ психологію, вамъ сдѣлается понятна ихъ солидарность, и вы не признаете ее уликой, на которой можно было-бы построить обвиненіе всѣхъ подсудимыхъ въ преступленіи.

Какія-же, кромѣ этой, указанной г. прокуроромъ „солидарности“, имѣются данныя для обвиненія подсудимыхъ въ предварительномъ соглашеніи на убійство? Обвинитель указываетъ въ этомъ отношеніи лишь на одно обстоятельство — на письменное заявленіе подсудимыхъ отъ 4 марта, въ которомъ они, указывая на предпринимаемыя полиціею и нижними во-

инскими чинами по отношенію къ нимъ самовольныя и противорѣчащія завѣреніямъ властей агрессивныя дѣйствія, предупреждаютъ, что, въ случаѣ продолженія такого беззаконнаго насилія, они будутъ защищаться. Но можно-ли эту угрозу — прибѣгнуть въ случаѣ надобности къ допускаемой закономъ самозащитѣ, считать за вполнѣ выраженное предварительное соглашеніе всѣхъ подсудимыхъ на опредѣленные умыселъ и преступленіе? Если видѣть въ содержаніи заявленія отъ 4 марта выраженіе соглашенія подсудимыхъ на совершившееся затѣмъ убійство, то точно съ такимъ же правомъ такое-же соглашеніе можно было-бы усматривать въ заявленіи отъ 26 февраля. Оба эти заявленія отличаются между собой только редакціей, но сущность заключающейся въ обоихъ угрозы совершенно одинакова. Между тѣмъ, самъ обвинитель не придаетъ никакого значенія заявленію отъ 26 февраля, ибо въ противномъ случаѣ ему пришлось бы обвинять въ убійствѣ и подсудимаго Никифорова, 26 февраля бывшаго еще въ Романовкѣ, чего обвинитель не дѣлаетъ. На какомъ-же основаніи отвергать значеніе улики по отношенію къ одному доказательству и признавать это значеніе за другимъ, совершенно однороднымъ?

Итакъ, по дѣлу не добыто никакихъ данныхъ къ установленію соучастія всѣхъ подсудимыхъ въ убійствѣ, совершенномъ, очевидно, вслѣдствіе внезапно явившагося умысла, подъ вліяніемъ раздраженія и страха передъ угрожающей опасностью, и, не имѣя прочнаго убѣжденія въ виновности опредѣленныхъ лицъ, судъ не можетъ обвинить кого либо изъ подсудимыхъ.

Подводя итоги сдѣланному имъ разбору обстоятельствъ настоящаго дѣла, Зарудный находилъ возможнымъ осужденіе подсудимыхъ лишь въ неисполненіи требованія губернатора разойтись, т. е. въ проступкѣ, предусмотрѣнномъ 2 и 3-ей частью 38 ст. Уст. о наказ., налагаемыхъ мировыми судьями.

Но, какимъ бы образомъ вы ни охарактеризовали дѣянія подсудимыхъ, подъ какую статью уголовнаго кодекса вы ни подвели бы ихъ, вы должны разсмотрѣть тѣ душевныя побужденія, тѣ мотивы, которыми руководились подсудимые при вмѣняемыхъ имъ въ вину поступкахъ, должны разрѣшить вопросъ, дѣйствительно-ли условія жизни административныхъ ссыльныхъ въ Якутской области были настолько тяжелы, какъ это объясняютъ подсудимые, были-ли эти условія настолько невыносимы, что протестъ противъ нихъ не можетъ не вызвать сочувствія со стороны безпристрастнаго суда, или, напротивъ того, поведеніе подсудимыхъ не находитъ себѣ никакого оправданія въ той обстановкѣ, въ которой они жили, является лишь результатомъ преступной воли и склонности къ безпо-

рядкамъ. Если вы исключите эти вопросы изъ подлежащихъ вашему разсмотрѣнію предметовъ, если, интересуясь внѣшнею стороною дѣйствій подсудимыхъ, вы не зададитесь цѣлью понять внутренній ихъ смыслъ, — то вы вынете душу изъ вашего приговора, вы оставите лишь внѣшнюю формальную оболочку и выкинете то, что собственно и должно составлять истинное содержаніе судебнаго рѣшенія.

Правда-ли, что условія жизни административныхъ ссыльныхъ въ отдаленныхъ мѣстахъ нашего отечества страшно несправедливо-тяжелы и что нѣкоторыя изъ послѣдовавшихъ въ послѣдніе годы административныхъ распоряженій сдѣлали эти условія совершенно невозможными для сколько-нибудь нормальной человѣческой жизни?

„Наше время не можетъ болѣе терпѣть всѣхъ безобразныхъ явленій ссылки, всего того, что происходитъ въ ея распущенной и безпорядочной области". Это не мои слова, гг. судьи, это слова министра юстиціи, произнесенныя имъ 24 апрѣля 1900 г. въ засѣданіи государственнаго совѣта по вопросу объ отмѣнѣ ссылки. „Нельзя мириться,—говоритъ далѣе статсъ-секретарь Муравьевъ, — съ нынѣшнимъ вполнѣ растроеннымъ, глубоко-вреднымъ положеніемъ всего ссылочнаго строя, если такъ можно называть колоссальное фактическое сплетеніе неустранимыхъ безпорядковъ и роковыхъ недоразумѣній".

Теперь, послѣ всего того, что въ послѣднее время предпринято было правительствомъ для урегулированія условій ссылки, послѣ закона о почти полной отмѣнѣ ссылки по суду, о недостаткахъ ссылки можно говорить прямо и смѣло. Изъ всего того, что написано о русской ссылкѣ, наиболѣе строгой ея критикой, произнесшей надъ нею безпощадный и безапелляціонный приговоръ, являются, по моему мнѣнію труды чиновниковъ, посланныхъ высшимъ правительствомъ въ Сибирь для изслѣдованія вопроса о ссылкѣ, напримѣръ, работы Дриля, Саломона. Одинъ изъ подсудимыхъ, во время судебнаго слѣдствія по настоящему дѣлу, назвалъ ссылку „медленною смертною казнью". Зналъ-ли подсудимый, когда онъ говорилъ это, что онъ повторяетъ лишь слова бывшаго иркутскаго генералъ-губернатора графа Игнатьева, который, какъ это опубликовано въ офиціальномъ органѣ министерства юстиціи, въ одномъ изъ своихъ всеподданнѣйшихъ отчетовъ, назвалъ ссылку въ Сибирь „особой формой медленной смертной казни?". Если-же вспомнить сдѣланный передъ вами подсудимымъ докторомъ Розенталемъ подсчетъ числа политическихъ ссыльныхъ Якутской области убитыхъ, покончившихъ съ собой, умершихъ и

сошедшихъ съ ума за нѣсколько послѣднихъ мѣсяцевъ, то, быть можетъ, справедливѣе будетъ назвать нынѣшнюю ссылку въ Якутскую область быстрой смертной казнью.

Кто эти лица, идущія сюда въ ссылку съ отстоящей отсюда на много тысячъ верстъ родины? Это—не опороченные судебнымъ приговоромъ люди, это — лица, ссылаемыя административнымъ порядкомъ подъ гласный надзоръ полиціи. Мы видѣли, какъ законъ смотритъ на поднадзорныхъ, являющихся вполнѣ полноправными гражданами, стѣсненными въ своихъ правахъ лишь постольку, поскольку это точно указано въ законѣ. Законъ 12 марта 1882 года озабочивается о возможно нормальной и обезпеченной жизни не только самихъ поднадзорныхъ, но и ихъ семей: онъ запрещаетъ дѣлать на выдаваемыхъ поднадзорнымъ на проживаніе свидѣтельствахъ отмѣтки о нахожденіи ихъ подъ надзоромъ (ст. 6), очевидно, съ тою цѣлью, чтобы не компрометировать поднадзорнаго въ глазахъ мѣстнаго населенія и не препятствовать ему въ его обычномъ образѣ жизни, законъ (ст. 37) желаетъ, наконецъ, чтобы поднадзорные не прерывали своихъ постоянныхъ занятій. Такова мысль закона, но насколько иначе все это исполняется на практикѣ!

Какъ правъ былъ гр. Игнатьевъ, когда говорилъ въ томъ же всеподданнѣйшемъ отчетѣ своемъ, что „поставить ссылку въ такія условія“... (*Предсѣдатель*, прерывая защитника: „г. защитникъ, судъ не провѣрялъ, что говорилъ гр. Игнатьевъ, прошу васъ не касаться этого)“.

Зарудный (продолжая:) я хотѣлъ лишь указать вамъ, сколь тяжелы были условія сибирской ссылки и въ прежніе годы, ранѣе возникновенія того „новаго режима“, о которомъ столько говорилось на судебномъ слѣдствіи. И вотъ наступаетъ новый режимъ и лишаетъ поднадзорныхъ немногихъ, допускавшихся продолжительной практикой, льготъ, которыя сколько-нибудь скрашивали ихъ жизнь, дѣлая ее возможной. Совершенно исключительныя условія жизни въ глухомъ наслегѣ, подчасъ въ уединенной, отдаленной отъ всякого другого жилья юртѣ, дѣлали подчасъ совершенно необходимой кратковременную отлучку изъ мѣстожительства для пріобрѣтенія необходимаго провіанта, обращенія къ медицинской помощи и т. п. Въ теченіе долгаго времени администрація, видя неизбѣжность подобныхъ отлучекъ, мирилась съ ними. И вдругъ приказъ: *всякая* кратковременная отлучка считается преступленіемъ, за которое безъ суда назначается страшное наказаніе—высылка за тысячи верстъ въ мѣстности съ самымъ суровымъ климатомъ

на свѣтѣ. Обстановка, при которой приводится въ исполненіе административное распоряженіе о высылкѣ въ Сибирь, неожиданность подчасъ ареста и отправки, нерѣдко неимѣніе въ дорогѣ самыхъ необходимыхъ денежныхъ средствъ, одежды и пр., тяжесть и продолжительность пути, все это въ связи съ той солидарностью, которая, безъ сомнѣнія, соединяетъ всѣхъ политическихъ ссыльныхъ—создало обычай, по которому ссыльные при проходѣ черезъ ихъ мѣстожительства партій ихъ товарищей, приходятъ къ нимъ на помощь, чѣмъ могутъ, и этимъ хоть сколько-нибудь облегчаютъ тяжелыя условія, въ которыхъ имъ приходится совершать далекій путь. Что можетъ быть естественнѣе и симпатичнѣе этого обыкновенія? Многіе подсудимые говорили вамъ о тѣхъ тяжелыхъ условіяхъ, при которыхъ имъ пришлось совершать далекое путешествіе въ Сибирь, и, конечно, вашъ житейскій опытъ подсказалъ вамъ, насколько правдивы были эти объясненія подсудимыхъ. Но и главный свидѣтель по настоящему дѣлу г. Чаплинъ, долженъ былъ признать, что требованіе мѣстными ссыльными свиданій съ проходящими въ партіи товарищами вызывается, хотя и въ нѣкоторой только степени, желаніемъ оказать товарищамъ необходимую для нихъ помощь. Мы благодарны г. Чаплину и за это, хотя бы только частичное признаніе справедливости объясненій подсудимыхъ, но если помощь мѣстныхъ ссыльныхъ является, хотя бы „отчасти“ только, необходимой ихъ пересылаемымъ товарищамъ, если, такимъ образомъ, администрація, по тѣмъ или другимъ причинамъ, не можетъ предусмотрѣть и своевременно удовлетворить всѣхъ нуждъ лицъ, высылаемыхъ ею въ административномъ порядкѣ за тысячи верстъ, то не ясно-ли, что тѣ мѣстные ссыльные, которые приходятъ на помощь своимъ пересылаемымъ товарищамъ, оказываютъ въ этомъ случаѣ содѣйствіе самому правительству, помогая ему исполнять то, что лежитъ на его прямой обязанности? Думаю, что въ силу тѣхъ условій, при которыхъ происходитъ административная ссылка въ Сибирь, просвѣщенная администрація должна была-бы итти на встрѣчу оказываемой ей въ этомъ случаѣ ссыльными помощи. И вотъ, не только всякія свиданія съ пересылаемыми товарищами стали запрещаться, но поднадзорнымъ официально была объявлена угроза, что всякая, хотя и совершаемая въ вполнѣ законныхъ формахъ, попытка увидѣться съ пересылаемыми повлечетъ за собою высылку въ отдаленнѣйшія мѣстности...

Понятно, какое дѣйствіе должно было имѣть на подсудимыхъ примѣненіе „новаго режима“. Не красна и прежде была

ссылка и, однако, въ своихъ объясненіяхъ подсудимые чуть-ли не съ нѣкоторой благодарностью вспоминаютъ о прежнихъ порядкахъ, а во вмѣняемыхъ имъ въ вину требованіяхъ, предъявленныхъ ими властямъ, они протестуютъ лишь противъ нововведеній послѣднихъ лѣтъ, окончательно отравившихъ ихъ и прежде бывшее не легкимъ существованіе въ ссылкѣ. И ради измѣненія этого „новаго режима", ради того, чтобы добиться въ этомъ отношеніи возвращенія къ прежнимъ, въ теченіе многихъ лѣтъ примѣнявшимся порядкамъ—они шли на смерть. Если правда, что ссылку въ Сибирь можно уподобить медленной смертной казни, то слѣдуетъ-ли возмущаться, когда казнимый инстинктивно отталкиваетъ руку палача, пытается сорвать наброшенную ему на шею веревку!

Гг. судьи! Справедливый судебный приговоръ не можетъ не заключать въ себѣ оцѣнки извѣстныхъ общественныхъ условій, когда они являются ближайшей, непосредственной причиной преступленія, и приговоръ суда въ подобныхъ случаяхъ можетъ имѣть огромное нравственное и общественное значеніе. По обстоятельствамъ дѣла, вы должны ввести въ вашъ приговоръ этотъ элементъ, и приговоръ вашъ можетъ имѣть большое общественное значеніе. Вы не можете не произнести вашего сужденія объ условіяхъ административной ссылки въ Сибирь, и—кто знаетъ?—быть можетъ, въ наше время, когда идутъ горячія работы по преобразованію нашего уголовнаго и судебнаго законодательства, когда предстоитъ необходимость, такъ или иначе, покончить съ давно наболѣвшимъ, но окончательно еще не разрѣшеннымъ вопросомъ о ссылкѣ, вашъ приговоръ въ этой его части и вступитъ въ законную силу.

Исполните же вашъ долгъ по вашему убѣжденію и вашей совѣсти! А я, исполняя свой долгъ до конца, скажу еще одно: со всѣмъ убѣжденіемъ, на которое я только способенъ, со всей вѣрой въ конечное торжество добра, которая у меня есть, съ горячей любовью къ родинѣ, которая мнѣ присуща, — присоединяю и я свое имя къ подписямъ на заявленіи, поданномъ якутскому губернатору 18 февраля сего года.

По приговору суда 55 «Романовцевъ» присуждены къ каторжнымъ работамъ на 12 лѣтъ, Л. Никифоровъ на 1 г. въ исправит. арест. отд., Виленкинъ, Мар. Зеликманъ и Софія Померанецъ оправданы. По апеляц. отзыву Иркутская судебная Палата вновь разсматривала это дѣло и приговоръ, Якутск. Окружнаго суда измѣнила, назначивъ всѣмъ подсудимымъ 2 г. Крѣпости. 28 Октября 1905 г. всѣ подсудимые по Высочайшему повелѣнію помилованы.

Тихорѣцкое дѣло.

Извѣстная ростовская стачка ноября 1902 года отразилась на станицѣ Тихорѣцкой волненіями рабочихъ. Эти безпорядки повели къ процессу по обвиненію 15 рабочихъ въ томъ, что «принимая участіе въ публичномъ скопищѣ, образовавшемся вслѣдствіе побужденій экономическаго свойства, они, въ составѣ толпы въ нѣсколько сотъ человѣкъ, соединенными силами оказали насильственное противодѣйствіе вооруженной силѣ, призванной для разсѣянія этой толпы, во время какового противодѣйствія участники означеннаго скопища бросали въ офицеровъ и нижнихъ чиновъ 1-го Екатеринодарскаго казачьяго полка и казаковъ льготнаго состава камни, кирпичи, полѣнья и т. п., хватали казачьихъ лошадей за поводья и били казаковъ палками и другими предметами, при чемъ хорунжій Ткачевъ получилъ тяжкое увѣчье, а 21 казакъ легкія раны и тѣлесныя поврежденія,—т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ ст. 269 Улож. о нак. Дѣло это разсматривалось въ Екатеринодарскомъ Окружномъ Судѣ въ Мартѣ 1903 г.

Рѣчь Ф. А. Волькенштейна.

Такъ вотъ, гг. судьи, что творилось 17-го ноября! Вотъ воскресный день тихорѣцкихъ рабочихъ!

Надъ мирнымъ поселкомъ клубился пороховой дымъ. Лязгъ шашекъ, ржаніе лошадей, пальба и конскій топотъ, ревъ озвѣрѣвшаго казачества и вопль обузмѣвшей отъ ужаса толпы наполняли воздухъ. Стономъ стонъ стоялъ. Народъ бѣжалъ, пряча головы отъ шашекъ. Какъ мечется въ пожаръ безпомощный табунъ въ загонѣ,—толпа металась, кольцомъ охваченная казацкой силой. Рвались люди черезъ заборы въ поле, въ сугробы падали, ихъ лошади топтали. Гремѣли ружья, свистѣли пули. Бросались люди въ погреба, но пули настигали ихъ и тамъ... Спасенія не было! Ни для кого! Разсѣченные черепа, изрубленныя спины, простѣленныя дѣти и женщины съ распоротыми животами. И кровь, кровь, кровь...

Но вотъ! Разсѣянъ врагъ! Сраженіе кончилось. Одержана блестящая побѣда. Поселокъ взятъ.

Пальба затихла. Умолкли крики, стоны. Опустѣлая молчитъ, въ кровавыхъ лужахъ, улица. Брошенныя подъ заборомъ, лежатъ нѣмыя мертвыя тѣла съ незакрытыми, застывшими глазами. Грустно, одиноко бредетъ священникъ, ища принять у умирающихъ послѣдній вздохъ. Озираясь, крадутся люди изъ домовъ, спѣшатъ съ водою къ раненымъ...

Казалось бы, конецъ всему? Не тутъ-то было! Здѣсь же, рядомъ творятся новыя насилія и звѣрства. На онѣмѣвшій, притаившійся поселокъ спущена казацкая сотня. *„Арестовываютъ бунтовщиковъ!!!“*. Топорами рубятъ двери, лѣзутъ въ окна съ обнаженными шашками, взламываютъ шкафы, изъ сундуковъ, изъ-подъ кроватей тащутъ людей, бьютъ ихъ ружейными прикладами, бьютъ плашмя шашками, выбрасываютъ на улицу и волокутъ толпу плѣнниковъ по поселку, загребаютъ по дорогѣ встрѣчныхъ, прохожихъ, швыряютъ ихъ въ ту же кучу и волокутъ дальше, сдавливая лошадьми, подгоняя нагайками и распространяя вокругъ новый ужасъ, разнося кругомъ новыя страданія...

За что же все это? За что же эта „казнь“? Сколько правды въ одномъ этомъ словѣ наивной дѣвочки свидѣтельницы— безхитростной, простой, святой, неоцѣнимой правды

Мы съ вами—юристы, гг. судьи! Мучительная легла на насъ задача: тѣ ужасы, которые прошли передъ нами, мы должны оцѣнить безстрастно, какъ оцѣнилъ бы ихъ самъ законъ безличный, нѣмымъ молчаніемъ сдавивъ свое волненіе. Вѣдь, судятъ здѣсь тѣхъ самыхъ рабочихъ, въ которыхъ стрѣляли три мѣсяца назадъ. Они, видите ли, тогда такое учинили, что противъ нихъ пришлось пустить военную силу. Вотъ ихъ вина. За это ихъ и судятъ. И раны ихъ, съ которыми они пришли сюда, на эту страшную скамью,—улика противъ нихъ же.

Такъ вотъ *вопросъ весь въ томъ—тѣ, другіе люди, имѣли ли они право стрѣлять и рубить этихъ людей?* Ибо—увы!— законами установлено такое кровавое право. Вы понимаете рѣшеніе ваше, вашъ приговоръ не можетъ строиться на обратномъ заключеніи: ихъ били? Значитъ они дрались. Человѣка связываютъ горячечной рубашкой? Значитъ—буйствуетъ. Нѣтъ, г. обвинитель! Извольте установить, какія насилія творили рабочіе? На что въ отвѣтъ были предприняты противъ нихъ военныя дѣйствія? Кому и чему угрожала толпа на тихорѣцкой рабочей сходкѣ? Да кого, наконецъ, да что, въ самомъ дѣлѣ, спасали власти силою оружія?!

Гг. судьи! Вернемся на поле битвы. Отправимся на перевязочный пунктъ. Пойдемъ, безстрастно, съ карандашемъ и бумагой въ рукахъ, Не будемъ негодовать, забудемъ ужасы и кровавыя картины. Мы — хладнокровные, равнодушные счетчики. Пересчитаемъ раненыхъ и убитыхъ, учтемъ уронъ на той и на другой сторонѣ.

Рабочій лагерь. Вотъ Григорій Бондаревъ: три рубленныя раны на волосистой части головы съ поврежденіемъ кости, рѣ-

занная рана лѣваго предплечья у локтя и двѣ тяжкихъ раны на кисти лѣвой руки. Заикинъ Андрей, чернорабочій: сквозная рана въ плечѣ. Кавтунъ Матрена, жена плотника: въ правой подвздошной области рѣзанная рана, проникающая въ полость живота съ выпаденіемъ кишекъ: тяжкая, угрожающая жизни. Киселевъ Яковъ, кузнецъ въ мастерскихъ: сквозная пулевая рана праваго бедра, въ средней трети. Левченко Пантелеймонъ, слесарь, сквозная рана правой кисти съ раздробленіемъ праваго бедра и раздробленіемъ пястныхъ костей. Протошкинъ Василій, котельный ученикъ. Ученикъ! Значитъ, мальчуганъ! На правой сторонѣ за ухомъ большая рубленная рана съ поврежденіемъ сосцевиднаго отростка. Правая ушная раковина разсѣчена. Серьезная. Чищенко Павелъ: сквозная пулевая рана въ животъ съ выпаденіемъ кишекъ. Смертельная. И т. д.—числомъ двадцать два. Это — зарегистрировано. А сколько разрубленныхъ головъ, разсѣченныхъ ушей, прострѣленныхъ лопатокъ, раздробленныхъ бедеръ, не обнаруженныхъ ихъ обладателями передъ начальствомъ изъ вполнѣ понятнаго страха! А сколько ранъ и увѣчій, которымъ предстоитъ, повидимому, заживать въ сырости и мракѣ каторжнаго рудника! А трупы, а убитые! Вѣдь, мертвые не встанутъ, дѣти ихъ—сироты, жены-вдовы, ихъ семьи — навѣки безъ кормильцевъ. А мальчикъ съ прострѣленной ногой? Вѣдь, онъ на всю жизнь хромоножка...

Но вотъ *казачій* лагерь. И тутъ страданія? Здѣсь снова мученики? Хорунжій Ткачевъ: отсѣченная кисть правой руки. А дальше—ушибленная рана на темени подживаетъ, кровоподтекъ на лбу, слабая припухлость глаза, кровоподтекъ подъ ногтемъ большого пальца лѣвой руки, ссадина на среднемъ пальцѣ, припухлость безименнаго пальца и т. д. и т. д. Все—пальцы и пальцы, кровоподтеки, ссадины, ушибы. И это все. А впрочемъ—нѣтъ. Вотъ еще и казакъ Мымаловъ, казакъ Бородулинъ, Хоруженко и пр., и пр.: „жалуются на боль. Никакихъ поврежденій не оказалось“. Что скажете вы объ этихъ герояхъ, милостивые государи? Цѣлехонькіе, здоровехонькіе, они идутъ къ врачу и претендуютъ, повидимому, на георгіевскій крестъ за подвиги въ честномъ бою, ими не совершенные, за раны и контузіи въ дѣлѣ съ непріятелемъ, ими не полученныя. Смѣшно было бы это, когда бы не было такъ... гадко!

Но господа. Вѣдь, вы рѣшили не поддаваться чувству. Прочь негодованіе! Передъ нами все тотъ-же страшный вопросъ: какими насиліями со стороны рабочихъ было вызвано нападеніе на нихъ вооруженной силы.

Никакими.

А всѣ эти ушибленные пальцы у казаковъ? Такъ это же ясно, господа! Когда рабочихъ уже излавливали, когда казаки хватали ихъ, били прикладами и волокли, рабочіе отбивались и вырывались изъ жестокихъ рукъ.

Но всетаки *въ какую именно минуту рабочихъ стали рубить и когда именно въ нихъ начали стрѣлять?* Когда это рѣшило военное начальство, что исчерпаны всѣ мѣры, общественное благополучіе и цѣлость государства въ опасности, что послѣдняя минута настала, что человѣческая жизнь уже не имѣетъ цѣны передъ лицомъ всеобщаго спасенія, что ничего уже больше не осталось, какъ рубить, стрѣлять, топтать и убивать?

Гг. судьи! Этой минутой была та, *когда рабочіе уже бѣжали.* Почти всѣ раны—и пулевыя, и отъ шашекъ—получены ими въ спину, сзади. Страшно подумать, но это такъ.

Вѣдь, самъ полковникъ Хелмицкій заявилъ здѣсь, что, подскакавъ со своими казаками къ рабочимъ, онъ „говорилъ съ ними не болѣе минуты“ и сейчасъ-же скомандовалъ: „шашки вонъ!“ Ничѣмъ это со стороны рабочихъ вызвано не было. Камней еще не было, не было даже криковъ, брани. Только два снѣжка полетѣли въ казаковъ, — снѣжки, пущенные мальчуганами съ погреба на виду у всѣхъ. Ихъ видѣлъ даже стоявшій вдали судебный слѣдователь Мова. И вотъ, въ отвѣтъ на эту дѣтскую шалость, казаки уже неслись въ аттаку. Толпа пала на земь. Кто легъ совсѣмъ, кто опустился на колѣни съ обнаженной, какъ былъ, головой.

Да понимаете ли вы, господа, всю мѣру человѣческаго здѣсь униженія! Скачутъ лошади, казаки гикаютъ, ревутъ, блещутъ шашки, со свистомъ рѣжутъ воздухъ... Смерть несется... А въ прахѣ распростертая толпа вопитъ: „у насъ нѣтъ хлѣба. Мы разойдемся. Дайте намъ на пропитаніе“. Вы понимаете до чего тутъ былъ доведенъ человѣкъ?!..

И вотъ объ этихъ людяхъ, простыхъ и мирныхъ, слагаютъ легенду, легенду объ адской военной хитрости, задуманной будто-бы ими. Полковникъ Хелмицкій будто-бы повѣрилъ обѣщанію рабочихъ разойтись, остановилъ аттаку и, повернувъ казаковъ, сталъ отводить ихъ назадъ. Но рабочіе тутъ вскочили съ земли, бросились къ грудамъ камней, заранѣе сложеннымъ за заборомъ, и съ тыла осыпали казаковъ градомъ камней. Ну тутъ, конечно, полковникъ уже въ полномъ правѣ своемъ спустилъ свою конницу во вторую аттаку.

Такова легенда, созданная изобрѣтательнымъ воображеніемъ г. полковника и гг. офицеровъ. Увы! Ей не суждено

было подтвердиться. Чѣмъ ниже были казацкіе чины, проходившіе здѣсь передъ нами, тѣмъ больше блѣднѣла и тускнѣла эта легенда и, въ концѣ концовъ, она растаяла и разсѣялась, какъ дымъ.

Дѣло происходило совсѣмъ иначе.

Послѣ первой же аттаки, какъ только казаки повернулись тыломъ и отскакали на нѣсколько шаговъ назадъ, въ пустомъ пространствѣ, образовавшемся между ихъ тыловымъ фронтомъ и рабочими рядами, уже валялись раненые, и взрытый снѣгъ уже багровѣлъ рабочей кровью. Уже въ эту первую аттаку казаки рубили. И рубили, не разбирая, во всю, а не только „по ушамъ". Что за дьявольская грація въ этой командѣ „руби по ушамъ!". Казаки неслись на лежавшихъ въ снѣгу рабочихъ, и не ихъ уже въ томъ вина или заслуга—какъ кому угодно—, если ихъ лошади оказались непривычными топтать живыя человѣческія тѣла. И отвелъ казаковъ назадъ полковникъ не потому, что хотѣлъ дать рабочимъ время разойтись, а только для разгона, для того, чтобы сейчасъ же пустить свою кавалерію во вторую аттаку. И если полетѣло нѣсколько камней изъ-за забора, то это были не груды камней, припасенныхъ заранѣе, а нѣсколько осколковъ, которые женщины и дѣти тутъ-же отламывали отъ кирпичной трубы. Сами казаки показали, какъ летѣли камни, брошенные слабыми женскими и дѣтскими руками: не по горизонтальной линіи широкой дугой, а прямо вверхъ и падали безсильно тутъ же у забора, не перелетая даже за ряды рабочихъ. А вотъ, когда казаки понеслись во вторую аттаку, тогда только рабочіе подобрали эти самые камни и стали бросать ихъ въ казаковъ, въ тщетной надеждѣ испугать лошадей и остановить аттаку, потому что ихъ товарищи изъ переднихъ рядовъ бросились подбирать раненыхъ. *Камни полетѣли уже послѣ аттаки.*

И первая аттака была ничѣмъ не вызвана со стороны рабочихъ. А эта вторая была уже совершенно ненужнымъ звѣрствомъ. Ибо какъ только рабочіе увидѣли, что ихъ рубятъ не на шутку, что люди валятся окровавленные, толпа бросилась во всѣ стороны, вдоль по улицѣ и черезъ заборы въ поле. *„Скопище" уже разсѣялось.* Если же передніе ряды все еще стояли въ оцѣпененіи сбившись въ кучу, то это потому, что человѣкъ всегда застываетъ передъ чудовищемъ смерти и убійства, и они, эти рабочіе, стояли все еще съ обнаженными головами, примагниченные другъ къ другу, прикованные къ кровавому зрѣлищу убитыхъ и раненыхъ товарищей на снѣгу передъ ними, на которыхъ несутся и вотъ-вотъ задавятъ, затопчутъ казацкіе кони.

Въ эту минуту, гг. судьи, открыли огонь, въ рабочихъ стали стрѣлять тогда, когда они уже бѣжали. Винтовки были направлены въ спину убѣгавшимъ, пули были пущены въ догонку. Полковникъ Хелмицкій прибѣгъ къ огнестрѣльному оружію тогда, когда уже не было „скопища", когда уже некого было „разсѣивать". И пусть полковникъ не создаетъ новой легенды о хорунжемъ Ткачевѣ, на котораго напали рабочіе и котораго нужно было огнемъ спасать отъ смертельной опасности. Ткачевъ здѣсь не при чемъ. Не для его спасенія открыли огонь. Я утверждаю это и докажу!

Во-первыхъ свидѣтельскими показаніями, безспорными показаніями. По удостовѣренію судебнаго слѣдователя Мовы, хронологическій порядокъ событій былъ таковъ: аттака первая,— раненые, бѣгство рабочихъ; аттака вторая—и камни, ловля вожаковъ и... выстрѣлы... Когда ловятъ вожаковъ, уже нѣтъ сопротивленія. Это—очевидно. Значитъ стрѣлять стали тогда, когда рабочіе уже разбѣжались.

Свидѣтельница Безсонова вызвана подсудимымъ Николаемъ Баскаковымъ; своимъ показаніемъ она уличаетъ, предаетъ его. Слѣдовательно, это показаніе—правдиво, на самый взыскательный вкусъ. Она показала: Баскаковъ бросился къ молодому офицеру съ крикомъ: „Зачѣмъ стрѣлять! Мы сами разойдемся!" Въ отвѣтъ на это, молодой офицеръ схватилъ черезъ заборъ Баскакова за голову и сталъ тащить къ себѣ, а толпа схватила Баскакова за ноги и стала вырывать его изъ рукъ офицера и т. д., и т. д.—весь эпизодъ съ хорунжимъ Ткачевымъ вплоть до того момента, какъ онъ упалъ и къ нему бросились рабочіе. И такъ *эпизодъ съ хорунжимъ Ткачевымъ* разыгрался именно *по поводу стрѣльбы.* Итакъ, стрѣляли еще за долго до той минуты, когда хорунжій Ткачевъ нуждался въ спасеніи.

Второе: если бы стрѣляли для спасенія Ткачева, для того, чтобы разметать толпу, набросившуюся на него, то былъ бы данъ одинъ залпъ. Стрѣляли не такъ. Стрѣляли со всѣхъ сторонъ и во всѣ стороны. Пули свистѣли надъ головой слѣдователя Мовы, который стоялъ съ лѣваго фланга казачьяго фронта. Пули рѣяли вокругъ полковника Мартоса, который стоялъ направо, въ тылу у казаковъ. Замѣтьте:—въ тылу! Значитъ стрѣляли не только въ „скопище" передъ домомъ № 91, всѣ стѣны котораго оказались въ пулевыхъ скважинахъ. Стрѣляли назадъ въ толпу зрителей, которая все время мирно бесѣдовала съ полковникомъ Мартосомъ. Стрѣляли въ зрителей, стоявшихъ и слѣва, рядомъ со слѣдователемъ Мовой: тутъ были военный врачъ и дамы въ шляпкахъ, и дѣти. Стрѣляли, наконецъ, не

только вдоль улицы, гдѣ толпился народъ. Стрѣляли въ переулокъ, который ведетъ въ поле, т. е. стрѣляли и въ тѣхъ рабочихъ, которые уже совсѣмъ отдѣлились отъ толпы и спасались безъ оглядки. Вспомните разсказъ старухи: въ домъ № 91 стрѣляли съ переулка и въ квартирѣ этой старухи оказалось потомъ 7 раненыхъ. Семь раненыхъ въ одной квартирѣ! Семь человѣкъ, пробитыхъ пулями, въ двухъ комнатушкахъ!.. Тутъ въ переулкѣ стрѣляли черезъ сплошной заборъ, здѣсь стрѣлявшіе не могли видѣть Ткачева и не могли знать, что его нужно спасать.

Въ-третьихъ: если бы огонь нуженъ былъ для спасенія Ткачева, его прекратили бы послѣ перваго и единственнаго залпа. На самомъ дѣлѣ пальба шла частымъ бѣглымъ огнемъ, длилась двѣ минуты, затихла и возобновилась снова. Пули достигли свидѣтеля Мовы на разстояніи трехъ кварталовъ отъ мѣста военныхъ дѣйствій, и онъ успѣлъ уже запереться въ своемъ домѣ, а пальба все еще доносилась до него.

Да, наконецъ, развѣ огнемъ можно было спасти Ткачева? Когда Ткачевъ со своимъ взводомъ бросился къ правому углу палисадника, чтобы, по приказанію полковника Хелмицкаго, изловить рыжаго вожака въ лисьей шубѣ, вся толпа оттуда отхлынула налѣво. И когда Ткачевъ, разгорячившись, вскочилъ въ калитку и бросился съ шашкой (наголо) направо, вокругъ него было пусто. Когда онъ упалъ, надъ нимъ было три, четыре, самое большее, пять человѣкъ. Стрѣлять въ нихъ залпомъ на разстояніи 10—15 шаговъ, значило пристрѣлить на мѣстѣ и ихъ всѣхъ, и самого Ткачева. Нѣтъ! Не такъ нужно было спасать Ткачева. А вотъ—почему въ минуту опасности его казаки оставили его на произволъ судьбы!? Казаки-джигиты не рѣшились перескочить черезъ заборъ, черезъ который рабочіе толпой въ смятеніи, преслѣдуемые шашечными ударами, свободно перескакивали и спасались! Храбрецы присѣли на корточки подъ заборомъ, пряча свою голову отъ двухъ-трехъ камней! Герои, они палили на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ почти въ упоръ въ толпу, въ груду человѣческихъ тѣлъ. Палили безпощадно, не разбирая куда. Въ окнѣ виднѣлись три дѣтскія головки. Три мальчика въ неодолимомъ любопытствѣ, прильнули рожицами къ стеклу. Свидѣтель Мова видѣлъ, какъ въ дребезги разлетѣлось это стекло, разбитое пулею, и три головки въ смертельномъ ужасѣ отпрянули назадъ! На все это хватило удали у молодцовъ-казаковъ. Не хватило мужества только на то, чтобы спасти своего офицера отъ четырехъ безоружныхъ рабочихъ...

Нѣтъ и нѣтъ! Еще разъ и еще разъ повторяю и утверждаю.

Не было буйства, не было насилія, не было сопротивленія. Рубили и разстрѣливали безоружныхъ и мирныхъ рабочихъ.

И это—первое нарушеніе законовъ о подавленіи народныхъ волненій, первое *злоупотребленіе вооруженной силой.*

Правила о призывѣ войскъ „для содѣйствіи гражданскимъ властямъ“ предписываютъ: „прибѣгать къ оружію лишь въ крайней необходимости: когда будетъ сдѣлано нападеніе на войска или когда окажется нужнымъ спасти быстрымъ дѣйствіемъ жизнь лицъ, подвергшихся насиліямъ со стороны возмутившихся“. Рабочіе нападеніе на войска не совершали. Жизнь Ткачева, какъ только онъ упалъ, въ опасности не была: его никто ничѣмъ не билъ, ни одного ушиба, ни одного слѣда побоевъ на тѣлѣ его при медицинскомъ освидѣтельствованіи не оказалось.

А если необходимости въ такихъ быстрыхъ дѣйствіяхъ не было, то по ст. 17 дѣйствіе оружіемъ должно было быть „предпринято не иначе, какъ послѣ предваренія, что послѣ троекратнаго сигнала на горнѣ, барабанѣ или трубѣ начнется дѣйствіе оружіемъ“. Законъ говоритъ здѣсь объ оружіи вообще—и холодномъ и огнестрѣльномъ.

Кто слышалъ это предвареніе? Кто слышалъ звукъ трубы или барабана въ тотъ страшный день, передъ аттакой или передъ пальбой?! Вы подумайте только: предвареніе и три сигнала! Вѣдь это — четыре момента, четыре долгихъ момента, отдѣляющихъ людей отъ смерти. Но полковникъ Хелмицкій чуждъ раздумья. Онъ знаетъ натискъ. Онъ шлетъ смерть на безоружныхъ людей безъ предваренія. Онъ торопится, боится, какъ бы эти люди не поняли всего ужаса своего положенія и не разсѣялись сами собой! А рабочіе до послѣдней минуты не понимали, что смерть передъ ними. Только трупы и кровь разразсѣяли ихъ наивную увѣренность, что ихъ только пугаютъ блескомъ шашекъ, что въ нихъ стрѣляютъ холостыми. Когда-же они поняли, наконецъ, что ихъ-таки убиваютъ, что ихъ обрекли на смерть, они, эти простые люди, съ широко раскрытыми отъ ужаса глазами, завопили навстрѣчу озвѣрѣвшей конной силѣ, которая неслась на нихъ: „Да что вы съ нами дѣлаете! Да мы, вѣдь, тѣ-же христіане! Крещенные-ли вы, братцы?!“

Полковникъ Хелмицкій, отвѣтьте на этотъ вопросъ...

Та же ст. 17 повелѣваетъ: „къ огнестрѣльному дѣйствію прибѣгать вообще лишь въ случаѣ неизбѣжной необходимости,

когда никакими другими способами нельзя будетъ прекратить безпорядокъ". Такъ пусть же намъ скажетъ полковникъ Хелмицкій, старался ли онъ предотвратить эту необходимость? Пусть скажетъ онъ, какими это другими мѣрами пытался онъ разсѣять толпу? Минутнымъ разговоромъ? Ловлей „вожаковъ"? Захватомъ депутатовъ, которыхъ самъ же вызвалъ изъ толпы? И гдѣ же, наконецъ, было пресловутое испытанное орудіе для разсѣянія скопищъ? Забылъ полковникъ, что у его казаковъ— не только винтовки за плечами, но и нагайки за голенищами?!...

А гражданское начальство! Оно то гдѣ было все время? Вѣдь, по ст. 20, гражданское начальство обязано „принимать всѣ зависящія отъ него мѣры къ тому, чтобы во время дѣйствія войскъ оружіемъ не пострадали лица, неприкосновенныя къ безпорядкамъ и волненіямъ". До этой статьи ген.-маіоръ Гетмановъ, повидимому не дочиталъ. Онъ знаетъ только первыя статьи „Правилъ о призывѣ войскъ для содѣйствія гражданскимъ властямъ". Онъ сдалъ свою власть съ рукъ на руки полковнику Хелмицкому, какъ сдаетъ, вѣроятно, дѣлопроизводителю свою канцелярію, когда уѣзжаетъ въ шестинедѣльный отпускъ. Господинъ Гетмановъ забылъ, что на руки полковнику онъ сдалъ сотни жизней человѣческихъ, благополучіе сотенъ семействъ рабочихъ. Его и видно не было. Онъ избралъ себѣ укромное, безопасное мѣстечко, вдали отъ шума битвы. Тамъ разстрѣливали дѣтей и рубили женщинъ. А генералъ издалека наблюдалъ за ходомъ сраженія. Поза философская, что и говорить... Да, впрочемъ, генералъ-то, вѣдь, изъ войсковыхъ писарей. Утѣхи воинской забавы чужды его душѣ. Не сабля, а перо—его оружіе...

Но гдѣ же жандармскій полковникъ Мартосъ, этотъ попечительный отецъ рабочихъ? О, онъ продолжаетъ мирныя бесѣды предыдущихъ дней. Подъ крики и стоны убиваемыхъ рабочихъ, полковникъ, окруженный жителями станицы бездѣйствуетъ, пока и надъ его головой не засвистали пули и пока потокъ бѣгущихъ, обезумѣвшихъ людей не увлекъ и его. Тогда и онъ побѣжалъ, и онъ сталъ спасаться...

Но главная вина гражданскаго начальства—не въ этомъ. На совѣсть этихъ генераловъ и полковниковъ да падетъ тотъ страшный грѣхъ, что они, а никто другой, *сдѣлали возможнымъ* самое избіеніе рабочихъ. „Войска могутъ быть призываемы гражданскими властями... для предупрежденія или прекращенія народныхъ безпорядковъ и волненій". Вотъ первая статья все тѣхъ-же „Правилъ". Не было этихъ „безпорядковъ"! Не было „волненій"! Три дня прошли въ мирныхъ переговорахъ

рабочихъ съ начальствомъ. Миролюбіе, порядокъ, планомѣрность въ поведеніи рабочихъ царили такіе, какіе достойны и возможны лишь на забастовкахъ англійскихъ рабочихъ союзовъ. Полковникъ Мартосъ не нахвалится тѣмъ ладомъ, который былъ у него съ рабочими во всѣ эти дни. Да чего же больше. Между рабочими-стачечниками и жандармскимъ полковниковъ установились, въ нѣкоторомъ родѣ, дипломатическія сношенія. Вы вспомните только удостовѣренія личности, которыя выдавалъ полковникъ Мартосъ кочегарамъ и машинистамъ и по которымъ рабочіе освобождали ихъ отъ обязанности бастовать. Какого же еще нужно миролюбія! ..

И вотъ этотъ самый полковникъ Мартосъ призываетъ вооруженную силу. Для кого и для чего? О какихъ такихъ „народныхъ волненіяхъ“ могла быть рѣчь? Гдѣ видѣлъ полковникъ „народные безпорядки“, которые онъ рѣшилъ подавить силою оружія?

Въ порывѣ великодушія полковникъ приготовляетъ въ своей квартирѣ перевязочный пунктъ. Гг. судьи! Бываютъ люди, которые заранѣе припасаютъ саванъ. Но, господа, грядущій смерти фактъ, дѣйствительно, вѣдь, непреложенъ. И фактъ этотъ— не отъ насъ. И то—для себя, а не для другихъ. А здѣсь? Здѣсь не только готовили саваны, здѣсь рыли могилу, здѣсь *звали* смерть...

(Защитникъ перешелъ къ разбору уликъ противъ его подзащитнаго, Николая Баскакова. Указавъ на противорѣчія въ показаніяхъ воинскихъ чиновъ, нижнихъ и офицеровъ, защитникъ продолжалъ)

... Такъ что же это за странныя показанія, гг. судьи? Какъ происходитъ то, что свидѣтели обвиненія сталкиваются, противорѣчатъ другъ другу, одинъ другого изобличаютъ, позорятъ, уничтожаютъ? Вѣдь, единственное сдержанное, спокойное показаніе мы слышали только отъ хорунжаго Ткачева. Онъ— молодой служака. Ему приказали, и онъ, очертя голову, бросился исполнять приказаніе. И вотъ онъ — калѣка. Карьера кончена. Академія Генеральнаго Штаба потеряна на всегда. И отъ него, этого единственнаго, кто дѣйствительно пострадалъ—и пострадалъ на всю жизнь,—мы не слышали ни одного слова осужденія, ни единаго слова обличенія противъ рабочихъ. Этотъ человѣкъ точно затихъ. И вы помните, какъ тихо стало у насъ, когда вышелъ этотъ стройный, сильный юноша съ блѣднымъ лицомъ и рукой на перевязи. Онъ не глядѣлъ въ сторону подсудимыхъ-рабочихъ. Онъ точно отворачивался отъ ужасныхъ воспоминаній. И кто знаетъ, какія мысли бродятъ теперь въ этой молодой головѣ...

Но остальные! Вспомните только хорунжаго Захарьина, съ его остервенѣлымъ показаніемъ, съ его сладострастнымъ разсказомъ, какъ онъ пристрѣлилъ рабочаго. А есаулъ Щербина! Офицеру, георгіевскому кавалеру г. предсѣдатель долженъ былъ напомнить о святости присяги. Человѣку съ сѣдою бородою пришлось разъяснить, что одно его несправедливое слово можетъ увести людей съ этой скамьи на каторгу, въ Сибирь.

Предсьд. Г. Защитникъ, выражайтесь осторожнѣе.

Защ. О, не во лжи я ихъ обвиняю, г. предсѣдатель. Да если бы, если бы мы съ вами, господа, на минуту остановились на мысли, что эти офицеры лгутъ, сознательно лгутъ, преднамѣренно губятъ, добиваютъ несчастныхъ рабочихъ, тѣхъ самыхъ, которыхъ они же рубили и разстрѣливали... Да, мы не вынесли бы этой мысли. Она сожгла бы насъ. Да самый воздухъ былъ бы намъ отравой, если бы мы на минутку могли подумать, что мы живемъ въ странѣ, гдѣ братъ брата пожрать готовъ, гдѣ бокъ о бокъ живутъ врагами дѣти одного народа, одной вѣры, вскормленные одной и той же матерью землей, согрѣтые однимъ и тѣмъ же солнцемъ, обвѣянные однимъ и тѣмъ же вѣтромъ...

Гг. судьи, даже государственная монета не бываетъ изъ чистаго серебра, безъ лигатуры. Фальшиво-монетчики иногда подбавляютъ въ монету мѣди, иногда просто серебрятъ мѣдяшки. Но, господа, не всѣ тѣ, изъ рукъ которыхъ мы получаемъ эти мѣдяки посеребренные, сами—фальшиво-монетчики или сбытчики монеты поддѣльной.

Нѣтъ, не ложь и не лжесвидѣтельство передъ нами. Здѣсь нѣчто иное,—не столь жестокое, но грустное, безконечно-грустное. Это небрежность, господа, *пренебреженіе къ человѣку.*

Да, подъ рабочей блузой казаки и офицеры не разглядѣли человѣческой души. Вѣдь, ни разу, никто ихъ не назвалъ тѣмъ, что они есть, просто *рабочими*. Эти люди для нихъ „бунтовщики", „заговорщики" и только. Рабочій для нихъ не человѣкъ, а объектъ для усмиренія. Полковникъ Хелмицкій забылъ, что и война имѣетъ свои законы чести: онъ вызываетъ парламентеровъ для переговоровъ и тутъ же ихъ предательски хватаетъ. А хорунжій Захарьинъ не знаетъ для рабочихъ другого имени, какъ „шайка".

Но вы, господа судьи, вы вспомните эту милліонную армію русскихъ рабочихъ. Вы вспомните безконечную вереницу рабочихъ калѣкъ и увѣчныхъ, безногихъ, безрукихъ, оглохшихъ, ослѣпшихъ. Вы вспомните, что этимъ людямъ некуда было идти за правдой. Никто ихъ не слушалъ, никто не принималъ

отъ нихъ жалобъ. И когда изъ темныхъ своихъ мастерскихъ изъ царства стали и желѣза, металлической пыли, лязга и грохота машинъ, они въ конецъ изнемогшіе, насквозь прокопченные дымомъ, изголодавшіеся, обезсиленные вышли на ули цу подъ открытое небо, подумать о хлѣбѣ своемъ, ихъ стали топтать, рубить и разстрѣливать.

Такъ пусть же будетъ судъ „Краснымъ Крестомъ“ въ этихъ страшныхъ сраженіяхъ. Пусть правосудіе возьметъ подъ сѣнь свою эти жертвы безжалостной и безпощадной бойни.

Своимъ приговоромъ вы, судьи, покажете хорунжему Захарьину, что передъ нимъ не „шайка“, что эти люди кормятъ и поятъ его и насъ, одѣваютъ и обуваютъ, что мы у нихъ на содержаніи. Съ непокрытой головой, глаза потупивъ въ землю, пусть станетъ всякій передъ этими людьми труда. Пусть знаетъ господинъ хорунжій, что въ этой шайкѣ— сто милліоновъ, сто милліоновъ крестьянскаго и рабочаго люда. Не шайка это,—а народъ русскій. А вы, господа хорунжіе Захарьины — лишь кучка!..

Екатеринодарскій Окружный Судъ 6 обв. оправдалъ, 4-хъ приговорилъ къ 6 м. тюрьмы, 2-хъ—къ 1½ г. арест. отд., 1-го къ 1-му г. ар. отд.; Тифлисская Суд. Палата смягчила наказаніе послѣднимъ тремъ лицамъ до 1 г. арест. отд. и 8 м. тюрьмы.

Рѣчь Присяжнаго Повѣреннаго Жданова по дѣлу К.

Въ этомъ тяжеломъ процессѣ совершенно не интересна, не важна фактическая сторона дѣянія. Слишкомъ она очевидна. Я обращаюсь лишь къ выясненію нравственной стороны событія, его мотивовъ, ибо для многихъ они остаются темной загадкой, и да проситъ мнѣ К., ввѣрившій намъ, защитникамъ, честь свою и судьбу, если не хватитъ у меня ни душевныхъ силъ, ни словъ, чтобы остаться на высотѣ своей задачи. Въ тяжелыя минуты пришлось вамъ, господа сенаторы и сословные представители, разбираться въ этомъ тяжеломъ дѣлѣ. Безмѣрный административный гнетъ, полное экономическое разореніе, полное банкротство военной системы, этого единственнаго оправданія современнаго политическаго строя, привели въ броженіе всю Россію. Волнуются всѣ окраины, сотнями гибнутъ рабочіе на улицахъ столицы, въ дымѣ пожаровъ помѣщичьихъ усадьбъ ищетъ разрѣшенія гнетущихъ вопросовъ крестьянинъ и безумно страдаетъ, мучась и умирая за всѣхъ, наша интелигенція. Столкнулись двѣ великія силы: старый, вѣками утвержденный строй и новая, такъ страстно стремящаяся къ свободѣ Россія. Теряется надежда на мирный исходъ этой борьбы, и все ближе надвигается чудовищный призракъ гражданской войны. И въ лѣтописяхъ этой борьбы Боевая Организація Соц.-Рев. пишетъ страницу самую яркую, самую ужасную, ибо пишетъ ее кровью своею и кровью тѣхъ, кого считаетъ врагомъ народа. Видя въ народныхъ массахъ, въ ихъ волѣ единственныхъ вершителей судьбы страны, они не дожидаются ихъ движенія и съ безоглядной смѣлостью бросаются въ борьбу съ громадной правительственной организаціей. Избравъ политическое убійство, какъ средство, револьверъ и бомбу, какъ оружіе, они путемъ террора пытаются ускорить политическое освобожденіе Россіи. Это не убійство изъ-за угла. Измѣнились условія жизни, измѣнились и способы борьбы. Они

видятъ невозможность, при современномъ оружіи, народнымъ массамъ съ вилами и дрекольями, этимъ исконнымъ народнымъ оружіемъ, разрушать современныя Бастиліи. Послѣ 9-го января они уже знаютъ, къ чему это приводитъ; пулеметамъ и скорострѣльнымъ ружьямъ они противопоставили револьверы и бомбы, эти баррикады XX вѣка. Они безпощадные враги современнаго строя, но они не ищутъ пощады и себѣ. На смертный приговоръ они смотрятъ, какъ на смерть за свои убѣжденія съ оружіемъ въ рукахъ. Они не щадятъ чужой жизни, но съ дикой роскошью расточаютъ и свою. Они губятъ, но гибнутъ и сами. Погибнетъ и онъ. Но и вы отнеситесь къ нему, не какъ къ преступнику, но какъ къ врагу послѣ сраженія. И свершая свой судъ помните, что въ грядущіе дни, кровавая заря которыхъ уже виднѣется на небосклонѣ, на чашѣ вѣсовъ, коими будетъ мѣриться все прошлое, не послѣднее мѣсто займетъ и вашъ приговоръ. Не отягчайте этой чаши. Крови въ ней безъ того достаточно.

Убійство конвойнаго офицера.

Дѣло политическаго ссыльнаго студента Томскаго Университета Марка Наумовича Минскаго 25 л. по обвиненію его въ умышленномъ убійствѣ начальника Конвойной команды поручика Сикорскаго слушалось въ Якутскомъ Окружномъ Судѣ (безъ участія присяжныхъ засѣдателей) 3 Апрѣля 1905 г.

Подсудимый, шедшій въ партіи политическихъ ссыльныхъ, подъ начальствомъ Сикорскаго, лишилъ его жизни выстрѣломъ изъ револьвера въ тотъ моментъ когда тотъ во время остановки паузка (сплавное судно, въ которомъ по Ленѣ препровождаютъ ссыльныхъ) у деревни Нохтуйскъ вошелъ въ помѣщеніе политическихъ и направился къ женскому отдѣленію.

На предварительномъ слѣдствіи изъ опросовъ конвойныхъ солдатъ и арестантовъ выяснилось, что Сикорскій, будучи всегда въ нетрезвомъ состояніи, позволилъ себѣ сдѣлать гнусное предложеніе одной изъ ссыльныхъ, молодой дѣвушкѣ Ревеккѣ В—манъ, грозилъ ей, что возьметъ ее силой и два раза ночью посылалъ за ней солдатъ, приказывая имъ бить политическихъ, если они не будутъ отдавать дѣвушку. Политическіе первый разъ остановили солдатъ заявленіемъ, что если они попробуютъ исполнить приказаніе своего начальника, то они сожгутъ паузокъ.

Черезъ два дня послѣ этой неудачной попытки привести на свой паузокъ Ревекку В., Сикорскій явился на паузокъ ссыльныхъ, выстроилъ передъ входомъ своихъ солдатъ, приказалъ взять имъ ружья на изготовку и вошелъ въ помѣщеніе ссыльныхъ. Въ этотъ моментъ онъ былъ убитъ Минскимъ, встрѣтившимъ его у входа въ женское отдѣленіе, куда С. направлялся.

Послѣ паденія Сикорскаго солдаты дали залпъ внутрь паузка. Залпомъ этимъ былъ убитъ на мѣстѣ одинъ изъ ссыльныхъ Шацъ, а Минскому пуля пробила лѣвое ухо. Солдаты хотѣли продолжать разстрѣлъ дальше, но Минскій вышелъ къ нимъ, подалъ имъ свой револьверъ и сказалъ, что онъ одинъ убилъ Сикорскаго и если они желаютъ отмстить за смерть своего начальника, то пусть убьютъ его одного, а не разстрѣливаютъ ни въ чемъ неповинныхъ товарищей, среди которыхъ были семейные люди съ маленькими дѣтьми. Солдаты опустили ружья.

Минскій на допросѣ заявилъ судебному слѣдователю, что онъ убилъ Сикорскаго, защищая честь Ревекки В. Несмотря на то, что объясненія Минскаго подтверждались всѣми свидѣтельскими показаніями какъ конвойныхъ солдатъ, такъ и его товарищей, онъ преданъ былъ суду по 1 и 3 ч. 1455 ст. Улож. о Нак., т. е. по обвиненію въ умышленномъ убійствѣ.

Рѣчь Присяжнаго Повѣреннаго П. Н. Переверзева.

Г.г. Судьи! Исключительной особенностью дѣла подлежащаго Вашему разсмотрѣнію является полное отсутствіе здѣсь на судѣ свидѣтелей, вызванныхъ г. прокуроромъ: всѣ они за дальностью разстоянія не явились. Вы могли только прочесть ихъ показанія, занесенныя въ мертвыя сухія рамки протоколовъ предварительнаго слѣдствія; живой непосредственный разсказъ о событіи, составляющемъ предметъ обвиненія, Вы услышали лишь изъ устъ свидѣтелей защиты.

Свидѣтели защиты... Законъ не знаетъ этого термина. Законъ говоритъ лишь о свидѣтеляхъ вызванныхъ по просьбѣ той или другой изъ сторонъ. Но практика установила давно дѣленіе свидѣтелей на друзей защиты и обвиненія и особенно рѣзко и прочно стоитъ эта демаркаціонная черта въ глазахъ короннаго суда. Говорятъ, что свидѣтели прокурора вѣрны уже потому, что они обыкновенно допрашиваются непосредственно вслѣдъ за совершеніемъ факта, очевидцами котораго были; что поэтому ихъ впечатлѣнія ярче и живѣе, что оттого ихъ показанія ближе къ истинѣ; это источникъ, который не успѣлъ еще замутиться отъ постороннихъ инспираціи, отъ сомнѣній и раздумья, отъ колебаній въ ту или другую сторону...

Я не стану теперь вдаваться въ критику этой оцѣнки свидѣтелей, приводимыхъ прокуроромъ. Я укажу только на то, что эти свидѣтели обычно мало приносятъ пользы защитѣ. Ихъ показанія предъопредѣлены записями въ протоколахъ слѣдствія, а записи эти ведутся рукою отнюдь не склонной тщательно и подробно отмѣчать всѣ тонкія и подчасъ трудно уловимыя черты, изъ которыхъ сплетается оправданіе того, что совершено человѣкомъ въ порывѣ глубокаго чувства или великаго горя.

И вотъ, г.г. судьи, несмотря на то, что волею судьбы я въ этомъ процессѣ поставленъ въ необычайно выгодное положеніе: Вы слышали только моихъ свидѣтелей; несмотря на то, что

прочитанныя здѣсь показанія свидѣтелей прокурора записаны по его словамъ неполно и не точно, я не стану пользоваться тѣми выгодами, которыя предоставляетъ мнѣ случай. Я отбрасываю почти всѣ показанія, данныя впервые здѣсь на судѣ.

Напрасно г. товарищъ прокурора потратилъ такъ много жара на опорочиваніе этихъ показаній въ Вашихъ глазахъ. Напрасно, говорю я: я не буду на нихъ опираться, и Вы видѣли, г.г. судьи, что во время судебнаго слѣдствія я почти не задавалъ свидѣтелямъ вопросовъ: все, что было сказано здѣсь ими, сказано было на вопросы ваши г. Предсѣдатель или на вопросы г. прокурора.

Истинная сущность этого дѣла не затемнена ничѣмъ: ни небрежностью и торопливостью слѣдователя, ни желаніемъ конвойныхъ солдатъ смягчить остроту поведенія ихъ командира, ни глубокимъ возмущеніемъ тѣхъ, кто въ теченіе долгихъ мучительныхъ дней плаванія по Ленѣ были жертвами всесильнаго начальника конвойной команды.

Этимъ я не хочу конечно сказать, чтобы для меня безслѣдно прошли показанія этихъ несчастныхъ людей. Нѣтъ, скорбная повѣсть о долгихъ дняхъ мучительства, ужасъ безграничной власти пьянаго солдата встали передо мною въ такихъ трепетныхъ, живыхъ краскахъ, что сердце мое потрясено до боли. Я вѣрю имъ, я вижу ихъ безпомощныхъ и безсильныхъ, подвергаемыхъ побоямъ, истязаніямъ, надругательству, стоящихъ передъ непрерывной угрозой безсмысленной смерти, я вижу ихъ на пустынныхъ и безмолвныхъ берегахъ угрюмой рѣки, гдѣ только одно эхо отзывалось на ихъ стоны, и вопли, на ругань мучителей....

Я думаю, что и Вы г.г. судьи не остались глухи къ словамъ этихъ людей. Но я не буду повторять ихъ здѣсь. Пусть тяжкое впечатлѣніе того, что они намъ разсказали, будетъ фономъ, на которомъ пройдутъ передъ Вами контуры событій, приведшихъ Минскаго на скамью подсудимыхъ.

Все, что я буду утверждать въ фактической части этого дѣла, какъ несомнѣнное, я возьму изъ показаній тѣхъ лицъ, которыя служили подъ командой Сикорскаго, которые исполняли его *приказанія*. Вѣдь, имъ только и вѣритъ г. Прокуроръ. Повѣримъ и мы!

Г.г. Судьи! По обвинительному *акту*, Минскому вмѣнялось въ вину убійство съ умысломъ хладнокровнымъ и обдуманнымъ. Здѣсь на судѣ прокуроръ измѣнилъ обвиненіе, утверждая, что Минскій убилъ Сиворскаго въ состояніи запальчивости и раздраженія.

Мнѣ непонятны мотивы, по которымъ г. Прокуроръ пришелъ къ этому выводу. Вѣдь на Судѣ ничего не измѣнилось изъ того, что было внесено въ дѣло предварительнымъ слѣдствіемъ.

Правда, слова живыхъ свидѣтелей не то, что нѣмые протоколы. Ужасная дѣйствительность вспыхнула въ этихъ словахъ пламеннымъ блескомъ, мы какъ бы пережили потрясающіе моменты драмы, финалъ которой проходитъ теперь передъ нами. Можетъ быть этотъ неотразимый голосъ истины заставилъ поколебаться г. Прокурора, можетъ быть онъ привелъ его къ возможно мягкой квалификаціи вины подсудимаго, можетъ быть онъ вложилъ въ его сердце увѣренность, что если Вы, признавъ Минскаго виновнымъ въ убійствѣ въ состояніи запальчивости и раздраженія, обратитесь съ ходатайствомъ на Высочайшее Имя о смягченіи его участи, Ваша просьба будетъ услышана. Можетъ быть все это и такъ, г.г. Судьи, но ни мнѣ, ни Минскому нѣтъ никакого дѣла до чувствъ г. Прокурора и до его вѣры въ Высшее милосердіе.

Отъ имени Минскаго я заявляю, что онъ убилъ Сикорскаго вполнѣ сознательно и хладнокровно. Ни о какой страсти, ни о какой мести здѣсь не можетъ быть и рѣчи.

Отъ имени Минскаго я заявляю, что онъ заранѣе отказывается отъ всякой милости, откуда бы она ни шла, и если Вы внемлете послѣднему совѣту прокурора, которымъ онъ закончилъ свою рѣчь, то Вы только повредите подсудимому.

Не изъ робости передъ грозой наказанія старается подсудимый оправдаться передъ Вами. Тѣ страданія, которыя падаютъ на голову нарушителя закона, не страшны ему. Въ своемъ сердцѣ онъ давно рѣшилъ пойти на всѣ испытанія. Онъ поднялъ знамя возстанія противъ нашего политическаго порядка. Поднялъ увѣренно и спокойно, какъ человѣкъ, подчинившійся непоколебимымъ велѣніямъ долга. И за это онъ пришелъ въ Якутскую область, пришелъ на много лѣтъ, пришелъ тѣмъ скорбнымъ путемъ, о которомъ намъ только что здѣсь говорили. Минскій, г.г. Судьи, не боится кары закона за то, что онъ сдѣлалъ по совѣсти.

Онъ утверждаетъ, что совѣсть и долгъ заставили его умертвить Сикорскаго, и онъ не боится отвѣта за этотъ поступокъ.

Онъ уже держалъ разъ за это отвѣтъ и держалъ его при такой обстановкѣ, когда слѣпой инстинктъ жизни долженъ былъ бы заставить его дрогнуть и искать спасенія. Вы слышали изъ показаній свидѣтелей солдатъ, что когда Сикорскій упалъ послѣ выстрѣла Минскаго, солдаты, выстроенные передъ дверью пазука, дали залпъ. Этимъ залпомъ былъ убитъ стоявшій рядомъ

съ Минскимъ товарищъ его Щапъ и самому Минскому пуля, скользнувъ по виску, пробила ухо. Увидя послѣ этого, что разсвирѣпѣвшіе солдаты готовятся продолжать разстрѣлъ арестованныхъ, раненый Минскій быстро вышелъ къ нимъ на встрѣчу изъ паузка и, протягивая къ Старшому, Компанейцу, свой револьверъ, сказалъ: „Это я одинъ убилъ Сикорскаго, убейте меня, но не стрѣляйте въ товарищей". Эти слова сохранилъ и передалъ намъ самъ Компанеецъ. Г.г. Судьи, человѣкъ, который не дрогнулъ подъ ружьями солдатъ, мстившихъ за начальника, не дрогнулъ раненый передъ лицомъ несомнѣнной смерти, этотъ человѣкъ г.г. Судьи не боится того наказанія, которое можетъ быть возложено на него Вашимъ приговоромъ.

Поэтому, что касается внутреннихъ мотивовъ его дѣянія, то нельзя не вѣрить ему, когда онъ говоритъ, что онъ убилъ Сикорскаго не ради мести, не изъ ненависти и презрѣнія, не въ припадкѣ душевнаго ослѣпленія, а спокойно и сознательно, какъ человѣкъ исполнившій то, что ему говорила совѣсть. За это, господа Судьи, онъ ждетъ Вашего приговора, и мнѣ кажется теперь можно кончить на время съ внутренней стороной его дѣянія, тѣмъ болѣе, что г. Прокуроръ, объясняя истинную по его мнѣнію причину убійства Сикорскаго, всѣ данныя къ этому почерпнулъ изъ своей фантазіи, не указавъ ни одного факта, взятаго изъ дѣла.

Итакъ, Минскій убилъ Сикорскаго съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ, и несмотря на это онъ долженъ быть Вами оправданъ. По закону такое оправданіе возможно лишь въ случаяхъ такъ называемой необходимой обороны.

Я постараюсь доказать, что мы имѣемъ здѣсь типичный случай этой обороны.

Но прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію обстоятельствъ дѣла, подтверждающихъ мое мнѣніе, я долженъ коснуться одного общаго, теоретическаго вопроса; это именно вопроса о томъ, возможна ли необходимая оборона противъ должностного лица, при исполненіи имъ обязанностей своей службы.

Сикорскій, конвойный офицеръ, былъ убитъ арестантомъ Минскимъ, въ то время когда онъ, Сикорскій, утромъ вошелъ въ паузокъ пересыльныхъ.

Несомнѣнно, что Сикорскій въ этотъ моментъ находился при исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей. Допустимали при такихъ условіяхъ необходимая оборона?.

Законъ, ст. 101 Улож. о Нак. ничего не говоритъ намъ объ этомъ.

Въ статьѣ этой описаны общія условія состоянія необ-

ходимой обороны, и нѣтъ оговорки относительно обороны противъ должностныхъ лицъ. По смыслу закона всякій посягающій на жизнь и здоровье ближняго можетъ быть отраженъ смертельнымъ ударомъ. Законъ не дѣлаетъ въ этомъ случаѣ исключенія для должностныхъ лицъ. Правда, въ ст. 1471 указаны случаи, когда посягательство должностныхъ лицъ на высшее благо человѣка — жизнь, является правомѣрнымъ и слѣдовательно оборона противъ такого посягательства недопустима. Но, конечно, только случаями, указанными въ этой статьѣ должна быть ограничена неприкосновенность должностныхъ лицъ, совершающихъ посягательство на жизнь и здоровье.

Самый характеръ этой 1471 ст. Угол. Улож. несмотря на всѣ несовершенства ея редакціи говоритъ намъ, что защитой должностного лица въ данныхъ случаяхъ должна являться законномѣрность его дѣйствій. Независимо отъ того исполняетъ-ли при этомъ должностное лицо свои обязанности или нѣтъ, его дѣйствіе должно покоиться на законѣ, на законномъ предписаніи власти или на велѣніи того закона, коимъ установленъ объемъ правомочій этого должностного лица.

Если неправомѣрныя дѣйствія должностного лица, хотя бы и посягающія на неприкосновенность личности, такого рода, что возможно впослѣдствіи возстановленіе нарушенныхъ благъ, то, конечно, въ этомъ случаѣ надо обратиться съ жалобой по начальству и добиться законнаго возмездія обидчику.

Но, гг. Судьи, если, прикрываясь исполненіемъ должности чиновникъ посягаетъ на жизнь, здоровье или честь женщины, если отъ его дѣйствій долженъ остаться неизгладимый слѣдъ, который никакая власть въ мірѣ не въ силахъ уничтожить, то кто же скажетъ, что въ этомъ случаѣ надо покорно стерпѣть насиліе и обжаловать по начальству преступныя дѣйствія?. Отдавать безропотно то, что составляетъ священное право человѣческой личности, можетъ только падшій человѣкъ, дѣяніе это по существу своему — безнравственно, а законъ не можетъ предписывать безнравственныхъ поступковъ.

Таковъ несомнѣнный смыслъ нашего стараго закона о необходимой оборонѣ. Въ мотивахъ къ новому уложенію этотъ смыслъ разъясненъ прямымъ указаніемъ на то, что (читаетъ) *„недопустимость обороны противъ должностного лица покоится не на служебномъ положеніи лица нападающаго, а на законномъ характерѣ его дѣйствій, и защита противу учиненныхъ имъ насильственныхъ дѣйствій, не входящихъ въ кругъ служебныхъ правъ этого лица и грозящихъ немедленнымъ уничтоженіемъ или поврежденіемъ какихъ-либо благъ, охра-*

няемыхъ государствомъ, вполнѣ подходитъ подъ понятіе обороны".

Итакъ, г.г. судьи, то обстоятельство, что въ моментъ выстрѣла Минскаго Сикорскій находился при исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей нисколько не мѣняетъ положенія дѣла и не вліяетъ на рѣшеніе Вами поставленнаго этимъ дѣломъ вопроса: была ли здѣсь наличность состоянія необходимой обороны, описанной въ 101 и слѣд. статьяхъ Уложенія о Наказ. или нѣтъ.

Къ рѣшенію этого вопроса мы теперь и переходимъ.

Минскій убилъ Сикорскаго передъ входомъ въ женское отдѣленіе паузка; Минскій утверждаетъ, что онъ сдѣлалъ это для того, чтобы предотвратить изнасилованіе Сикорскимъ ссыльной Ревекки В—манъ.

Г. Прокуроръ потратилъ много словъ на то, чтобы доказать, что появленіе Сикорскаго у женскаго отдѣленія паузка не имѣло вовсе того преступнаго значенія, которое придалъ ему Минскій, и что Минскій, не имѣя къ тому никакихъ объективныхъ данныхъ въ такомъ именно смыслѣ истолковалъ это появленіе С. уже послѣ убійства въ цѣляхъ своего оправданія.

Обратимся гг. Судьи къ свидѣтелямъ г. прокурора и посмотримъ точно ли въ дѣлѣ нѣтъ объективныхъ данныхъ, объясняющихъ неожиданное появленіе С. у дверей женскаго отдѣленія.

По показаніямъ свидѣтелей солдатъ конвойной команды, унтеръ-офицера Компанейца, рядовыхъ Ключника, Брусова, Грузныхъ и Борзыхъ, т. е. по показанію всѣхъ нижнихъ чиновъ команды допрошенныхъ на слѣдствіи, Сикорскій пригласилъ къ себѣ на паузокъ ссыльную Ревекку В—манъ, красивую молодую дѣвушку и о чемъ-то съ ней разговаривалъ наединѣ запершись въ своей каютѣ. Изъ показаній В—манъ мы знаемъ о чемъ онъ съ ней разговаривалъ: въ грубой, возмутительно циничной формѣ онъ предлагалъ ей отдаться ему, прельщалъ ее хорошей ѣдой и обѣщаніемъ протекціи у Якутскаго начальства. Разговоръ былъ сопровождаемъ угрозой взять ее силой, если она не отдастся ему добровольно. Г. Прокуроръ вѣроятно не вѣритъ г-жѣ В—манъ. Но солдаты говорятъ, что выскочивъ изъ каюты Сикорскаго, Вайнерманъ хотѣла броситься въ Лену и ее едва успѣлъ удержать рядовой Грузныхъ, и всѣ въ одинъ голосъ утверждаютъ что приведенная на свой паузокъ дѣвушка „горько плакала", а Компанеецъ показалъ, что у нея даже была истерика. Неужели можно сомнѣваться при этихъ данныхъ въ правдивости показаній Ревекки В—манъ? Но этого мало. Читайте далѣе ихъ показанія. Послѣ этого перваго разговора съ В—манъ,

бывшаго 7 іюня, Сикорскій два раза ночью (съ 8 на 9 іюня) при остановкѣ паузка посылалъ этихъ солдатъ за Вейнерманъ, требуя привести ее для „допроса". Компанеецъ не далъ дѣвушки Брусову и Грузныхъ, явившихся за нею въ первый разъ. Тогда С. прислалъ ихъ вторично, предписавъ имъ бить прикладами политическихъ въ случаѣ если они окажутъ имъ сопротивленіе. Компанеецъ оставилъ посланныхъ на своемъ паузкѣ и все таки не отправилъ къ С. В—манъ. Сдѣлалъ онъ это потому, какъ объяснилъ онъ судебному слѣдователю, что политическіе грозили ему сжечь паузокъ и были въ такомъ ожесточеніи, что дѣйствительно могли привести свою угрозу въ исполненіе.

Всѣ эти обстоятельства были извѣстны товарищамъ В—манъ.

На слѣдующую ночь (съ 10 на 11) при остановкѣ паузковъ Сикорскій отсылаетъ мѣшавшаго ему Компанейца въ деревню за какимъ-то порученіемъ, а самъ, вызвавши всю команду, приказавъ имъ зарядить ружья и стать противъ дверей паузка политическихъ, входитъ съ револьверомъ въ одной рукѣ и нагайкой въ другой въ этотъ паузокъ и направляется къ женскому отдѣленію.

Вызовъ солдатъ, отданныя имъ распоряженія дѣлаются громовымъ голосомъ. Политическіе все это слышатъ въ своемъ паузкѣ. Все это пересыпается отборной площадной бранью, ибо С. сильно пьянъ, а это его обычная манера разговаривать въ пьяномъ видѣ.

Таковы факты. Всѣ они взяты изъ показаній свидѣтелей обвиненія. Пусть Прокуроръ попробуетъ доказать, что это не такъ.

Я забылъ отмѣтить одинъ еще весьма характерный штрихъ этого появленія С. въ паузкѣ политическихъ. Онъ, какъ согласно показали всѣ солдаты, никогда не бывалъ въ этомъ паузкѣ, онъ страшно боялся политическихъ, разговаривалъ съ ними не иначе какъ съ револьверомъ въ рукахъ и при остановкахъ паузковъ приказывалъ ставить свой паузокъ подальше отъ политическихъ. И вотъ послѣ всего этого, послѣ гнуснаго предложенія В., послѣ двухкратныхъ настойчивыхъ попытокъ добыть В. силой, С. отославъ помѣшавшаго ему наканунѣ это сдѣлать унтеръ-офицера, вооруженный, окруживъ себя отрядомъ солдатъ съ ружьями на изготовку, идетъ въ паузокъ политическихъ и войдя туда быстро направляется къ женскому отдѣленію. Г. Прокуроръ, Вы можете положа руку на сердце сказать, что онъ пришелъ сюда за исполненіемъ своихъ служебныхъ обязанностей, а не съ пре-

ступною цѣлью насилія? Вы можете!? Я думаю гг. Судьи, что этого не скажете Вы; здѣсь дѣло ясно, какъ Божій день!

Въ сущности говоря и самъ г. Прокуроръ не рѣшается отрицать этой цѣли въ поступкѣ С. Онъ только упрекаетъ Минскаго въ томъ, что Минскій дурно думалъ о С. Сикорскій вѣдь просто хотѣлъ взять В. на свой паузокъ. С. правда, Прокуроръ этого не отрицаетъ, былъ влюбленъ въ В., но насиловать ее онъ конечно бы не сталъ. Затѣмъ, дѣлая нѣкоторый логическій скачекъ, г. Прокуроръ говоритъ, что даже если-бы С. въ дѣйствительности хотѣлъ произвести насиліе надъ В. этого ему не дали бы сдѣлать приведенные имъ съ собою солдаты, Минскій долженъ былъ это знать, долженъ былъ вѣрить этимъ солдатамъ, а потому имѣя законную защиту не имѣлъ права поднимать руку на С.

Г.г. Судьи, что отвѣчать на подобнаго рода разсужденія?

Прежде всего надо установить могъ ли С. совершить насиліе надъ женщиной или не могъ. Если да, то тогда соображенія г. Прокурора о поведеніи солдатъ имѣютъ какую нибудь цѣну. Если же онъ не могъ совершить насилія надъ В. то презумпція благородства остается за нимъ и о немъ намъ главнымъ образомъ и придется говорить.

Итакъ, Прокурору кажется, что С. не могъ бы совершить гнуснаго насилія. Онъ видите-ли былъ трусъ, человѣкъ не рѣшительный, боялся возмездія и политическихъ, и закона.

Изъ какихъ же это фактовъ дѣлаетъ такія заключенія г. Прокуроръ?.

Конвойные дѣйствительно говорили, что С. боялся политическихъ, онъ думалъ, что они могутъ его убить и принималъ противъ этого мѣры: между прочимъ разговаривалъ съ ними на почтительномъ разстояніи, держа револьверъ въ рукѣ; когда же приходилось разговаривать вблизи, напр. въ каютѣ паузка, онъ приказывалъ солдатамъ держать мирно разговаривающаго съ нимъ человѣка за руки. Но г.г. Судьи изъ показаній тѣхъ же свидѣтелей солдатъ мы узнали, что послѣ того какъ эти и подобныя имъ мѣры предосторожности были приняты, С. не зналъ предѣла своей смѣлости въ издѣвательствѣ надъ политическими и въ безпощадномъ ихъ избіеніи. Вы помните, (это все тѣ же показанія солдатъ) что въ деревнѣ Мансуровой онъ при благосклонномъ содѣйствіи своихъ конвойныхъ, (на которыхъ какъ на защитниковъ отъ его насилій, по своеобразной логикѣ г. Прокурора, долженъ былъ надѣяться Минскій) избилъ политическихъ ссыльныхъ, приказалъ ихъ связать веревками по рукамъ и ногамъ и взвалить на телѣги. Въ такомъ положеніи они про-

ѣхали 20 верстъ. Произошло это потому (все это говорили солдаты) что политическіе не хотѣли дальше ѣхать, такъ какъ съ ихъ товарищемъ Лурье случился припадокъ и онъ лежалъ безъ сознанія на травѣ у дороги, а С. не позволилъ фельдшеру, слѣдовавшему съ партіей, открыть ящикъ съ медикаментами и оказать помощь больному. Едва вступили на Лену, какъ въ первую же ночь разыгралась другая исторія, показавшая насколько рѣшителенъ въ своихъ мучительствахъ Сикорскій. На глазахъ конвойнаго (это все говорятъ солдаты, г.г. Судьи!) утонулъ политическій ссыльный Щепетевъ. Вмѣсто того, чтобы приняться за поиски утонувшаго, пьяный С. приказалъ причалить паузокъ политическихъ къ берегу, вывести ихъ всѣхъ въ холодную, дождливую ночь на берегъ и въ теченіи 3-хъ часовъ держалъ ихъ подъ дождемъ, осыпая отвратительною, площадною бранью, всячески глумясь надъ ними, обзывая жидами и угрожая револьверомъ. А въ это время солдаты искали Щепетева подъ нарами паузка и по приказанію С. прокалывали штыками убогій багажъ арестантовъ. А вмѣстѣ съ политическими въ томъ же паузкѣ шли административно ссыльные сектанты— крестьяне, съ женами и маленькими дѣтьми и они должны были стоять на берегу и дрожать отъ холода, слушая угрозы и брань.

Подъ Чечуйскомъ на Ленѣ опять разыгралась исторія. Ссыльнымъ не дали, согласно впрочемъ циркуляру Ген.-Губерн., получить продукты, которые принесла имъ уходящая въ этомъ пунктѣ изъ партіи г-жа Гиршфельдъ. Чтобы проявить вѣрояннo полнѣе силу циркуляра, С. приказалъ избить Гиршфельдъ на глазахъ политическихъ, что и было исполнено. Это превысило мѣру терпѣнія истерзанныхъ людей и разъигралась отвратительная сцена поголовнаго избіенія ссыльныхъ, бросившихся защищать своего товарища. Избитые арестанты были загнаны на паузокъ, и солдаты по приказу С. дали въ нихъ залпъ. Въ этой свалкѣ многіе были тяжело ранены. Либерманъ не поправился еще до сихъ поръ.

Послѣ этой кровавой исторіи С. приказалъ привести къ себѣ на паузокъ ссыльныхъ Лурье и Рѣшетникова и, приказавъ солдатамъ держать ихъ за руки, ругалъ ихъ площадно, грозилъ всѣхъ перебить и цинично заявилъ, что ему убить арестанта ничего не стоитъ: придется только испортить листъ бумаги для составленія протокола.

Отпустивъ этихъ двухъ людей, онъ вызвалъ къ себѣ Ревекку В., и Вы знаете о чемъ онъ съ ней говорилъ.

Таковъ былъ С., т. е. такимъ его могъ знать Минскій. Что же могло убѣдить послѣдняго въ томъ, что этотъ пьяный

поручикъ остановится передъ насиліемъ надъ В. Что, скажите намъ г. Прокуроръ! Вѣдь факты, о которыхъ я сейчасъ говорилъ, принесены сюда вашими свидѣтелями, людьми, которымъ вы безусловно вѣрите. Вѣдь вы даже не можете сослаться на то, что показанія ихъ неполно записаны. Да, они не полно записаны. Если бы они были записаны полно, я бы не нуждался въ вызовѣ свидѣтелей защиты!

Но можетъ быть С., не боясь какъ мы видимъ, арестантовъ, боялся своего Начальства?. Можетъ быть, боясь законнаго возмездія, онъ не довелъ бы своего преступнаго намѣренія до конца?. Этого я не знаю. Довелъ бы или не довелъ. Не могъ этого знать и Минскій. Вѣдь Минскій могъ судить о С. только по тѣмъ его поступкамъ, которые онъ наблюдалъ. А что касается боязни С. закона и начальства то М. могъ наблюдать слѣдующее; я опять обращаюсь къ свидѣтелямъ солдатамъ.

Послѣ Чечуйскаго избіенія ссыльные хотѣли подать заявленіе губернатору о поведеніи С., т. е. подать на него жалобу. Вскорѣ за Чечуйскомъ долженъ былъ быть г. Киренскъ, гдѣ живетъ исправникъ и товарищъ прокурора. Ссыльные знали, что въ Киренскѣ будетъ остановка и думали воспользоваться этимъ обстоятельствомъ и просить властей оказать имъ помощь въ непосильной борьбѣ съ вѣчно-пьянымъ и полусумасшедшимъ Сикорскимъ. Сообразилъ очевидно это и С. и, приказавъ причалить паузокъ ссыльныхъ у противоположнаго Киренску берега Лены, строжайше предписалъ Комп. слѣдить за тѣмъ, чтобы между паузкомъ и городомъ не было никакого сообщенія. Это ужъ было послѣ бесѣды С. съ В., послѣ его посылокъ за ней. Надъ головами ссыльныхъ нависъ уже ужасъ готовящагося имъ позора и они трепетно ждали, осажденные въ своемъ паузкѣ, чтобы къ нимъ зашелъ прокуроръ либо исправникъ. Но никто не явился, и паузки, предводимые пьянымъ Сикорскимъ, снова двинулись въ путь. Г.г. Судьи! я часто говорю „пьяный С.“ это не клевета на покойнаго. Всѣ солдаты въ одинъ голосъ говорятъ, что С. всегда былъ пьянъ съ утра до вечера, что онъ почти ничего не ѣлъ, пилъ только одну водку и какао...

Въ Витимѣ ссыльнымъ удалось увидѣть мѣстнаго станового пристава. Онъ зашелъ въ ихъ паузокъ принимать ссыльныхъ сектантовъ. Политическіе разсказали ему о поведеніи С. въ отношеніи В., о томъ, что въ предъидущую ночь онъ два раза присылалъ за ней солдатъ съ своего паузка съ приказаніемъ бить политическихъ, если они не будутъ отдавать дѣвушку. Приставъ очевидно былъ смущенъ этимъ обстоятельствомъ и далъ телеграмму губернатору Моллеріусу (она при

дѣлѣ), что отношенія между начальникомъ партіи и ссыльными крайне обострены, что конвойные пьянствуютъ и что слѣдуетъ ожидать большихъ осложненій. Ссыльные отъ себя въ Витимѣ послали телеграмму съ подробнымъ описаніемъ поведенія С. Сикорскій тоже послалъ телеграмму губернатору. Содержаніе этой телеграммы достойно вниманія. Прежде всего оно подтверждаетъ въ части правдивость показаній Ревекки В., которую прокуроръ не вызвалъ на судъ, хотя она была допрошена на слѣдствіи и хотя казалось бы ея показаніе было бы весьма существеннымъ. Прокуроръ не вызвалъ ее конечно потому, что заранѣе не вѣрилъ правдивости ея показаній. И вотъ поэтому мнѣ очень цѣнна эта телеграмма Сикорскаго. Вы слышали изъ оглашенныхъ здѣсь показаній Ревекки В., что предлагая ей отдаться ему, С. указывалъ ей на то, что вѣдь ей это въ сущности ничего не стоитъ, такъ какъ по господствующимъ въ средѣ соціалистовъ понятіямъ она и такъ вѣдь живетъ „коммунальнымъ бракомъ“ со всѣми мужчинами ссыльной партіи; и вотъ это свое убѣжденіе, очевидно искреннее, С. сообщаетъ Моллеріусу въ оффиціальной телеграммѣ. Онъ пишетъ Губернатору, что вслѣдствіе образовавшихся въ партіи „коммунальныхъ“ отношеній, женщины возбуждаютъ противъ него мужчинъ, что благодаря этому настроеніе ссыльныхъ крайне ожесточенное, что они вредно вліяютъ на его солдатъ и онъ даже не увѣренъ въ своемъ старшомъ.

Интересна эта телеграмма и въ томъ отношеніи, что она ярко освѣщаетъ, умственный кругозоръ человѣка, которому начальство ввѣрило жизнь, здоровье и честь нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ не осужденныхъ судебнымъ приговоромъ. Интересна она и потому еще, что получивъ ее, г. Губернаторъ не далъ немедленно приказа устранить С. какъ человѣка ненормальнаго отъ исполненія своихъ обязанностей. Минскій, конечно, не зналъ объ этой телеграммѣ С. и о молчаніи на нее г. Моллеріуса. Но не думаю, чтобы его знакомство съ этой перепиской утвердило въ немъ увѣренность въ томъ, что на С. всегда покоится взглядъ бдительнаго и просвѣщеннаго начальства, и что сила этого взгляда удержитъ того отъ рискованныхъ шаговъ. Наоборотъ онъ долженъ былъ бы убѣдиться въ противномъ. Онъ долженъ былъ бы съ ужасомъ увидѣть, что надъ С. нѣмая, зловѣщая пустота, гдѣ безплодно замрутъ всѣ жалобы, гдѣ угаснутъ безслѣдно всѣ надежды на законъ и справедливость. Я, по крайней мѣрѣ, г.г. судьи, такъ думаю объ этомъ начальствѣ... (Предсѣдатель останавливаетъ защитника) Витимскій приставъ по просьбѣ политическихъ сопровождалъ

ихъ паузокъ до границъ своего стана. Онъ ѣхалъ съ ними всю ночь и въ эту ночь С. не присылалъ солдатъ за В. Подъ утро приставъ оставилъ паузокъ и возвратился въ Витимъ, и немедленно послѣ его отъѣзда къ ссыльнымъ явился С., вооруженный, пьяный, съ взводомъ солдатъ и пошелъ въ женское отдѣленіе.

Что могъ въ этотъ моментъ думать о немъ М.? Могъ-ли онъ раздѣлить вѣру прокурора, что С. побоится начальства и закона и не перейдетъ послѣдней черты? Да кто смѣлъ бы колебаться на его мѣстѣ въ этотъ моментъ? Кто, говорю я, у кого не угасла и совѣсть и честь?.

Итакъ изъ всего что мы знаемъ о С., а Минскій зналъ о немъ не больше нашего, мы должны придти къ убѣжденію, что С. съ упорствомъ разнузданнаго и вѣчно пьянаго человѣка добивался своей преступной цѣли: овладѣть дѣвицей В—манъ.

Чтобы избавить своего товарища по несчастью отъ этой тяжкой бѣды, ссыльнымъ оставалось два пути: прибѣгнуть къ защитѣ мѣстнаго начальства или отразить силой преступника.

Вы знаете, что они три раза пытались обращаться къ представителямъ власти съ просьбой защитить ихъ отъ г-на Сикорскаго. Въ первый разъ они во время стоянки ихъ паузка подъ городомъ Киренскомъ старались довести до свѣдѣнія находящихся въ этомъ городѣ товарища прокурора и исправника о своемъ невыносимомъ и опасномъ положеніи. Этого имъ не удалось сдѣлать, такъ какъ С. принялъ всѣ мѣры, чтобы не допустить обращенія ссыльныхъ къ мѣстнымъ властямъ. Солдаты зорко слѣдили за арестантами во время стоянки у Киренска, и посланная ими бумага исправнику была перехвачена старшимъ Компанейцемъ и передана имъ С—му послѣ его возвращенія изъ города. Сами же власти не сочли нужнымъ посѣтить паузокъ ссыльныхъ, и такимъ образомъ первая попытка ихъ прибѣгнуть къ законной защитѣ была парализована Сикорскимъ и его достойной командой.

Второй разъ ссыльные въ Витимѣ прибѣгли къ заступничеству станового пристава, случайно прибывшаго на ихъ паузокъ. Но приставъ, очевидно очень осторожный и робкій человѣкъ, ограничился только тѣмъ, что послалъ Иркутскому губернатору телеграмму о пьянствѣ и безчинствахъ не Сикорскаго, а его конвойныхъ солдатъ, и проводилъ злополучный паузокъ до границы своего стана.

Въ томъ же Витимѣ ссыльнымъ удалось, несмотря на бдительный надзоръ, послать телеграмму Иркутскому губернатору, гдѣ они подробно изложили то, что происходило на паузкѣ, и

просили губернатора избавить ихъ отъ власти Сикорскаго. Телеграмма эта, Гг. Судьи, осталась безъ отвѣта и безъ всякихъ послѣдствій.

Что же еще можно было сдѣлать ссыльнымъ въ этомъ направленіи? Обращаться къ помощи солдатъ, которые по мнѣнію прокурора могли-бы защитить В. отъ насилія? Мнѣ смѣшно и грустно возражать на это. Солдаты? Это тѣ, которые били, стрѣляли, вязали веревками, которые послѣ выстрѣла Минскаго открыли огонь по паузку ссыльныхъ?.. Среди протоколовъ осмотровъ, г.г. Судьи, въ дѣлѣ есть протоколъ осмотра солдатской пули, найденной 11-го іюня въ люлькѣ грудного ребенка сектанта Китаева, шедшаго въ томъ же паузкѣ, гдѣ были Минскій и его друзья. Господа Судьи, эта пуля въ колыбели говоритъ лучше всякихъ словъ. Не будемъ же говорить о солдатахъ!..

Таковы были событія!... Облекая ихъ въ слова безстрастнаго закона, развѣ не вправѣ мы сказать, что здѣсь было незаконом'рное нападеніе, угрожающее чести женщины, что угроза была дѣйствительной и что не было возможности прибѣгнуть къ защитѣ мѣстнаго начальства. Драма разъигралась на мрачныхъ берегахъ Великой рѣки угрюмаго края, самою судьбою созданнаго быть рамой великаго невыразимаго горя. Къ кому было прибѣгнуть въ этой пустынѣ? И злобную, горькую брань мучителя, и его отвратительный хохотъ, и стоны жертвъ и ихъ проклятія одинаково безстрастно отдавало назадъ эхо угрюмыхъ береговъ. И въ этомъ безстрастіи, въ этомъ каменномъ бездушіи природы обезумѣвшимъ отъ муки и ужаса людямъ слышался страшный кличъ: Горе побѣжденнымъ! Къ кому было прибѣгнуть въ этой пустынѣ? И Минскій рѣшился обратиться къ Смерти. Помните г.г. Судьи, что прежде, чѣмъ рѣшиться убить Сикорскаго Минскій поставилъ крестъ надъ своей молодой жизнью. Вы помните его обращеніе къ солдатамъ, сдѣланное послѣ перваго залпа.

Онъ вышелъ на встрѣчу разъяреннымъ конвоирамъ, уже выпустившимъ въ его товарищей градъ пуль, вышелъ раненый, ускользнувъ на волосокъ отъ смерти, и спокойно сказалъ имъ: „убейте меня!“

Его не убили. Судьба спасла его отъ смерти, и вотъ онъ стоитъ теперь передъ Вами, г. г. судьи, такой же спокойный, такой же смѣлый и благородный, какимъ онъ былъ въ тотъ моментъ, когда смерть глядѣла ему въ глаза. Какое глубокое отчаянье должно было потрясти его молодую душу, какой ужасъ долженъ былъ пройти передъ нимъ, чтобы онъ такъ легко могъ подойти къ роковой грани бытія. И думать, что этотъ человѣкъ

теперь говоритъ Вамъ неправду! Онъ безтрепетно стоитъ передъ Вами, потому что онъ увѣренъ въ правотѣ своего дѣла, потому что онъ давно уже оправданъ высшимъ судомъ, судомъ своей совѣсти, потому что въ его поступкѣ нѣтъ преступленія и судъ закона, г. г. судьи, не можетъ, не долженъ его осудить.

Якутскій Окружный Судъ подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя Суда І. Г. Будзелевича, послѣ непродолжительнаго совѣщанія, оправдалъ подсудимаго.

15р

30	59	142
31	69	148
34	71	166
34-же	85	174
38	86	175
47	94	184
49	105	286
53	110	238
54	115	239
55	115	283
56	120	294-5
57-	135	
58	150	

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
*000240046304